W 108/20

W 108/20

ПОНЯТІЕ КЛЕВЕТЫ,

КАКЪ ПРЕСТУПЛЕНІЯ

ПРОТИВЪ ЧЕСТИ ЧАСТНЫХЪ ЛИЦЪ,

ПО

РУССКОМУ ПРАВУ.

3 11/5 29

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

М. В. ДУХОВСКОГО.

ин № 18
1 р 50
ПУБЛ. БИБЛ. имени В. И. ЛЕНИНА С.С.С.Р.
XX-7869

ЯРОСЛАВЛЬ.
Типографія Губернской Земской Управы.
1873.

Заменено
Заменено 29/XI-32

Печатать разрѣшается по опредѣленію Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея. Директоръ *М. Капустинъ*.

Ярославль. 10 января 1873 года.

2007043207

ПОНЯТІЕ ПРЕСТУПЛЕНІЯ КЛЕВЕТЫ.

Общая часть науки уголовнаго права имѣетъ въ нашей литературѣ полныя и довольно капитальныя изслѣдованія. Гораздо большимъ недостаткомъ, по отношенію къ теоретической обработкѣ, страдаетъ часть особенная.

Преступленія противъ частныхъ лицъ, составляющія одинъ изъ главнѣйшихъ отдѣловъ особенной части науки уголовнаго права, распадаются на четыре большія категоріи—на преступленія противъ жизни, здоровья, имущества и чести частныхъ лицъ.

По двумъ изъ этихъ отдѣловъ имѣемъ мы уже капитальныя изслѣдованія; таковъ трудъ г. Таганцева—„О преступленіяхъ противъ жизни“ и г. Фойницкаго—„О мошенничествѣ“. Трудъ г. Таганцева охватываетъ цѣлый рядъ преступленій противъ жизни и представляетъ совершенно законченное изложеніе этого отдѣла. Сочиненіе г. Фойницкаго хотя и занимается изслѣдованіемъ только одного изъ имущественныхъ преступленій, но, во 1-хъ, его изслѣдованіе даетъ возможность вы-

яснить и общій характеръ этихъ преступленій, а во 2-хъ, г. Фойницкій, въ предисловіи къ своему труду, говоритъ, что онъ поставилъ своею задачею изученіе имущественныхъ преступленій, а такое заявленіе со стороны автора даетъ намъ право надѣяться на появленіе новыхъ его изслѣдованій въ этой области науки.

Остаются почти незатронутыми въ нашей литературѣ еще два отдѣла: преступленія противъ здоровья и чести частныхъ лицъ.

Особенный недостатокъ ощущается въ изслѣдованіи преступленій противъ чести. Преступленія противъ чести представляютъ большія затрудненія въ научномъ изложеніи и въ практикѣ. Неясность самаго понятія чести, разнообразіе взглядовъ на нее не только въ исторіи и у различныхъ народовъ, но и въ одномъ и томъ же государствѣ въ различныхъ сословіяхъ, трудность опредѣлить границы между клеветою и обидою—все это производитъ путаницу не только въ нашей юной наукѣ и практикѣ, но и въ наукѣ и практикѣ западно-европейской. Вслѣдствіе вотъ этихъ-то соображеній я и рѣшился заняться изслѣдованіемъ преступленій противъ чести.

Но, принявшись за этотъ отдѣлъ, я, конечно, не могъ не замѣтить въ немъ массы трудностей. Миттермайеръ, хорошій знатокъ не только нѣмецкой, но и общеевропейской литературы, говоритъ въ одномъ изъ своихъ изслѣдованій: „Ни на

одно преступленіе не было столь разнообразныхъ взглядовъ въ народѣ, а чрезъ это и въ законодательствѣ, какъ на преступленіе противъ чести“ (*). Другой изслѣдователь, Кестлинъ, одинъ изъ первыхъ нѣмецкихъ криминалистовъ, говоритъ: (**) „Едва ли есть преступленіе, которое представляло бы такія трудности при юридическомъ изложеніи, какъ преступленіе противъ чести, ибо ни въ какомъ другомъ не представляется столь труднымъ освободить юридическія границы отъ нравственныхъ, политическихъ и юридическихъ взглядовъ, отъ сословныхъ мнѣній, отъ индивидуальнаго чувства, отъ множества предразсудковъ“. Къ числу этихъ трудностей прибавимъ еще одну особенно-важную для насъ, а именно—преступленія противъ чести болѣе, чѣмъ какія-либо другія, слѣдуетъ изучать, ставъ на почву историческую; русская же исторія въ этомъ отношеніи обработана очень слабо.

Принимая все это въ соображеніе, мы не рѣшились приступить прямо къ изслѣдованію преступленій противъ чести во всей ихъ цѣлости, а задались болѣе узкимъ вопросомъ—изслѣдованіемъ понятія только одного изъ видовъ этихъ преступленій. Такое сравнительно-краткое изложеніе дало намъ тѣмъ не менѣе возмож-

---

(*) Rechtslexikon Weiske, b. V, § 863.

(**) Ehrverletzung nach Deutschem Rechte. R. Köstlin, in der Zeitschr. f. Deutsch. R. XV, § 151.

ность разрѣшить, хотя далеко не подробно, и тѣ общіе вопросы, которые представляютъ особыя затрудненія въ настоящемъ отдѣлѣ—вопросъ о понятіи чести и вопросъ объ отличіи клеветы отъ обиды. Мы вполнѣ надѣемся, что настоящее наше изслѣдованіе вызоветъ разборъ кого-либо изъ почтенныхъ спеціалистовъ по юриспруденціи вообще или въ частности по исторіи отечественнаго права. Я, со своей стороны, отнесусь съ полнѣйшею благодарностью ко всякому разбору моего труда и воспользуюсь, конечно, всякимъ сдѣланнымъ мнѣ замѣчаніемъ для изложенія общаго ученія о преступленіяхъ противъ чести по русскому праву, стоящаго теперь на очереди моихъ занятій. Только общими усиліями возможно будетъ изслѣдовать этотъ, преисполненный затрудненіями, отдѣлъ науки уголовнаго права.

М. Духовской.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

§ 1. Съ самаго появленія своего въ исторіи человѣкъ представляется намъ живущимъ въ средѣ другихъ людей. Для спокойной жизни въ обществѣ установляется объективное право, нормирующее отношенія между членами общества. Задачею права является защита всѣхъ тѣхъ благъ, которыя признаются обществомъ за существенныя для своего бытія въ извѣстное время; такъ, предоставляется праву защищать цѣлость всего общества, различныхъ его союзовъ, высшія для общества блага религіи, нравственности, наконецъ и субъективныя права́ отдѣльныхъ гражданъ.

Человѣкъ есть существо съ двоякою природою — внѣшнею и внутреннею. Изъ такого раздвоенія его природы вытекаетъ сама-собою и двоякая категорія правъ, присущихъ отдѣльному лицу; каждый человѣкъ, какъ человѣкъ, владѣетъ не только правами на жизнь и здоровье, имѣющими непосредственное основаніе во внѣшней природѣ человѣка, но онъ требуетъ еще уваженія и своихъ внутреннихъ правъ. Къ числу правъ этой послѣдней категоріи принадлежитъ и право на честь.

§ 2. Всѣ блага отдѣльнаго человѣка, стоящія подъ защитою права, можно раздѣлить на три категоріи, смотря по тѣмъ факторамъ, которые ихъ производятъ. Одни изъ нихъ создаются общественною жизнью: здѣсь они возникаютъ, здѣсь и развиваются; внѣ общества блага эти немыслимы; такова масса правъ политическихъ, общественныхъ и т. п. Другія блага вытекаютъ непосредственно изъ самой природы человѣка, они создаются не обществомъ, они существовали бы и у человѣка, находящагося внѣ общества; таковы права́ на жизнь, здоровье и т. п. Общество не созидаетъ этихъ благъ, а только утверждаетъ ихъ и защищаетъ чрезъ посредство объективнаго права. Да оно и не можетъ ихъ не признать, оно не можетъ даже измѣнить ихъ, оно лишь

утверждаетъ ихъ въ той формѣ, въ той степени, какая требуется человѣческою природою. Но кромѣ этого есть еще категорія благъ: права, напр., на свободу, на честь принадлежатъ къ третьей категоріи. Основаніе чести есть, безспорно, личность человѣка; признавая человѣка за нравственнаго индивидуума, нельзя не признать за нимъ чести, равно какъ нельзя не признать и свободы. Но какъ то, такъ и другое изъ этихъ благъ имѣютъ еще и другого фактора—общество. Общество относится къ нимъ не такъ, какъ къ благамъ второй категоріи: оно не только признаетъ и утверждаетъ ихъ, оно само творитъ ихъ до нѣкоторой степени. Въ особенности слѣдуетъ это сказать про честь. Первоначальное свое основаніе честь беретъ дѣйствительно въ природѣ человѣка. „Честь, говоритъ Каррара, (*) принадлежитъ къ тѣмъ благамъ, основаніе которыхъ заключается въ самомъ законѣ природы; честь принадлежитъ человѣку, независимо даже отъ того, есть ли онъ гражданинъ государства“. И это дѣйствительно вѣрно. Если честь и подвергается въ исторіи модификаціи, то все-таки нельзя не замѣтить, что нѣтъ ни одного народа, у котораго бы она не признавалась совершенно. „Честь, продолжаетъ тотъ же знаменитый итальянскій криминалистъ, чувствуетъ до нѣкоторой степени въ своей душѣ и необразованный человѣкъ; даже дикари считаютъ дорогою свою честь и мстятъ за ея нарушеніе“. Геффтеръ разъясняетъ далѣе: (**) „Честь начинаетъ существовать вмѣстѣ съ существованіемъ человѣка; въ индивидуумѣ чтутъ природу, личность..... Государство не можетъ отказаться отъ признанія чести и отъ покровительства ей, потому что поддержаніемъ ея охраняется и самая прочность государства“. Но, получивъ первую свою основу въ природѣ человѣка, честь въ томъ видѣ, въ какомъ существуетъ она на самомъ дѣлѣ, создается уже государствомъ. Въ государствѣ на различныхъ ступеняхъ цивилизаціи честь развивается и слагается въ тотъ или другой видъ, который собственно и считается за благо человѣка, подлежащее защитѣ объективнаго права. Итакъ честь принадлежитъ къ благамъ, создаваемымъ частію природою, частію же всѣмъ

(*) Carrara. Programma, vol. III, § 1702.

(**) Arch. d. Crimin. R. 1839, § 238.

общественнымъ развитіемъ. Само-собою разумѣется, что общество тутъ, какъ и въ созданіи права, языка, поэзіи, религіи и т. п., дѣйствуетъ не произвольно. Цѣлая масса разнородныхъ причинъ и условій жизни создаютъ ту или другую поэзію, религію, то или другое право, ту или другую честь. Честь развивается изъ потребностей общества и созидается такимъ образомъ цѣлою исторіею.

Вслѣдствіе изложенной выше характеристической черты и вслѣдствіе того, что честь принадлежитъ къ благамъ внутренней природы человѣка, она страдаетъ, въ противоположность другимъ благамъ, принадлежащимъ отдѣльному лицу, двумя очень важными недостатками, а именно: отсутствіемъ очевидности и отсутствіемъ неизмѣнности. Тогда какъ существованіе, напр., жизни, здоровья замѣчается съ перваго взгляда, существованіе чести далеко не такъ очевидно. Внѣшняя природа человѣка и все что̀ нужно для успѣшнаго ея существованія легко узнается съ перваго взгляда. Право на жизнь, здоровье—защищается поэтому одинаково и человѣкомъ цивилизованнымъ, и дикимъ, и даже животными. Права̀, имѣющія свое основаніе во внутренней природѣ человѣка и—въ частности—право на честь, далеко не таковы: для того, чтобы понять ихъ, требуется отъ человѣка уже извѣстная степень развитія. Поэтому же трудно уловимы съ перваго взгляда и нарушенія этихъ благъ. Когда разрушена жизнь человѣка, когда нанесенъ вредъ его здоровью,—замѣтно въ большинствѣ случаевъ съ перваго взгляда; когда же задѣты внутреннія права̀ человѣка—это подвергается безконечнымъ спорамъ на практикѣ.

Не будучи очевидною, честь отличается по тѣмъ же вышеуказаннымъ причинамъ и еще другою характеристическою чертою, а именно—отсутствіемъ неизмѣнности. Жизнь, здоровье человѣка характеризуются твердо установленными и всѣмъ извѣстными границами, и притомъ границами, которыя оставались неизмѣнными во всю исторію; право на честь мѣнялось постоянно параллельно со взглядомъ на человѣка вообще и со взглядомъ на него какъ на члена государства, со взглядомъ, далѣе, на нравственное и безнравственное, сообразно съ тѣмъ, что̀ считало общество въ извѣстное время за идеалъ хорошаго гражданина, и наконецъ съ цѣлою массою различныхъ историческихъ условій.

Вслѣдствіе всѣхъ указанныхъ выше особенностей, представляются громадныя трудности, на первый взглядъ даже непреодолимыя, вывести понятіе того блага, которое называется честью. „Врядъ ли какое нибудь другое благо человѣка зависитъ до такой степени отъ національности, степени образованія и т. п.“, говоритъ Кёстлинъ. Взглядъ на это благо до такой степени мѣнялся, что, взявъ понятіе чести, напр., у народовъ Востока и у англичанъ, мы не замѣтимъ съ перваго взгляда между ними ни малѣйшаго сходства; но между тѣмъ новѣйшая наука (*) признаетъ, что зерно понятія чести обще законамъ всѣхъ временъ и народовъ; различенъ только покровъ, или, вѣрнѣе, колоритъ, которымъ покрывается оно. Но въ чемъ же состоитъ это зерно, какъ узнать его? Путь одинъ—исторія. Только въ исторіи можемъ мы выяснить себѣ понятіе чести; только въ исторіи можемъ мы замѣтить—были ли какія-либо общія черты, которыя, при постоянномъ измѣненіи чести, въ теченіи всей народной жизни оставались неизмѣнными, и если были, то каковы онѣ; другими словами, только исторія укажетъ намъ что неизмѣнно въ чести и что наоборотъ измѣняется сообразно съ временемъ, мѣстомъ и т. п. Наконецъ, въ исторіи же только выяснимъ мы и наше русское понятіе чести, поймемъ, что сродно было русскому народу во всю его исторію, что связано такимъ образомъ съ характеристическими особенностями русской жизни.

§ 3. Защищая чрезъ посредство объективнаго права всѣ тѣ блага, которыя признаются въ данное время и въ данномъ государствѣ за существенныя условія его бытія, государство совершенно послѣдовательно считаетъ сознательное нарушеніе этихъ благъ за преступленіе и наказываетъ каждое лицо, посягнувшее на нихъ. Въ числѣ благъ, защищаемыхъ посредствомъ наказаній, считалось постоянно, во всю исторію, и право на честь.

Обыкновенно нарушеніе каждаго блага, принадлежащаго человѣку и признаннаго за существенное въ государствѣ, считается преступленіемъ тогда, когда лицо, находящееся въ состояніи вмѣняемости, совершитъ съ сознаніемъ противозаконности какой-нибудь поступокъ, которымъ оно само лично

(*) Schutze. Lehrbuch des Deutsch. Strafrechts. § 318.

или чрезъ посредство другого лица будетъ разрушительно воздѣйствовать на это благо. Такъ, отнимается жизнь у человѣка чрезъ нападеніе на него съ разрушающими средствами; такимъ же нападеніемъ разрушается и здоровье, и имущество, и свобода лица. Точно такимъ же способомъ можетъ быть нарушаемо и право на честь. Когда происходятъ разрушительныя нападенія на жизнь, здоровье и т. п.— это, какъ мы замѣтили уже выше, понятно въ большей части случаевъ каждому. Но не такъ просто рѣшается это по отношенію къ чести: опредѣлить a priori, и разъ навсегда, когда нарушается право на честь—невозможно. При измѣнчивости самаго понятія чести, измѣнчивы и способы нарушенія ея. Поэтому-то общество опредѣляетъ постоянно тѣ способы, которыми считается возможнымъ нарушить честь лица. Способы эти не только не одинаковы въ исторіи въ различные періоды времени, но даже въ одно и то же время, въ одномъ и томъ же государствѣ, они разнообразятся сильно, смотря по кружкамъ лицъ, сословіямъ и т. п.

Итакъ честь человѣка можетъ быть нарушена чрезъ преступное воздѣйствіе на нее со стороны другого субъекта тѣми средствами, которыя считаются въ извѣстное время и въ извѣстномъ классѣ лицъ за способныя оскорбить честь. Этотъ видъ нарушеній чести носитъ названіе о б и д ы въ тѣсномъ смыслѣ слова. Его должно поставить въ параллель съ нарушеніями правъ на жизнь, здоровье и т. п.

Но нападеніе на честь не ограничивается однимъ этимъ способомъ: благодаря особенностямъ, присущимъ чести, существуютъ и особенные способы ея нарушенія.

Мы сказали уже, что честь дается человѣку не одною его природою; она измѣняется, увеличивается, уменьшается, благодаря обществу. (*) Лицо считается честнымъ не столько потому, что оно должно быть считаемо за таковое по своей природѣ, сколько потому, что общество признало за нимъ его честь. Дается же обществомъ честь человѣку и отнимается она у него, конечно, не произвольно: общество руко-

---

(*) На сколько честь дается человѣку природою, на сколько обществомъ и на сколько поэтому общество можетъ отнимать у человѣка его честь—это мы увидимъ ниже въ изложеніи видовъ чести, при проведеніи раздѣленія чести общечеловѣческой отъ гражданской.

водствуется тутъ извѣстными обстоятельствами, извѣстными условіями.

Вотъ изъ этого-то и вытекаетъ особый способъ совершенія преступленій противъ чести. Желая повредить интересамъ другого лица и зная, что честь признается за лицомъ обществомъ, зная также и то, что общество при признаніи чести руководствуется извѣстными основаніями, преступникъ рѣшается подорвать эти основанія, доказать обществу, что они не существуютъ, что лицо, которое желаетъ онъ унизить, вовсе не должно быть считаемо за честное въ той мѣрѣ, въ какой оно признавалось до сихъ поръ. До извѣстной степени подобное стремленіе унизить человѣка не можетъ быть считаемо, конечно, за преступленіе: сообразно съ устройствомъ государства, съ свободою слова, существующею въ немъ и т. п., граждане признаются не только въ правѣ, но даже и обязанными заявлять въ нѣкоторыхъ случаяхъ объ извѣстномъ имъ преступномъ или безчестномъ поступкѣ ихъ согражданина. Стѣснять же право гражданина высказывать то, что ему извѣстно о дурныхъ поступкахъ другого, въ особенности, когда эти поступки касаются общественной дѣятельности послѣдняго, не рѣшается ни одно вполнѣ свободное государство. Но такому праву лица представляются и извѣстныя ограниченія: позволяется говорить только правду,—сообщеніе же фактовъ лживыхъ и особенно, когда это дѣлается не съ цѣлью выставить на видъ истину, а съ цѣлью повредить невинному лицу, не можетъ не быть сочтено за преступленіе. Это и есть второй видъ преступленія противъ чести, называемый обыкновенно клеветою.

На первый взглядъ клевета рѣзко отличается отъ обиды. При обидѣ дѣлается нападеніе извѣстными поступками, словами, знаками на самую честь человѣка; при клеветѣ лицо не нападаетъ непосредственно на обижаемаго имъ: оно обращается къ третьимъ лицамъ и въ средѣ ихъ представляетъ различные доводы, считаемые въ данное время, въ данной мѣстности и въ данномъ кругу лицъ за убѣдительные, и старается доказать ими, что лицу принадлежитъ не вѣрно та мѣра чести, которая признается за нимъ, что лицо совершило такіе-то и такіе-то поступки, считаемые самимъ же обществомъ за безчестные.

Цѣль настоящаго изложенія есть выясненіе понятія клеветы; но тѣмъ не менѣе придется намъ касаться и второго вида преступленій противъ чести—обиды. Дѣло въ томъ, что при рѣзкомъ, на первый взглядъ, различіи клеветы отъ обиды, понятія эти, при тщательномъ ихъ разсмотрѣніи, сливаются во многихъ встрѣчающихся на практикѣ случаяхъ, и различать ихъ тутъ дѣлается болѣе чѣмъ затруднительно. Но этого мало: различіе клеветы отъ обиды и въ томъ видѣ, въ какомъ указалъ я выше, есть различіе по преимуществу новой науки и новаго законодательства. Если римляне и понимали его, то еще смутно, а народы менѣе опытные въ юриспруденціи не различали ихъ совершенно. Въ древнихъ законодательныхъ памятникахъ, напр., германцевъ, отличіе клеветы отъ обиды существовало далеко не всегда, а въ нашихъ русскихъ источникахъ обида и клевета, какъ самостоятельныя преступленія, явились только въ позднѣйшее время. По большей части случаевъ оба эти преступленія существовали подъ однимъ генерическимъ понятіемъ, напр. въ нашемъ русскомъ законодательствѣ подъ именемъ *безчестія*. Безчестіе есть нарушеніе права на честь, но это не есть обида, не есть и клевета; это—оба понятія, слитыя воедино, это новое генерическое преступленіе. Такова же и римская injuria; если и дѣлилась эта injuria на два вида по формѣ совершенія, то дѣленіе проводилось далеко не строго и не ясно; вообще же injuria разсматривалась какъ единое преступленіе. Вотъ вслѣдствіе всѣхъ этихъ-то соображеній и приходится, при изложеніи понятія клеветы, касаться въ нѣкоторыхъ случаяхъ и до понятія обиды.

§ 4. Клевету очень многіе криминалисты смѣшиваютъ съ преступленіемъ, извѣстнымъ въ нашемъ законодательствѣ подъ именемъ *лживаго доноса*. Говорятъ, что преступленія эти имѣютъ между собою много общаго. Схожи они по самой своей сущности: тутъ и тамъ преступникъ стремится унизить лицо въ глазахъ другихъ, стремится доказать, что несправедливо признана за нимъ извѣстная доля чести, что эта доля должна быть уменьшена. Сходны, говорятъ, эти преступленія и по способу совершенія, а именно: оба они совершаются чрезъ сообщеніе про лицо лживыхъ и безчестныхъ поступковъ. По всему этому и признаютъ, что

лживый донось есть ничто иное, какъ особенный видъ клеветы.

Но это невѣрно. Въ этихъ двухъ преступленіяхъ различаются между собою и цѣль, и способъ совершенія. Цѣль лживаго доноса состоитъ не въ униженіи лица въ глазахъ другихъ, а въ нанесеніи ему иного, бо́льшаго зла—въ возбужденіи противъ него уголовнаго преслѣдованія. Если и вѣрно, что при обвиненіи лица въ преступленіи унижается и его честь, то, во 1-хъ, это только въ большинствѣ случаевъ, но далеко не всегда; что есть масса преступленій, съ которыми общество не соединяетъ униженія чести, это понятно и безъ доказательствъ; во 2-хъ же, если обвиненіе въ преступленіи и ведетъ за собою униженіе чести лица, то это еще зло второстепенное,—главное тутъ будетъ, конечно, уголовное наказаніе, а это одно не даетъ уже намъ права видѣть здѣсь простое оскорбленіе чести. Различенъ и способъ совершенія этихъ преступленій: при клеветѣ наносится вредъ чрезъ униженіе лица въ глазахъ его согражданъ, при лживомъ доносѣ—чрезъ возбужденіе противъ него судебнаго преслѣдованія. При лживомъ доносѣ возбуждаются, такимъ образомъ, напрасно органы судебной власти государства, а поэтому нельзя отнести это преступленіе даже и къ категоріи частныхъ преступленій вообще.

Но впрочемъ и по отношенію къ этому преступленію слѣдуетъ сказать то же, что и по отношенію къ обидѣ, а именно: при историческомъ обзорѣ натолкнемся мы на много такихъ случаевъ, гдѣ въ законодательствѣ будетъ смѣшиваться это преступленіе съ клеветою, или гдѣ оба преступленія, признаваемыя за однообразныя, будутъ характеризоваться и общими чертами. Въ подобныхъ мѣстахъ, конечно, придется обращаться и къ преступленію лживаго доноса.

§ 5. Выше мы сказали, что выяснить какъ понятіе чести, такъ и нарушеніе ея, возможно только чрезъ разъясненіе историческаго развитія этихъ понятій.

Прослѣдить исторію чести и клеветы не только необходимо для достиженія настоящей цѣли, но и чрезвычайно любопытно. Дѣло въ томъ, что честь развивалась постоянно въ связи съ развитіемъ человѣка; на сколько понималъ человѣкъ себя, какъ нравственнаго индивидуума, на столько же развито было въ немъ и понятіе чести. Изучить исторію

чести, значитъ изучить ходъ развитія человѣчества. Поэтому-то и представляетъ громадный интересъ изложеніе исторіи чести во всѣ времена исторіи человѣчества, у различныхъ народовъ.

Хотя это, повторяю, и было бы очень любопытно, но мы въ настоящемъ изслѣдованіи задаемся цѣлью, много болѣе ограниченною, а именно—выясненіемъ только понятія чести по русскому праву. Задавшись подобною цѣлью, мы этимъ самымъ ограничиваемъ и объемъ настоящаго изслѣдованія. Мы не будемъ вести здѣсь рѣчи о развитіи преступленія противъ чести не только во всей исторіи, но и въ исторіи всѣхъ европейскихъ народовъ; мы коснемся только тѣхъ вопросовъ, которые нужны для выполненія нашей задачи, т. е. для уясненія русскаго права.

Мы начнемъ наше изложеніе съ римскаго права, гдѣ впервые въ исторіи является научное объясненіе юридическихъ институтовъ. Усвоить себѣ взглядъ римскаго права на честь и клевету будетъ важно для насъ потому, во 1-хъ, что честь понималась здѣсь совершенно не такъ, какъ понимаетъ ее настоящая эпоха; объяснить же себѣ этотъ взглядъ необходимо потому, что сопоставленіе его со взглядомъ новѣйшаго времени выяснитъ многія характеристическія черты нашего понятія чести. Важно изложеніе римскаго понятія о чести и клеветѣ и потому еще, во 2-хъ, что безъ этого трудно будетъ понять намъ право западно-европейское, а чрезъ это—и наше русское во всѣхъ тѣхъ вопросахъ, въ которыхъ на развитіе этого послѣдняго вліяли взгляды западно-европейскихъ кодексовъ и науки.

Послѣ римскаго права мы приступимъ къ изслѣдованію исторіи понятія чести и клеветы у германскихъ народовъ. Изложеніе взглядовъ древне-германскихъ необходимо для поясненія взглядовъ древне-русскихъ. Хотя русская жизнь во многомъ, а въ развитіи личности человѣка въ особенности, и отличалась отъ жизни германскихъ народовъ, но тѣмъ не менѣе нельзя не признать между ними и сходства, а это-то сходство, конечно, поможетъ намъ и разъяснить нѣкоторые пункты нашей исторіи исторіею народовъ германскихъ. Кромѣ того, изучить развитіе германскаго понятія чести и клеветы важно и потому еще, что нѣмцы, вслѣдствіе близкаго сосѣдства съ нами, болѣе всѣхъ дру-

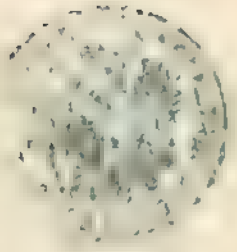
гихъ народовъ вліяли на наше право. Вліяніе это было особенно сильно, начиная съ Петра I-го, и, какъ увидимъ ниже, по большей части губительно для тѣхъ здравыхъ чисто-русскихъ понятій, которыя возрастила русская жизнь.

Затѣмъ мы изложимъ исторію понятія чести и клеветы у англичанъ. Англійская исторія представляла столько характеристическихъ особенностей въ вопросахъ объ отношеніи личности къ государству, о свободѣ слова и т. п., т. е. въ тѣхъ вопросахъ, которые вліяютъ и на самое понятіе клеветы, что изслѣдовать взгляды англичанъ будетъ очень важно для объясненія цѣлесообразности вопросовъ, касающихся настоящаго изслѣдованія и многихъ изъ существующихъ у насъ постановленій.

Наконецъ, мы изложимъ взглядъ на честь и клевету, существующій въ правѣ итальянскомъ. Взглядъ этотъ, имѣющій за себя много оригинальнаго и интереснаго, прольетъ свѣтъ на разсматриваемые нами вопросы.

Что же касается права французскаго, то мы укажемъ только на законодательство 1810-го года и послѣдующія измѣненія. Изложеніе всей предыдущей исторіи не представитъ намъ особой важности, во 1-хъ, потому, что объ немъ будетъ говориться въ изложеніи исторіи разсматриваемыхъ понятій у германскихъ народовъ: народы германскіе во времена средне-вѣковыя не могли быть понимаемы въ смыслѣ нынѣшнихъ нѣмцевъ: франки, бургунды и т. п. принадлежатъ, какъ извѣстно, къ той же категоріи, живутъ тою же жизнью и развиваютъ тѣ же понятія; во 2-хъ, и послѣдующій ходъ развитія французскаго права въ очень немногомъ отличается отъ нѣмецкаго и не можетъ представить намъ до настоящаго столѣтія ничего особеннаго.

Воспользовавшись тѣмъ, что дастъ намъ все вышеизложенное, мы приступимъ къ изслѣдованію права русскаго. Окончательные выводы науки и всей предыдущей исторіи дадутъ намъ возможность достигнуть, наконецъ, цѣли нашего изслѣдованія— выясненія понятія клеветы съ точки зрѣнія нашего законодательства.



ГЛАВА ВТОРАЯ.

РИМСКОЕ ПРАВО. (*)

1. ПОНЯТІЕ ЧЕСТИ.

§ 6. Вопросъ о томъ, какъ понималось извѣстнымъ народомъ то благо человѣческой личности, которое мы называемъ честью, стоитъ прежде всего, конечно, въ непосредственной связи съ понятіемъ личности человѣка. Въ комъ признавалъ тотъ или другой народъ человѣческую личность, при какихъ условіяхъ и въ какомъ видѣ — вотъ вопросъ, рѣшеніе котораго даетъ возможность понять и взглядъ этого народа на честь; въ свою очередь, понятіе личности можно выяснить чрезъ выясненіе взгляда на честь.

О взглядѣ античнаго міра на человѣческую личность писалось такъ много, что она представляется уже намъ теперь въ совершенно яркихъ краскахъ. Античный греческій и въ особенности римскій міръ въ цвѣтущій республиканскій періодъ своей исторіи считалъ своего полноправнаго, самодержавнаго гражданина такимъ, что съ нимъ не можетъ

(*) Литература: Rein. Das Criminalrecht der Römer. 1844. Walter. Ueber Ehre und Injurien nach Römischem Recht Arch. d. Crim. R. 1821. Hefftter. Die Begriffsverschiedenheit der römisch. und deutsch. Injurie. Arch. d. Crim. R. 1839. Hälschner. System des Preuss. Strafrechts. Th. II, 1858. Dirksen. Uebersicht der Zwolf-Tafel-Fragmente. 1824. Chassan. Traité des délits et des contraventions de la parole, de l'écriture et de la presse. Hofman H. Beitrage zur Lehre von Injurien. Arch. d. Crim. R. 1842. Mittermaier. Beitrage zur Lehre von den Ehrenkränkungen. Arch. d. Crim. R. 1833. Mittermaier. Rechtslexikon Weiske. Bd. V. § 863, und s. w. Mittermaier. Ueber die Zulässigkeit des Beweises der Einrede der Wahrheit. Arch. d. Crim. R. 1839. Levinau. Historisch juridische Untersuchung der strafrechtlichen Bestimmungen über Verläumdung. 1822.

Затѣмъ существуютъ еще во многихъ сочиненіяхъ краткія изложенія взглядовъ римскаго права на преступленія противъ чести, напримѣръ: Schutze. Lehrbuch. Köstlin. Abhandlungen. Utin. Ueber die Ehrenverletzung nach russischem Recht. Feuerbach. Lehrbuch, и др.

сравниться никто въ исторіи. Подданный абсолютныхъ монархій средняго и новаго періода исторіи—типъ, въ которомъ личность гражданина не существуетъ и который не былъ извѣстенъ Риму республиканскому, типъ извѣстный напротивъ римской имперіи, не можетъ идти, конечно, ни въ какое сравненіе съ римскимъ гражданиномъ. Римскій гражданинъ не можетъ идти въ параллель также и съ гражданиномъ нынѣшнихъ республикъ; властитель orbis terrarum—civis romanus, облеченный majestas populi romani, стоитъ выше его по своимъ правамъ. Но, подымаясь до высшей ступени, личность человѣка съ другой стороны терпѣла въ Римѣ и страшныя ограниченія. Значеніемъ и правами гражданъ пользовались тамъ далеко не всѣ жители, а только нѣкоторые; бо́льшая же часть не имѣла никакихъ правъ, за ними не признавалась и человѣческая личность. Servi и peregrini не пользовались не только гражданскими, но даже и большинствомъ правъ общечеловѣческихъ.

Личность человѣка, какъ человѣка, такимъ образомъ, мало уважалась римлянами; права, данныя человѣку природою, признавались далеко не вполнѣ: требовалась санкція ихъ со стороны государства. Существовало мнѣніе, что не столько природа, сколько государство даетъ человѣку права, что государство можетъ ихъ дать, можетъ и не дать.

Новый вѣкъ ушелъ далеко отъ этого взгляда: онъ призналъ права личности за человѣкомъ потому уже, что онъ человѣкъ; онъ далъ ему всѣ права, связанныя съ его природою, онъ заставилъ само государство уважать ихъ.

Этотъ взглядъ на личность человѣка привелъ и къ своеобразному римскому взгляду на честь.

То, что мы называемъ честью, носило у римлянъ названіе existimatio. Понятіе это объясняетъ Callistratus слѣдующимъ образомъ:

Existimatio est dignitas illaesae status, legibus ac moribus comprobatus. (*)

Existimatio есть состояніе непарушеннаго dignitas.

Прежде всего здѣсь, конечно, возникаетъ вопросъ: какъ понимать слово dignitas? Различные писатели представляли нѣсколько попытокъ разъяснить это выраженіе. (**)

(*) Pandect. lib. 50, tit. 13, § 5.

(**) Walter. Ueber Ehre und Injurien nach Römish. R. §§ 118 - 121.

Такъ, одни думали, что здѣсь говорится о томъ достоинствѣ, которое нельзя не признать за человѣкомъ въ сравненіи со всѣми остальными твореніями, какъ о достоинствѣ, принадлежащемъ человѣку вообще. Но невѣрность такого вывода доказываетъ намъ все римское право, слишкомъ мало уважавшее права человѣка, какъ такового. Съ понятіемъ раба и иностранца нигдѣ не соединяется у нихъ понятіе dignitas.

Другіе думали, что тутъ идетъ рѣчь о чести, пріобрѣтаемой извѣстною должностью или сословіемъ. Достоинство, соединенное съ почетною должностью, дѣйствительно носило у римлянъ названіе dignitas. Но все дальнѣйшее изложеніе параграфа, трактующаго о случаяхъ уничтоженія этого dignitas, не даетъ никакого основанія полагать, чтобы здѣсь шла рѣчь о сословной или должностной чести.

Внимательное прочтеніе всего параграфа убѣждаетъ насъ, что здѣсь понимается dignitas какъ достоинство, принадлежащее римскому гражданину, какъ таковому. Есть много мѣстъ, доказывающихъ, что римляне понимали слово dignitas и въ такомъ смыслѣ; напримѣръ, Cic. Or. II. de leg. agrar. 27.

Понятіе это здѣсь, дѣйствительно, самое естественное. Достоинство римскаго гражданина было какъ бы соединено съ почетною должностью; къ нему поэтому и прилагали тоже названіе. Подобное объясненіе dignitas совершенно согласно и съ высказаннымъ нами выше взглядомъ римлянъ на своихъ гражданъ.

Понимая слово dignitas въ только-что объясненномъ значеніи, мы поймемъ и взглядъ римлянъ на existimatio. Existimatio будетъ, слѣдовательно, состояніе непарушеннаго достоинства, присущаго римскому гражданину, какъ такового.

Согласно съ этимъ, и всѣ дошедшіе до насъ памятники говорятъ ясно объ existimatio только какъ о правѣ римскаго гражданина; оно не имѣло ничего общаго съ тѣмъ человѣческимъ достоинствомъ, которое принадлежитъ человѣку въ отличіе отъ другихъ существъ; такъ, мы нигдѣ не видимъ, чтобы имъ владѣли рабы, напротивъ многое ясно доказываетъ противное. Потеря свободы всегда ведетъ за собою потерю existimatio. Existimatio не есть также право

свободнаго человѣка вообще, такъ какъ мы знаемъ, что имъ не владѣли иностранцы, неимѣвшіе jus civile, а равно какъ и римляне, вынесшіе наказаніе aquae et ignis interdictio.

Характеръ римскаго existimatio еще яснѣе будетъ для насъ, если мы обратимъ вниманіе на тѣ способы, посредствомъ которыхъ оно уничтожается. Existimatio теряется съ потерею римскаго гражданства—capitis deminutio maxima, а такое лишеніе гражданина его правъ происходило у римлянъ не иначе, какъ чрезъ преступленіе. Existimatio est dignitas illaesae status, qui ex delicto nostro auctoritate legum aut minuitur aut consumitur. (*)

Praesumtio boni viri признается всегда и постоянно за каждымъ гражданиномъ римской республики; только одни преступленія могутъ уничтожить его. Для того, чтобы лишить римскаго гражданина его existimatio, надо доказать формально-юридически совершеніе имъ извѣстнаго дурного поступка. Callistratus ясно перечисляетъ способы какъ полнаго уничтоженія, такъ и уменьшенія existimatio. Уничтожается existimatio, говоритъ онъ, (**) съ наступленіемъ capitis deminutio maxima, т. е. когда кто-нибудь лишается гражданства, наприм., чрезъ aquae et ignis interdictio и т. п. Aquae et ignis interdictio было, какъ извѣстно, однимъ изъ уголовныхъ наказаній, налагаемыхъ за преступленія; употреблялось оно, какъ говоритъ Callistratus, при ссылкѣ и тогда, когда неблагородный наказывался каторжными работами. Уничтожаясь чрезъ лишеніе гражданства, existimatio, совершенно послѣдовательно, уменьшалось параллельно съ уменьшеніемъ какихъ-либо гражданскихъ правъ. Уменьшается честь, говоритъ Callistratus, (***) если, безъ уничтоженія свободы, вытерпливается наказаніе по отношенію къ dignitas. Callistratus перечисляетъ далѣе тѣ способы, которыми именно поражалось достоинство римскаго гражданства и уменьшалось параллельно съ этимъ и его existimatio. Случаи эти слѣдующіе: если кого-нибудь исключатъ изъ состоянія декуріоновъ или лишатъ его права выполнять общественную почетную должность, или если накажутъ плебея ударами па-

(*) Digest. lib. 50, tit. 13, § 5, 1.
(**) Digest. lib. 50, tit. 13, § 5, 3.
(***) Digest. lib. 50, tit. 13, § 5, 2.

локъ или принудительными работами, или вообще если кто-нибудь придетъ въ такое состояніе, которое выставляется въ эдиктѣ какъ причина безчестія. Эти слова самымъ яснымъ образомъ говорятъ намъ, что existimatio было именно принадлежностью римскаго гражданства; честь общечеловѣческая, безспорно, не могла унижаться чрезъ одно исключеніе изъ сословія декуріоновъ, чрезъ лишеніе права быть выбраннымъ въ общественныя должности и т. п. Всѣ эти случаи уменьшали только права гражданина республики, какъ такового.

Вотъ главнѣйшее отличіе чести римской, античной, отъ чести новѣйшаго времени. Честь римлянъ связана неразрывно съ гражданствомъ; она можетъ принадлежать только тому, кто есть civis romanus, да и этотъ послѣдній признается за имѣющаго честь только до тѣхъ поръ, пока совершаетъ поступки, достойные гражданина; совершеніе противнаго ведетъ къ полному лишенію его чести. Основаніемъ чести служитъ, слѣдовательно, не достоинство человѣка, какъ такового, а достоинство государства; лицо потому имѣетъ честь, что оно есть гражданинъ государства; государство есть единственный носитель чести, поэтому одно только государство и можетъ раздавать ее. Честь, какъ право общечеловѣческое, уважается только тогда, когда это угодно будетъ государству, когда государство признаетъ лицо за своего гражданина и этимъ дастъ ему право на existimatio. Existimatio, даваемое государствомъ, государствомъ же и отнималось; достаточно было государству признать лицо въ состояніи capitis deminutio maxima, и вся честь его пропадала. Новѣйшая исторія не соглашается съ этимъ. Не признавая того, что честь дается лицу исключительно по волѣ государства, не признаетъ она и права этого послѣдняго уничтожать ее совершенно. Государство, по новѣйшему взгляду, можетъ уничтожать честь на столько, на сколько оно даетъ ее человѣку, т. е. только такъ-называемую честь особенную и гражданскую; честь же общечеловѣческая дается не государствомъ, а поэтому не можетъ быть и отнимаема имъ. Вслѣдствіе этого, въ новѣйшее время наказываютъ не только за убійство такъ-называемаго лишеннаго чести, но даже признается до нѣкоторой степени наказуемымъ и нанесенная ему обида. Римское право держится иного взгляда:

лицо, лишенное aquae et ignis, могло быть безнаказанно убито всякимъ; объ оскорбленіи же его чести не могло быть и рѣчи.

Подобное положеніе дѣлъ, само-собою разумѣется, было неестественно. Иностранецъ, пріѣхавшій въ Римъ, никакъ не могъ помириться съ тѣмъ, что честь его болѣе уже не существуетъ; да и рабъ, не смотря на то, что на него смотрѣли какъ на вещь (servus est res), тѣмъ не менѣе не могъ не чувствовать въ себѣ человѣческой природы, не могъ, хотя и въ слабой степени, не требовать уваженія своей чести. Мало того, рабъ своимъ поведеніемъ могъ пріобрѣсть выгодное мнѣніе о себѣ и уваженіе со стороны сограждапъ, а это становилось, конечно, опять-таки въ разрѣзъ со взглядомъ законодательства: лицо, пользовавшееся уваженіемъ всѣхъ гражданъ, могло быть, тѣмъ не менѣе, безнаказанно оскорбляемо. Неестественности подобнаго положенія дѣлъ не могло не признать и римское право. Это объясняютъ слѣдующія слова Ульпіана (*) по отношенію къ рабамъ: „Преторъ не во всѣхъ случаяхъ допускаетъ жалобу отъ имени раба, а обращаетъ вниманіе какъ на нанесенную обиду, такъ и на личность раба. Если рабъ прибитъ или выбраненъ только слегка, то жалоба дозволена не будетъ; если же онъ будетъ окорбленъ какимъ-нибудь поступкомъ или посредствомъ выдуманной письменной насмѣшки, то преторъ смотритъ на личныя качества раба. Здѣсь именно важно знать—непорочнаго ли онъ поведенія, не исполнялъ ли должности надсмотрщика надъ рабами, кассира и т. д.“ За удары въ лицо раба палагалось наказаніе еще и по 12-й Таблицѣ, хотя оно и было въ 150 ассовъ, т. е. вдвое менѣе, чѣмъ за удары свободному человѣку. (**) Точно также, не признавая за иностранцами права на existimatio, нельзя было тѣмъ не менѣе, не дать защиты ихъ чести въ тѣхъ, по крайней мѣрѣ, размѣрахъ, въ какихъ это требовалось человѣческою природою; для этого и былъ назначенъ особый преторъ, которому предоставили право, на основаніи jus gentium, защищать права иностранцевъ, въ томъ числѣ и право на ихъ честь.— Наконецъ, и лишенный aquae et ignis, неполучавшій охра-

(*) Digest. lib. 47, tit. 10, §§ 15, 44.

(**) Объ этомъ см. ниже—въ изложеніи ученія объ обидѣ по XII Табл.

ны отъ государства, искалъ защиты своей чести у боговъ, статуи которыхъ охраняли его, и затѣмъ, конечно, защищался самъ своими средствами.

Такимъ образомъ, по отношенію къ чести, возникалъ въ Римѣ тотъ же дуализмъ, какъ и по отношенію ко всѣмъ другимъ юридическимъ институтамъ. Право хозяина обращаться съ рабомъ, какъ съ вещью, право отца убить сына, право мужа на жену, равное съ правомъ его на дѣтей, казались строгими только въ законахъ, въ жизни же они были далеко не таковы. Права эти, смягчаемыя народными нравами и такими зоркими органами ихъ, какъ цензоры, и различными другими, хотя не юридическими, но имѣвшими болѣе, быть можетъ, чѣмъ юридическую силу, средствами, не были такъ строги, какъ признавались они въ законѣ, и не на столь рѣзко отличались отъ взглядовъ нашего времени, какъ это кажется съ перваго взгляда. Тоже слѣдуетъ сказать и про честь. Признавая честь только какъ existimatio и давая только ей одной юридическую защиту, Римъ не могъ не признать до нѣкоторой степени и честь общечеловѣческую.

Приведенныя выше слова Callistratus'a показываютъ, что existimatio давалось исключительно государствомъ, что государство же только одно и отнимало его. Народное мнѣніе не имѣло, повидимому, тутъ никакого значенія, но это опять-таки только повидимому. Римляне понимали постоянно громадное вліяніе народнаго мнѣнія на образованіе юридическихъ институтовъ. При основаніи первоначальныхъ отношеній государства, отеческой власти, чести и т. п., они всегда ссылались на свои нравы, очень хорошо сознавая, что эти нравы составляютъ невидимую силу ихъ государства. Для поддержанія связи между общественнымъ мнѣніемъ и закономъ учреждаются два органа: таковъ преторскій эдиктъ и таковы цензоры, какъ viva vox общественнаго мнѣнія. Назначеніе этихъ органовъ—пополнять различія между недозволеннымъ законно и нравственно. Этимъ признаніемъ значенія народныхъ правовъ въ образованіи чести объясняются и слова Callistratus'a: „Existimatio est dignitas illaesae status, legibus ac moribus comprobatus“. Право, въ зрѣломъ государствѣ, не можетъ дѣйствительно никогда идти въ разрѣзъ съ народнымъ мнѣніемъ, а въ Римѣ болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, благодаря гро-

мадному участію народа въ общественномъ управленіи. Если же признать все это за справедливое, то невозможно думать, чтобы римская честь возникала и уничтожалась, по отношенію къ извѣстной личности, только чрезъ одну волю государства. Мы уже сказали, что до нѣкоторой степени вліяла тутъ природа человѣка, но этого мало: на нее вліяло точно также и общественное мнѣніе, убѣжденіе согражданъ о честности или безчестности отдѣльнаго гражданина. Да и дѣйствительно трудно себѣ представить, чтобы въ римской республикѣ, при полномъ развитіи правъ отдѣльныхъ гражданъ, могла пользоваться честью личность безчестная по народному убѣжденію; въ Римѣ, повторяю, это труднѣе было допустить, чѣмъ гдѣ-либо. Государство должно, конечно, признать безчестнымъ лицо, совершившее безчестные поступки, напротивъ должно считать честнымъ—честнаго по общественному мнѣнію; изъ народнаго мнѣнія черпались, такимъ образомъ, нормы, установляемыя государствомъ. И такъ, хотя и посредственно, но все-таки сильно вліяло народное мнѣніе на понятіе чести. Это обстоятельство для насъ чрезвычайно важно: отрицаніе его сдѣлало бы немыслимымъ существованіе у римлянъ преступленія клеветы. И дѣйствительно возможно ли было бы обезчестить лицо чрезъ униженіе его въ глазахъ его согражданъ, если бы допустили, что взгляды этихъ согражданъ не имѣли никакого значенія для существованія чести?

Таково понятіе чести по римскому праву.—Прежде чѣмъ приступимъ къ изложенію историческаго хода развитія преступленій противъ чести, мы считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ для разъясненія того термина, которымъ обозначалось у римлянъ оскорбленіе чести.

§ 7. Оскорбленіе чести обозначалось у римлянъ словомъ injuria. Но injuria имѣла не одно только это значеніе. Римскіе юристы называли прежде всего этимъ словомъ всякій беззаконный поступокъ, представляющій нападеніе на какое-либо изъ правъ отдѣльнаго лица, всякую неправду, всякое нарушеніе закона вообще. Injuria, говоритъ Ульпіанъ, (*)

(*) Digest. lib. 47, tit. 10, § 1. Injuria ex eo dicta est, quod non jure fiat: omne enim, quod non jure fiat, injuria fieri dicitur. Hoc generaliter. Specialiter autem injuria dicitur.....

называется все—quod non jure fiat. Это, продолжаетъ юрисконсультъ, и есть первое, общее значеніе слова injuria.

Введеніе такого широкаго понятія не есть какая-либо особенность римскаго права: до нѣкоторой степени тоже самое замѣчаемъ мы, напримѣръ, и въ нашемъ русскомъ правѣ. Слово „обида", служащее для обозначенія преступленій противъ чести, имѣетъ и у насъ точно также второй, болѣе широкій, смыслъ. Обидою мы называемъ очень часто каждое нарушеніе правъ частнаго лица: и лишеніе здоровья, и отнятіе имущества и т. п.; въ первыхъ же нашихъ законодательныхъ памятникахъ подобное выраженіе было вовсе не рѣдкость. Но у римлянъ такое широкое понятіе слова injuria имѣло очень важное практическое значеніе: совершеніе injuriae давало постоянно оскорбленному право на actio injuriarum. Чрезъ посредство такого actio преслѣдовались, по всему вѣроятію, первоначально всякія нарушенія правъ частныхъ лицъ, но съ теченіемъ времени законодатель отмѣчаетъ отдѣльные виды этихъ преступленій и даетъ для каждаго изъ нихъ особое actio: такъ возникаетъ спеціальный искъ при тѣлесномъ нападеніи, при лишеніи свободы, правъ собственности и т. п. Чѣмъ совершеннѣе дѣлалось законодательство, чѣмъ большее и большее количество преступленій выдѣляло оно подобнымъ образомъ, тѣмъ меньшее и меньшее значеніе получалъ и actio injuriarum. Но дѣло въ томъ, что какъ бы совершенно ни было законодательство, никогда оно не можетъ поручиться, что предусмотрѣны имъ всѣ возможные способы нападенія на личность гражданина: всегда могутъ быть упущены изъ вида нѣкоторые случаи, такъ что права гражданина могутъ быть нарушены, а у обиженнаго между тѣмъ не будетъ возможности потребовать наказанія нарушителя. Подобнаго недостатка въ защитѣ личности гражданина у римлянъ существовать не могло: actio injuriarum, какъ искъ противъ нападенія на личность гражданина вообще, продолжало существовать, хотя и появлялось, благодаря претору, все большее и большее количество спеціальныхъ исковъ. Поэтому-то, если совершался поступокъ, нарушающій какое-нибудь изъ правъ человѣческой личности, но поступокъ, непредвидѣнный законодателемъ и неполучившій отъ него особаго иска, то обиженный просилъ у претора и всегда получалъ отъ не-

го право представить actio injuriarum. Такъ, напр., stuprum сначала существовало какъ injuria, и почти все, что потомъ запрещено было закономъ lex Julia de vi privata, преслѣдовалось до этого времени чрезъ actio injuriarum. (*) Таково значеніе injuria въ обширномъ смыслѣ слова. Усвоить себѣ это понятіе необходимо для того, чтобы не смѣшивать его со вторымъ значеніемъ того же слова.

Второй смыслъ, который придавался римлянами слову injuria, былъ тотъ, который интересуетъ насъ въ настоящемъ изложеніи: injuria употреблялось для обозначенія оскорбленія чести римскаго гражданина. Ульпіанъ говоритъ: (**) „Кромѣ представленнаго выше общаго значенія, injuria имѣла еще другое, а именно ею обозначалось contumelia; contumelia же происходитъ отъ слова contemnendo“ (поругать, позорить).

Injuria въ этомъ смыслѣ, какъ мы увидимъ ниже, служила для обозначенія не одной только обиды. Это было общее названіе для всѣхъ видовъ оскорбленія чести.

II. ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ ПРЕСТУПЛЕНІЙ ПРОТИВЪ ЧЕСТИ.

§ 8. Историческій очеркъ римскаго понятія преступленій противъ чести слѣдуетъ начать съ XII Таблицъ.—XII Таблицъ есть первый сохранившійся до насъ юридическій памятникъ Рима и притомъ памятникъ чрезвычайно важный для всей послѣдующей исторіи; въ немъ замѣчается зарожденіе всѣхъ тѣхъ юридическихъ институтовъ, которые такъ блестяще развились въ послѣдующей исторіи, въ немъ же появляются первыя постановленія и объ оскорбленіяхъ чести.

Двѣнадцать таблицъ, какъ извѣстно, не сохранились до нашего времени, но масса ссылокъ на нихъ у различныхъ писателей дала возможность западно-европейской литературѣ возстановить этотъ драгоцѣнный памятникъ во всей его цѣлости.

(*) См. Walter. Ueber Ehre und Injur. nach Römis. R. §§ 256 и 7.

(**) Specialiter autem injuria dicitur contumelia. Digest. lib. 47, tit. 10, § 1.

По мнѣнію всѣхъ возстановителей XII Таблицъ, вопросомъ объ оскорбленіяхъ чести занималась Таблица VIII, именно 1-й, 2-й, 3-й и 4-й изъ ея фрагментовъ.

Дирксенъ, (*) одинъ изъ серьезныхъ позднѣйшихъ изслѣдователей этого древняго римскаго памятника, такъ возстановляетъ эти фрагменты:

Fr. 1. Si quis occentavisset, sive carmen condidisset, quod infamiam faceret flagitiumve alteri, fuste ferito.

Fr. 2. Si membrum rupit, ni cum eo pacit, talio esto.

Fr. 3. Propter os vero fractum aut collisum 300 assium poena erat, velut si libero os fractum erat; at si servo, 150 assium.

Fr. 4. Si injuriam faxit alteri 25 aeris poenae sunto.

Разберемъ каждый изъ этихъ фрагментовъ въ отдѣльности.

Cicero (De republ. Lib. IV) и Augustinus (De civitate Dei. Lib. 2, c. 9) говорятъ: кто будетъ распѣвать или напишетъ стихи и этимъ обезславитъ или оскорбитъ другое лицо, на того должно быть наложено уголовное наказаніе.—Въ другомъ мѣстѣ мы находимъ у Цицерона слѣдующее: Катонъ, уважаемый въ свѣтѣ писатель, говоритъ, что на пирушкахъ у предковъ былъ обычай, чтобы всѣ по очереди, кто былъ за столомъ, воспѣвали на флейтѣ славу и доблести знаменитыхъ мужей. Ясно (продолжаетъ Цицеронъ далѣе), что стихи были уже въ то время въ употребленіи, и за стихи, которыми никто не оскорблялся, а тѣмъ болѣе за такіе, которыми кого-либо восхваляли, не могло быть и рѣчи о наказаніи. Но мало этого: по словамъ Горація (Satyr. lib. 11), XII Таблицъ не наказывали за упреки, сдѣланные даже и въ оскорбительныхъ выраженіяхъ, тогда, когда упреки эти были правдивы. Только за злословіе въ стихахъ, говоритъ тамъ же Горацій, налагалось наказаніе.

Изъ приведенныхъ мѣстъ дѣлается понятенъ 1-й фрагментъ VIII Таблицы. Обида считалась существующею только при несправедливыхъ упрекахъ; тоже самое подтверждаетъ

(*) Dirksen. Uebesicht der Zwölf-Tafel-Fragmente. 1824.

намъ схоліастъ Акронъ, говорящій: (*) „Ты будешь оправданъ судьями, если будешь поносить честь другого справедливо“. Въ сохранившихся до насъ словахъ писателей находимъ мы также и указаніе причинъ происхожденія 1-го фрагмента VIII Таблицы. Писатели говорятъ, что Cratinus, Eupolis и Aristophanes были писателями комедій; они первые подали примѣръ нападать съ большою колкостью на представителей республики, почему закономъ XII Таблицъ и повелѣно наказывать палками тѣхъ, кто будетъ наносить публично безчестіе (Cornutus къ Persius, Satyr. I, v. 137). „Законъ, объясняетъ Горацій (Epistolar. lib. II, ep. I. v. 152 и слѣд.), для того запрещаетъ писать противъ кого-нибудь злословіе въ стихахъ, чтобы писатели эти перемѣнили свой стиль и, угрожаемые страхомъ наказанія, приведены были къ тому, чтобы говорить доброе и служить къ увеселенію“.

Второй и третій фрагменты занимаются реальными оскорбленіями. Festus и Gellius (**) такъ цитируютъ второй фрагментъ: „Если кто повредитъ членъ другого и не помирится съ обиженнымъ, тотъ долженъ быть наказанъ чрезъ поврежденіе того же члена“. О третьемъ же фрагментѣ сохранилось очень много указаній, и онъ возстановляется литературою въ слѣдующемъ видѣ: за разбитіе лица или за ударъ въ лицо свободному человѣку—наказаніе въ 300 ассовъ, когда же это былъ рабъ, то 150 ассовъ.

Если посмотрѣть на преступленія, угрожаемыя наказаніемъ во 2-мъ и 3-мъ фрагментахъ, съ нашей точки зрѣнія, то запрещаемое въ 2-мъ фрагментѣ не можетъ быть названо обидою въ ея теперешнемъ значеніи; поврежденіе члена будетъ, конечно, увѣчьемъ, но ударъ въ лицо, запрещаемый въ 3-мъ фрагментѣ, будетъ, конечно, ничѣмъ инымъ, какъ реальною обидою въ полномъ значеніи этого слова.

Третій фрагментъ очень любопытенъ для насъ тѣмъ, во 1-хъ, что наказывается и обида, наносимая рабу, только наказаніе за нее уменьшается вдвое сравнительно съ обидою свободному человѣку. Изъ этого ясно, что рабы не считались совершенно лишенными чести, что и за ихъ обиду, когда она была реальная, назначалось наказаніе. Во 2-хъ, третій фрагментъ очень любопытенъ въ сравненіи съ пер-

(*) См. Dirksen, ibid. § 509.
(**) См. Dirksen, ibid. § 516.

вымъ: за простое оскорбленіе чести чрезъ злословіе въ стихахъ назначалось уголовное наказаніе батогами, за болѣе же серьезное, повидимому, преступленіе, за разбитіе лица—только денежный штрафъ.

Что касается, наконецъ, до 4-го фрагмента, то о немъ трудно сказать что-нибудь положительное; ссылокъ на него имѣется довольно-много, но вездѣ излагается онъ очень кратко: кто причинитъ обиду другому, тотъ платитъ въ наказаніе 25 ассовъ. О какой именно обидѣ говорится здѣсь—рѣшить трудно; нѣтъ ни одного мѣста у писателей, которое бы разъясняло это. (*) Понятно, конечно, только одно, что здѣсь говорится о всѣхъ случаяхъ, которые признавались за обиду въ періодъ XII-ти Таблицъ, исключая тѣхъ квалифицирныхъ видовъ, о которыхъ упоминалось выше. Такъ, дѣйствительно говоритъ Gajus (Institut. Comm. III, § 223): „Наказаніе за обиды, кромѣ упомянутыхъ отдѣльно видовъ, было 25 ассовъ". Приведенный текстъ фрагмента любопытенъ въ томъ только отношеніи, что онъ даетъ намъ возможность судить, на сколь маловажными считались всѣ подходящіе сюда случаи обидъ: тогда какъ за преступленіе, упомянутое въ первомъ фрагментѣ, назначалось уголовное наказаніе—батоги, за ударъ въ лицо—300 ассовъ, за такіе же удары, нанесенные рабу—150 ассовъ, за всѣ остальные случаи обидъ—всего только 25 ассовъ. Ясно, что хотя и признавались еще оскорбительные для чести поступки, кромѣ тѣхъ, о которыхъ упоминалось въ 1-мъ, 2-мъ и 3-мъ фрагментахъ, но они считались очень маловажными.

Вотъ и всѣ постановленія XII Таблицъ объ оскорбленіяхъ чести. Не смотря на ихъ краткость, мы тѣмъ не менѣе имѣемъ полную возможность сдѣлать ясные, по отношенію къ нимъ, выводы.

Главнѣйшими строго-наказываемыми оскорбленіями чести считались, во 1-хъ, реальныя обиды. Реальныя обиды, или, какъ онѣ иначе называются, обиды дѣйствіемъ, наказывались здѣсь дѣйствительно довольно-строго; но въ этомъ отношеніи римское право не представляетъ ничего особеннаго. Обида дѣйствіемъ, въ особенности увѣчье, которое не возможно даже и считать за обиду, не представляетъ оскорб-

(*) Schütze полагаетъ, что здѣсь идетъ рѣчь какъ объ оскорбленіи словомъ, такъ и дѣломъ, причиняющемъ тѣлеснаго поврежденія (Lehrbuch. § 351).

ленія одной внутренней природы человѣка: преступленіе это принадлежитъ, скорѣе, къ иной категоріи и является нарушеніемъ правъ внѣшней природы человѣка. Побои и увѣчье не страдаютъ тѣмъ недостаткомъ, о которомъ говорили мы, по отношенію къ обыкновеннымъ обидамъ, т. е. отсутствіемъ очевидности; они замѣчаются, поэтому, наравнѣ съ другими нарушеніями правъ внѣшней природы человѣка, и народами, стоящими на низкой ступени цивилизаціи, и считаются за преступленія въ такія времена, когда простая обида понимается еще плохо. Не представляя, такимъ образомъ, ничего оригинальнаго въ своихъ запрещеніяхъ реальныхъ обидъ, XII Таблицъ являются за то крайне-любопытными въ другомъ видѣ оскорбленій чести, именно въ томъ, о которомъ говорится въ 1-мъ фрагментѣ VIII Таблицы. Преступленіе, упоминаемое здѣсь, дѣйствительно очень оригинально и не имѣетъ себѣ ничего подобнаго ни въ одномъ изъ древнихъ памятниковъ юридическаго быта. Преступленіе это есть, конечно, ничто иное, какъ одинъ изъ случаевъ словесныхъ обидъ, есть только одинъ изъ видовъ обидъ, запрещаемыхъ вообще въ 4-мъ фрагментѣ. Но одно уже сопоставленіе наказаній 1-го и 4-го фрагмента показываютъ намъ—какой различной важности были, по сознанію римлянъ, оба эти преступленія. Тогда какъ обида вообще наказывалась самымъ пустымъ наказаніемъ, штрафомъ въ 25 ассовъ, этотъ одинъ видъ словесныхъ оскорбленій облагался уголовнымъ наказаніемъ, батогами. Оригинально это преступленіе и по самому своему содержанію: запрещается писать или распѣвать въ стихахъ лживо о безчестныхъ поступкахъ другого лица; запрещается, такимъ образомъ, униженіе лица въ глазахъ другихъ и притомъ униженіе, въ 1-хъ, несправедливое, незаслуженное на самомъ дѣлѣ лицомъ, и, во 2-хъ, униженіе въ извѣстной особенной формѣ—чрезъ распѣваніе стиховъ. Форма оригинальная, но въ тоже время дѣйствительно болѣе, чѣмъ какая-либо другая, достигающая своей цѣли: пѣсня слушалась, и ее слышали многіе, сообщаемое въ ней разносилось легко и далеко.

Вотъ первая, такимъ образомъ, особенность, непосредственно вытекающая изъ общаго характера римской жизни. Римскій гражданинъ съ самыхъ первыхъ временъ своего существованія счелъ за важную для себя свою честь и по-

требовалъ ея признанія. Преступленіе, о которомъ говорилось въ 1-мъ фрагментѣ VIII-й Таблицы, было, конечно, ничто иное какъ одинъ изъ видовъ того преступленія, которое мы называемъ въ настоящее время клеветою, и притомъ видъ, выдававшійся по удобству выполненія и особенностямъ тогдашняго быта. Этотъ видъ клеветы считался за очень важное преступленіе. Цицеронъ (De reрub. lib. IV) и Августинъ (De civit. Dei. lib. 2) говорятъ: „XII Таблицъ, запрещая очень не многія преступленія подъ страхомъ уголовнаго наказанія, тѣмъ не менѣе отнесли сюда преступленіе, излагаемое въ 1-мъ фрагментѣ VIII-й Таблицы". Ясно, что честь человѣка и уваженіе ея со стороны согражданъ считались уже очень дорогими въ эту эпоху римской исторіи.

§ 9. Основанія, выработанныя XII-ю Таблицами, не могли остаться безъ измѣненія. За развитіемъ общественной жизни неминуемо слѣдуетъ постоянное развитіе юридическихъ институтовъ. Взглядъ XII-ти Таблицъ на разбираемый нами институтъ дѣлался, поэтому, все болѣе и болѣе непригоднымъ; со смягченіемъ народныхъ нравовъ и съ измѣненіемъ цѣны денегъ не согласовались уже тѣ наказанія, которыя мы видѣли въ XII-ти Таблицахъ; но это была не главная причина: болѣе важнымъ недостаткомъ было то, что въ XII Таблицахъ излагались подробно далеко не всѣ, а только нѣкоторые изъ видовъ обидъ. Жизнь выдвинула много новыхъ случаевъ, въ которыхъ лица, дѣйствительно обиженныя, не находили себѣ защиты въ законѣ; наказаніе же штрафомъ въ 25 ассовъ было уже далеко неудовлетворительно. Преторъ явился и здѣсь, какъ и въ развитіи всѣхъ другихъ юридическихъ институтовъ, главнымъ дѣятелемъ. Его эдиктъ становится главнѣйшимъ организаторомъ, главнѣйшимъ создателемъ цѣлесообразнаго взгляда на преступленіе—обиду. Прослѣдить постепенную дѣятельность этого эдикта, разсмотрѣть какъ шло въ немъ развитіе института, было бы тоже, что прослѣдить за ходомъ самой жизни. Эдиктъ претора тѣмъ и замѣчателенъ, что онъ развивался постепенно; каждый новый взглядъ, появлявшійся въ народѣ, отражался въ преторскомъ эдиктѣ. Повторяю, что для достиженія нашей цѣли, для выясненія исторіи обиды, ничего бы не могло быть лучшаго, какъ разсмотрѣть постепенное развитіе пре-

торскаго эдикта. Но, къ несчастію, это недостижимо. Преторскіе эдикты почти не сохранились до нашего времени; все, что осталось намъ—это собранныя, главнымъ образомъ въ Дигестахъ, изрѣченія позднѣйшихъ римскихъ юристовъ, изъ которыхъ многія представляютъ дѣйствительно изложеніе преторскаго эдикта, но какого именно, когда и при какихъ условіяхъ изданнаго—этого не говорится. Большинство подобныхъ ссылокъ начинается словами: „praetor dixit", и только. Отъ этого-то на первый взглядъ кажется даже, что какъ будто бы все это создано было однимъ преторомъ, въ одномъ эдиктѣ, въ одно время. Но такое предположеніе, конечно, не вѣрно: зная ходъ развитія римской республиканской жизни и дѣятельности претора по отношенію къ другимъ юридическимъ институтамъ, мы должны предположить противное. За невозможностью разсмотрѣть этотъ ходъ постепеннаго развитія, намъ остается сдѣлать одно, а именно указать, что̀ сдѣлалъ эдиктъ вообще по отношенію къ разбираемому нами преступленію, какой взглядъ выработала республика римская на обиду.

Измѣненія преторскаго эдикта, по отношенію къ обидѣ, состояли, во 1-хъ, въ выясненіи и дополненіи самаго понятія преступленія, во 2-хъ, въ измѣненіи судопроизводства и, въ 3-хъ, въ измѣненіи наказанія. Для насъ важна, конечно, дѣятельность его только въ первомъ отношеніи; на второе и третье укажемъ позднѣе—на столько, на сколько это необходимо для выясненія того же понятія обиды.

Разсмотримъ же, какіе виды обидъ наказываетъ преторскій эдиктъ.

Ульпіанъ (кн. XXVII) говоритъ: (*) Ait practor: „qui adversus bonos mores convicium cui fecisse cujusve opera factum esse dicetur, quo adversus bonos mores convicium fieret: in eum judicium dabo. Convicium injuriam esse". Вотъ первый видъ обиды по преторскому эдикту. Онъ называется convicium. Что же означаетъ слово convicium?

Разъясненіе этого слова служило предметомъ долгаго спора (**) филологовъ и юристовъ; наконецъ наука остановилась на тѣхъ основаніяхъ, которыя даетъ этому понятію Ульпіанъ. Дѣйствительно, понятіе это самое вѣрное, что̀ вид-

(*) Digest. lib. 47, tit. 10, §§ 15, 2 и 3.
(**) Объ этомъ спорѣ говоритъ, напр., Walter, ibid. ст. 298 и слѣд.

но будетъ изъ всего послѣдующаго изложенія преторскаго эдикта. Юрисконсультъ такъ разъясняетъ это слово: (*) „Слово convicium употребляютъ тогда, когда in unum complures voces conferuntur; преторъ же говоритъ не о всякомъ convicium, а прибавляетъ: adversus bonos mores; изъ этого должно быть понятно, что онъ говоритъ не о всякомъ громкомъ крикѣ, а только о томъ, который не одобряется добрыми нравами и назначеніе котораго бранить кого-нибудь или наносить кому-нибудь вредъ. Не всякая, слѣдовательно, бранная рѣчь есть convicium, а только та, которая cum vociferatione dictum est".

Употребленіе римлянами слова convicium мы можемъ видѣть еще въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ. По отношенію къ XII Таблицамъ имѣемъ мы, напримѣръ, слѣдующую фразу Фестуса: „Cui testimonium defuerit, is tertiis diebus ob portum obvagulatum ito", и далѣе онъ продолжаетъ: „Vagulatio significat quaestionem cum convicio". Мѣсто это понимаетъ теперь наука такимъ образомъ: convicium обозначало тутъ публичный громкій возгласъ, громкое приглашеніе свидѣтелей изъ массы собравшейся публики. (**)

Итакъ, въ обоихъ случаяхъ convicium происходитъ отъ слова vox и обозначаетъ говоръ или, вѣрнѣе, громкій крикъ при публикѣ. По отношенію къ нашему предмету, такимъ образомъ, convicium есть произнесеніе съ громкимъ крикомъ, при большомъ собраніи людей, бранныхъ словъ, противныхъ добрымъ нравамъ, съ цѣлью унизить этими словами извѣстное лицо въ глазахъ другихъ, или нанести какой-либо иной вредъ его чести. Ясныя слова Ульпіана въ § 12-мъ, гдѣ онъ представляетъ разницу этого преступленія отъ другого вида обиды, говоритъ, что convicium есть именно „произнесеніе бранныхъ и т. п. словъ въ большомъ собраніи и съ крикомъ". (***)

Вотъ первый и самый важный изъ видовъ преступленій противъ чести, запрещаемый преторскимъ эдиктомъ. Ниже изложимъ мы болѣе подробное его изслѣдованіе, а теперь укажемъ только на главнѣйшій его характеръ.

(*) Digest. 47, 10, 15, 4, 5 и 11.
(**) Walter. ibid., ст. 301.
(***) Digest. 47, 10, 15 и 12.

Внимательный разборъ приводитъ насъ къ тому убѣжденію, что convicium было ничѣмъ инымъ, какъ развитіемъ того преступленія, о которомъ говорилось въ 1-мъ фрагментѣ VIII-й изъ XII-ти Таблицъ. Въ самомъ дѣлѣ, преступленія эти имѣютъ между собою большое сходство: convicium есть брань, униженіе или нанесеніе какого-нибудь иного вреда чрезъ посредство громкаго крика; сродное преступленіе, обозначенное въ XII-ти Таблицахъ, состояло въ униженіи лица въ глазахъ другихъ чрезъ посредство пѣнія стиховъ. Какъ то, такъ и другое преступленіе имѣло, слѣдовательно, цѣлью унизить лицо въ глазахъ другихъ, и притомъ унизить чрезъ особый способъ—громкое сообщеніе о немъ дурныхъ слуховъ. Но при всемъ сходствѣ оба эти преступленія и различаются между собою: пѣніе стиховъ запрещалось только тогда, когда оно имѣло цѣлью униженіе лица въ глазахъ другихъ; convicium уравниваетъ съ этимъ и нанесеніе какого-либо другого вреда; первое преступленіе совершается чрезъ пѣніе стиховъ, второе же, т. е. convicium, чрезъ всякій громкій крикъ, какъ бы онъ ни произошелъ—пѣніемъ ли стиховъ, или какимъ-либо инымъ способомъ. Уже однихъ этихъ замѣчаній достаточно для того, чтобы понять, что хотя convicium и принадлежитъ къ одной категоріи съ преступленіемъ, обозначеннымъ въ 1-мъ фрагм. VIII-й Таблицы, но оно предетавляетъ уже значительное, въ сравненіи съ нимъ, развитіе; подъ понятіе convicium подходитъ масса случаевъ, изъ которыхъ только одинъ упоминался въ 1-мъ фрагментѣ VIII-й Таблицы. Преторскій эдиктъ сдѣлалъ, такимъ образомъ, громадный шагъ впередъ, обобщилъ этотъ случай и подвелъ подъ наказаніе всѣ преступленія одной съ нимъ категоріи.

Итакъ, уже convicium предетавляетъ значительное разширеніе того преступленія, которое наказывалось, какъ видъ клеветы, по XII Таблицамъ. Но преторскій эдиктъ не удовольствовался этимъ. Выгородивъ convicium, какъ особенно наказуемое преступленіе, по формѣ его совершенія, преторъ понялъ, что на этомъ невозможно остановиться, что могутъ быть случаи униженія римскаго гражданина въ глазахъ другихъ безъ всякаго громкаго сообщенія о немъ обидныхъ, бранныхъ или вредныхъ его интересамъ поступковъ, что лицо можетъ быть унижено и чрезъ простое, не

громкое сообщеніе нѣсколькимъ, и даже одному лицу, чего-либо оскорбительнаго для его чести. Мало этого: преторъ понялъ, что униженіе можетъ быть даже совершено безъ всякаго словеснаго обращенія къ другимъ; лицо можетъ быть представлено въ дурномъ свѣтѣ чрезъ посредство поступковъ, знаковъ, жестовъ и т. п. Принявъ все это въ соображеніе, преторъ не могъ удовольствоваться назначеніемъ наказаній за одно только convicium, а создалъ еще новый видъ наказуемаго преступленія. У Ульпіана же находимъ мы слѣдующія слова: (*) „Ait praetor: ne quid infamandi causa fiat. Si quis adversus ea fecerit. pro ut quaeque res erit. animadvertam". Въ этихъ словахъ Ульпіана нельзя не замѣтить уже новаго запрещенія: считается за преступленіе всякое обезславленіе, всякое униженіе лица въ глазахъ другихъ, какими бы способами это сдѣлано ни было. Техническаго названія для этого новаго преступленія не существуетъ. Римляне употребляли здѣсь глаголъ infamio, происходящій отъ слова fama, слухъ, слава; infamio—пустить дурную славу, слухъ; распространеніе же дурной славы означаетъ, конечно, ничто иное, какъ то преступленіе, которое мы называемъ клеветою. Пустить дурную славу про лицо, обезславить его, и въ нашемъ русскомъ разговорномъ языкѣ обозначаетъ тоже, что и оклеветать. Римское употребленіе этого слова, встрѣчающееся во многихъ институтахъ, не подлежитъ сомнѣнію.

Итакъ прямой, ясный смыслъ словъ Ульпіана даетъ намъ понять, что преступленіе, о которомъ идетъ рѣчь,(**) было ничѣмъ инымъ, какъ униженіемъ лица въ глазахъ другихъ, обезславленіемъ его, или, какъ мы называемъ, клеветою, и притомъ клеветою, запрещаемою во всякой формѣ, въ какой бы она ни совершалась. Будетъ ли это рѣчь, или поступокъ, или письмо, преступленіе все равно существуетъ. „Если бы кто-нибудь что-либо сказалъ или сдѣлалъ для того, чтобы обезславить другого, жалоба на injuria всегда найдетъ мѣсто въ эдиктѣ" — говоритъ далѣе Ульпіанъ. (***)

(*) Digest. 47, 10, 15, 25.

(**) Миттермайеръ говоритъ: „Ne quid infamandi causa fiat обозначало у римлянъ распространеніе про лицо фальшивыхъ поступковъ съ цѣлью унизить его въ глазахъ другихъ" (Rechtslex. Weiske, ст. 887).

(***) Degest. 47, 10, 15, 28.

Униженіе лица въ глазахъ другихъ можетъ происходить чрезвычайно-разнообразно; смотря по обстоятельствамъ, преступленіе это способно принимать различные виды. Преторъ, конечно, хорошо сознавалъ это, и, признавая наказуемыми всевозможные виды этого преступленія, онъ объявилъ въ то же время, что обсужденіе важности обстоятельствъ онъ беретъ на себя и, сообразно съ этимъ, обѣщается налагать и наказанія. „Если кто-нибудь совершитъ что-либо обезславливающее честь другого, того накажу я, смотря по обстоятельствамъ". (*)

Преторъ не разбиралъ способовъ совершенія клеветы: онъ признавалъ ее существующею при всевозможныхъ способахъ. Позволяя совершеніе ея чрезъ слово и письмо, онъ допускалъ и клевету—поступками. Способы, чрезъ которые можно выставить другое лицо недостойнымъ уваженія со стороны гражданъ, повторяемъ, чрезвычайно-разнообразны. Новѣйшіе законы признаютъ, главнымъ образомъ, слово и письмо; но нельзя отрицать того, что тоже самое можетъ быть достигаемо и чрезъ посредство особаго рода знаковъ и поступковъ. Какіе должны быть эти знаки и поступки, a priori опредѣлить невозможно: рѣшеніе этого вопроса принадлежитъ самому обществу въ различные періоды его жизни; то, чѣмъ въ одномъ обществѣ, въ одномъ даже кругу лицъ не возможно поколебать чести лица, то, напротивъ, въ другомъ обществѣ, кругу лицъ, или даже и въ томъ же обществѣ, но въ другой періодъ его жизни, считается вполнѣ достаточнымъ. Поэтому-то преторъ былъ правъ, не обозначивъ какими способами возможно оклеветать лицо. Римская же жизнь и юриспруденція сами уже позаботились объ выясненіи этого. Всѣ способы, которыми признавалось возможнымъ унизить лицо въ глазахъ другихъ, конечно, не дошли до насъ, но между тѣмъ нѣкоторые изъ нихъ записаны юристами. Разсмотрѣніе ихъ любопытно; оно покажетъ намъ, какіе разнообразные поступки считались у римлянъ за способные обезславить то лицо, по отношенію къ которому они совершались. А такое разнообразіе способовъ совершенія преступленій дастъ намъ ясное представленіе, на сколь старательно охраняли римляне уваженіе къ себѣ другихъ сограж-

(*) Digest. 47, 10, 15, 28.

данъ и какъ заботились о томъ, чтобы не совершилось ничего, могущаго выставить ихъ ниже признаннаго за ними достоинства.

Ульпіанъ (1) представляетъ примѣрное перечисленіе фактовъ, чрезъ которые можно было обезславить другое лицо, и относитъ сюда появленіе въ траурномъ платьѣ съ необрѣзанными волосами и съ длинной бородой; это было знакомъ глубокаго траура и могло быть достаточно для infamia того лица, къ которому являлись. По предположенію Вальтера (2), приходили въ такомъ видѣ къ тому, у кого родственникъ находился подъ строгимъ уголовнымъ преслѣдованіемъ; въ такомъ же костюмѣ являлись въ Римъ провинціалы, когда хотѣли жаловаться на своего управителя. Позднѣе считали за обиду, когда кто-нибудь, для возбужденія ненависти къ жестокости преслѣдователя, носилъ съ собою портретъ короля (3), или бѣжалъ спасаться къ его статуѣ, такъ какъ противъ дѣйствительной жестокости средство это могло дать дѣйствительную защиту. Обида считалась и тогда, когда заимодавцы требовали ручательства, хотя въ этомъ не было еще никакой надобности,—равно какъ и тогда, когда допускали безъ надобности опечатать имущество должника. Затѣмъ клевета существовала, если кто-нибудь бралъ деньги, увѣряя, что онъ можетъ чрезъ нихъ подѣйствовать на рѣшеніе судьи: (4) тутъ, по римскому понятію, являлось оклеветаніе судьи, представляемаго такимъ образомъ взяточникомъ. Такимъ же преступленіемъ считалось и преслѣдованіе женщины съ цѣлью унизить ее въ глазахъ другихъ. (5)

Совершеніе обиды чрезъ посредство словъ и письма состояло, конечно, въ разглашеніи такихъ поступковъ, которые считались недостойными чести римскаго гражданина. Взглядъ на эти поступки былъ тоже далеко не схожъ съ нашимъ взглядомъ: было много такого, что у насъ не считается вовсе безчестнымъ, но что признавалось римлянами

---

(1) Digest. 47, 10, 15, 27,
(2) Walter. ibid. § 281.
(3) Digest. 47, 10, 38.
(4) Digest. 47, 10, 15, 30.
(5) Digest. 47, 10, 15, 32.

за таковое. Примѣръ этому мы видимъ въ § 32. Клевета существовала, если кто-нибудь предлагалъ купить вещь чужую, какъ будто заложенную. (*) Этимъ поступкомъ залогопринимательницы, вѣроятно, показывалъ, что залогодатель не платитъ своего долга, а представленіе лица неисправнымъ должникомъ считалось клеветою. § 33 говоритъ: „Кто называетъ своимъ должникомъ такое лицо, которое не было вовсе ему должно, съ цѣлью унизить честь этого лица, тотъ совершаетъ обиду". Быть должнымъ считалось унизительнымъ, разглашеніе объ этомъ унижало честь.

Вотъ главнѣйшіе виды оскорбленій чести, признававшіеся за наказуемые по преторскому эдикту. Разборъ ихъ приводитъ насъ къ ясному убѣжденію, что оба эти преступленія, т. е. convicium и infamia, являются крайне сродными; какъ въ томъ, такъ и въ другомъ цѣль одна—униженіе лица въ глазахъ другихъ. Очень ясное различіе этихъ двухъ преступленій между собою находимъ мы у Ульпіана: „То, что говорится въ собраніи, есть convicium, то же, что произносится не въ собраніи и не крикомъ, convicium non proprie dicitur, sed infamandi causa dictum". Изъ этихъ словъ юрисконсульта вполнѣ понятно, что не только оба эти способа совершенія однородны, но даже второй изъ нихъ заключается непремѣнно въ первомъ. При infamandi causa запрещается обезславливать какими бы то ни было способами, при convicium выдѣляется одинъ изъ этихъ случаевъ, которымъ болѣе чѣмъ всякимъ другимъ возможно было унизить лицо. Итакъ оба эти преступленія сходны и по цѣли, и по способу совершенія.

Но кромѣ этихъ двухъ видовъ преступленій противъ чести, существовалъ во время республики еще третій видъ, крайне схожій съ двумя, только-что сейчасъ изложенными, по своему внутреннему содержанію, но отличавшійся отъ нихъ по особому способу совершенія. Преступленіе это носитъ названіе liber famosus.

Способъ совершенія этого преступленія, рѣзко отличающій его отъ другихъ случаевъ обидъ, состоитъ въ томъ, что для распространенія injuria въ публикѣ принимаются тутъ какіе-нибудь особенные, прочные знаки, напр., письмо, не-

(*) Digest. 47, 10, 15, 32.

чать, рѣзьба, рисунки и т. п., предназначаемые притомъ для распространенія, въ возможно-бо́льшемъ размѣрѣ, въ цѣломъ обществѣ.

Преступленіе liber famosus существовало и во время республики, но только въ слабомъ видѣ; указанія на него юристовъ рѣдки, и .преторъ, повидимому, мало занимался этимъ преступленіемъ. Но за то, благодаря особымъ условіямъ имперіи, преступленіе liber famosus получило въ этотъ періодъ римской исторіи свое полное развитіе, тамъ оно распространилось до громаднаго объема, тамъ же получило оно и окончательное выясненіе во всей своей полнотѣ и во всѣхъ видахъ.

Вслѣдствіе этого, мы считаемъ гораздо удобнѣе изложить ученіе римлянъ о liber famosus нѣсколько ниже.

Затѣмъ въ преторскомъ эдиктѣ находимъ мы подробное развитіе постановленій, защищавшихъ честь римской женщины. Женщина, не смотря на юридическій гнетъ, пользовалась, тѣмъ не менѣе, какъ извѣстно, въ Римѣ большимъ уваженіемъ, а потому преторъ не могъ не обратить вниманія на ея честь и не защитить эту послѣднюю особыми мѣрами. Ульпіанъ говоритъ: (*) „Если дѣлается нападеніе на женскую стыдливость обольстительными рѣчами (blanda oratione), то это еще не есть обида, а только нападеніе на добрые нравы; если же при этомъ turpibus verbis utitur, то совершается обида“. Слова преторскаго эдикта по отношенію къ этому случаю не сохранились, къ несчастію, вполнѣ, а поэтому является крайне-непонятнымъ, какая разница между blanda oratione и turpis verbis.

Вторымъ способомъ оскорбленія чести женщины было преслѣдованіе ея. Ульпіанъ говоритъ: „Кто молча непрерывно слѣдуетъ за женщиною, тотъ совершаетъ оскорбленіе стыдливости; кто же будетъ преслѣдовать постоянно, тотъ совершаетъ уже infamiam“. Эти послѣднія слова Ульпіана очень любопытны. Здѣсь мы встрѣчаемся еще съ примѣромъ infamia и примѣромъ очень оригинальнымъ. Преслѣдованіе вообще есть простое нападеніе на стыдливость, преслѣдованіе постоянное есть уже infamia. Что подразумѣвается здѣсь подъ словомъ „постоянный“—въ точности неизвѣстно, но на-

(*) Digest, 47, 10, 15, 20 и 21.

до понимать это, кажется, такъ: если лицо преслѣдуетъ женщину недолго, то это дѣлается мало замѣтнымъ для публики и подходитъ, поэтому, подъ простое оскорбленіе стыдливости; если же кто долгое время не даетъ женщинѣ покоя и хотя молча, но постоянно ходитъ за ней, такъ что не можетъ не обратить на нее вниманія публики, тотъ совершаетъ обиду; посмотрѣть на это хорошо публика не можетъ: позволить ходить за собою кому-либо кромѣ проводника могла, вѣроятно, только женщина сомнительнаго поведенія, а поэтому подобное преслѣдованіе становилось какъ бы рекомендаціею этой женщины; оно какъ бы замѣняло прямое названіе женщины особою сомнительнаго поведенія. Отъ этого-то такое преслѣдованіе и называется уже „infamia“. Далѣе Ульпіанъ говоритъ: „Кто назоветъ женщину, одѣтую въ платье рабыни, госпожею, а тѣмъ болѣе если женщина одѣта была въ блудное платье, а не въ платье матроны, тотъ не совершаетъ еще проступка“. (*) Изъ этихъ словъ можно, конечно, вывести, что если будетъ сдѣлано наоборотъ, т. е. если кто-нибудь женщину въ костюмѣ римской гражданки назоветъ рабынею, женщину въ нарядѣ матроны назоветъ не матроною, тотъ совершитъ обиду.

Далѣе находимъ еще одинъ случай слѣдующаго содержанія: „Если уведенъ будетъ проводникъ у женщины, одѣтой не въ платье матроны, то не будетъ обиды“. (**) Отсюда прямой выводъ тотъ, что если уведется проводникъ у личности въ костюмѣ матроны, то существуетъ обида.

Удаленіе проводника отъ женщины, наружность которой требовала отъ всѣхъ полнаго уваженія, считалось, повидимому, очень важнымъ преступленіемъ у римлянъ. Эдиктъ долго и подробно занимается этимъ и разъясняетъ далѣе, что проводникъ есть тотъ, кто слѣдуетъ за женщиною, кто бы онъ ни былъ, рабъ или свободный человѣкъ, мужчина или женщина. Отводить проводника можно различными способами, дѣйствіемъ при этомъ насилія, уговоромъ оставить провожаемую, простымъ подозваніемъ его къ себѣ и т. д. (***)

(*) Dig. 47, 10, XV, 15.
(**) Digest. 47, 10, 15, 22.
(***) Digest. 47, 10, XV, 15—24.

Приведенныя здѣсь статьи говорятъ, такимъ образомъ, что у римскихъ женщинъ существовалъ обычай ходить постоянно съ проводниками; безъ проводниковъ ходили только рабыни и женщины свободнаго поведенія; съ этими послѣдними встрѣчающіеся могли иначе обращаться. Женщину, одѣтую въ такъ-называемое блудное платье, можно было при встрѣчѣ называть прямо особымъ, означающимъ ея промыселъ, именемъ, и это было настолько обыкновеннымъ, что даже могъ возбуждаться вопросъ: не будетъ ли въ правѣ обидѣться эта женщина, если ее назовутъ обыкновеннымъ именемъ госпожи?—Проводниковъ у римскихъ матронъ было часто по нѣскольку; лицо, отозвавшее одного изъ нихъ, наказывалось тоже за обиду.

Вотъ нѣсколько случаевъ, въ которыхъ нападеніе на честь женщины считается обидою. Большинство этихъ случаевъ оригинально, и можетъ быть понятно вполнѣ только при знакомствѣ съ положеніемъ женщины въ Римѣ и съ различными обычаями, существовавшими у римлянъ.

Кромѣ всѣхъ перечисленныхъ выше случаевъ преступленій противъ чести, республиканскій Римъ зналъ, конечно, и реальныя обиды; у юристовъ находимъ мы подробное изложеніе и этого преступленія. Но мы не будемъ разбирать его, такъ какъ оно не имѣетъ ни малѣйшаго отношенія къ предмету нашего изслѣдованія.

Затѣмъ преторскій эдиктъ развилъ еще ученіе о двухъ видахъ обидъ, отличающихся отъ прочихъ не по внутреннему содержанію, а по особенному объекту, а именно, во 1-хъ, такъ-называемыя посредственныя обиды, которыя получалъ pater familias при обидѣ лицъ, стоящихъ подъ его patria potestas, объ обидѣ хозяина чрезъ обиду рабовъ, объ обидѣ жениха чрезъ обиду невѣсты и т. д.; во 2-хъ, существуютъ еще особыя постановленія объ обидѣ рабовъ.

Но всѣ эти статьи, очень важныя для ученія объ объектѣ обиды, не представляютъ для насъ въ настоящее время никакого интереса.

Вотъ и всѣ запрещаемые преторомъ случаи оскорбленія чести. Никакихъ другихъ постановленій, по отношенію къ этому предмету, не находимъ мы въ римскихъ юридическихъ памятникахъ; полнота же свѣдѣній институцій, пандектовъ и кодексовъ даетъ намъ полное право признать, что все незапрещенное ими не считалось преступленіемъ.

Такова была первая дѣятельность претора, состоявшая въ развитіи понятія обиды и въ подведеніи подъ наказаніе многихъ случаевъ, считавшихся за обидные по взгляду республиканскаго Рима. Но этимъ преторъ не удовольствовался: не менѣе пользы оказалъ онъ, кромѣ того, еще чрезъ введеніе особаго наказанія и способа судебнаго преслѣдованія обидъ.

Наказаніе за обиды въ законахъ XII-ти Таблицъ, какъ упоминали уже мы выше, было двоякаго рода: за писаніе и пѣніе оскорбительныхъ стиховъ назначалось наказаніе уголовное—батоги, за всѣ же остальныя преступленія наказаніе гражданское—денежный штрафъ. Прежде всего уничтожено было преторомъ наказаніе уголовное, которое, впрочемъ, и вообще уже не прилагалось. Затѣмъ преобразованъ былъ характеръ и второго вида наказанія, а именно денежный штрафъ пересталъ быть опредѣленнымъ. Обида, благодаря претору, была поставлена какъ obligatio ex delicto, которое обязывало только къ вознагражденію вреда, и чрезъ это она совершенно перешла въ область гражданскаго права. Параллельно съ этимъ произошло измѣненіе преторомъ способа судебнаго преслѣдованія обиды. Переведя обиды въ область гражданскаго права, преторъ создалъ для нихъ и особую жалобу, которая получила названіе actio injuriarum aestimatoria. Въ силу этой жалобы, жаловавшійся имѣлъ право на денежную сумму, которою оцѣнивалось нанесенное ему оскорбленіе какъ имъ самимъ, такъ и судьею. Такой денежный штрафъ носилъ названіе poena honoraria. Вотъ какъ, по словамъ институцій, (*) назначался этотъ денежный штрафъ: „преторы позволили оцѣнивать нанесенную обиду тому, кого она касалась, и судья, на основаніи эдиктовъ, признавалъ обидчика виновнымъ или на столько, на сколько обиженный оцѣнивалъ себя, или же менѣе, если ему казалось, что то наказаніе, котораго проситъ обиженный, будетъ велико,“—такъ что оцѣнка обидъ возвышалась и понижалась, по словамъ институцій, смотря по степени достоинства и личнаго положенія обиженнаго.

Когда случилось введеніе actio injuriarum aestimatoria—рѣшить трудно. Walter (**) доказываетъ, что случи-

(*) Instit. IV, 4, 7.
(**) Walter. ibid. 294.

лось это во всякомъ случаѣ до Августа и даже до диктаторства Суллы. Доказательства Walter'a тутъ вполнѣ убѣдительны; но кажется, что можно отодвинуть періодъ введенія этой жалобы и еще много далѣе. Всего вѣрнѣе будетъ допустить, что жалоба эта не была утверждена преторомъ, а введена еще задолго чрезъ посредство обычая; доказательства этому имѣются дѣйствительно и въ юридическихъ памятникахъ. (*) Вошла же въ обычай эта жалоба, конечно, до Суллы, потому что особенности римскаго быта, прямымъ результатомъ которыхъ она является, жили задолго до этого времени; вѣкъ Суллы былъ уже до нѣкоторой степени другого характера; въ немъ, поэтому, произошло уже отчасти измѣненіе въ actio injuriarum aestimatoria.

§ 10. Преторскій эдиктъ былъ главнымъ дѣятелемъ въ созданіи римскаго ученія объ оскорбленіяхъ чести. Онъ выработалъ всѣ тѣ положенія, которыя жили въ римской исторіи. Дальнѣйшія законодательства касаются этого вопроса только частію. Первымъ изъ подобныхъ законовъ былъ изданный Суллою lex Cornelia de injuriis.

Во время господства безпорядковъ, въ концѣ римской республики, уваженіе къ личности потеряло тотъ характеръ, какой носило оно во время республики. Республиканскій бытъ распадался, возникала масса насильственныхъ дѣйствій, въ особенности же начали появляться все чаще и чаще нападенія на личность гражданина. Преторскій эдиктъ дѣлался недостаточною охраною.

Диктаторомъ Суллою издается, какъ извѣстно, много новыхъ уголовныхъ законовъ; въ числѣ ихъ является измѣненіе законовъ объ обидахъ.

Но законы Суллы не представляютъ, впрочемъ, измѣненія въ самомъ понятіи оскорбленій чести. Его дѣятельность ограничивается только тѣмъ, что для нѣкоторыхъ важныхъ случаевъ рѣшается онъ представить болѣе твердую охрану, чѣмъ какая существовала до тѣхъ поръ; онъ, поэтому, выдѣляетъ три подобныхъ случая и назначаетъ для нихъ особый родъ жалобы и особое наказаніе. Ученіе претора объ обидѣ при этомъ не уничтожается: оно продолжаетъ существовать для всѣхъ остальныхъ видовъ обидъ, которые не вошли въ настоящее законодательство.

(*) Paul. S. R. V, 4, 2.

О законѣ Корнелія Ульпіанъ говоритъ слѣдующимъ образомъ: „Lex Cornelia de injuriis competit ei, qui injuriam agere volet ob eam rem, quod se pulsatum verberatumve, domumve suam vi intro itam esse dicat". (1).

Такимъ образомъ, это три разныхъ вида обидъ. Первый видъ, какъ объясняетъ Ofilius, (2) есть физическое насиліе безъ боли, второй—обида, совершенная чрезъ удары съ болью, третій—выталкиваніе изъ дому. Всѣ эти три случая существовали въ законодательствѣ и прежде. Lex Cornelia, какъ сказали мы выше, только выдвинулъ ихъ, какъ особенно важные, и назначилъ за нихъ уголовную жалобу. Созданіе уголовнаго порядка преслѣдованія за болѣе важные виды обидъ и было, такимъ образомъ, главною цѣлью этого закона. (3)

Созданная Суллою уголовная жалоба подавалась самимъ обиженнымъ, какъ и жалоба гражданская, что̀ ясно видно изъ словъ Paulus'a (4) (Lib. LV ad. Ed.). Ex officio впервые начали преслѣдоваться чрезъ постановленіе сената только такія оскорбительныя письма и сочиненія, въ которыхъ не указывалось прямо имя того, кому хотѣли нанести оскорбленіе. Но это постановленіе сената относится уже, по всему вѣроятію, къ дальнѣйшему періоду римской исторіи, ко времени распространенія liber famosus.

§ 11. Съ прекращеніемъ республики заканчивается и производительная дѣятельность римской юриспруденціи. Тоже самое должно сказать и по отношенію къ разсматриваемому нами преступленію. Въ конституціяхъ императоровъ не представляется уже важнаго измѣненія относительно преступленій противъ чести. Стараются жить и дѣйствовать по тѣмъ законамъ, которые выработалъ преторъ; подтвержденіе этого встрѣтимъ мы ниже при изложеніи Юстиніанова законодательства.

Главная дѣятельность императоровъ, по отношенію къ законодательству объ обидахъ, состояла въ измѣненіи порядка судопроизводства и мѣры наказанія для нѣкоторыхъ особыхъ видовъ обидъ. Что же касается до вліянія имме-

(1) Digest. 47, 10, 5.
(2) Digest. 47, 10, 5, 1.
(3) Это ясно доказываетъ, напр., Rein. ibid. ст. 370—374.
(4) Digest. 47, 10, 6.

раторскихъ указовъ на выясненіе самаго понятія преступленія противъ чести, то оно было очень слабо. Это произошло, конечно, не отъ того, чтобы жизнь продолжала существовать на прежнихъ основаніяхъ; нѣтъ, измѣнилось многое, измѣнился въ корнѣ и взглядъ на античную личность, но дѣло въ томъ, что жизнь-то потеряла свою продуктивно-юридическую силу. Великіе юрисконсульты имперіи, обработавшіе всѣ юридическіе институты въ томъ блестящемъ видѣ, въ какомъ перешли они въ наслѣдство нашей наукѣ, не могли, тѣмъ не менѣе, провести новаго взгляда на юридическіе институты. Юридическія понятія родятся въ жизни. Жизнь республиканская выказала особую свою способность въ этомъ отношеніи; но жизнь эта разбилась—пропала и продуктивно-юридическая дѣятельность. Юрисконсульты, при всемъ своемъ величіи и громадномъ пониманіи дѣла, могли, какъ отдѣльныя личности, только выяснять, дополнять, классифицировать и т. п. все произведенное прежде,—могли, однимъ словомъ, дѣлать то, что дѣлаетъ, по отношенію ко всѣмъ юридическимъ институтамъ, наука новѣйшаго времени; но никогда наука не произвела самостоятельнаго юридическаго института: корень всего существующаго должно искать въ жизни. Вотъ этимъ-то и объясняется слабое развитіе въ періодъ императоровъ всѣхъ юридическихъ институтовъ и въ частности разсматриваемаго нами. Взглядъ на личность гражданина, повторяю, измѣнился, исчезло величіе римскаго народа, пропалъ прежній гражданинъ римской республики; вслѣдствіе этого долженъ былъ, конечно, измѣниться и взглядъ на честь и на оскорбленіе чести. Но нигдѣ, во всѣхъ позднѣйшихъ памятникахъ, не встрѣчаемъ мы этого новаго взгляда.

Нельзя сказать, впрочемъ, чтобы римская имперія совершенно ничего не сдѣлала для выясненія понятія преступленій противъ чести. Не повліявъ на главное, на выясненіе понятія чести и обыкновенныхъ видовъ нарушеній ея, имперія выдвинула за-то два другіе вида, развившіеся въ это время, благодаря особенностямъ новаго быта. А именно издается, во 1-хъ, масса новыхъ законовъ по отношенію къ liber famosus; во 2-хъ, появляется и подробно развивается совершенно новое преступленіе, причисляемое тоже нѣкоторыми криминалистами (хотя, какъ мы уже доказали,

невѣрно) къ преступленіямъ противъ чести, именно клеветническій доносъ начальству съ цѣлью возбужденія уголовнаго преслѣдованія. Оба эти преступленія, повторяю, развились благодаря особенностямъ новаго быта. Съ потерею гражданами своихъ прежнихъ правъ, пропала свобода слова, свобода мнѣній; то, что прежде римскій гражданинъ высказывалъ гласно, то теперь онъ долженъ былъ скрывать или употреблять для обнаруженія этого различныя темныя средства. Ложь прямая, явная смѣнилась тайными подкопами; гласная клевета, отъ которой, какъ отъ гласной, легко было и оправдаться, смѣнилась лестью въ глаза, а за глаза—анонимными письмами, пасквилями; постоянная опасность быть тайно оклеветанным развила страхъ; это еще болѣе увеличило доносы начальству, шпіонство и т. п. Таковъ ужъ общій удѣлъ деспотіи. Примѣръ этого видимъ мы не въ одномъ Римѣ: почти всѣ государства пережили или переживаютъ подобный періодъ.

Клеветническій доносъ начальству не касается предмета настоящаго изложенія, разбору же liber famosus посвятимъ мы особую главу,

Наконецъ, въ постановленіяхъ императоровъ встрѣчаемъ мы еще распоряженія, запрещающія нѣсколько особыхъ преступленій противъ чести, преступленій, которыхъ не знала, да и не могла знать, жизнь республиканская. По постановленія эти не имѣютъ ничего общаго съ предметомъ настоящаго изложенія. Сюда относятся оскорбленія чести императора или подобные приказы, какъ напр. приводимый Сцеволою законъ Антонія Благочестиваго: (*) „Кто будетъ носить изображеніе государя для поруганія, тотъ долженъ быть заключенъ въ общественную тюрьму“.

Гораздо большее значеніе имѣли измѣненія, сдѣланныя императорскими указами, по отношенію къ уголовному преслѣдованію и наказанію обидъ. Измѣненія эти состояли въ постепенномъ увеличеніи числа случаевъ, за которые, по примѣру Корнелієва закона, начали допускать уголовную жалобу, а съ ней вмѣстѣ и уголовное наказаніе. Число такихъ случаевъ, повторяю, увеличивалось все болѣе и болѣе до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, жалоба эта не была допущена

(*) Digest. 47, 10, 33.

во всѣхъ случаяхъ безъ исключенія и не издано было Юстиніаномъ новаго постановленія. Юстиніанъ сдѣлалъ то измѣненіе, по отношенію къ судебному преслѣдованію и наказанію обидъ, что допустилъ примѣненіе къ нимъ двухъ жалобъ. Обиженному, говорятъ институціи, (1) предоставлялась свобода жаловаться тѣмъ путемъ, какимъ онъ пожелаетъ, т. е. гражданскимъ или уголовнымъ. Если онъ подавалъ жалобу гражданскую, то налагалось наказаніе, сообразное съ оцѣнкою, какъ это дѣлалось при actio injuriarum aestimatoria; если же жаловались путемъ уголовнымъ, то на виновнаго налагалось судьею особенное, исключительное наказаніе. Этотъ способъ уголовнаго преслѣдованія обидъ, явившійся окончательнымъ завершеніемъ римской дѣятельности въ этомъ отношеніи, оказался пригоднымъ и для новѣйшаго времени: многія изъ теперешнихъ европейскихъ законодательствъ, въ томъ числѣ и наше русское, пользуются имъ до настоящаго времени.

На существованіе преступленія обиды повліяло во время имперіи и измѣненіе состава тогдашняго римскаго общества. Прежняя равноправность всѣхъ гражданъ исчезла; являются особые привиллегированные классы общества, является масса чиновниковъ, наконецъ, является духовенство. Все это отозвалось и на преступленіяхъ противъ чести. Въ Кодексѣ Юстиніана (2) существуетъ предоставленіе преимущества въ преслѣдованіи обиды классамъ иллюстрированнаго ранга сравнительно съ другими членами тогдашняго общества. По институціямъ, (3) обида чиновниковъ или сенаторовъ признавалась за болѣе важную, чѣмъ обида другихъ лицъ; отсюда вытекало и различіе въ наказаніи. Наконецъ, обида христіянскаго духовенства, особенно во время совершенія имъ богослуженія, признается Аркадіемъ и Гоноріемъ за crimen publicum. (4)

Къ концу республики, и особенно во время императоровъ, ослабла и потеряла прежнее свое значеніе patria potestas. Во время республики обида дѣтей противъ родителей не доводилась до общественнаго суда; pater familias самъ

(1) Instit. IV, 4, 10.
(2) Codex. 9, 35.
(3) Instit. IV, 4, 9.
(4) Nov. 123, c. 31 и Codex. Just. 6, 35, 4.

имѣлъ право суда и расправы надъ всѣми подчиненными ему лицами. Это право родителей исчезаетъ во время имперіи: сынъ является обыкновеннымъ гражданиномъ; дѣла между ними идутъ на судъ общественный. Но особенность отношеній между родителями и дѣтьми не допускала примѣненія въ этихъ случаяхъ обыкновенныхъ уголовныхъ законовъ. Надо было создать особые законы. Такія предписанія дѣйствительно находимъ мы въ Пандектахъ (1), въ главѣ: De obsequiis parentibus etc. „Если сынъ обидитъ своего отца или мать, которымъ онъ обязанъ почтеніемъ, или если нанесетъ имъ реальную обиду, то такое преступленіе преслѣдуется ex officio, такъ какъ тутъ считается заинтересованнымъ общественное благо".

§ 12. Также мало сдѣлало для выясненія понятія разбираемаго нами преступленія и законодательство Юстиніана.

Въ Кодексѣ Юстиніана (2) представляется только нѣсколько случаевъ обидъ: въ главѣ 9-й говорится: „Кто назоветъ свободнаго человѣка рабомъ, тотъ, безъ сомнѣнія, совершитъ обиду".

Далѣе § 10-й разъясняетъ дѣло на отдѣльномъ случаѣ: „Если Zenodorus назоветъ твою бабушку рабою общества города Comanensier, то на него можетъ быть подана жалоба за обиду, и онъ будетъ наказанъ, если будетъ доказано судомъ, что твоя бабушка не раба".

§ 3-й говоритъ: „Если ты не фальшивый доносчикъ, а тебя назовутъ этимъ именемъ, то не бойся, что чрезъ это будетъ запятнана твоя честь: ты можешь противъ обидчика подать обыкновеннымъ образомъ жалобу".

Всѣ эти случаи для насъ очень любопытны, такъ какъ могутъ служить объясненіемъ взгляда того времени на клевету.

Для выясненія понятія обиды вообще важенъ еще для насъ § 5-й Юстиніанова Кодекса, признающій за необходимое для существованія преступленія—намѣреніе обидѣть. Параграфъ гласитъ такъ: „Если ты можешь доказать, что сказалъ что-нибудь обидное безъ намѣренія обидѣть, то истинное положеніе дѣла предохранитъ тебя".

---

(1) Digest. 37, 15, 1.
(2) Codex. 9, 35.

Что касается, наконецъ, до институцій Юстиніана, (1) представляющихъ систематическое изложеніе юридическихъ институтовъ, то и тутъ мы не видимъ ничего новаго. Да оно и понятно: институціи есть ничто иное, какъ извлеченія изъ пандектовъ и изъ кодексовъ.

§ 13. Особый видъ преступленій противъ чести, существовавшій во всю исторію, но получившій окончательное и полное развитіе только во время имперіи, былъ liber famosus.

Опредѣлить точное значеніе liber famosus вообще довольно-трудно. Это было генерическое наименованіе цѣлой массы преступленій, носившихъ различныя названія и имѣвшихъ различныя значенія въ различное время исторіи.

Зачатки liber famosus видимъ мы во время еще XII-ти Таблицъ. Первый фрагментъ VIII-й Таблицы, какъ говорили уже мы выше, запрещалъ пѣніе и писаніе оскорбительныхъ для чести гражданина стиховъ. Стихи эти носили названіе еще тогда mala carmina и famosa. (2) Эти письменные стихи представляютъ первоначальное зарожденіе liber famosus.

Выясненіе этого преступленія, какъ самостоятельнаго, находимъ мы во время римской республики. Преступленіе это носило тогда названія carmen famosum, satyra, epigramma, psalterum, canticum и т. д. Какъ понималось оно въ тогдашнее время — это мы видимъ изъ слѣдующихъ словъ Ульпіана: (3) „Кто напишетъ, составитъ и издастъ общественно сочиненіе для униженія кого-нибудь въ глазахъ другихъ, тотъ совершаетъ carmen famosum“. Итакъ преступленіе, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь, состоитъ въ униженіи лица въ глазахъ другихъ, но только чрезъ посредство особаго способа, а именно чрезъ изданіе какого-нибудь сочиненія, предназначеннаго для распространенія въ обществѣ. Такое преступленіе должно было, конечно, считаться за болѣе важное, чѣмъ обыкновенная клевета. Если convicium выдѣлялось въ римскомъ правѣ, какъ особое преступленіе, вслѣдствіе того, что чрезъ громкій крикъ въ большомъ со-

(1) Instit. IV, 4, 9.
(2) Rein. ibid. § 357.
(3) Digest. 47, 10, 5, 9.

бранія возможно болѣе обезславить другое лицо, чѣмъ чрезъ сообщеніе объ немъ клеветническихъ слуховъ нѣсколькимъ лицамъ, то само-собою разумѣется, что написаніе сочиненія для распространенія его въ обществѣ,—сочиненія, доступнаго слѣдовательно для прочтенія еще много-большему числу лицъ, чѣмъ сколько могли бы услыхать крикъ одного человѣка,—должно было считаться и болѣе важнымъ преступленіемъ. Преступленіе это было на столько серьезнымъ, что наказывали не только сочинителя, но и распространителя, и всякаго, „кто сдѣлаетъ что-нибудь подобное" ([1]). Взглядъ республиканскаго періода на liber famosus высказываетъ еще очень подробно Paulus: ([2]) „Qui carmen famosum in injuriam alicujus vel alia quae libet cantica, quo agnosci possit, composuerit.—Carmen facit non tantum, qui satiras et epigrammata sed illegitimam insectandi alicujus causam quidve aliud alio genere componit.—Psalterium, quod vulgo dicitur canticum, in alterius infamiam compositum et publice cantatum, tam in eos qui hoc cantaverint, quam in eos qui composuerint, extraord. vindicatur".

Таково было значеніе liber famosus во время республики. Во время имперіи преступленіе это получило съ одной стороны громадное развитіе, а съ другой—выработался особенный видъ, а именно анонимный liber famosus. Анонимныя поносительныя письма встрѣчались, вѣроятно, и во время республики, но во всякомъ случаѣ тамъ они были, сравнительно, рѣдкостью. Это и понятно: при свободѣ республиканской жизни никто не имѣлъ надобности скрывать своего имени, всякій могъ выступить явно и обвинить своего согражданина въ извѣстномъ поступкѣ. Деспотія временъ имперіи лишила гражданъ свободы и заставила ихъ дѣйствовать изъ-за угла.

Анонимное liber famosus было однимъ изъ распространеннѣйшихъ преступленій во все время римской имперіи. Но кромѣ того выработался въ это время еще особый видъ liber famosus: цѣлая масса поносительныхъ писемъ начала писаться, подаваться прямо къ императорамъ съ цѣлью обвиненія въ уголовныхъ преступленіяхъ. Первые императоры поступали довольно-разумно: Августъ, напр., сожигалъ всѣ

(1) См. Digest. 47, 10, 5, 9.—См. Rein. ibid. § 379.
(2) Paulus. V, 4, 15 и 16.

письма, сочинитель которыхъ былъ неизвѣстенъ, затѣмъ, чтобы они не могли приносить никому никакого вреда; но само-собою разумѣется, что если открывали какимъ-нибудь способомъ сочинителя, желавшаго скрыть свое имя, то его наказывали, и наказывали очень строго. Точно такого же взгляда держались и четыре рескрипта императора Константина; но многіе другіе римскіе правители далеко не слѣдовали подобной умной политикѣ и давали силу анонимнымъ письмамъ. Не находя себѣ здравой поддержки со стороны общества, римскіе деспоты старались поддержать свою власть жестокостью и всевозможными, хотя бы и нечестными, средствами; при подобномъ состояніи дѣлъ, анонимныя письма дѣлаются для нихъ находкою. Прикрываясь анонимомъ, никто не стѣснялся дѣлать доносъ, а императоры пользовались этимъ и употребляли различные способы, чтобы узнать, не готовится ли дѣйствительно какой-нибудь вредъ для ихъ интересовъ. Подобное положеніе дѣлъ распространило, разумѣется, анонимныя liber famosus до громадныхъ размѣровъ. Опасаться было нечего: имя автора узнать не легко, а между тѣмъ трудно найти болѣе удобное средство насолить своему врагу. Принявъ во вниманіе страшное развращеніе тогдашняго общества, мы поймемъ, что этотъ видъ liber famosus и не могъ не быть сильно распространеннымъ.

Но правители, здраво смотрѣвшіе на дѣло, не могли, конечно, не преслѣдовать этого преступленія, и вотъ издается цѣлый рядъ законовъ Константина, Валента, которые говорятъ объ этомъ преступленіи. О нихъ же говоритъ и Codex Theodosius, (1) равно какъ и Codex Justinianus (2) въ статьяхъ о liber famosus. По постановленію Валента, за виновника liber famosus считалось не только лицо, которое писало и распространяло его, но даже и то, которое, найдя его гдѣ-нибудь, не сожигало немедленно. Ѳеодосій прибавилъ, что тотъ, кто прочтетъ liber famosus, не долженъ никому сообщать о немъ, иначе онъ будетъ наказанъ какъ и сочинитель. Точно такое же постановленіе императора Аркадія: всякій, прочитавшій liber famosus и несжегшій его тотчасъ же, а равно и тотъ, кто зналъ автора и не донесъ, считался преступникомъ.

(1) Cod. Theod I, 1—4, de fam. lib.
(2) Cod. Just. IX, 36.

Разсматривая внимательно всѣ эти преступленія, нельзя не прійти, впрочемъ, къ убѣжденію, что liber famosus въ этомъ послѣднемъ своемъ видѣ, т. е. какъ представляемое императору письмо съ обвиненіемъ въ уголовномъ преступленіи, не слѣдуетъ причислять къ категоріи преступленій противъ чести; это особый видъ уголовныхъ преступленій, одинъ изъ видовъ лживаго доноса, такъ какъ главнѣйшею его цѣлью было возбужденіе уголовнаго преслѣдованія.

Но анонимныя liber famosus, распространяемыя въ обществѣ съ цѣлью унизить извѣстное лицо въ глазахъ общественнаго мнѣнія, были, конечно, ничѣмъ инымъ, какъ однимъ изъ видовъ преступленій противъ чести, и, въ добавокъ, однимъ изъ видовъ клеветы. Это liber famosus не измѣняло своего характера во все время римской исторіи. Самымъ яснымъ доказательствомъ сего служитъ то, что институціи, изданныя Юстиніаномъ, удержали то опредѣленіе, которое дано было прежде Ульпіаномъ, безъ всякаго почти измѣненія. Вотъ слова институцій по отношенію къ этому (*): „Si quis ad infamiam alicujus libellum aut carmen scripserit composuerit ediderit dolove malo fecerit.....“ Что касается до наказанія за частный liber famosus, то оно сначала было, вѣроятно, тоже денежное, какъ и за всѣ остальныя преступленія противъ чести, но позднѣе за него назначалось deportatio in insulam и даже relegatio; съ этимъ вмѣстѣ, по свидѣтельствамъ памятниковъ, соединялось и intestabilitas.

III. ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЯ ЧЕРТЫ ПРЕСТУПЛЕНІЙ ПРОТИВЪ ЧЕСТИ.

§ 14. Выше выставили мы понятіе римлянами своей чести, какъ existimatio. Мы указали на разницу этого понятія въ сравненіи со взглядомъ на честь новѣйшаго времени. Existimatio есть право римскаго гражданина, пожалованное ему государствомъ. Честь, по взгляду новѣйшаго времени, получается человѣкомъ не столько отъ государства,

(*) Inst. IV, 4, 1.

сколько зависитъ отъ самой природы человѣка и отъ того общества, въ которомъ онъ живетъ. Мы сказали, что и римское право до нѣкоторой степени признавало этихъ факторовъ; хотя въ слабомъ видѣ, оно уважало и человѣческую природу вообще, общественное же мнѣніе было постояннымъ двигателемъ всего законодательства. Но какъ бы то ни было, а первымъ и главнымъ факторомъ остается все-таки государство. Какого бы хорошаго мнѣнія ни было объ извѣстномъ лицѣ все общество, но одно общественное мнѣніе еще не значило ничего, existimatio такимъ лицомъ не пріобрѣталось,—нужно было распоряженіе государственной власти. Точно также и дурное мнѣніе общества о своемъ сочленѣ не лишало еще этого послѣдняго права пользоваться existimatio: нуженъ былъ приговоръ государства, нужно было обвиненіе лица въ преступленіи, достойномъ capitis deminutio maxima.

Изъ подобнаго взгляда на честь вытекаетъ совершенно послѣдовательно и весь взглядъ римлянъ на преступленія противъ чести.

Въ представленномъ выше историческомъ очеркѣ мы перечислили наказуемые случаи обидъ (въ тѣсномъ смыслѣ слова) по римскому праву. Случаи эти были слѣдующіе: кромѣ реальныхъ обидъ, неимѣющихъ непосредственнаго отношенія къ нашему изслѣдованію, римское право знало еще, во 1-хъ, convicium, во 2-хъ infamia, въ 3-хъ liber famosus и, въ 4-хъ, оскорбленіе чести женщины. Затѣмъ, по закону XII-ти Таблицъ, наказывалось, во 1-хъ, пѣніе и писаніе стиховъ съ цѣлью опозорить другое лицо и, во 2-хъ, обида вообще, въ неопредѣленномъ смыслѣ. Этими категоріями ограничиваются всѣ существовавшія въ римскомъ правѣ запрещенія; все невходящее сюда было дозволено или по крайней мѣрѣ не считалось преступленіемъ.

Но ближайшее разсмотрѣніе всѣхъ этихъ случаевъ приводитъ насъ къ тому убѣжденію, что римское право въ этой области было далеко не полно. Въ самомъ дѣлѣ, разберемъ представленныя преступленія.

При изложеніи каждаго изъ отдѣльныхъ преступленій мы старались указать сходство нѣкоторыхъ изъ нихъ между собою. Мы указали уже, что convicium, infamia, liber famosus и преступленіе, запрещенное въ 1-мъ фрагментѣ VIII-й

Таблицы, имѣютъ между собою очень много общаго. Всѣ эти преступленія состоятъ въ униженіи лица въ глазахъ его согражданъ и различаются, главнымъ образомъ, только по способу совершенія. Писаніе и пѣніе унизительныхъ стиховъ, запрещаемое въ XII-ти Таблицахъ, перестало существовать, какъ особенное преступленіе, въ преторскомъ эдиктѣ, а вошло частію въ convicium, частію же въ liber famosus. Infamia и liber famosus отличались между собою единственно только формою совершенія: тогда какъ первое изъ этихъ преступленій запрещало униженіе лица въ глазахъ другихъ какими бы то ни было способами, liber famosus представляло специфическій видъ, выдѣленный изъ этого общаго запрещенія и поставленный отдѣльно, какъ самостоятельное преступленіе. Большое сходство замѣчается также между infamia и convicium; второе представляется тоже ничѣмъ инымъ, какъ видомъ перваго преступленія, выгороженнымъ по особому же способу своего совершенія, хотя, впрочемъ, съ другой стороны оно понимается и въ болѣе обширномъ смыслѣ: въ convicium запрещается не только униженіе лицъ въ глазахъ другихъ, но съ этимъ вмѣстѣ уравнивается и всякая брань и всякое нанесеніе даже какого-либо иного вреда чести римскаго гражданина. Наконецъ, совершенно изолированно стоитъ защита женской чести.

Любопытно дѣленіе, которое представляетъ намъ Ульпіанъ, по отношенію къ обидамъ. „Обиды, говоритъ онъ, (*) направляются или на тѣло, или на dignitas, или на доброе имя гражданина. Обида совершается противъ тѣла тогда, когда наносятся удары, противъ dignitas —когда уводится проводникъ у матроны и противъ добраго имени, когда дѣлается нападеніе на чью-нибудь стыдливость (pudicitia)“. Три представленныя здѣсь категоріи, такимъ образомъ, какъразъ совпадаютъ съ только-что указанными нами. Считая особымъ видомъ реальныя обиды, Ульпіанъ признаетъ за таковой же и преступленіе противъ женской чести; всѣ же остальныя преступленія сводитъ онъ въ одну категорію. Обезславленіе, униженіе лица въ глазахъ другихъ, есть дѣйствительно отличительное содержаніе всѣхъ этихъ преступленій. Но и въ оскорбленіяхъ женской чести существуетъ

(*) Digest. 47, 10, 1, 2.

главнымъ образомъ та же основная мысль. Женщина не считается оскорбленною, напр., по словамъ Ульпіана, если преслѣдователь идетъ за нею не долго и не обращаетъ этимъ на нее вниманія другихъ гражданъ; но является infamia, коль скоро преслѣдованіе дѣлается продолжительнымъ, явнымъ.

Итакъ обезславленіе, униженіе въ глазахъ другихъ, является главнѣйшею основною чертою, проходящею чрезъ всѣ преступленія противъ чести по римскому праву. Исключенія если и существуютъ, то только въ нѣкоторыхъ случаяхъ оскорбленія женской чести, въ convicium, признаваемомъ не только при униженіи лица въ глазахъ другихъ, но и при нанесеніи всякаго вреда его чести, и, наконецъ, въ особомъ неясномъ преступленіи, запрещенномъ въ XII-ти Таблицахъ, но потомъ совсѣмъ исчезнувшемъ изъ римскаго права; мы говоримъ о запрещеніи въ 4-мъ фрагментѣ VIII-й Таблицы „обиды вообще“.

При подобномъ взглядѣ на дѣло открывается дѣйствительно неполнота запрещеній относительно преступленій противъ чести въ римскомъ правѣ, если посмотрѣть съ нашей точки зрѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, къ какой изъ представленныхъ выше категорій слѣдуетъ отнести обыкновенную обиду въ тѣсномъ смыслѣ этого слова? По какому закону должно быть наказано лицо, обидѣвшее другое одинъ-на-одинъ безъ всякаго желанія унизить его въ глазахъ другихъ?—Если то была женщина, то мы немедля отнесемъ это преступленіе къ тому, о которомъ говоритъ Ульпіанъ въ § 21-мъ; а если это былъ мужчина? Преступленіе это не подойдетъ тогда ни подъ одинъ изъ представленныхъ выше случаевъ: оно не совершается чрезъ громкій крикъ при большомъ собраніи народа, слѣдовательно это не convicium, не совершается чрезъ письменные акты, предназначенные для униженія лица въ цѣломъ обществѣ, слѣдовательно — не liber famosus; не есть это и infamia. Преступленіе это, конечно, могло бы быть подведено подъ запрещеніе 4-го фрагмента VIII-й изъ XII-ти Таблицъ, вслѣдствіе общности и неопредѣленности выставленнаго тамъ понятія; но запрещенія этого мы не находимъ въ преторскомъ эдиктѣ, а затѣмъ и во всей послѣдующей исторіи римскаго права.

Такимъ образомъ, обыкновенныя обиды (въ тѣсномъ смыслѣ этого слова) не запрещаются ни въ одномъ изъ со-

хранившихся до насъ римскихъ юридическихъ памятниковъ; полнота же институцій, пандектовъ и кодексовъ дастъ намъ полное право признать все неуказанное въ нихъ за дозволенное вообще римскими законами. Только два случая являются какъ исключенія, а именно—когда оскорбляется честь женщины и когда обида произносится крикомъ въ большомъ собраніи.

Подобный, крайне-важный, выводъ какъ-то плохо замѣчался, къ несчастію, почти всѣми изслѣдователями римскаго права. Такой почтенный криминалистъ, какъ Миттермайеръ, въ одномъ изъ своихъ сочиненій говоритъ: „Только тамъ и признавало римское право оскорбленіе чести, гдѣ кто-нибудь обращался съ другимъ такимъ способомъ, который по римскому понятію считался достойнымъ презрѣнія, или которымъ старались представить другое лицо во мнѣніи его согражданъ недостойнымъ уваженія“.—Миттермайеръ говоритъ: только эти виды и считались преступленіями противъ чести. Мы спросимъ: какіе же могутъ быть еще способы оскорбленія чести? Обращеніе съ согражданиномъ такимъ образомъ, который считается, по понятію даннаго времени, достойнымъ презрѣнія, есть обида, униженіе лица во мнѣніи другихъ есть клевета. Какихъ-либо еще видовъ оскорбленія чести не знали не только римляне, но не знаемъ и мы до настоящаго времени.

Изъ всѣхъ изслѣдователей только Гельшнеръ (*), хотя и въ краткихъ словахъ, высказываетъ тотъ же взглядъ, который выставленъ и нами. „Римляне, говоритъ онъ, казались, странымъ для насъ образомъ, нечувствительными къ тѣмъ оскорбленіямъ, которыя направляются непосредственно противъ чести въ формѣ порицанія или брани“.

Узнать дѣйствительную причину подобной нечувствительности довольно-трудно, но, кажется, нельзя не согласиться, что она лежитъ во взглядѣ римлянъ на честь. Понимая честь, какъ existimatio, какъ благо, пожалованное государствомъ, римлянинъ считалъ за преступленіе далеко не всякое нарушеніе этой чести, а только одно прямое непризнаніе за нимъ правъ государственнаго гражданина. Такъ какъ обижался у нихъ не человѣкъ, а гражданинъ,

(*) Hälchner. System. T. II, § 203.

то и обида, поэтому, тогда только существовала, когда задѣвалось какое-либо изъ правъ римскаго гражданина.

Подобнымъ же взглядомъ на честь объясняется и та всеобъемлемость постановленій, запрещающихъ униженіе римскаго гражданина въ глазахъ другихъ. На первый взглядъ кажется страннымъ, почему у такого свободнаго народа, какъ римляне, существовало столько запрещеній по отношенію къ клеветѣ. Право, наприм., англійское, которое одно можно было бы поставить въ настоящее время въ параллель съ правомъ римскимъ—по большей степени свободы англичанъ, чѣмъ кого-либо изъ всѣхъ обитателей Европы, отличается отъ права римскаго тѣмъ, что свобода слова и свобода сужденій предоставляются въ немъ въ большей степени. Англичанинъ, какъ увидимъ мы ниже въ особомъ изслѣдованіи, пользуется правомъ не только высказывать, но даже и печатать свое мнѣніе объ извѣстномъ изъ своихъ согражданъ. Ограниченія, существующія здѣсь, совсѣмъ не такъ велики, какъ въ правѣ римскомъ, между тѣмъ какъ свобода римскаго гражданина стояла даже много выше свободы англичанъ. Отчего же такое стѣсненіе? Объясненіе одно: это обусловливается различіемъ понятія чести. Тогда какъ честь англичанина зависитъ преимущественно отъ признанія се согражданами, честь римлянина есть благо, пожалованное государствомъ. Англичанинъ хорошо понимаетъ, что главный дѣятель въ признаніи чести есть мнѣніе всѣхъ его сочленовъ, и считаетъ себя въ правѣ высказывать и свое мнѣніе; римлянинъ же владѣетъ своимъ existimatio, какъ благомъ, пожалованнымъ государствомъ, понимаетъ, что одно только государство и можетъ отнять его, и не позволяетъ никому болѣе прикасаться къ этому благу. Отсюда—обширное запрещеніе случаевъ клеветы.

IV. ПОНЯТІЕ КЛЕВЕТЫ.

§ 15. Все представленное нами выше показываетъ, что униженіе лица въ глазахъ другихъ считалось у римлянъ за очень важное преступленіе; только одно оно почти и запрещалось подъ именемъ „convicium“, подъ именемъ „infamia“ и подъ именемъ „liber famosus“.—Пре-

ступленіе же это, какъ мы имѣли уже случай упоминать нѣсколько разъ, есть ничто иное какъ клевета; но, впрочемъ, въ Римѣ это преступленіе принимало извѣстныя особенности. (*)

Широкое признаніе клеветы въ римскомъ правѣ и запрещеніе ея даже подъ нѣсколькими наименованіями не могли, конечно, не повліять и на разработку великими юрисконсультами Рима этого преступленія. Оно дѣйствительно разработано ими, и выяснены всѣ условія, представляющія его въ довольно-ясномъ свѣтѣ. Разслѣдуя исторію преступленія клеветы, для насъ, конечно, очень любопытно просмотрѣть сдѣланные ими выводы, и мы считаемъ, поэтому, полезнымъ сгруппировать условія преступленія клеветы по римскому праву.

Первымъ условіемъ, признаваемымъ во всѣхъ случаяхъ клеветы, было требованіе *распространенія* извѣстнаго слуха.

Что касается до convicium, то приведенное выше выясненіе этого слова, а затѣмъ и самаго преступленія, должно было привести насъ къ ясному и положительному убѣжденію, что условіе это здѣсь существовало. Параграфы 11-й и 12-й прямо говорятъ: „только то есть convicium, что произносится въ собраніи и крикомъ“.

Тоже можно сказать и по отношенію къ пасквилямъ. „Кто общественно издалъ сочиненія для безславія другого лица“, говоритъ § 9-й, „кто выводитъ въ свѣтъ эпиграмму“ (§ 10) и затѣмъ много другихъ подобныхъ же статей ясно подтверждаютъ наше положеніе.

(*) Въ нѣмецкой литературѣ существуетъ крайне-оригинальное мнѣніе по отношенію къ римскому ученію о клеветѣ, а именно Гофманъ (Beiträge zur Lehre von Injurien), излагая этотъ вопросъ, говоритъ: „При всемъ моемъ стараніи не могъ я отыскать въ Corpus juris того преступленія, которое мы въ настоящее время называемъ клеветою. Объ немъ не упоминается ни въ тѣхъ общихъ мѣстахъ, гдѣ говорится о всѣхъ случаяхъ оскорбленія чести, ни въ отдѣльныхъ разборахъ каждаго случая обиды. Не только convicium, но и infamia не имѣетъ ничего общаго съ клеветою. § 25-й, запрещающій „Ne quid infamandi causa fiat“, говоритъ не о мнѣніи, высказываемомъ отдѣльнымъ лицомъ, а объ общественномъ дурномъ или хорошемъ мнѣніи. Примѣры, приведенные въ § 27-мъ, подтверждаютъ тоже“.

Мы видѣли уже указанные Гофманомъ параграфы, и совершенно не соглашаемся съ сдѣланнымъ имъ выводомъ. Очень ясно опровергаетъ слова Гофмана и Рейнъ (Das Criminalrecht der Römer) на 364 стр.

Что касается до преступленія, запрещеннаго словами: „ne quid infamandi causa fiat“, то тамъ это условіе замѣтно не вездѣ такъ ясно, какъ въ двухъ первыхъ случаяхъ; напротивъ, § 12-й даетъ основаніе предполагать какъ бы противное: „что произносится въ собраніи, то convicium, что произносится не въ собраніи, то—infamia“. Но выясненіе понятія convicium показало намъ, что здѣсь рѣчь идетъ не только о собраніи или, другими словами, о присутствіи вообще при совершеніи преступленія другихъ лицъ, а о собраніи болѣе или менѣе многолюдномъ; поэтому тотъ же § 12-й говоритъ, что „convicium совершается въ собраніи и крикомъ“. Требованіе крика показываетъ, что здѣсь идетъ рѣчь уже не объ одномъ или двухъ лицахъ, а о многолюдномъ собраніи, которое не услышитъ простого голоса, для котораго нуженъ крикъ. Въ подтвержденіе же существованія при infamia признака распространенія напомнимъ мы, во 1-хъ, сдѣланное объясненіе слова infamia; во 2-хъ, то же доказываетъ прямой смыслъ случаевъ infamia. Употребленіе траурнаго платья и отпущеніе волосъ, по разъясненію fr. 39-го, распространеніе насмѣшливыхъ стиховъ, приведеніе въ извѣстность общества продажи заклада, распространеніе записокъ и нѣкоторые другіе случаи столь ясно говорятъ о необходимости при infamia распространенія, что, кажется, не можетъ быть въ этомъ никакого сомнѣнія.

Требованія распространенія извѣстныхъ поступковъ о лицѣ въ средѣ другихъ признается за первое условіе клеветы и въ настоящей наукѣ и кодексахъ. Признакъ этотъ считается дѣйствительно первымъ, такъ какъ онъ представляетъ главное отличіе клеветы отъ схожаго съ нею преступленія—обиды. Обида, какъ упоминали уже мы въ 1-й главѣ настоящаго изслѣдованія, направляется противъ самаго обиженнаго, съ клеветою же преступникъ обращается къ другимъ лицамъ и между ними распространяетъ извѣстные слухи о поступкахъ оскорбляемаго.

Такимъ образомъ, римляне признавали то условіе клеветы, которое признается и новѣйшею наукою. Но этого мало. Римляне понимали его много шире тѣхъ размѣровъ, въ которыхъ употребляется оно теперь. Наказывая распространеніе извѣстныхъ недозволенныхъ слуховъ, они наказывали не только самихъ распространителей, но и лицъ, со-

дѣйствовавшихъ этому. Преторъ даетъ равномѣрно судъ не только противъ совершающихъ convicium, но и противъ тѣхъ, которые дали поводъ къ совершенію подобнаго поступка (*). § 8-й объясняетъ, далѣе, что „convicium совершалъ не только тотъ, кто кричалъ самъ, но и тотъ, кто побуждалъ другихъ къ крику, или послалъ ихъ сдѣлать это". Въ статьѣ о пасквиляхъ считается виновнымъ не только распространитель, но и тотъ, „кто написалъ, составилъ письмо для оклеветанія другого, или посредствомъ коварства довелъ до того, что случилось что-нибудь въ этомъ родѣ" (**). Сюда же причисляютъ, затѣмъ, и лицъ, заботящихся о продажѣ и покупкѣ подобныхъ сочиненій.

Всѣ вышеприведенныя мѣста показываютъ, что первое условіе клеветы понималось въ очень обширномъ значеніи. Считаются виновными не только распространители, подстрекатели, составители пасквилей и т. п., но и лица, доведшія до того, что случилось оскорбленіе чести, и даже давшія только поводъ къ этому.

Способъ распространенія служилъ признакомъ различія видовъ клеветы. Три указанные выше случая (convicium, infamia и пасквиль) различались именно только способомъ распространенія.

§ 16. Вторымъ условіемъ клеветы, признаваемымъ настоящею наукою, является ложность распространяемыхъ слуховъ. Клевета, говорятъ, тогда только и существуетъ, когда распространяются слухи ложные; сообщеніе правды не можетъ быть запрещаемо.

Вопросъ о томъ: признавало ли римское право необходимымъ для существованія преступленія клеветы ложность сообщаемаго—есть очень важный вопросъ. Было ли безславіемъ, если кто-либо сообщалъ про другое лицо что-нибудь позорное и обѣщался въ то же время доказать все сказанное имъ и дѣйствительно имѣлъ возможность сдѣлать это? Позволялось ли, далѣе, чрезъ посредство convicium сообщать правдивые слухи, или же convicium запрещалось безусловно? И можно ли было чрезъ посредство liber famosus распространять истинный фактъ?—Вотъ вопросы, которые мы должны разрѣшить.

(*) Digest. 47, 10, 15.
(**) Digest. 47, 10, 15, 8.

При чтеніи пандектовъ представляется, на первый взглядъ, какъ бы отрицательное рѣшеніе. Дѣйствительно во всемъ, напр., § 15-мъ, разбирающемъ ясно всѣ виды обидъ, не встрѣчается ни одного указанія на этотъ вопросъ. Но это только съ перваго взгляда; тщательное же разсмотрѣніе памятниковъ приводитъ къ противоположному рѣшенію, а именно въ одномъ мѣстѣ Paulus (lib. XV) говоритъ (*): „Eum qui nocentum infamavit, non esse bonum aequum ob eam rem condemnari: peccata enim nocentium nota esse et oportere et expedire". Смыслъ этихъ словъ ясенъ: infamia существуетъ только при лживости распространяемаго.

Таково разрѣшеніе настоящаго вопроса словами пандектовъ. Но мнѣ кажется, что подобный же взглядъ на дѣло долженъ бы составиться, еслибъ даже не было ни одного указанія въ юридическихъ актахъ. Запрещеніе гражданамъ сообщать о безнравственныхъ или даже и преступныхъ поступкахъ кого-либо изъ своихъ сочленовъ не согласно съ законами общежитія. Жизнь человѣческая въ обществѣ только и возможна при извѣстной долѣ довѣрія къ другимъ согражданамъ. А если это такъ, то сообщеніе одного гражданина другому о поступкахъ третьяго лица, унижающихъ этого послѣдняго, не можетъ быть запрещаемо, иначе оцѣнка обществомъ своихъ членовъ, такъ-называемое *общественное мнѣніе*, потеряетъ всякое значеніе.

Такимъ образомъ, бѣглый взглядъ на самую римскую жизнь даетъ рѣшеніе представленнаго нами выше вопроса. Право каждаго гражданина осуждать дѣйствительно дурные поступки другихъ сочленовъ, тѣмъ болѣе сообщать о нихъ другимъ, было настолько естественнымъ и понятнымъ правомъ для каждаго, что это не считалось нужнымъ опредѣлять въ законѣ. Этимъ-то и объясняется молчаніе объ этомъ вопросѣ преторскаго эдикта. Каждый понималъ хорошо, что преторъ запрещалъ безславить только лицъ, пользующихся уваженіемъ; лицо же, которое само обезславило себя, которое совершило поступки, недостойные римскаго гражданина, переставало быть славнымъ; сообщеніе другимъ того, что оно сдѣлало, не будетъ его безславіемъ, а будетъ простымъ разсказомъ дѣйствительно-совершившагося. Право на это ясно

(*) Digest. 47, 10, 18.

чувствуетъ за собою каждый гражданинъ безъ всякаго дарованія ему такового преторомъ.

Свобода сообщать свои мнѣнія уменьшилась во времена императоровъ, а поэтому могъ подвергнуться сомнѣнію и разбираемый вопросъ. Этимъ, вѣроятно, и можно объяснить постановленіе императора Діоклитіана, подтверждающее право сообщать справедливые слухи. „Если ты можешь доказать—говорится въ Кодексѣ Юстиніана—что сказалъ обидное безъ намѣренія обидѣть, то истина сообщеннаго предохранитъ тебя отъ обвиненія въ клеветѣ“ (*).

Наконецъ, требованіе условія лживости распространяемаго подтверждается и многими случаями клеветы. По римскому праву, появленіе, напр., въ траурномъ платьѣ тогда считается преступленіемъ, когда это дѣлается „ad invidiam alicujus“; обида существуетъ, если кого-нибудь назовутъ должникомъ, тогда какъ онъ не долженъ; при обидѣ, наносимой женщинѣ, разбиралось платье, въ которомъ она находилась: если обидчикъ указывалъ, что та женщина, къ которой относились сказанныя слова, была одѣта въ блудное платье, то обида пропадала. Подобныхъ примѣровъ очень много въ римскихъ памятникахъ.

Такимъ образомъ, что касается до самаго простѣйшаго способа совершенія клеветы въ римскомъ правѣ, т. е. до того, который мы назвали infamia, то здѣсь не могло уже никоимъ образомъ существовать сомнѣнія въ допускаемости такъ-называемаго exceptio veritatis (**).

Теперь возникаетъ другой вопросъ: существовало ли тоже самое и по отношенію къ convicium, другими словами: запрещалось ли излагать въ собраніи громкимъ крикомъ не только лживые, но и истинные факты?—И этотъ вопросъ должно рѣшить такъ же, какъ рѣшили мы его по отношенію къ infamia.

Мы говорили уже выше, что зарожденіе преступленія convicium находится еще въ XII-ти Таблицахъ, и указали, что это есть ничто иное, какъ развитіе того преступленія, которое показывалось въ 1-мъ фрагментѣ VIII-й таблицы. По

(*) Codex. IX. 35. 5.

(**) Съ этимъ соглашаются и всѣ изслѣдователи римской обиды. См., напр., Рейнъ на стр. 367 и сл., Вальтеръ на стр. 283 и сл., Гофманъ на ст. 506 и сл., Миттермайеръ въ Архивѣ Угол. Права за 1839 г. на стр. 4-й и слѣд.; и др.

отношенію же къ этому послѣднему преступленію находимъ мы приведенныя уже выше слова древнихъ писателей. У схоліаста Акрона имѣется слѣдующая фраза: „ты будешь оправданъ судьями, если справедливо будешь поносить честь другого“. Затѣмъ Горацій еще болѣе расширяетъ это дозволеніе словами: „если кто-нибудь унизилъ бы правдиво, хотя и въ оскорбительныхъ выраженіяхъ, достоинства человѣка, тотъ не наказывается, такъ какъ XII Таблицъ дозволяютъ осмѣивать справедливо“. (*)

Таковъ былъ коренной римскій взглядъ, существовавшій съ XII-ти Таблицъ. Въ дальнѣйшей республиканской жизни онъ, конечно, получилъ еще большее развитіе.

Доказательствомъ того, что convicium не считалось преступленіемъ, если распространяемое было справедливо, служитъ прежде всего то, что нигдѣ въ актахъ не видимъ мы указанія на противное, а такое указаніе было бы, кажется, необходимо, если бы convicium представляло въ этомъ отношеніи исключеніе, между тѣмъ какъ во многихъ мѣстахъ юридическихъ памятниковъ, напр. въ § 12-мъ, находимъ мы ясно выставленныя всѣ другія различія convicium отъ infamia.

Затѣмъ для рѣшенія этого вопроса сошлемся мы и на самую римскую жизнь.—Жизнь римская, какъ извѣстно, происходила главнымъ образомъ на площадяхъ, въ публичныхъ собраніяхъ; тамъ проводилъ римлянинъ бо́льшую часть дня, тамъ производились постоянные выборы. Возможно ли было при свободѣ словъ запрещать высказывать тутъ же на площади, въ присутствіи всѣхъ, правду о томъ или другомъ изъ своихъ согражданъ? Полагаемъ, что нѣтъ; иначе самая свобода потеряла бы всякое значеніе. Представимъ себѣ, напр., собравшійся народъ для выбора цензора, претора и т. д. Предлагается выбрать А; но оказывается, что гражданину В извѣстенъ какой-нибудь поступокъ А, который этотъ послѣдній съумѣлъ скрыть отъ всѣхъ другихъ согражданъ, а между тѣмъ поступокъ такой, что знаніе его другими согражданами повело бы къ полному отказу выбора А въ какія-либо должности. Неужели же В не будетъ имѣть права тутъ же указать на этотъ поступокъ, и долженъ молчаливо присутствовать и подавать голосъ при избраніи А въ пре-

(*) См. Dirksen. Uebersicht der Zwölf-Tafel-Fragmente, ст. 509.

торы, цензоры и т. д.? Да гдѣ же послѣ этого свобода римскаго гражданина?—Не думаемъ, чтобы могло существовать что-либо подобное. Всякому гражданину предоставляется свободное право говорить все, что онъ знаетъ про избираемаго, но съ обязательствомъ, конечно, доказать вѣрность разсказываемаго, иначе онъ отвѣтитъ за convicium.

Повидимому, нужно было ожидать измѣненія подобнаго взгляда на дѣло при императорахъ. Общественная жизнь Рима въ это время ослабла, собранія на площадяхъ исчезли, выборъ въ магистраты сталъ зависѣть единственно отъ воли императора, свобода слова вмѣстѣ со свободою вообще уменьшилась; параллельно съ этимъ должно было бы уменьшиться или, вѣрнѣе, совсѣмъ исчезнуть и право гражданъ высказывать свои сужденія о другихъ, по крайней мѣрѣ въ той формѣ, въ какой это дозволялось прежде, а именно должно было запретить convicium. Но не то мы видимъ на самомъ дѣлѣ. Приведенное выше постановленіе Діоклитіана хотя и относится по своему содержанію къ клеветѣ вообще, но тѣмъ не менѣе говоритъ въ частности о convicium.

Наконецъ, мы, кажется, будемъ правы, если и самое опредѣленіе Ульпіаномъ слова convicium въ книгѣ LXXVII (*) объяснимъ такъ, что имъ запрещалось только сообщеніе лживыхъ фактовъ. Ульпіанъ говоритъ: „Преторъ запрещаетъ не всякій крикъ, а только тотъ, который противенъ добрымъ нравамъ; подъ словами же „противное добрымъ нравамъ“ должно понимать все то, что противно добрымъ нравамъ цѣлаго государства“. (**) Не думаемъ, чтобы добрымъ нравамъ римскаго государства было противно сообщеніе истинныхъ слуховъ, даже въ формѣ convicium.

Что касается теперь до liber famosus, то и по отношенію къ нему придется сказать тоже, что сказано уже относительно двухъ первыхъ случаевъ клеветы.

Коренной римскій взглядъ, на который указываетъ Горацій по отношенію еще къ XII-ти Таблицамъ, дозволялъ разсказывать истинные факты въ какихъ угодно выраженіяхъ. (***) Слова Горація показываютъ, такимъ образомъ,

---

(*) Digest. 47, 10, 15, 2, 3.
(**) Digest. 47, 10, 15, 6.
(***) См. приведенныя выше слова Горація.

что по римскому взгляду на форму выраженій не обращали вниманія, коль скоро сообщаемое было вѣрно.

Въ теченіи всего республиканскаго періода нигдѣ не видимъ мы указаній на отмѣну этого постановленія; напротивъ, точный смыслъ тѣхъ мѣстъ, которыя говорили о liber famosus, даетъ право утверждать, что взглядъ этотъ остался въ полной силѣ. Paulus (LV кн.) говоритъ, что „при liber famosus обида признается на общихъ основаніяхъ“.

Во время имперіи liber famosus, какъ извѣстно, получаетъ громадное развитіе. Является множество пасквилей анонимныхъ, наносившихъ большой вредъ и безпокойство правильному ходу жизни. Съ другой стороны измѣнился уже и взглядъ на свободу гражданина выражать свое мнѣніе. Все это привело, наконецъ, къ изданію особаго постановленія въ Конституціяхъ императора Константина. Постановленіе это, помѣщенное въ Кодексѣ Теодора, (*) наказывало распространителя поносительнаго письма, хотя бы и была доказана истина сообщаемаго. Распоряженіе это мотивировалось тѣмъ, что способъ совершенія преступленія чрезъ liber famosus самъ-по-себѣ беззаконенъ, и если лицо, написавшее его, узнало уголовный поступокъ обвиняемаго, то оно должно было донести на него, а не выбирать путь внѣ судебнаго порядка.

Изъ всего изложеннаго становится понятно, что римское право признавало за условіе клеветы—ложность распространяемаго. Клевета существовала только тогда, когда сообщаемые про другое лицо поступки были несправедливы, выдуманы; за сообщеніе истины не было и не могло быть наказанія. Исключеніе существовало единственно для liber famosus, да и это запрещеніе явилось только уже во времена имперіи.

§ 17. Третье необходимое условіе клеветы, признаваемое римскимъ правомъ, состояло въ томъ, чтобы распространяемое про другое лицо было или преступно, или безнравственно, или вообще недостойно чести гражданина. Признаніе этого условія римскимъ правомъ на столько понятно, что не можетъ быть сомнѣнія въ его существованіи. Самое слово infamia показываетъ ясно, что распространяемое способно

(*) Cod. Theod. de famos. libell. IX, 34.

обезчестить лицо, а обезчестить лицо можетъ только сообщеніе про него чего-нибудь дурного, безнравственнаго. Доказательствъ этому, далѣе, имѣемъ мы много въ юридическихъ актахъ, самое же ясное изъ нихъ представляютъ §§ 5-й и 6-й (*). Convicium, говорятъ они, есть распространеніе про лицо того, что не одобряется добрыми правами. Въ теченіи предъидущаго изложенія мы часто упоминали объ этомъ вопросѣ, и полагаемъ, что будетъ излишне перечислять снова всѣ относящіяся сюда доказательства.

Но упомянутый выше § 6-й имѣетъ еще другое, болѣе важное, значеніе. Всѣ новые кодексы, какъ увидимъ мы ниже, принимаютъ за необходимое условіе клеветы требованіе, чтобы распространяемые поступки были дурны, способны унизить лицо въ глазахъ другихъ; но, соглашаясь съ этимъ, кодексы различаются въ томъ, что̀ слѣдуетъ назвать дурнымъ и что̀ хорошимъ. Далѣе, нѣкоторыя государства признаютъ клевету не при распространеніи всего дурного, а только извѣстныхъ дурныхъ поступковъ, напр., только при разглашеніи о преступленіи, совершенномъ лицомъ и т. д. Какъ же теперь смотрѣло на этотъ вопросъ римское право? Отвѣтъ на это даетъ намъ именно приведенный выше § 6-й, который гласитъ: convicium существуетъ только при распространеніи поступковъ, противныхъ добрымъ правамъ; слова̀ же эти должно понимать такъ, что тутъ идетъ рѣчь не о добрыхъ правахъ того лица, про которое разсказываютъ, а о томъ, что̀ вообще противно добрымъ правамъ нашего государства. (**) Смыслъ словъ юриста ясенъ: для совершенія клеветы должно распространять о лицѣ такіе поступки, которые признаны римскимъ государствомъ какъ недостойные чести его гражданина; на взгляды отдѣльныхъ личностей, равно какъ и на взгляды отдѣльныхъ кружковъ гражданъ, не должно обращать никакого вниманія. При рѣшеніи въ настоящее время вопроса о томъ—существуетъ ли въ извѣстномъ случаѣ клевета, приходится обращать вниманіе на взгляды отдѣльныхъ кружковъ лицъ; очень многое такое признается обиднымъ для чести человѣкомъ образованнымъ, въ чемъ человѣкъ необразованный не найдетъ ничего оскорбительнаго. У римлянъ этого нѣтъ. Въ римской

(*) Digest. 47, 10, 15, 5 и 6.
(**) Degest. 47, 10, 15, 6.

республикѣ, между римскими гражданами, пѣтъ классовъ, вездѣ одна единица — римскій гражданинъ, имѣющій одинаковыя права и одно existimatio; каждый желаетъ владѣть именно этою долею чести и считаетъ за униженіе, коль скоро не будетъ признано за нимъ какое-нибудь изъ правъ, присущихъ каждому гражданину.

Что же касается теперь до вопроса о томъ — какіе именно поступки считались на столько дурными, что ими можно было унизить честь римскаго гражданина, то точное рѣшеніе этого вопроса, конечно, для насъ очень трудно. Взглядъ античной жизни на своего гражданина сохранился только въ общихъ чертахъ; просматривая же юридическіе памятники, мы видимъ, что здѣсь признается обиднымъ многое такое, что вовсе не считается нами оскорбительнымъ.

§ 18. Разсмотрѣвъ представленныя выше три условія, мы можемъ составить себѣ понятіе о римской клеветѣ. Клевета есть распространеніе про лицо ложныхъ или безнравственныхъ слуховъ. Нѣкоторые изъ новыхъ кодексовъ знаютъ еще одно условіе, а именно они говорятъ, что клевета существуетъ только при разглашеніи о *поступкахъ* лица; разглашеніе же о *качествахъ* лица, хотя бы и ложныхъ и безнравственныхъ, не признается за клевету, и развѣ только при нѣкоторыхъ особенныхъ условіяхъ считается оно обидою.

Римское право не признавало этого условія: клевета существовала при всякомъ ложномъ разглашеніи о лицѣ чего-нибудь недостойнаго чести римскаго гражданина. Нѣтъ дѣйствительно ни одного положенія, высказывающаго противное; напротивъ, каждое изъ постановленій излагается крайне-общо; таковы, напр., въ особенности статьи объ infamia, говорящія: „если кто нибудь напишетъ или скажетъ что-нибудь унизительное“ и т. д.

Но этого мало. Мы доказали выше, что клевета могла быть совершена даже и не словами, а поступками; простое, напр., появленіе въ траурномъ платьѣ, простое преслѣдованіе дѣвушки можетъ быть клеветою.—Итакъ римское понятіе, по отношенію къ этому условію, много шире взгляда всѣхъ новѣйшихъ законодательствъ.

§ 19. Четвертымъ условіемъ римскаго понятія клеветы было требованіе, для существованія преступленія, намѣренія оклеветать, намѣренія унизить лицо въ глазахъ другихъ. До-

казательствъ этому находимъ мы очень много въ дошедшихъ до насъ памятникахъ. Такъ понимали вопросъ еще и XII Таблицъ. Цицеронъ (1), по отношенію къ тому запрещенію, о которомъ упоминается въ 1-мъ фрагментѣ VIII-й Таблицы, говоритъ: „писаніе стиховъ считается преступленіемъ тогда, когда это дѣлается съ цѣлью нанести обиду другому".

Convicium въ періодъ республики существовала также тогда только, когда крикъ, противный добрымъ нравамъ, имѣлъ цѣлью обезславить другое лицо или нанести ему вредъ (2). Точно также и infamia наказывалась тогда только, когда предпринималось что-либо съ цѣлью унизить лицо въ глазахъ другихъ (ut alium infamet). (3) Въ Кодексѣ Юстиніана находимъ точно также ясное подтвержденіе этого условія: „если ты можешь доказать, что сказалъ обидное безъ намѣренія обидѣть, то ты не будешь наказанъ за клевету" (4).

Требованіе намѣренія оклеветать считается необходимымъ условіемъ для существованія преступленія и въ большинствѣ новѣйшихъ законодательствъ; но при оскорбленіяхъ въ печати, при пасквиляхъ и т. п. условіе это далеко не всегда соблюдается. Римское же право и въ этомъ послѣднемъ случаѣ требовало за необходимое существованіе намѣренія унизить лицо въ глазахъ другихъ. Слова Ульпіана (5), на которыя мы ссылались уже нѣсколько разъ, объясняющія понятіе liber famosus по взгляду римской республики, начинаются такъ: „Si quis librum ad infamiam alicujus pertinentem scribserit..." Институціи (6), удержавшія то же опредѣленіе liber famosus, говорятъ: „Si quis ad infamiam alicujus libellum aut carmen scribserit..." Оба эти мѣста совершенно ясно показываютъ, что обвинить въ составленіи liber famosus можно было не только тогда, когда были опубликованы извѣстныя недозволенныя свѣдѣнія про лицо, но и тогда, когда было доказано, что это дѣлалось именно съ цѣлью ad infamiam alicujus; если же

---

(1) Dirksen. ibid. ст. 508.
(2) Digest. 47, 10, 15, 2.
(3) Digest. 47, 10, 15, 25.
(4) Codex. IX. 35, 5.
(5) Digest 47, 10, 15, 9.
(6) Inst. IV, 4, 1.

это доказано не было, или представлялось яснымъ, что liber famosus составленъ безъ всякаго желанія унизить честь другого лица, а тѣмъ болѣе когда оказывалось, что это сдѣлано съ цѣлью принести какую-нибудь пользу общественнымъ интересамъ, то не могло быть и рѣчи о существованіи преступленія. Кодексъ Юстиніана въ одномъ мѣстѣ (*) объясняетъ это очень понятно: „если кто-нибудь изданіемъ поносительнаго письма хочетъ оказать пользу общественному благу, тотъ получаетъ не наказаніе, а награду и похвалу“.

(*) Codex. IX, 38.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ГЕРМАНСКОЕ ПРАВО.(*)

§ 20. Въ предыдущей главѣ выставили мы взглядъ античнаго народа на то благо человѣка, которое называется честью; указали, что благо это находилось тамъ прежде всего въ прямой зависимости отъ взгляда на человѣческую личность. Не признавая еще человѣка, какъ такового, придавая ему значеніе только какъ гражданину государства, пришла римская исторія и къ своеобразному взгляду на честь. Послѣдній періодъ этой исторіи, періодъ имперіи, хотя и

(*) Перечислить всѣ сочиненія, существующія въ нѣмецкой литературѣ по отношенію къ оскорбленіямъ чести, нѣтъ никакой возможности: ихъ такъ много, что даже позднѣйшіе нѣмецкіе изслѣдователи знаютъ далеко не всѣ, находящіеся въ ихъ литературѣ, труды. Здѣсь приведены будутъ только тѣ сочиненія, которыми, какъ важнѣйшими, имѣлъ возможность воспользоваться авторъ настоящаго изслѣдованія.

Weber. Ueber Injurien und Schmähschriften. 1797. Grolman. Uber Ehre und guten Namen. (in d. Magazin für die Phil. d. Rechts. B. 1. st. 1. n. 1). Grolman. Grundsätze der Criminalrechts-Wissenschaft. 1798. Kleinschrod. Grundzüge der Lehre von Injurien (Arch. d. Crimin. R. Bd. 1. st. IV. n. 1). Almendingen. Grundzüge zu einer neuen Theorie uber Verletzungen des guten Namens und der Ehre (in. d. Magaz. für d. Phil. und Gesch. d. Rechts. B. 1. st. 1. n. 1. st. II., n. 4. B. II, st. 1). Kraus. Lehre von den Ehrenkränkungen. 1838. Levinau. Historisch juridische Untersuchung der strafrechtlichen Bestimmungen über Verläumdung. 1822. Haken. Ueber Begriff d. Ehre. 1850. (Dorpat). Köstlin. Abhandlungen aus dem Strafrechte. 1858. § 1—6. Kostlin. Die Ehrverletzung nach deutschem Rechte. Zeitschrift für deuts. Recht und deuts. Rechtswissenschaft. 1855. (Bd. II, §§ 151—237. Bd. III, §§ 364—436). Mittermaier. Beiträge zur Lehre von den Ehrenkränkungen. (Arch. d. Crim. R. 1833). Mittermaier. Ueber die gesetzliche Feststellung des Begriffs der Ehrenkränkung. (Arch. d. Crim. R. 1831). Mittermaier. Zur Lehre von den Ehrenkränkungen u. Verlaumdung. (Gerichts-Zeitung allgem. für d. Kgr. Sachsen. B. 6 u. 7). Mittermaier. (Rechtslexikon Weiske. 1844. B. V. § 863). Heffter. Die Begriffsverschiedenheit der römischen und deutschen Injurie (Arch. d. Crim. R. 1839). Hofmann II. Beiträge zur Lehre von Injurien. (Arch. d. Crim. R. 1842). Buri. Abhandlungen aus dem Strafrecht. 1862. Rubo. Zur Lehre von der Verleumdung. 1861. Feuerbach. Lehrbuch. 1801. Bauer. Lehrbuch. 1833. Hälschner. System des Preuss. Strafrechts, Th. II. 1858. Schneid. Die Ehrenbeleidigung nach oesterr. u. allg. deuts. R. 1861. Berner. Lehrbuch. 1865. Schütze. Lehrbuch. 1871.

выработывает много новаго, но это новое дѣйствуетъ на жизнь разлагающимъ образомъ; въ законодательствѣ же остаются и продолжаютъ жить все тѣ же взгляды, которые существовали и во время республики.

На развалинахъ римскаго міра возникаетъ, какъ извѣстно, жизнь новаго народа — народа германскаго. Явившись на почву исторіи, германцы принесли, конечно, съ собою и самостоятельный взглядъ на личность человѣка.

Жизнь каждаго народа начинается съ быта родового, какъ естественнаго развитія простѣйшей формы человѣческаго общежитія—семейства. Періодъ родового быта пережили, конечно, и народы Востока, и греки, и римляне. Но историческія свѣдѣнія объ этомъ періодѣ римской исторіи до насъ не дошли, равно какъ только гадательно можемъ мы судить и о второй эпохѣ Рима, о сакральномъ періодѣ. Историческая жизнь римлянъ начинается со вступленія ихъ въ періодъ государственный; только объ этомъ послѣднемъ періодѣ и имѣемъ мы точныя свѣдѣнія, равно какъ и юридическіе акты; только съ этого времени и можемъ мы начать дѣйствительное изложеніе юридическихъ институтовъ.

Жизнь германцевъ совершается почти съ самаго своего начала на глазахъ исторіи. Мы имѣемъ письменныя свидѣтельства о самомъ первомъ времени появленія ихъ на европейской почвѣ, по которымъ можемъ судить, до нѣкоторой степени, и о характерѣ ихъ жизни.

По свидѣтельству Тацита, жизнь древнихъ германцевъ при появленіи ихъ въ Европѣ основана была на родовомъ началѣ. (*) Чтобы быть членомъ тогдашняго общества, чтобы пользоваться извѣстными правами, должно было быть членомъ рода. Личность человѣка, непринадлежащаго къ роду, не признавалась; изгнанный родичами не могъ быть принятъ въ другой родъ и долженъ былъ скитаться по лѣсамъ; такой человѣкъ переставалъ быть человѣкомъ и переходилъ въ состояніе дикаго звѣря. Эти несчастные отверженники общества носили названіе варговъ.

Болѣе точныя свѣдѣнія о жизни германцевъ имѣемъ мы со времени вступленія ихъ въ новый періодъ. Цѣлая

(*) О различныхъ взглядахъ на родовой бытъ германцевъ см. Неллидовъ: О древне-германскомъ государственномъ устройствѣ, стр. 101 и слѣд.

масса историческихъ актовъ рисуетъ намъ вполнѣ ясно тотъ строй жизни, въ который вступила германская личность; строй этотъ былъ сословный; сословный же характеръ носила и вся позднѣйшая жизнь нѣмецкаго рода.

Развитіе сословій совершалось въ Германіи, конечно, благодаря всему ходу исторіи, но всего болѣе, вѣроятно, вліяли на это природныя особенности нѣмецкаго народа. Всѣ источники представляютъ намъ жизнь германцевъ основанною на строгомъ военномъ устройствѣ; вся нѣмецкая исторія указываетъ намъ, что право силы было постояннымъ руководящимъ началомъ жизни всѣхъ германскихъ народовъ. Отсюда прямой выводъ и по отношенію къ личности человѣка, признанный уже всею нѣмецкою наукою: правоспособность германцевъ основывалась на принципѣ способности носить оружіе. (1)

Подъ вліяніемъ сословій развивается вся германская исторія. Феодализмъ, неимѣвшій себѣ никакого подобія ни въ римской, ни затѣмъ въ нашей русской жизни, сословная жизнь цеховъ и городовъ, замкнутое духовенство и т. п. суть явленія, сродныя именно германской жизни во всю ея послѣдующую исторію.

Въ сословіяхъ происходитъ, такимъ образомъ, развитіе германской личности. Чтобы пользоваться правами, необходимо быть членомъ извѣстнаго сословія; внѣ сословій не признается существованіе полноправной личности. Какъ въ Римѣ не видимъ мы человѣка, пользующагося какими-либо правами чрезъ одно свое человѣческое достоинство, какъ въ Римѣ, другими словами, является полноправный человѣкъ только какъ гражданинъ государства, такъ и въ Германіи является личность человѣка не съ сознаніемъ достоинства, принадлежащаго ему, какъ таковому, а только какъ членъ извѣстнаго сословія. Полнѣйшими правами пользуются только члены высшаго сословія. Рабы и полусвободные (Литты, Лаціи, Aldionen и др.) не имѣютъ почти никакихъ правъ (2), а между тѣмъ эти два класса получили громадное въ то время развитіе: причины здѣсь опять тѣ же — сословно-зам-

---

(1) Philipps, Deutsche Reichs-und-Rechtsgeschichte, p. 100.

(2) Нелидовъ. О древне-германскомъ государственномъ устройствѣ, стр. 62 и слѣд.

кнутый характеръ жизни, равно какъ и воинственный духъ древнихъ германцевъ.

Такова въ нѣсколькихъ словахъ отличительная черта развитія германской личности, какъ это признаетъ въ настоящее время вся исторія. Въ связи съ этимъ долженъ былъ, конечно, развиваться и взглядъ германскаго народа на честь.

Послѣдующее изложеніе историческаго хода развитія преступленій противъ чести дастъ намъ возможность доказать справедливость этого.

I. ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ ПРЕСТУПЛЕНІЯ ПРОТИВЪ ЧЕСТИ.

§ 21. Что касается древняго періода германской исторіи, то юридическія свѣдѣнія о немъ довольно слабы; впрочемъ, благодаря нѣкоторымъ дошедшимъ до насъ вѣрнымъ источникамъ, общій характеръ преступленій противъ чести можетъ быть выясненъ довольно-рельефно. Конечно, невозможно отыскать въ этихъ источникахъ какого бы то ни было доктринальнаго опредѣленія понятія чести, равно какъ и ея нарушеній, но тѣмъ не менѣе существующіе памятники даютъ возможность понять взглядъ того времени на эти вопросы.

Въ самыхъ древнѣйшихъ, сохранившихся до насъ, народныхъ германскихъ правахъ замѣчаемъ мы, по отношенію къ преступленіямъ противъ чести, прежде всего слѣдующее оригинальное явленіе: существованіе обиды ставится здѣсь въ зависимость отъ присутствія при совершеніи преступленія третьихъ лицъ. ([1]) Зависимость эта въ нѣкоторыхъ правахъ настолько сильна, что и самое преступленіе считается существующимъ только при этомъ условіи; ([2]) въ другихъ правахъ находится даже еще большее ограниченіе: обида признается наказуемою только тогда, когда она наносится въ общественномъ собраніи. ([3]) Всѣ остальныя права если и не признаютъ подобнаго ограниченія, то считаютъ во всякомъ

(1) Kostlin. Die Flurverletzung nach Deutsch. Recht., ст. 176 и слѣд.
(2) Напр., Graugans.
(3) Напр., Südermannländisches Recht.

случаѣ обиду, наносимую въ присутствіи третьихъ лицъ, а тѣмъ болѣе въ общественномъ собраніи, за обстоятельство, увеличивающее наказаніе.

Изъ подобнаго взгляда германскихъ правъ дѣлаетъ Кёстлинъ (*) совершенно понятный выводъ слѣдующаго содержанія: ясно, что въ основаніи обиды лежала здѣсь та мысль, что для существованія этого преступленія требовалось сдѣлать кого-нибудь презрѣннымъ въ глазахъ другихъ.

Подтвержденіемъ же этого вывода служатъ и тѣ способы, чрезъ которые считалось возможнымъ нанести обиду. Кромѣ реальныхъ обидъ, которыя запрещались, конечно, и въ германскомъ правѣ, самыми серьезными оскорбленіями чести были упреки въ такихъ поступкахъ или качествахъ, которые считались за особенно-обидные въ то время. Изъ числа такихъ упрековъ на первомъ планѣ стоитъ упрекъ въ трусости; названіе трусомъ или сравненіе съ животнымъ женскаго рода было однимъ изъ самыхъ тяжкихъ видовъ обидъ. Такой взглядъ кажется намъ совершенно понятнымъ: что могло всего болѣе унизить лицо въ глазахъ древнихъ германцевъ, народа преимущественно воинственнаго, какъ не упрекъ въ трусости?— Затѣмъ важною обидою было непризнаніе за лицомъ правъ на извѣстное общественное положеніе чрезъ наименованіе его рабомъ или дитёю блуда, а также и обвиненіе въ ремеслѣ, считавшемся въ то время презрѣннымъ. Кромѣ того, обида могла быть совершена чрезъ упреки въ нарушеніи вѣрности клятвы, чрезъ названіе женщины блудницею, чрезъ обвиненіе въ воровствѣ, чародѣйствѣ, въ содоміи и т. д.

Таковы были способы совершенія не только болѣе-наказуемыхъ случаевъ обидъ, но и обидъ вообще. Совершеніе оскорбленій чести чрезъ обыкновенныя ругательства безъ желанія унизить лицо въ глазахъ другихъ наказывалось чрезвычайно рѣдко, и притомъ если гдѣ-либо они и признавались за преступленія, то во всякомъ случаѣ облагались много-меньшими наказаніями.

Изъ числа законовъ, представляющихъ болѣе полныя опредѣленія случаевъ преступленій противъ чести, можно привести lex Salica. Безъ опредѣленія понятія обиды перечисля-

(*) Köstlin. ibid., ст. 171 и слѣд.

ются здѣсь упреки, посредствомъ которыхъ возможно было совершить это преступленіе; упреки эти суть слѣдующіе: названіе трусомъ, сравненіе съ зайцемъ, названіе женщины публичною и обвиненіе въ чародѣйствѣ и колдовствѣ.

Для выясненія понятія обиды по древне-германскому праву, любопытно обратить вниманіе еще и на то обстоятельство, что большинство подобныхъ правъ допускало представленіе exceptio veritatis. Нѣкоторыя изъ правъ выражаются, по этому поводу, довольно-ясно, говоря, что упрекъ въ воровствѣ только тогда будетъ обидою, когда онъ направляется противъ лица безупречнаго; если же упрекаютъ лицо, уличенное уже въ воровствѣ, то не существуетъ и преступленія. Lex Salica допускаетъ exceptio veritatis при обвиненіи въ блудѣ, коварствѣ, при упрекѣ въ колдовствѣ и чародѣйствѣ. Но въ особенности дозволяется доказывать истину обвиненія въ трусости во время битвы. Трусость была, конечно, болѣе чѣмъ что-либо другое противна взгляду тогдашняго времени, и доказать, что въ средѣ воинственнаго германскаго народа есть трусъ, не значило совершить преступленіе, а напротивъ—оказать пользу обществу. (*)

Мы уже сказали, что обида по большей части признается существующею только тогда, когда она наносится въ присутствіи третьихъ лицъ. Правило это признавалось дѣйствительно почти вездѣ; исключеніе допускалось только въ рѣдкихъ случаяхъ. Но присутствіе или отсутствіе обвиняемаго вліяло обыкновенно очень слабо на признаніе извѣстнаго поступка за преступленіе. Нѣкоторыя права прямо считаютъ за однозначущее—нанесено ли оскорбленіе въ присутствіи лица или въ его отсутствіи. Но въ болѣе позднихъ правахъ обращается уже на это вниманіе; является убѣжденіе, что оскорбленіе, сдѣланное въ присутствіи оскорбляемаго, не можетъ на столь сильно повредить интересамъ лица, какъ еслибы оно нанесено было ему въ его отсутствіи; предполагалось, что еслибы оскорбляемый находился налицо, то онъ могъ бы доказать несправедливость оскорбленія. Благодаря такому взгляду, нѣкоторые кодексы среднихъ вѣковъ считаютъ упреки, сдѣланные въ отсутствіи лица, за

(*) Köstlin. ibid., ст. 172—177.

болѣе обидные. Такимъ образомъ, въ древнихъ правахъ присутствіе обижаемаго не считалось необходимымъ условіемъ для обиды, между тѣмъ какъ присутствіе третьихъ лицъ было постояннымъ требованіемъ. Кёстлинъ, хорошій знатокъ древне-германскихъ законовъ о чести, говоритъ такъ: (*) „если германецъ былъ увѣренъ, что чрезъ нанесенное ему оскорбленіе онъ не будетъ отвергнутъ обществомъ, то онъ со спокойною холодностью переносилъ обиду".

Что касается до наказанія за обиды по древне-германскому праву, то и въ немъ отражается тотъ же общій взглядъ германцевъ на оскорбленія чести. Германскій народъ, съ самыхъ древнихъ временъ своей исторіи, выработалъ особое наказаніе за обиды, извѣстное подъ именемъ Ehrenerklärung (honoris declaratio). Наказаніе это было дѣйствительно крайне-оригинально: обиженный считался вполнѣ удовлетвореннымъ, если честь его была возстановлена въ глазахъ другихъ.

Таковы были въ большинствѣ случаевъ первоначальныя нѣмецкія постановленія объ обидѣ. Само-собою разумѣется, что все изложенное выше проводилось далеко не строго по всѣмъ памятникамъ; требовать этого отъ первыхъ обычныхъ народныхъ сборниковъ, конечно, и невозможно; но во всякомъ случаѣ, если и были противорѣчія, то они не касались до главнѣйшаго существа преступленій противъ чести.

Что же касается различія между клеветою и обидою, то его, конечно, не существовало въ древне-германскихъ правахъ: оба преступленія сливались въ нихъ въ одно. Но впрочемъ, если вникнуть въ случаи оскорбленій чести, то мы поймемъ, что главнѣйшимъ преступленіемъ этого періода считалась клевета. Преступленіе это далеко еще не образовалось во всѣхъ своихъ условіяхъ, но требованіе отъ оскорбленій ихъ общаго характера — униженія лица въ глазахъ другихъ — даетъ намъ право сдѣлать подобное заключеніе.

Нѣкоторыя различія въ способахъ оскорбленій чести представляютъ права англо-саксонскія, а именно въ законахъ Клотара и Эриха выдѣляется, какъ особое преступленіе, общественная клевета; за названіе клятвопреступникомъ

(*) Kostlin. ibid., ст. 179.

и другими позорными словами налагался только штрафъ, тогда какъ за такъ-называемую клевету общественную, т. е. униженіе въ глазахъ цѣлаго общества, а равно какъ и за фальшивый допосъ передъ судомъ, наказывали лишеніемъ языка. Нѣкоторыя изъ другихъ англо-саксонскихъ правъ выдѣляютъ, какъ особое преступленіе, фальшивый допосъ и наказываютъ за него тальономъ. (1)

§ 22. Средніе вѣка представляютъ, какъ извѣстно, совершенно послѣдовательное развитіе тѣхъ же идей, по отношенію къ личности человѣка, которыя выставило и древне-германское право. Сословный характеръ жизни получаетъ здѣсь свое полное развитіе, сословія изолируются все болѣе и болѣе, и каждое изъ нихъ принимаетъ свои рельефныя отличительныя черты. Сообразно съ этимъ происходитъ и развитіе преступленія противъ чести.

Еще изъ краткаго разсмотрѣнія перваго періода могли мы замѣтить, что честь носила у германцевъ чисто-соціальный характеръ. Германецъ дорожитъ своею честью не потому, чтобы считалъ ее за благо, сродное его природѣ, а единственно какъ необходимое условіе для своей жизни въ обществѣ. Честь, говоритъ Гёльшнеръ, смотря по различнымъ сословіямъ народа, была чрезвычайно-различна. Честь была благомъ, обусловливающимъ все соціальное положеніе индивидуума, безъ которой и самая жизнь казалась нецѣнною; обладаніе же честью зависѣло отъ признанія ея со стороны сочленовъ. (2) Обидою считается только то, что можетъ унизить лицо въ глазахъ другихъ, и чѣмъ сильнѣе такое униженіе, тѣмъ важнѣе обида; сознаніе того, что извѣстное позорное наименованіе не унижаетъ лицо въ глазахъ его согражданъ, заставляетъ германца не признавать его и за оскорбленіе. Но такъ какъ извѣстно, что соціальная жизнь германскаго народа въ этотъ періодъ группировалась по сословіямъ, то поэтому будетъ понятно, что общество, мнѣніемъ котораго такъ дорожитъ каждый, было именно сословіе. (3) Сословное мнѣніе было честью лица; разрушеніе этого мнѣнія было оскорбленіемъ чести.

---

(1) Köstlin. ibid., ст. 175.
(2) Hälschner. System des Preussischen Strafrechtes., ст. 211.
(3) Hälschner. ibid., ст. 208.

Въ средніе вѣка честь получаетъ еще болѣе сословный характеръ. И чѣмъ болѣе изолировывались сословія, тѣмъ рѣзче отличались они одно отъ другого, тѣмъ большее и большее различіе замѣчалось и во взглядѣ на честь каждаго сословія.

Хотя средніе вѣка и представляютъ въ ученіи объ обидахъ богатый источникъ матеріала, но уже и то обстоятельство, что мы можемъ отыскивать его только въ городскихъ правахъ, указываетъ на развитіе самаго дѣла, а именно: одинъ только городской классъ германскаго народа и руководствовался въ вопросѣ объ оскорбленіяхъ чести нормами закона.

Что касается до высшаго въ то время класса германскаго народа, до знаменитаго въ исторіи рыцарства, то извѣстно, что законы о преступленіяхъ противъ чести считались для него почти несуществующими.

Въ рыцарскомъ сословіи честь получила свое особенное развитіе. Доведенное до высшей степени раздражительности чувство чести выработало взглядъ, что лицо, способное носить оружіе, не должно удовольствоваться наказаніемъ, налагаемымъ судомъ, а должно мстить съ оружіемъ въ рукахъ за вытерпленную неправду. Этому взгляду помогло и то, что средневѣковой рыцарь считалъ себя свободнымъ отъ государственныхъ законовъ и за норму своего поведенія считалъ не право, но правила рыцарской сословной чести; защиту своихъ правъ искалъ онъ, поэтому, только въ своемъ собственномъ кулакѣ и въ своей шпагѣ. (1)

Посему, хотя нѣкоторые правовые источники, предназначенные для рыцарскаго сословія, а именно Reichsgesetze, содержали въ себѣ опредѣленія относительно обидъ и ихъ наказаній, но они были въ высшей степени скудны, и едвали могла идти рѣчь о дѣйствительномъ ихъ примѣненіи. (2) Обида на практикѣ, если только обиженный не соглашался на удовлетвореніе, подавала поводъ къ самопомощи и враждѣ; при обидахъ же въ рыцарскомъ сословіи самопомощь сдѣлалась до такой степени твердо-установленнымъ правиломъ, что она приняла особенную законную форму.

---

(1) Hälschner. ibid. ст. 211.
(2) Hälschner. ibid. ст. 212.

Отъ поединка, представлявшагося средствомъ доказательства въ судебномъ производствѣ, въ средніе вѣка должно было отличать тотъ поединокъ, который предпринимался какъ актъ самопомощи съ цѣлью искупленія нанесенной обиды. Поединокъ этотъ, извѣстный подъ именемъ дуэли, былъ запрещенъ и свѣтскими, и церковными правами; обиженный, по закону, долженъ былъ обращаться за помощью къ суду, вмѣсто того, чтобы допускать себя до поединка; но съ другой стороны жизнь выработала взглядъ, что рыцарская честь требовала презрѣнія къ судебной защитѣ и искупленія обиды по правиламъ сословныхъ нравовъ. Взглядъ этотъ до такой степени признавался за общепринятый, что наконецъ получилъ поддержку въ законѣ: дуэль дѣлается институтомъ, основаннымъ на королевскомъ авторитетѣ. (1) Для нея предписываются извѣстныя правила: она должна была начинаться не иначе, какъ съ дозволенія особаго суда (Kampfgericht), въ его присутствіи и подъ его авторитетомъ. Право давать такое позволеніе, жаловать письмомъ—Kampfbrief—и быть судьею принадлежало королю; но потомъ право держать подобный судъ получили нѣкоторые города, напр. Нюренбергъ, Вюрцбургъ, и нѣкоторые Landesherren.

Вникая, такимъ образомъ, въ причины происхожденія дуэлей въ древне-германскомъ правѣ, мы не можемъ не замѣтить съ перваго взгляда, что главнѣйшими изъ нихъ были—особенное положеніе рыцарскаго сословія, старавшагося не подчиняться закону, считавшаго себя независящимъ отъ государственной власти, и затѣмъ особый взглядъ на честь. Взглядъ этотъ былъ ничѣмъ инымъ, какъ развитіемъ взгляда древне-германскаго. Вслѣдствіе особенностей соціальнаго положенія, древній германецъ считалъ честь за дорогое для себя благо; благо это было для него часто дороже жизни, здоровья, собственности; нападеніе на честь, по выраженію Кёстлина, проникало германца до самаго мозга. (2) Въ рыцарскомъ сословіи взглядъ этотъ получаетъ еще большее развитіе и доходитъ до такой болѣзненной чувствительности, примѣра которой невозможно найти нигдѣ въ исторіи.

Но нельзя, впрочемъ, не замѣтить, что кромѣ этихъ двухъ причинъ, развитіе дуэлей объясняется еще и треть-

(1) Hälschner, ibid., ст. 213.
(2) Köstlin, ibid., ст. 178.

ей, а именно неудовлетворительностью тогдашняго процесса объ обидахъ. Въ средніе вѣка вводится въ Германіи римскій искъ—actio injuriarum aestimatoria, а вмѣстѣ съ нимъ и наказаніе—poena honoraria. Но наказаніе это, а затѣмъ и процессъ оказываются совершенно непригодными для германскаго народа. Сложилось убѣжденіе, что оцѣнивать честь деньгами—болѣе чѣмъ позорно, и чувствительный къ своей чести германецъ считалъ взятіе денегъ новою для себя обидою. Неудобнымъ оказалось и введеніе римскаго иска; оспаривать медленно-ведепный въ тогдашнихъ судахъ гражданскій процессъ, ожидать, что обидчикъ въ каждой процессуальной бумагѣ нанесетъ еще новую обиду, и все это только для того, чтобы въ концѣ-концовъ получить какую-нибудь сумму денегъ—глубоко оскорбляло германскую натуру, требовавшую не штрафа, а возможно-скорѣйшаго возстановленія въ обществѣ своего добраго имени. (1) Понятно, поэтому, что обиженные стыдились жаловаться чрезъ actio injuriarum и всего чаще обращались къ средству самозащиты—къ дуэли. Итакъ, виновникомъ громаднаго распространенія въ Германіи дуэли нельзя не счесть и введеніе недостигавшаго своей цѣли римскаго иска и наказанія.

Мы уже сказали выше, что отличительною чертою германскаго рыцарства было то, что при оскорбленіяхъ чести оно не обращалось къ уголовному суду. Поэтому-то и въ законахъ встрѣчались чрезвычайно-рѣдко постановленія объ оскорбленіяхъ рыцарской чести, а это, въ свою очередь, является обстоятельствомъ, препятствующимъ намъ объяснить сколько-нибудь точнѣе взглядъ средневѣкового рыцарства на его честь и оскорбленіе. Нельзя не согласиться, что здѣсь играло болѣе важную роль субъективное чувство, сдѣлавшееся безмѣрнымъ, чѣмъ какія-либо положительныя опредѣленія. (2)

Съ другой стороны, ученіе объ обидахъ получило слабое развитіе и въ постановленіяхъ, касающихся земскаго народонаселенія. Униженное состояніе, въ которомъ находились всѣ непривиллегированные классы, произвело то, что чувство чести вполнѣ погасло здѣсь въ грубости и тупоуміи. Отъ этого-то въ юридическихъ источникахъ, касающихся до нихъ,

(1) Mittermaier. Beiträge zur Lehre von den Ehrenkränkungen, ст. 505.
(2) Halschner, ibid., ст. 218.

injuria не обратила на себя вниманія и угрожалась самымъ маленькимъ наказаніемъ. (1)

Такимъ образомъ, уголовное ученіе объ обидахъ въ средніе вѣка нашло себѣ развитіе преимущественно въ городскихъ правахъ. Въ городскомъ обществѣ честь въ своемъ нравственномъ и юридическомъ достоинствѣ была принята вполнѣ, но не достигла до безмѣрности рыцарской чести. Самопомощь и месті отвергались не столько властью, сколько тѣмъ, что отдѣльное лицо научилось здѣсь покориться обществу и видѣло достаточное удовлетвореніе для своей чести въ наказаніи, налагаемомъ судомъ.

Главная особенность германскаго оскорбленія чести въ средневѣковой періодъ состоитъ въ рѣзкомъ различіи двухъ видовъ преступленій, а именно „дѣйствительное", по тогдашнему понятію, оскорбленіе чести, происходившее чрезъ разглашеніе про лицо извѣстныхъ позорныхъ слуховъ, отличается отъ обиды неприличными, нескромными словами.

Приведемъ въ примѣръ статутъ Nordhausen начала XIV-го столѣтія. Статутъ различаетъ двѣ степени оскорбленій чести: во 1-хъ, „дурное обращеніе", наказывавшееся только при прибавленіи сюда особыхъ квалифицирующихъ обстоятельствъ,—безъ этихъ же послѣднихъ считали его. и то не всегда, за небольшой проступокъ; во 2-хъ, обвиненіе въ поступкахъ, дѣлающихъ презрѣннымъ въ глазахъ общества. (2)

Первый изъ этихъ способовъ хотя и признается въ законодательствѣ, но не считается, по точному смыслу его, за оскорбленіе чести, а существуетъ какъ бы самостоятельное преступленіе. Затрогивало честь, по точнымъ словамъ закона, только второе преступленіе.

Подобное же существованіе двухъ преступленій замѣчаемъ мы и во многихъ другихъ статутахъ. Нѣкоторые изъ нихъ говорили прямо слѣдующими словами: „отъ нескромныхъ словъ, незатрогивающихъ честь, должно отличать собственно бранныя слова". Наказаніе за первое изъ этихъ преступленій назначалось, конечно, вездѣ въ болѣе-слабой мѣрѣ, чѣмъ за второе, а именно по нѣкоторымъ статутамъ оно было въ 6 разъ менѣе.

---

(1) Hälschner, ibid., ст 213.
(2) Köstlin, ibid., ст. 181.

Такимъ образомъ, оскорблявшимъ честь германца считалось только второе преступленіе—дѣйствительное оскорбленіе чести „собственно бранными словами“. Но это второе преступленіе нисколько не измѣнило своего характера, а существовало въ томъ же видѣ, только въ болѣе выяснепомъ, чѣмъ видѣли мы его въ первый періодъ германской исторіи.

Собственно бранныя слова, которыя одни только и представляли, по тогдашнему взгляду, дѣйствительное оскорбленіе чести, состояли прежде всего въ упрекахъ—въ преступленіи, въ образѣ жизни и въ происхожденіи. Слова, которыя считались упреками въ преступленіяхъ и чаще другихъ упоминались въ памятникахъ, были: злодѣй, воръ, убійца, клятвопреступникъ, еретикъ. Изъ обвиненій, направлявшихся на образъ жизни, находимъ мы названіе женщины или дѣвушки блудницею, затѣмъ названіе музыкантомъ, бѣглымъ монахомъ и т. п. Пятно на рожденіе налагалось чрезъ упреки въ происхожденіи отъ блудницы, отъ раба, отъ скота и т. п. Наравнѣ со всѣми этими упреками стояли названія продажнымъ, невѣрнымъ, лгуномъ.

Просматривая всѣ эти и многія слова, которыми считалось возможнымъ унизить честь лица, мы представляемъ себѣ, до нѣкоторой степени, и самую жизнь тогдашняго времени. Дѣйствительно, сюда относятся обвиненія въ такихъ порокахъ, которые шли въ разрѣзъ какъ со строемъ каждаго общества вообще, такъ и съ тогдашнимъ обществомъ въ частности. Не говоря уже объ обвиненіи въ преступленіяхъ, мы вполнѣ понимаемъ, почему упрекъ, напр., въ невѣрности считался за очень важное преступленіе. Въ самомъ дѣлѣ, возможно ли было существовать замкнутому сословію, строго преслѣдующему исключительно свои интересы и враждебно относящемуся къ другимъ подобнымъ же кружкамъ лицъ, когда въ средѣ его заводились члены, невѣрные сословнымъ интересамъ? Не понятно ли будетъ то, что упрекъ въ невѣрности считался, по взгляду нѣкоторыхъ законодательныхъ сборниковъ, даже за самое важное оскорбленіе чести? Швабское Зерцало (1), напр., уравнивало и самую честь съ вѣрностью; точно также Саксонское Зерцало (2) говорило, что вся честь вытекаетъ изъ вѣрности.

(1) Köstlin, ibid. ст. 180.
(2) Utin. Ueber die Ehrenverl. u. Rus. R., ст. 11.

Понятно и то, почему упрекъ лгуномъ считался за важное преступленіе: названіе лгуномъ давало знать о такомъ качествѣ лица, при которомъ немыслима была замкнутая жизнь тогдашняго общества. Незаконное происхожденіе или происхожденіе отъ раба шло, конечно, въ разрѣзъ съ сословнымъ устройствомъ: сословія могли терпѣть въ своей средѣ только лицъ, рожденныхъ отъ ихъ сочленовъ и притомъ въ законномъ бракѣ.

Наказанія, употреблявшіяся въ средневѣковой Германіи за оскорбленія чести, носили точно также особенный характеръ. Они состояли, главнымъ образомъ, въ Ehrenerklärung, Abbitte и Widerruf. Первое было выясненіемъ обидчика, что онъ признаетъ честь обиженнаго и не хотѣлъ своимъ поступкомъ унизить его. Ehrenerklärung существовало тогда, когда обидчикъ имѣлъ возможность опровергнуть преступность своего намѣренія. Abbitte состояло въ объясненіи того, что обидчикъ раскаявается въ нанесенномъ имъ оскорбленіи и потому проситъ извиненія. Abbitte существовало при всѣхъ умышленныхъ обидахъ. Наконецъ, Widerruf было сознаніемъ обидчика того, что онъ оскорбилъ честь лица чрезъ выдуманную имъ неправду. Widerruf находило мѣсто при всякой клеветѣ. (*) Наказанія эти прилагались и какъ самостоятельныя мѣры, и какъ дополненія къ другимъ наказаніямъ.

§ 23. Таково было германское право, когда появилось на нѣмецкой почвѣ римское ученіе объ оскорбленіяхъ чести.

Заимствованіе изъ права римскаго началось сперва самымъ нераціональнымъ путемъ: обратили вниманіе прежде всего на внѣшнее проявленіе, а не на внутреннюю сущность. Видя неудовлетворительность германскихъ исковъ, замѣчая полное стремленіе всего высшаго, а отчасти и средняго сословія удовлетворять себя за оскорбленія чести посредствомъ самоуправства, средневѣковая наука и законодательства рѣшаются обратиться къ римскому праву. Заимствуется римскій искъ, actio injuriarum aestimatoria, а вмѣстѣ съ нимъ и римское наказаніе—poena honoraria. Но какъ искъ, такъ и наказаніе не достигли цѣли; да оно и понятно: слѣдовало бы, конечно, начать не съ введенія иска, а съ

(*) См. Grolman. Grundzätze der Criminalrechts-Wissenschaft, ст. 238.

изученія понятія обидъ. Взглядъ на оскорбленіе чести средневѣковой Германіи и Рима имѣлъ между собою, какъ и весь строй тогдашней жизни, мало общаго; римскій же искъ возникъ изъ римскаго взгляда на честь. Могло ли, поэтому, введеніе чуждаго иска и наказанія принести какіе-нибудь благодѣтельные результаты на нѣмецкой почвѣ? Конечно, нѣтъ. Такъ дѣйствительно и вышло. Римскій искъ не только не уменьшилъ самоуправства, а напротивъ былъ даже одною изъ причинъ его увеличенія. Ни строгость наказаній, ни заимствованіе иностранныхъ исковъ не могли истребить дуэлей; только преобразованіе всего строя общественной жизни и было способно измѣнить взглядъ на честь и повліять на уменьшеніе дуэлей.

Въ XIV и XV вѣкахъ начинается изученіе римскаго права итальянскими юристами; нѣсколько позднѣе принимаются за него и нѣмцы. Въ числѣ другихъ вопросовъ изучаютъ они и вопросъ объ оскорбленіяхъ чести. Разсмотрѣвъ понятіе римской обиды, они находятъ его примѣнимымъ и для германскаго права. И вотъ начинается постепенное введеніе въ германскую жизнь римскихъ понятій. Введеніе это происходило, конечно, очень медленно: борьба строго-нѣмецкихъ взглядовъ съ вновь пришедшими, чуждыми, была жестока и продолжительна. Особенно затруднительно было то, что римскія понятія вводились далеко не въ своемъ настоящемъ видѣ: римская injuria понималась въ обширномъ смыслѣ, и къ ней старались прилагать различныя условія обидъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Невѣрно было понято и ученіе римлянъ объ animus injuriandi, а поэтому на практикѣ приходили, напр., къ тому, что требовали отъ лица, которое фальшиво обвинялось въ воровствѣ, доказательства, что обвиненіе сдѣлано обидчикомъ съ намѣреніемъ обидѣть. (*) Эта неясность еще болѣе повліяла на то, что германская жизнь долгое время шла своимъ путемъ, а законодательство—своимъ; поэтому же и римское право при первоначальномъ появленіи въ Германіи было мало извѣстно.

Борьба на нѣмецкой почвѣ пришлыхъ римскихъ понятій съ туземными завершилась, какъ мы знаемъ, знаменитымъ законодательнымъ сборникомъ XVI-го столѣтія, извѣст-

(*) Mittermaier. Beiträge zur Lehre von den Ehrenkrank., ст. 505.

нымъ подъ именемъ „Каролины". Здѣсь впервые происходитъ разумное слитіе двухъ элементовъ. Каролина имѣетъ такое значеніе по отношенію ко всѣмъ вопросамъ уголовнаго права; но по отношенію къ оскорбленіямъ чести ученіе римлянъ объ обидахъ еще плохо извѣстно въ законодательствѣ Карла V-го.

Вопросу о словесныхъ оскорбленіяхъ чести посвящены здѣсь двѣ статьи. Статья 110-я гласитъ: „Подъ именемъ поносительныхъ писемъ понимаются всѣ сочиненія, пѣсни и сатирическія пьесы, направленныя на оскорбленіе чьей-либо чести и репутаціи. Законъ требуетъ наказанія какъ для тѣхъ, которые злословятъ другихъ чрезъ клевету, такъ и для тѣхъ, которые чрезъ поносительныя письма открываютъ истинные пороки и недостатки, потому-что послѣдніе должны передавать извѣстные имъ факты начальству, а не пользоваться для разглашенія ихъ недозволенными способами. Для публичнаго клеветника не можетъ существовать никакого оправданія, и законы требуютъ, чтобы онъ не допускался къ доказательству фактовъ, выставленныхъ имъ въ поносительномъ письмѣ, а наказывался произвольнымъ наказаніемъ". Затѣмъ, по 216-й статьѣ, за обыкновенную обиду налагался штрафъ—марка золота; если же обидчикъ не въ состояніи былъ внести этого штрафа, то его содержали въ тюрьмѣ, пока онъ не испрашивалъ себѣ извиненія у обиженнаго, увѣривъ его, что онъ вовсе не думалъ затрогивать его честь, и обязавшись впередъ удерживаться отъ подобныхъ обидъ.

Оба эти опредѣленія, взятыя даже вмѣстѣ, представляютъ болѣе чѣмъ слабое развитіе вопроса объ оскорбленіяхъ чести. Первая глава, запрещающая liber famosus, есть заимствованіе того запрещенія, о которомъ говорилось въ Римѣ въ Кодексѣ Феодосія (I. 1—4, de fam. libell.). Уже одно заимствованіе этого постановленія показываетъ полное отсутствіе знакомства съ римскимъ правомъ: римское право во всю свою исторію держалось совершенно противоположнаго взгляда; вышеупомянутое же постановленіе включено было въ уголовную систему подъ самый конецъ римской исторіи, какъ исключеніе изъ общаго правила, и притомъ какъ исключеніе, возникшее благодаря особымъ обстоятельствамъ, а именно—страшному развитію во время императоровъ случаевъ анонимныхъ пасквилей.

Но затѣмъ заимствованіе Каролины только этимъ и ограничивается: все остальное ученіе римлянъ оставляется безъ вниманія.

Основное положеніе римскаго процесса, именно то, что обиженный могъ жаловаться, по своему выбору, гражданскимъ или уголовнымъ путемъ, также не было извѣстно во время Каролины, и уголовная жалоба ограничивалась только поносительными письмами (art. 110). Это-то и есть основный пунктъ Каролины, которая разсматриваетъ обиду вообще, какъ граждански-наказуемый поступокъ; уголовно же наказывается только письменное беззаконное поруганіе. (*)

Но признаніе римскаго права въ такой слабой степени въ наукѣ и законодательствѣ не могло ввести римскихъ понятій въ жизнь; поэтому-то германскіе взгляды на честь продолжаютъ жить долго послѣ появленія римскаго права на нѣмецкой почвѣ, и мы встрѣчаемъ ихъ дѣйствительно во многихъ частныхъ правахъ XVI и XVII столѣтій.

Борьба римскаго права съ противоположными ему германскими взглядами, отражавшимися въ земскихъ законахъ, продолжалась даже и въ XVIII столѣтіи. Борьба происходила какъ по отношенію къ опредѣленію обидъ, такъ и по отношенію къ наказанію и къ преслѣдованію ихъ въ судѣ. Жизнь велась на прежнихъ основаніяхъ, наука же продолжала усвоять себѣ римское право и вводить его въ законодательные сборники то въ тѣхъ, то въ другихъ его частяхъ.

Наконецъ, наступаетъ все большее и большее примиреніе между такъ долго боровшимися элементами. Съ одной стороны измѣненіе строя жизни, измѣненіе значенія сословій, а черезъ это и взгляда на честь, съ другой же—лучшее уясненіе взглядовъ римскаго права помогли возстановленію бо́льшаго единства. Только въ концѣ прошедшаго столѣтія происходитъ измѣненіе строя жизни, освобожденіе индивидуума отъ политически-корпоративной жизни. Индивидуумъ начинаетъ чувствовать нравственное достоинство, принадлежащее ему какъ частному лицу.

Борьба заканчивается тѣмъ, что доктрина, проводившая римское право, одержала полную побѣду. Происходитъ

(*) Hälschner. ibid., стр. 236.

полное смѣшеніе германскихъ понятій съ римскими и притомъ такъ, что первыя дѣлаются почти совершенно незамѣтными. Римское право, по словамъ Кёстлина, (1) совершенно потопляетъ германское право; чистыя германскія понятія перестаютъ существовать.

§ 24. Въ концѣ прошедшаго столѣтія возникаетъ въ Германіи, какъ извѣстно, и наука уголовнаго права. Ученые изслѣдователи были въ Германіи и въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Труды подобныхъ личностей, какъ Карцевъ, сильно помогли разъясненію многихъ вопросовъ уголовнаго права; но наука въ полномъ своемъ значеніи, какъ цѣлостное и систематическое изслѣдованіе всѣхъ касающихся до нея вопросовъ, началась только съ конца XVIII-го столѣтія. Знаменитый Фейербахъ считается отцомъ нѣмецкой науки уголовнаго права. Въ числѣ другихъ вопросовъ, которыми занялись главнѣйшіе криминалисты, былъ и вопросъ объ обидахъ. За разъясненіе его принялись очень многіе ученые, и мы находимъ дѣйствительно капитальные труды, посвященные этому предмету. На первомъ планѣ изъ всѣхъ этихъ трудовъ стоитъ извѣстное до сихъ поръ въ Германіи, какъ капитальнѣйшее изслѣдованіе, сочиненіе Вебера: „Ueber Injurien und Schmähschriften“, вышедшее въ 1797 году. Въ одинъ почти годъ съ нимъ явились и труды Грольмана: „Ueber Ehre und guten Namen“ (in dem Magazin für die Phil. d. Rechts. b. 1. st. 1. n. 1.) и извѣстное его полное изслѣдованіе всей науки уголовнаго права: „Grundsätze der Criminalrechts-Wissenschaft“, 1798 г., и Фейербаха „Lehrbuch des gemeinen peinlichen Rechts“, въ 1801-мъ году; затѣмъ труды Клейншродта: „Grundzüge der Lehre von Injurien“ (in dem Arch. des Cr. R. Bd. 1. st. IV, n. 1.), Альмендингена: „Grundzüge zu einer neuen Theorie über Verletzungen des guten Namens und der Ehre (in dem Magazine für die Phil. und Gesch. des Rechts B. 1. st. 1. n. 1. st. II. n. 4. B. II. st. 1) и многіе другіе. Съ этихъ серьезныхъ изслѣдованій и началась научная обработка ученія объ обидахъ. Наука имѣетъ въ настоящее время много сочиненій не только о преступленіи противъ чести вообще, но и о многихъ отдѣльныхъ вопросахъ, въ частности касающихся этого предмета.

(1) Köstlin. ibid., стр. 403.

Для того, чтобы полнѣе выяснить себѣ взглядъ нѣмецкой науки на честь и ея оскорбленія въ концѣ XVIII и началѣ XIX столѣтій, мы позволимъ себѣ указать на рѣшеніе главнѣйшихъ пунктовъ, выставленное Веберомъ, Гроллманомъ и Фейербахомъ, какъ первыми установителями нѣмецкаго ученія объ обидахъ.

Вотъ какъ объясняетъ Веберъ понятіе чести и основаніе защиты этого блага: „Чувство чести и похвалы, говоритъ онъ, врожденно человѣку, и онъ никогда не можетъ быть равнодушенъ къ тому—хорошее или дурное мнѣніе существуетъ о немъ: такъ какъ честь существуетъ во мнѣніи другихъ по мѣрѣ нашихъ совершенствъ, то на приговоры этихъ лицъ нельзя не обращать вниманія, ибо на нихъ основывается мнѣніе всего общества. На такихъ лицъ, которыя обходятся съ нами съ презрѣніемъ и хотятъ навлечь дурную славу, слѣдуетъ, поэтому, смотрѣть какъ на нарушителей важнаго блага. Говорятъ: мнѣніе одного лица неважно, потому что для насъ важно мнѣніе цѣлаго общества. Но такой взглядъ невѣренъ, такъ какъ одно лицо можетъ навлечь на меня дурную славу всего общества, которому, конечно, невозможно всегда убѣдиться въ истинѣ распространяемаго“. (1)

Итакъ, вотъ уже первая громадная разница между взглядомъ науки и понятіемъ чести во всей германской исторіи. Честь, по взгляду Вебера, есть благо, прирожденное человѣку. По коренному германскому взгляду, честь есть благо, даваемое обществомъ; общество давало, общество же могло и отнять честь, удаливъ лицо изъ сословія. Защищалъ германецъ это благо, какъ мы уже указывали, не потому, чтобы онъ признавалъ его за необходимое, за право, прирожденное его личности, какъ защищалъ онъ, напр., свою жизнь, здоровье,—а потому, что безъ этого блага немыслима была жизнь въ обществѣ. Припомнимъ, что германецъ, зная, что нанесенная ему обида не унизитъ его въ глазахъ другихъ, не преслѣдовалъ ея.

Съ точки зрѣнія новой науки, какъ мы имѣли уже случай упомянуть въ первой главѣ, невѣренъ взглядъ и Вебера, и взглядъ германской исторіи: какъ тотъ, такъ и

(1) Weber. Ueber Injurien und Schmahschriften, ст. 1.

другой представляютъ крайности. Честь есть благо, которое имѣетъ двухъ факторовъ—природу человѣка и общественную жизнь.

Смотря на честь, какъ на прирожденное право, Веберъ требуетъ хорошаго устройства судовъ. „Чувство чести на столь естественно, что если государство не устроитъ для преслѣдованія нарушеній этого блага правильнаго суда, то лицо будетъ мстить само за свое оскорбленіе. Государство должно еще и потому защищать честь лица, что иначе можетъ быть ослаблена одна изъ важныхъ пружинъ благосостоянія“ (1).

Объясняя причину преслѣдованія обидъ, Веберъ говоритъ, что „въ нѣкоторыхъ случаяхъ лицо не только можетъ, но и должно требовать наказанія за нанесенное ему оскорбленіе“. „Если иногда и можно снести обиду, продолжаетъ Веберъ, за то есть такіе случаи, гдѣ обязанности обиженнаго относительно себя, своихъ согражданъ и государства заставляютъ его не терпѣть обиды, такъ какъ противное можетъ подать поводъ какъ этому лицу, такъ и другимъ, къ повторенію преступленія, и покажетъ публикѣ, что обиженный какъ бы соглашается съ тѣмъ, что онъ дѣйствительно таковъ, какимъ его представляютъ. Опредѣлить границу уваженія къ намъ трудно: съ одной стороны есть очень щепетильныя лица, съ другой—невозможно заставить меня имѣть о другомъ лицѣ всегда доброе мнѣніе и высказывать только хорошій приговоръ. Вполнѣ достаточно будетъ, если не станутъ унижать нравственно поведенія лица, будутъ оказывать справедливость его преимуществамъ и заслугамъ, соблюдать вѣжливость въ обращеніи и, главнымъ образомъ, избѣгать дѣлать то, что ему непріятно или обидно. Подведя все это подъ общія правила, мы можемъ требовать, во 1-хъ, чтобы никто не позволялъ себѣ, съ цѣлью нанести обиду, нападать на насъ дѣломъ, во 2-хъ, упрекать безъ основанія въ непозволительныхъ и вредныхъ или, по общему убѣжденію, безчестящихъ поступкахъ, т. е. позорить лицо, а тѣмъ болѣе, если хотятъ представить его какъ порочнаго и недостойнаго нравственнаго или гражданскаго уваженія. Но, конечно, это можетъ существовать толь-

(1) Weber. ibid. ст. 5.

ко тогда, когда обиженный не подалъ повода, потому что нельзя запретить высказывать презрѣнія къ тому, кто самъ уронилъ себя; право же передавать другимъ свои мнѣнія и приговоры различно, смотря по дозволенной въ государствѣ свободѣ. Въ 3-хъ, за оскорбленія чести признается множество условныхъ родовъ внѣшняго униженія словами, мнѣнами и т. д., чрезъ которыя или оскорбляется нравственное чувство другого лица, или затрогивается его поведеніе, или осмѣиваются его тѣлесные недостатки, или совершаются противъ него какія-нибудь непозволительности. Вопросъ, когда можно передать юстиціи подобныя нападенія на честь, сопряженъ со многими трудностями: многія изъ такихъ обидъ суть только воображаемыя, и если лицу дадутъ право всегда жаловаться суду, то онъ будетъ обращаться къ нему и безъ всякаго серьезнаго основанія. Избѣжать ссоры и дрязгъ въ человѣческихъ отношеніяхъ нельзя, но всего не слѣдуетъ передавать юстиціи: судомъ должны преслѣдоваться только такія нападенія на другое лицо, при которыхъ не можетъ существовать спокойствіе и безопасность цѣлаго общества“ (*).

Подобнаго рода выводъ дѣлаетъ Веберъ затѣмъ, чтобы имѣть основаніе къ уничтоженію постоянныхъ ссоръ изъза мелочей и дуэлей, частыхъ въ высшемъ германскомъ сословіи. Но нельзя не признать, что выставленное имъ требованіе — позволять преслѣдованіе обидъ только тогда, когда ими наносится вредъ цѣлому обществу — невѣрно вообще, а еще болѣе съ точки зрѣнія самого же Вебера. Если основаніе чести — одна природа человѣка, то какъ же возможно допускать наказаніе за обиду тогда только, когда она наноситъ вредъ цѣлому обществу?

„Принимая все это въ соображеніе, продолжаетъ Веберъ, придешь къ убѣжденію, что законодатель долженъ обращать вниманіе только на такія грубыя выраженія, которыя не представляютъ уже никакого сомнѣнія въ томъ, что чрезъ нихъ дѣйствительно потерпѣлъ кто-либо въ тѣхъ правахъ, въ которыхъ государство должно было его защитить. Если лицо обладаетъ извѣстными преимуществами, ставящими его выше другихъ, то нельзя требовать признанія этихъ пре-

(*) Weber. ibid., стр. 6—11.

имуществъ и почтенія къ нимъ. Особыя заслуги и высшая гражданская добродѣтель сами-по-себѣ не могутъ быть причиною особаго внѣшняго почтенія; дѣло закона — опредѣлить степень уваженія по отношенію ко всѣмъ членамъ извѣстныхъ сословій и членовъ государства, вмѣстѣ съ внѣшними признаками и результатами его. Эта гражданская честь, въ строгомъ смыслѣ, отличается отъ чести естественной на столько, на сколько различно внѣшнее и внутреннее достоинство монеты" (1).

Здѣсь, какъ и во всемъ ученіи, сказывается громадное вліяніе, которое имѣли на Вебера тогдашнія школы естественнаго права. Для доказательства равенства всѣхъ гражданъ извѣстнаго сословія въ дѣлахъ чести, Веберъ ссылается на Пуфендорфа. Но впрочемъ Веберъ, какъ нѣмецъ, не могъ отказаться отъ признанія различной чести за каждымъ сословіемъ.

Понятіе обиды опредѣляетъ Веберъ слѣдующимъ образомъ: она есть противный праву поступокъ, которымъ кто-нибудь умышленно оскорбляетъ право другого по отношенію къ доброму имени, чести и уваженію (2).

Опредѣленіе это кажется намъ неудовлетворительнымъ, потому что оно говоритъ о нападеніи на доброе имя, честь и уваженіе; разницы же между этими тремя понятіями авторъ не представляетъ, да врядъ ли и возможно его представить.

Веберъ уже правильно понимаетъ римскую обиду. Онъ говоритъ по этому поводу, что римляне придавали слову injuria болѣе широкое значеніе, чѣмъ только-что сейчасъ приведенное.

При изложеніи видовъ обидъ, Веберъ (3) указываетъ на слѣдующія дѣленія. Обиды всего вѣрнѣе дѣлить по тремъ основаніямъ: 1) по свойству поступка — на реальныя и не реальныя, т. е. совершающіяся черезъ слово и символическіе знаки; 2) по отношенію къ лицу обиженному — на посредственныя и непосредственныя; 3) по величинѣ проступка — на важныя и неважныя. Обида считается важною

(1) Weber. ibid., ст. 11.
(2) Weber. ibid., ст. 16.
(3) Weber. ibid., ст. 17 и слѣд.

при пасквилях, при оскорблении родителей дѣтьми, при оскорблении верховной власти и начальства. Такимъ образомъ извѣстное въ настоящее время дѣленіе оскорблений чести на обиду и клевету не было знакомо Веберу.

Сочиненіе Вебера было важнымъ шагомъ въ научной обработкѣ нѣмецкаго ученія объ оскорбленіяхъ чести; оно вліяло на литературу съ самаго своего появленія и до позднѣйшаго времени. Миттермайеръ (1) относится о немъ слѣдующимъ образомъ: „Въ извѣстномъ сочиненіи Вебера находится очень много отличныхъ и практически-справедливыхъ рѣшеній вопросовъ и замѣчаній, но ему не достаетъ твердыхъ принциповъ“. Прочитавъ все сочиненіе Вебера, нельзя не согласиться дѣйствительно съ справедливостью этого мнѣнія. Кёстлинъ (2), относясь также съ уваженіемъ къ этому сочиненію, признаетъ, что оно произвело здравую реакцію въ ученіи объ обидѣ, но упрекаетъ Вебера, во 1-хъ, въ неполномъ знаніи отличій новаго понятія обиды отъ взглядовъ римскаго права и, во 2-хъ, въ невнимательности къ народнымъ германскимъ правамъ. Впрочемъ, въ этомъ послѣднемъ Кёстлинъ упрекаетъ и не одного Вебера: въ другомъ своемъ сочиненіи онъ говоритъ, что вся новѣйшая нѣмецкая доктрина потеряла значеніе отечественнаго права (3).

Дальнѣйшее разъясненіе вопроса объ оскорбленіяхъ чести находимъ мы у Грольмана (4).

„Честь, говоритъ Грольманъ, есть выраженіе внѣшнимъ образомъ признанія за человѣкомъ его достоинства или тѣхъ преимуществъ, которыя возвышаютъ его надъ другими.

„Какъ честь, такъ и права лица по отношенію къ ней бываютъ двухъ родовъ:

„Во 1-хъ, человѣкъ имѣетъ за собою извѣстное достоинство, возвышающее его надъ всѣмъ вещественнымъ міромъ и признаваемое за нимъ единственно только потому, что онъ человѣкъ. Коль скоро признаютъ за человѣкомъ право личности, то ему, безъ сомнѣнія, должно принадлежать и право требовать, чтобы это признавали за нимъ на дѣлѣ,

---

(1) Mittermaier. Beiträge zur Lehre von den Ehrenkränkungen, ст. 505.
(2) Köstlin. Abhandlungen., ст. 14.
(3) Köstlin. Die Ehrverl. n. deutsch. R. ст. 403.
(4) Grolman. Grundsätze der Criminalrechts-Wissenschaft, ст. 218—222.

чтобы никто не позволялъ себѣ обращаться съ нимъ по произволу. Эта честь, требуемая по праву принужденія, есть честь въ тѣсномъ смыслѣ слова.

„Во 2-хъ, какъ общественный дѣятель, каждый человѣкъ бываетъ предметомъ свободнаго приговора публики, въ глазахъ которой онъ дѣйствуетъ. Сравнивая поступки одного съ поступками другого, публика чрезъ свой приговоръ признаетъ достоинство за этимъ лицомъ; а такъ какъ этотъ приговоръ обусловливаетъ въ сношеніяхъ людей ихъ образъ дѣйствія относительно того, надъ кѣмъ произносятъ приговоръ, то достоинство, пріобрѣтаемое такимъ образомъ, дѣлается однимъ изъ важнѣйшихъ благъ, а пріобрѣтеніе его—цѣлью каждаго. Эту честь, развивающуюся изъ того достоинства, которое признаетъ за человѣкомъ публика, называютъ добрымъ именемъ, въ противоположность чести въ тѣсномъ смыслѣ слова. Такъ какъ доброе имя бываетъ только результатомъ свободнаго приговора публики, то его никоимъ образомъ нельзя требовать по праву принужденія, но между тѣмъ всякій имѣетъ право на то, чтобы у него не отнимали возможности заслужить своими поступками доброе имя. Человѣку законно принадлежитъ полная свобода дѣйствій, а потому возможность эта можетъ быть отнята только тогда, когда другіе выдумываютъ про него такіе поступки, которые служатъ основаніемъ къ непризнанію за нимъ достоинства. Относительно добраго имени существуетъ, поэтому, право принужденія только противъ клеветника.

„Такъ какъ личность человѣка признается въ государствѣ, то должно признаваться и его принудительное право на честь въ тѣсномъ смыслѣ слова. Но въ государствѣ, по необходимости, образуются еще новыя преимущества, которыя отличаютъ одного человѣка отъ другого. Гражданинъ имѣетъ преимущество предъ не гражданиномъ, и между гражданами бываютъ различія, смотря по различной важности ихъ государственно-гражданскихъ функцій. Поэтому честь въ тѣсномъ смыслѣ слова распадается на общечеловѣческую и политическую или гражданскую, а эта послѣдняя дѣлится опять на общегражданскую и на особогражданскую; послѣдняя въ своихъ высшихъ степеняхъ образуетъ честь величества, а въ низшихъ—ранговую или служебную.

„Различіе между общечеловѣческою и политическою честью

состоитъ въ томъ, что первая даетъ принудительное право только на отрицательные поступки, которые противорѣчатъ понятію личности; напротивъ, послѣдняя можетъ и должна производить принудительное право и на поступки положительные. Но общечеловѣческая и политическая честь согласуются въ томъ, что обѣ онѣ никоимъ образомъ не суть результаты свободнаго приговора публики, но являются необходимыми послѣдствіями того факта, что человѣкъ есть или человѣкъ, или гражданинъ, или лицо, выполняющее какія-нибудь государственно-гражданскія функціи, и поэтому принудительное право на ихъ честь должно существовать до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать этотъ фактъ.

„Что же касается добраго имени, то государство должно также признать принудительное право противъ клеветника. Но только противъ клеветника и можетъ быть установлено принудительное право, потому-что если бы государство захотѣло идти въ этомъ далѣе, то оно не только бы стѣснило гражданскую свободу, но поступило бы губительно и для самого себя въ политическомъ отношеніи, такъ какъ для государства былъ бы большой вредъ, если бы не смѣли высказывать своихъ мнѣній о доказанныхъ постыдныхъ поступкахъ“.

На основаніи всего этого, Грольманъ дѣлаетъ слѣдующее опредѣленіе преступленія противъ чести: всякій поступокъ, посредствомъ котораго оскорбляется принудительное право по отношенію къ чести, называется обидою. Но обида въ обширномъ смыслѣ дѣлится на обиду въ тѣсномъ смыслѣ слова и на клевету. Если оскорбляется право чести въ тѣсномъ смыслѣ слова, то будетъ обида; если же оскорбленіе будетъ касаться до принудительныхъ правъ относительно добраго имени, то injuria будетъ называться клеветою.

Взглядъ Грольмана на понятіе чести, а отсюда и на различіе ея нарушеній, разбирается Гофманомъ (*). Между прочимъ Гофманъ говоритъ: „Мнѣ кажутся несправедливыми окончательныя заключенія, на которыхъ основывается изложеніе Грольмана. Можно ли имѣть право на возможность имѣть доброе имя? Объ этомъ я не буду спорить, ибо такой споръ стоялъ бы на очень непрактичной почвѣ“.

(*) Hofman H. Beiträge zur Lehre von Injurien, ст. 500—503.

„Совершенно несправедливо, что чрезъ фальшивое злословіе дѣлается попытка похитить возможность имѣть доброе имя, ибо 1) клевета есть нападеніе на самое доброе имя, а не на возможность только его, какъ и кража разрушаетъ не одну возможность пріобрѣсть имущество; 2) доброе имя состоитъ въ благосклонномъ мнѣніи большинства; высказываніе отдѣльнымъ лицомъ своего мнѣнія не всегда бываетъ покушеніемъ повліять на общественное мнѣніе. Но если бы и было справедливо мнѣніе Грольмана, то ясные законы уничтожаютъ всякое сомнѣніе относительно того, что при обидахъ наказываютъ не покушеніе, а дѣйствительно совершенное правонарушеніе,—а что возможность имѣть доброе имя не разрушается чрезъ клевету, это ясно доказывается и ежедневнымъ опытомъ“.

Кромѣ этого мы не можемъ не представить еще очень важнаго возраженія Грольману. Авторъ основываетъ все свое ученіе объ оскорбленіяхъ чести на различіи между честью и добрымъ именемъ: нападеніе на честь есть обида, нападеніе на доброе имя есть клевета. Но дѣло въ томъ, что это дѣленіе не признается совершенно позднѣйшею наукою: найти различіе между честью и добрымъ именемъ нѣтъ никакой возможности.

Лучшее опредѣленіе понятія клеветы находимъ мы у Фейербаха. Фейербахъ хотя и признаетъ также различіе между честью и добрымъ именемъ (1), но, тѣмъ не менѣе, представляетъ очень толковое опредѣленіе разсматриваемаго нами преступленія. „Клевета, говоритъ онъ (2), совершается тогда, когда кто-нибудь фальшиво разсказываетъ другому о третьемъ лицѣ такіе факты или поступки, которые дѣлаютъ этого послѣдняго недостойнымъ чести по мнѣнію публики“. Это послѣднее опредѣленіе клеветы признано позднѣйшею нѣмецкою наукою, и большинство послѣдующихъ изслѣдователей придерживается опредѣленія Фейербаха.

§ 25. Раціоналистическое направленіе нѣмецкой науки конца прошедшаго и начала настоящаго столѣтія отозвалось и на ученіи объ обидѣ. Благодаря ему, начался и долгое время продолжался споръ объ отличіи чести общечеловѣческой отъ гражданской, объ основаніи права государства наказывать

(1) Feuerbach. Lehrbuch. §§ 271, 272, 273.
(2) Feuerbach, ibid., § 284.

за оскорбленіе чести, наносимое частному лицу, и о многихъ другихъ вопросахъ. Но самый главный пунктъ, подвергавшійся долгому спору, заключался въ объясненіи понятія чести. Подъ вліяніемъ абстрактныхъ нѣмецкихъ школъ придумали для опредѣленія чести отличать эту послѣднюю отъ такъ-называемаго добраго имени. Примѣръ этому видѣли уже мы въ словахъ Грольмана. Подобное же различіе находимъ, напримѣръ, у Шпейда (1). „Честь, говоритъ Шпейдъ, есть самоуваженіе въ связи съ нравственнымъ достоинствомъ отдѣльнаго человѣка, признаннымъ въ обществѣ. Свобода лица требуетъ, чтобы ему не мѣшали выражать эту свободу во внѣшнемъ мірѣ, чтобы уважали его самого и его права. Но для того, чтобы быть уважаемымъ другими, должно первымъ дѣломъ самому уважать себя. Отъ чести отличаютъ доброе имя, заключающееся въ уваженіи, которое платится отдѣльному лицу отъ государства и которое происходитъ отъ того, что за лицомъ не знаютъ никакого нарушенія нравственнаго закона". Такого же взгляда придерживались и многіе другіе послѣдователи, напр. Альмендингенъ.

Болѣе поздняя наука возстала противъ подобнаго дѣленія. Вотъ что говоритъ по этому поводу Кёстлинъ: (2)

„Прежде смѣшивали честь нравственную и правовую. Юристы конца прошедшаго столѣтія, возражая противъ такого смѣшенія, рѣшили, что честь наказуема уже по самому естественному праву, и ввели доброе имя, какъ понятіе, независящее отъ государства, которое противополагается чести, какъ качеству, данному личности государствомъ Особенно упорно проводитъ это различіе Альмендингенъ, который оспариваетъ всякое естественно-принудительное право противъ оскорбленія добраго имени и допускаетъ наказаніе подобныхъ поступковъ только чрезъ законодательство полицейское, для отстраненія частной мести; между тѣмъ онъ же вполнѣ допускаетъ наказуемость оскорбленія гражданской чести, данной государствомъ. Другіе ученые справедливо считаютъ невозможнымъ такое различіе человѣка въ государствѣ и внѣ его; они утверждаютъ, что государство, признавая личность, признаетъ и право ея на общечеловѣческую честь. Поэтому они справедливо отбросили отличіе че-

(1) Schneid. Die Ehrenbeleid.. n. oesterreich. R. стр. 8.
(2) Köstlin. Abhandlungen, стр. 4, 5.

сти отъ добраго имени и признали оба эти понятія тождественными, то-есть за основаніе чести вообще стали считать безупречность, которая должна имѣть значеніе какъ предположеніе дѣйствительно существующаго достоинства".

II. ПОНЯТІЕ КЛЕВЕТЫ.

§ 26. Въ германскихъ народныхъ правахъ не находимъ мы яснаго различія между тѣми двумя видами преступленій противъ чести, которыя различаются во всѣхъ законодательствахъ настоящаго времени, а именно между клеветою и обидою. Клевета, какъ самостоятельное преступленіе, не существовала еще въ народныхъ правахъ.

Такое положеніе дѣлъ намъ кажется совершенно понятнымъ. Представить различіе между двумя преступленіями, имѣющими между собою столь много совпадающихъ пунктовъ, какъ клевета и обида, можетъ быть задачею только науки; народныя права соединяли обыкновенно воедино всѣ преступленія, которыя кажутся съ перваго взгляда однородными. Но изъ такого соединенія двухъ преступленій невозможно дѣлать заключенія о несуществованіи того или другого понятія. Клевета, какъ посредственное нападеніе на честь лица чрезъ униженіе его въ глазахъ другихъ, безспорно признавалась въ народныхъ германскихъ правахъ. Признавалась точно также ими до нѣкоторой степени и обида, какъ непосредственное нападеніе на честь безъ всякаго желанія унизить лицо въ глазахъ другихъ. Но какъ то, такъ и другое преступленіе запрещались часто однимъ общимъ постановленіемъ. Названіе, напр., лгуномъ могло быть и обидою, и клеветою: если упрекъ дѣлался одинъ-на-одинъ безъ всякаго желанія распространить недовѣріе къ лицу въ средѣ его согражданъ—являлась обида; когда же упрекали именно съ цѣлью убѣдить въ этомъ другихъ и обставляли упрекъ особыми, необходимыми для достиженія этой цѣли условіями,— являлась клевета.

При изложеніи краткаго историческаго очерка мы показали, что собственно оскорбленіемъ чести считали нѣмецкія народныя права униженіе лица въ глазахъ другихъ. Оскорбленіе чести въ томъ видѣ, въ какомъ оно понимает-

ся подъ именемъ обиды въ тѣсномъ смыслѣ слова, становилось далеко на задній планъ. Сложилось даже убѣжденіе, что германецъ можетъ спокойно перенести обиду, коль скоро будетъ знать, что онъ не унизится чрезъ это въ глазахъ другихъ. Подобный взглядъ на дѣло даетъ намъ полное право признать, что клевета была главнѣйшимъ преступленіемъ противъ чести въ германскихъ народныхъ правахъ.

Воспользуемся теперь сохранившимися до насъ юридическими памятниками и выведемъ по нимъ отличительныя черты того преступленія, которое составляетъ предметъ настоящаго изслѣдованія.

1) Приведенный выше краткій историческій очеркъ дѣлаетъ для насъ, прежде всего, понятнымъ первое условіе клеветы. Униженіе лица въ глазахъ другихъ запрещалось въ особой формѣ, какъ *разглашеніе* о немъ слуховъ, унижающихъ его достоинство, такъ-что для совершенія этого преступленія нужно было сдѣлать упрекъ въ присутствіи другихъ лицъ. Нѣкоторыя права требовали этого условія совершенно ясно. (1) Въ средніе же вѣка во многихъ народныхъ правахъ (2) говорилось, что честь затрогивалась только чрезъ обвиненіе предъ другими въ поступкахъ, дѣлающихъ безчестными.

2) Точно также ясно для насъ и второе условіе этого преступленія, а именно запрещалось сообщать другимъ какія-нибудь *безчестныя*, позорныя качества лица. Изъ главной характеристической черты чести, какъ положительнаго занятнанія личности (3), совершенно естественно вытекало, что упреки, чрезъ которые совершалось оскорбленіе чести, должны были быть позорны, унизительны, безчестящи.

Благодаря различному взгляду на честь древнихъ германцевъ и римлянъ, явились нѣкоторыя особенности по отношенію къ этому условію клеветы. По взгляду римлянъ, безчестнымъ считалось все то, что недостойно римскаго гражданина, а затѣмъ все недостойное его чести считалось уже одинаково позорно. Наказаніе при клеветѣ, вслѣдствіе этого, не измѣнялось смотря по степени безчестности того, въ

---

(1) Köstlin. Die Ehrverl. n. deutsch. R. стр. 170.
(2) Ibid., ст. 182.
(3) Ibid, ст. 181.

чемъ упрекаютъ. Въ германскихъ правахъ, гдѣ говорилось прежде всего объ упрекѣ, дѣлаемомъ живому человѣку, а не фикціи государственнаго гражданина, тяжесть оскорбленія зависѣла главнымъ образомъ отъ безчестности того, въ чемъ упрекали. Нѣкоторыя права представляютъ здѣсь очень рельефную градацію наказаній. Напр. законы франковъ салическихъ (1) назначаютъ штрафы въ 3, 6, 15, 47, 62½ и 187 сол., смотря по важности упрека; большій штрафъ назначался за названіе женщины meretrix и колдуньей. Подобное различіе упрековъ проходитъ чрезъ всѣ памятники, и вездѣ находимъ мы отличіе упрековъ болѣе важныхъ отъ упрековъ менѣе важныхъ.

3) Что касается до третьяго условія клеветы, т. е. до требованія лживости распространяемаго, то, по отношенію къ нему, имѣемъ мы очень много свѣдѣній въ германскихъ правахъ. Нѣкоторыя права признаютъ это условіе совершенно ясно; напр. Graugans (2) дозволяетъ доказывать, что упрекъ относится къ лицу, далеко небезупречному, а къ такому, который уже уличенъ въ воровствѣ. По lex Salica (3) допускается exceptio veritatis при обвиненіи въ блудѣ, коварствѣ, фальшивомъ доносѣ, въ колдовствѣ и чародѣйствѣ, а по многимъ другимъ кодексамъ—также при упрекѣ въ трусости во время битвы. По словамъ Кёстлина (4), въ средне-вѣковыхъ народныхъ правахъ очень часто упоминается, что на покровительство закона противъ оскорбленій чести могутъ имѣть притязаніе только тѣ лица, которыя дѣйствительно признаются честными. Но, не смотря на это, Кёстлинъ (5), при окончательномъ рѣшеніи вопроса о томъ—была ли лживость разглашаемаго необходимымъ условіемъ для клеветы, говоритъ, что по отношенію къ этому вопросу не было никакого согласія въ народныхъ правахъ. „Во многихъ правахъ, замѣчаетъ этотъ изслѣдователь, тщетно будемъ мы искать признанія exceptio veritatis“. Но, кажется, вѣрнѣе будетъ согласиться въ этомъ случаѣ съ Вильдой, (6) который, разбирая древне-германскія права, прихо-

(1) Köstlin. ibid., ст. 173.
(2) Ibid., ст. 170.
(3) Ibid., ст. 174.
(4) Ibid., ст. 187.
(5) Ibid., ст. 228.
(6) Wilda. Strafrecht der Germanen, ст. 787.

дить къ убѣжденію, что упрекъ не считался здѣсь преступленіемъ, когда чрезъ произнесенный приговоръ или какимъ-либо инымъ способомъ истина того, въ чемъ упрекали, могла быть подтверждена. Кёстлинъ (1) говоритъ, что Вильда въ этомъ случаѣ разсуждаетъ очень произвольно, такъ какъ въ тѣхъ источникахъ, на которые онъ указываетъ, нѣтъ и рѣчи объ этомъ. Но самый позднiй изслѣдователь этого же вопроса, Гельшнеръ, не соглашается съ Кёстлиномъ, а склоняется на сторону Вильды. „Нельзя сомнѣваться, говоритъ онъ, въ томъ, что при жалобѣ на клевету обвиняемому предоставлялось право представлять exceptio veritatis". Во многихъ источникахъ объ этомъ ясно говорится, изъ умалчиванiя же другихъ нельзя еще вывести о недозволенности exceptio veritatis (2). Впрочемъ и Кёстлинъ сознается, что многiя изъ правъ, въ которыхъ не говорится о допустимости exceptio veritatis, страдаютъ краткостью. (3)

Въ народныхъ обычныхъ сборникахъ всегда можно бываетъ встрѣтить пропускъ того или другого вопроса, такъ какъ умѣнье составлять полные законодательные сборники принадлежитъ позднѣйшему времени. Тѣмъ болѣе возможно ожидать пропуска такого условiя, которое до нѣкоторой степени предполагалось само собою. Трудно согласиться, чтобы гражданинъ среднихъ вѣковъ и особенно членъ городской общины не имѣли права высказывать про другое лице такiе факты и поступки, истина которыхъ имъ была извѣстна; тѣсный союзъ городской общины, основанной на единственномъ довѣрiи, не могъ бы тогда существовать.

Но, кажется, уже и то обстоятельство, что условiе это признавалось большинствомъ сборниковъ, даетъ намъ право считать его за общепризнанное, такъ какъ условiя жизни во всѣхъ средневѣковыхъ обществахъ были одинаковы. Кёстлинъ (4) говоритъ, что въ нѣкоторыхъ правахъ exceptio veritatis допускается только по отношенiю къ одному случаю, напр. только при обвиненiи въ клятвопреступленiи, и видитъ въ этомъ колебанiе во взглядѣ на допустимость exceptio veritatis. Но врядъ ли вѣрно и такое заключенiе. Каждому лицу, принимавшемуся за изслѣдованiе обычныхъ народныхъ правъ, приходилось убѣждаться, что они часто

(1) Kostlin. ibid., ст. 172.
(2) Hälschner. System, ст. 228.
(3) Köstlin. ibid., ст. 230.
(4) Ibid., ст. 231.

не представляютъ общаго запрещенія, а высказываютъ его въ приложеніи къ какому-нибудь отдѣльному случаю. Въ этомъ-то смыслѣ слѣдуетъ понимать и приводимыя Кёстлиномъ мѣста изъ народныхъ правъ.

На основаніи всѣхъ этихъ соображеній мы считаемъ возможнымъ согласиться съ мнѣніемъ Вильды и Гельшнера, что exceptio veritatis допускалось вообще въ германскихъ народныхъ правахъ, и полагаемъ, что униженіе лица въ глазахъ другихъ считалось преступленіемъ только тогда, когда упрекъ былъ незаслуженъ. Если же упрекавшій могъ доказать, что онъ имѣлъ основаніе сдѣлать подобный упрекъ, если онъ привелъ, далѣе, факты къ подтвержденію своихъ словъ, то преступленіе не существовало.

Миттермайеръ (*), при изслѣдованіи вопроса объ exceptio veritatis, не разбираетъ, къ несчастію, народныхъ германскихъ правъ, но говоритъ, что право доказывать истину упрека рано еще перешло въ практику среднихъ вѣковъ, и что доказательство истины считалось за основаніе, освобождавшее отъ наказанія за обиду. Но Миттермайеръ не правъ, полагая, что постановленіе это перешло въ народныя права изъ права римскаго. Вышеприведенное изложеніе доказываетъ, что это, наоборотъ, было кореннымъ германскимъ постановленіемъ, вытекавшимъ изъ самого общественнаго строя. „Въ практикѣ XVI-го столѣтія, говоритъ Миттермайеръ, мнѣнія уже раздѣлились; нѣкоторые изъ юристовъ требовали отмѣны exceptio veritatis“. Вотъ на это послѣднее, а не на введеніе въ Германіи exceptio veritatis, и повліяло, какъ намъ кажется, изученіе римскаго права. Плохое пониманіе римскихъ источниковъ приводило къ очень частымъ заблужденіямъ; сильное же желаніе въ это время ввести римскіе законы, въ ущербъ мѣстнымъ, народнымъ, обусловленнымъ всѣмъ строемъ жизни, заставило потребовать и отмѣны exceptio veritatis.

Древнія германскія права признавали квалифицированные случаи клеветы, а именно униженіе, нанесенное въ общественномъ собраніи, считалось, по нѣкоторымъ изъ нихъ, какъ особенно наказуемое преступленіе. Но и по отношенію къ этому преступленію допускалось exceptio veritatis. Ни

(*) Mittermaier. Ueber die Zulässigkeit d. Beweses der Einrede. d. Wahrheit, ст. 4 и 5.

одно изъ народныхъ правъ не говоритъ по крайней мѣрѣ о противномъ, а это, равно какъ и взглядъ на общественный бытъ того времени, дастъ право изслѣдователямъ настоящаго вопроса признать допустимость exceptio veritatis по отношенію ко всѣмъ случаямъ клеветы.

4) Четвертымъ условіемъ клеветы по древне-германскому праву было требованіе animus injuriandi. Требованіе это высказывается въ древнихъ правахъ, по словамъ Кёстлина, самымъ опредѣленнымъ образомъ ([1]). Въ средне-вѣковыхъ правахъ признавалось тоже постоянно, что клевета существуетъ только въ тѣхъ упрекахъ, при которыхъ высказывается ясно обдуманное намѣреніе запятнать честь лица, а чрезъ это нанести вредъ нравственной основѣ его общественнаго положенія ([2]).

Что касается до вопроса о томъ, необходимо ли было для совершенія клеветы присутствіе или отсутствіе оскорбляемаго, то въ этомъ не существуетъ никакого согласія въ германскихъ народныхъ правахъ. Такъ, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ признается это прямо за однозначущее ([3]), другія требуютъ присутствія обижаемаго; напр., гамбургскіе статуты признаютъ наказуемымъ поступокъ тогда только, когда обидчикъ рѣшался повторить свой упрекъ въ присутствіи оскорбленнаго.

Наконецъ, въ народныхъ правахъ не видимъ мы требованія, чтобы для оклеветанія необходимо было распространять слухъ о какихъ-либо позорныхъ фактахъ, но достаточно было простого упрека. При одномъ названіи воромъ, лгуномъ, незаконнорожденнымъ, считалось возможнымъ унизить лицо въ глазахъ его согражданъ.

Таковы отличительныя черты преступленія клеветы по германскимъ народнымъ правамъ. Преступленіе это признавалось во всѣхъ своихъ главнѣйшихъ условіяхъ, но обработки его, какъ особеннаго вида преступленій противъ чести, въ то время еще не существовало. Кёстлинъ говоритъ по этому поводу: „Что касается до частной клеветы, то она, какъ специфическое понятіе, представляется мало обработан-

---

(1) Köstlin, ibid., ст. 177.
(2) Ibid., ст. 183.
(3) Ibid., ст. 175.

ною въ древне-нѣмецкихъ правахъ“ (1). Преступленіе это не имѣло еще тамъ строгихъ границъ и сливалось по большей части съ обидою (въ тѣсномъ смыслѣ слова) или съ общественною клеветою.

§ 27. Съ XVI-го столѣтія замѣчается все большее и большее выдѣленіе клеветы какъ самостоятельнаго преступленія, но точное выясненіе преступленія есть уже продуктъ доктрины и практики, начиная съ Каролины (2). Законодательство Карла V не знало еще его. Двѣ статьи Каролины по отношенію къ оскорбленію чести страдаютъ бо́льшимъ недостаткомъ, чѣмъ многія изъ народныхъ правъ: въ 216-й статьѣ запрещается обыкновенная обида подъ страхомъ заплатить штрафъ въ марку золота; 110-я ст. представляетъ заимствованіе изъ Codex Theodosianus постановленія о liber famosus. Постановленіе это нисколько не разъяснило понятія клеветы: вызванное во время имперіи особенными обстоятельствами, оно не имѣло, повидимому, никакого серьезнаго основанія для появленія въ Каролинѣ. Германская жизнь въ этотъ, равно какъ и въ предыдущій періодъ существовала при совершенно противоположныхъ взглядахъ; высказываніе истины тамъ дозволено было въ какой угодно формѣ.

XVII и XVIII столѣтія были, какъ мы уже говорили, временемъ самой сильной борьбы германскихъ народныхъ взглядовъ съ римскими. Коренные народные взгляды забываются все болѣе и болѣе, римское же ученіе, плохо понимаемое, не въ силахъ произвести дѣйствительной реформы. Отъ этого-то и законодательные сборники того періода представляютъ очень плохое опредѣленіе какъ преступленія противъ чести вообще, такъ и въ частности клеветы.

Прусское земское право (3) хотя и издано уже въ концѣ XVIII-го столѣтія, не представляетъ, тѣмъ не менѣе, никакихъ основныхъ положеній для рѣшенія вопроса, но вводитъ только множество запутанныхъ правилъ для разъясненія отдѣльныхъ случаевъ. Законодательство это стремится создать все ученіе объ оскорбленіи чести на одномъ намѣреніи обидѣть. Мѣра наказанія зависитъ въ немъ отъ то-

(1) Köstlin. Die Ehrverletz. n. D. R. 189.
(2) Köstlin. Abhandlungen, стр. 35.
(3) Das allgemeine Preussische Landrecht. 1791.

го, наносится ли оскорбленіе лицомъ одного сословія или же лицомъ, стоящимъ на иной ступени сословной лѣстницы. Наказанія были, поэтому, болѣе чѣмъ несправедливы: если лицо изъ низшаго сословія оскорбляло члена сословія высшаго, то его наказывали тюрьмою до трехъ мѣсяцевъ; если обида произошла между членами высшаго сословія, то—тюрьма до четырехъ недѣль; за оскорбленіе, нанесенное лицомъ высшаго сословія низшему—только штрафъ отъ 40 до 100 талеровъ.

Что касается до ученія о клеветѣ. то отличіе этого преступленія отъ обиды сознается очень плохо. Существованіе клеветы ставится въ зависимость также единственно отъ намѣренія опозорить; ученіе же объ animus injuriandi, изложенное въ массѣ правилъ, вводило на практикѣ много затрудненій (1).

Точно также плохо было изложено ученіе объ обидахъ и въ австрійскомъ законодательствѣ 1803-го года. Здѣсь выставляется отличіе клеветы отъ обиды; но клевета, понимаемая какъ обвиненіе въ преступленіи съ цѣлью возбудить судебное преслѣдованіе, не есть, конечно, клевета въ признанномъ нами значеніи этого слова.

Хотя баварское уложеніе 1813 года и образуетъ собою эпоху въ исторіи нѣмецкаго уголовнаго законодательства (2), но, тѣмъ не менѣе, въ вопросѣ объ оскорбленіяхъ чести не представляется и здѣсь ничего новаго. Клевета понимается точно также въ очень узкомъ смыслѣ, а именно какъ выдумываніе сознательно фальшивыхъ поступковъ, признанныхъ въ этомъ законодательствѣ за преступленіе или проступокъ. Изъ этого слѣдуетъ, такимъ образомъ, что упрекъ въ безнравственныхъ поступкахъ, подвергающихъ лицо всеобщему презрѣнію, упрекъ въ проступкахъ полицейскихъ, а равно и упреки въ поступкахъ, признанныхъ во всѣхъ законодательствахъ за преступленія, но пропущенные почему-нибудь въ баварскомъ уложеніи, напр. упрекъ въ содоміи, въ продажѣ своей жены, не будетъ клеветою; не будетъ клеветою также и упрекъ въ воровствѣ четырехъ флориновъ, такъ какъ

---

(1) См. Mittermaier. Beiträge z. Lehre v. d. Ehrenkränk, ст. 507—513.
(2) См. Бернеръ. Учебникъ, т. I, стр. 142.

кража ниже пяти флориновъ считается по баварскому законодательству полицейскимъ проступкомъ (1).

Баварское уголовное законодательство было крайне-неудовлетворительно и по отношенію къ ученію объ обидѣ: обиду предполагалось здѣсь объявить полицейскимъ проступкомъ и передать въ вѣдомство полицейскаго суда.

Такимъ образомъ въ уложеніе 1813-го года не попало то вѣрное опредѣленіе клеветы, которое высказалъ въ своемъ учебникѣ составитель его Фейербахъ.

§ 28. Наконецъ, въ новѣйшемъ столѣтіи, подъ вліяніемъ науки, получившей широкое развитіе, издаются и отдѣльные кодексы для каждаго изъ германскихъ государствъ. Большинство этихъ кодексовъ, благодаря благодѣтельному вліянію доктрины, составлено цѣлесообразно; изъ римскаго права взято здѣсь хотя, правда, и очень многое, но все это приведено въ полное соотвѣтствіе съ требованіемъ жизни и взглядомъ эпохи.

Точно также вырабатывается и ученіе о клеветѣ. Клевета, какъ самостоятельное преступленіе противъ чести, выясняется вполнѣ всѣми нѣмецкими законодательствами XIX-го столѣтія.

Первое условіе клеветы по нѣмецкимъ законодательствамъ состоитъ въ требованіи *распространенія* извѣстныхъ слуховъ про лицо въ средѣ его согражданъ.

Брауншвейгское законодательство говоритъ (§ 198), что въ обидѣ виновенъ тотъ, кто позволитъ себѣ противъ другого лица оскорбляющіе честь его поступки или выраженія, въ клеветѣ же (по § 199) — тотъ, кто чрезъ злословіе или чрезъ общественное или тайное распространеніе приписываетъ другому лицу преступленіе.

Прусское законодательство (§ 156) требуетъ для клеветы, чтобы извѣстные поступки были распространены между другими лицами. По толкованію прусскаго оберъ-трибунала (2), это должно понимать такимъ образомъ, что необходимо для существованія клеветы, чтобы извѣстные проступки были или прямо сообщены другому лицу, или такъ сказаны, чтобы другое лицо услыхало это. Такимъ образомъ, по смыслу этого толкованія, возможно допустить клевету даже и тогда, ко-

(1) Mittermaier, ibid., стр. 517—523.
(2) См. Rubo. Zur Lehre von der Verleumdung, стр. 118.

гда извѣстныя слова высказаны въ глаза оклеветанному, но такъ, чтобы другое постороннее лицо могло ихъ услыхать.

Совершенно ясно признаетъ это условіе и саксонское законодательство, которое (въ §§ 235 и 236) говоритъ, что для клеветы необходимо, чтобы другія лица, кромѣ мнимаго дѣятеля, получили свѣдѣніе о фактахъ.

Также разрѣшается вопросъ и всѣми нѣмецкими законодательствами. Только нѣкоторые изъ кодексовъ понимаютъ это условіе неясно, а именно баварскій (§ 284) и ганноверскій (§ 261) говорятъ, что клевету совершаетъ то лицо, которое выдумываетъ про другое извѣстные поступки. Подобное же опредѣленіе клеветы встрѣчаемъ мы и въ наукѣ, а именно Берперъ (1) говоритъ, что клевета есть выдумка поступка, возбуждающаго презрѣніе. Опредѣленіе это, конечно, недостаточно: для совершенія клеветы мало выдумать поступокъ, надо еще сообщить о немъ другимъ лицамъ. Неясное опредѣленіе существуетъ и въ вюртембергскомъ законодательствѣ (§ 286), говорящемъ, что для клеветы необходимо фальшивое приписываніе поступковъ; точно также неясно и гессенское (§§ 304 и 305), требующее для клеветы фальшиваго обвиненія. Приписываніе поступковъ и обвиненіе могутъ быть совершены безъ всякаго отношенія къ другимъ лицамъ. Но само-собою разумѣется, что эти послѣднія законодательства представляютъ только неточное опредѣленіе вопроса, наука же и практика понимаютъ ихъ опредѣленія одинаково со всѣми другими вышеприведенными кодексами. (2)

§ 29. Вторымъ условіемъ клеветы является требованіе чтобы распространяемое было *унизительно*, недостойно чести оклеветываемаго. Это требованіе признается также всѣми законодательствами; но по отношенію къ нему существуетъ разногласіе въ томъ, какіе именно поступки слѣдуетъ признать на столько унизительными, чтобы распространеніемъ ихъ возможно было совершить клевету.

Законодательство баварское (§ 284) относитъ сюда преступленія и проступки. Требованіе крайне-ограниченное: униженіе лица, какъ извѣстно, можетъ быть легко достигнуто и безъ обвиненія въ преступленіи.

(1) Берперъ. Учебникъ Уголовнаго Права.
(2) Rubo, ibid., стр. 121.

Другія законодательства признаютъ точно также клевету существующею при обвиненіи въ преступленіи, но при этомъ допускаютъ ее еще при обвиненіи въ такомъ поступкѣ, который дѣлаетъ лицо презрѣннымъ въ общественномъ мнѣніи (вюртембергское, баденское), или который подвергаетъ лицо въ общественномъ мнѣніи ненависти и презрѣнію (прусское, ольденбургское). По словамъ Рубо, (1) опредѣленія этихъ законодательствъ неудовлетворительны: не всякій вѣдь безчестный поступокъ дѣлаетъ лицо презрѣннымъ въ общественномъ мнѣніи,—презрѣніе можетъ произойти только при большой развратности; точно также и ненависть происходитъ, когда лицо совершаетъ высшую степень зла.

Уголовное законодательство Альтенбурга относитъ сюда преступленія и поступки, которые могутъ унизить дѣятеля въ глазахъ другихъ согражданъ, а тюрингенское прибавляетъ: „и повредить его доброй славѣ“. Послѣднее прибавленіе Рубо (2) точно также считаетъ неудовлетворительнымъ, такъ какъ при клеветѣ дѣло идетъ не объ уменьшеніи доброй славы, а объ порожденіи дурной.

Ганноверское законодательство простираетъ понятіе клеветы на выдумываніе поступковъ, могущихъ лишить дѣятеля добраго имени или необходимаго для его призванія довѣрія согражданъ. „И это предписаніе, говоритъ Рубо, (3) не соотвѣтствуетъ понятію клеветы: принять за рѣшительную точку для рѣшенія того, слѣдуетъ ли признать въ данномъ случаѣ за клевету одно только призваніе, къ которому предназначало себя лицо, очень недостаточно: лицо можетъ часто мѣнять свое призваніе, нельзя же постоянно соображаться съ этимъ“.

§ 30. Третіе условіе клеветы состоитъ въ требованіи, чтобы распространяемое было *ложно*.

Вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли считать за преступленіе распространеніе о лицѣ истинныхъ поступковъ, есть самый спорный вопросъ въ ученіи о клеветѣ. Дѣло въ томъ, что вопросъ этотъ зависитъ отъ политическаго устройства страны, отъ свободы слова, отъ положенія должностныхъ лицъ въ отношеніи къ остальнымъ гражданамъ и т. п.

---

(1) Rubo, ibid., стр. 106.
(2) Rubo, ibid., стр. 109.
(3) Rubo, ibid., стр. 110.

До XVI-го столѣтія лживость распространяемаго была признана за необходимое условіе клеветы въ германскихъ народныхъ правахъ; но въ дальнѣйшей исторіи происходитъ измѣненіе, благодаря, главнымъ образомъ, вліянію науки. Юристы, руководившіеся плохо-понимаемымъ римскимъ правомъ, начали проводить въ жизнь иныя понятія.

Извѣстный итальянскій криминалистъ XVI-го столѣтія, Кларусъ (1), вліявшій сильно и на Германію, не считалъ еще распространеніе истинныхъ поступковъ за клевету и допускалъ такъ-называемое exceptio veritatis.

Впервые противоположный взглядъ начали проводить канонисты. По взгляду ихъ, распространеніе о слабостяхъ и поступкахъ другихъ есть нѣчто несогласное съ христіанскою любовью (2). Выходя изъ этого, они стали наказывать и за распространеніе такихъ фактовъ, истина которыхъ легко могла быть подтверждена. Свобода слова получила, такимъ образомъ, отъ нихъ свое первое стѣсненіе. Затѣмъ юристы французской имперіи вырабатываютъ уже новый взглядъ научнымъ путемъ. Знаменитый французскій юристъ Argentré (3) требуетъ, чтобы „каждое лицо передавало о всѣхъ извѣстныхъ ему преступныхъ поступкахъ законнымъ образомъ—въ судъ, а не выбирало для этого тайную дорогу“. Взглядъ этотъ, повидимому, вѣренъ: дѣйствительно государство не можетъ терпѣть, когда являются личности, желающія повредить интересамъ своихъ согражданъ путемъ тайнымъ. Но Argentré за явный законный путь считалъ одно только преслѣдованіе судомъ, всякое же сообщеніе въ обществѣ объ явныхъ преступныхъ поступкахъ другого лица признавалъ онъ за путь тайный. Объяснить подобный взглядъ, конечно, трудно, но намъ кажется, что Argentré былъ въ этомъ вопросѣ слугою возникавшей и укрѣплявшейся французской монархіи. Извѣстный германскій юристъ-практикъ, Карпцовъ, неимѣвшій, по словамъ Бернера (4), никакихъ руководящихъ принциповъ, писатель; суевѣріе котораго доходило до ребячества, поддерживаетъ то же ученіе. При обидахъ, по ученію Карпцова (5), дѣло идетъ пре-

(1) Clarus. Practica criminalis seu sententiarum receptarum. L. V, ст. 120.
(2) См. Mittermaier. Ueber die zuläss. d. Bew. d. Einrede, стр. 5.
(3) Argentré. Commentar. ad consuetud. britonum. Art. 627, N r. 5.
(4) Бернеръ. Учебникъ Угол. Права, стр. 132.
(5) Carpzov. Praxis rerum criminal. P. II. №№ 73—77.

имущественно о намѣреніи оскорбить честь, и тотъ, поэтому, кто руководится намѣреніемъ повредить другому лицу, не можетъ быть оправданъ, хотя бы распространяемое имъ и было вѣрно. Другими словами: кто, желая помѣшать негодяю совершить новую подлость, разскажетъ объ его прежнихъ подлостяхъ, обязуясь и имѣя полную возможность подтвердить свои слова ясными фактами, или кто, зная о преступныхъ или безчестныхъ поступкахъ царскаго чиновника, разскажетъ о нихъ,—того должно наказать, какъ преступника, какъ лицо, слѣдовательно, наносящее вредъ интересамъ общества.

Взглядами науки руководствовалось законодательство баварское 1751 г., составленное юристомъ Крейтмайеромъ (1). Уложеніе это говоритъ: „Чрезъ доказательство истины того, въ чемъ упрекаютъ, нельзя освободиться отъ наказанія, такъ какъ при оскорбленіяхъ чести дѣло идетъ, главнымъ образомъ, о желаніи обидѣть, а не объ истинѣ или неистинѣ упрека“. По обще-прусскому земскому праву 1794 года (2), одна истина разсказаннаго не уничтожала наказанія: надо доказать еще, что не было намѣренія оскорбить честь.

Такимъ образомъ укоренился взглядъ совершенно противный и правильному строю общественной жизни, и коренному взгляду германскаго права, и взгляду права римскаго.

Переворотъ въ этомъ ученіи, какъ и во всемъ ученіи объ оскорбленіяхъ чести, произвелъ Веберъ, который, какъ мы уже говорили, требовалъ наказанія только за упреки, нанесенные безъ основанія; высказывать же презрѣніе къ тому, кто самъ уронилъ себя, запрещать, по его мнѣнію, нельзя (3).

Большинство слѣдовавшихъ за Вебером изслѣдователей приходятъ въ разбираемомъ нами вопросѣ къ однаковому выводу. А за догмою послѣдовало, хотя и не вполнѣ, законодательство.

Ольденбургское уложеніе 1814-го года признаетъ уже, что при оскорбленіяхъ чести слѣдуетъ обращать главное вниманіе не на умыселъ, а на содержаніе; поэтому возраже-

---

(1) Codex juris Bavarici criminalis. T. IV, c. 17, § 4.
(2) Das Allgemeine Preussische Landrecht. T. 2, c. 20, §§ 540—550.
(3) Weber. Ueber Injurie, ст. 7 и 8, а также 2-я глава 1-й части.

ніе истины должно быть всегда выслушано, кромѣ только тѣхъ случаевъ, гдѣ оскорбленіе лежитъ въ формѣ.

Что касается, наконецъ, до позднѣйшихъ законодательствъ Германіи, т. е. до тѣхъ изъ нихъ, которыя дѣйствовали по 1871-й годъ, то большинство признаетъ полную допустимость exceptio veritatis. Напр., кодексъ вюртембергскій (§ 290) высказываетъ это совершенно ясно; кодексы же гессенскій 1842 г., саксенъ-альтенбургскій 1841 г., ганноверскій 1840 г., саксонскій 1856 года и баварскій 1862 года даже и не упоминаютъ объ exceptio veritatis, считая его дозволеннымъ самымъ опредѣленіемъ понятія клеветы. Опредѣляютъ же клевету они слѣдующимъ образомъ: „кто съ полнымъ сознаніемъ неправды будетъ распространять“ и т. д. (1)

Рубо, при разсмотрѣніи этихъ кодексовъ, говоритъ, что подобное отношеніе къ дѣлу считаетъ онъ за самое раціональное: всего лучше не упоминать ни слова объ exceptio veritatis, такъ какъ, признавъ ложность распространяемаго за необходимѣйшее условіе клеветы, право доказать истину будетъ подразумѣваться само-собою. „По справедливости слѣдуетъ признать, продолжаетъ авторъ, безграничное допущеніе exceptio veritatis; истина этого сознается теперь уже всѣми“. (2)

Такъ рѣшало дѣло большинство позднѣйшихъ кодексовъ, но нѣкоторые изъ нихъ представляли впрочемъ исключенія. Допуская exceptio veritatis, австрійское законодательство 1852-го года ограничивало его, во 1-хъ, когда обвиненіе касалось до такого уголовнаго поступка, который можетъ быть преслѣдуемъ только по требованію третьяго лица, если онъ былъ обнародованъ чрезъ печать и образныя представленія, и распространитель не былъ принужденъ къ этому какими-либо особенными обстоятельствами, и, во 2-хъ, когда обвиненіе касалось хотя и справедливыхъ фактовъ, но такихъ, которые относятся до частной, семейной жизни.

Наконецъ, баденское законодательство 1851 г. (3) исключало exceptio veritatis только тогда, когда чрезъ по-

---

(1) Саксонское уложеніе въ § 235 говоритъ: Wer wider besseres Wissen....

(2) Австрійское законод. § 490.

(3) Баденское уложеніе, §§ 309 и 311.

средство механическихъ способовъ распространяются въ сочиненіяхъ, рисункахъ факты, несоставляющіе уголовныхъ преступленій, и если при этомъ въ подобномъ опубликованіи распространитель не имѣлъ интереса какъ частный человѣкъ или какъ государственный гражданинъ.

Нѣмецкая наука не соглашается въ настоящее время съ какими бы то ни было исключеніями въ примѣненіи exceptio veritatis. Подъ вліяніемъ ея, и новое германское уголовное уложеніе, вступившее въ силу съ 1-го января 1871 г., сгладило всѣ существовавшія до сихъ поръ неровности, такъ что въ настоящее время по всей Германіи признана полная допустимость exceptio veritatis.

§ 31. Четвертымъ условіемъ клеветы, по взгляду нѣмецкихъ законодательствъ, имѣвшихъ силу до 1871 г., является требованіе распространенія извѣстныхъ *поступковъ*; сообщеніе же простыхъ, хотя бы и безчестныхъ, качествъ не считается клеветою. „Ни одно нѣмецкое законодательство — говоритъ Рубо, (1) хорошій знатокъ своего права — не признаетъ разглашеніе о качествахъ лица за клевету. Законодательства же вюртембергское, баденское и гессенское высказываютъ это очень ясно, говоря, что чрезъ обвиненіе въ качествахъ можно совершить обиду, а не клевету. Гессенское законодательство (въ § 304) говоритъ, что для состава клеветы необходимо разсказать объ „опредѣленномъ поступкѣ“.

§ 32. „Законодательство Германское“, вступившее въ силу 1-го января 1871 г., излагаетъ ученіе объ оскорбленіяхъ чести въ §§ 185—201. Здѣсь признаются два вида этихъ преступленій: во 1-хъ, обида, наказываемая по §§ 185 и 186, и, во 2-хъ, клевета — по § 187.

Клевета опредѣляется слѣдующимъ образомъ: „Кто съ полнымъ сознаніемъ неправды будетъ подтверждать или распространять относительно другого лица несправедливые факты, которые способны сдѣлать его презрѣннымъ или унизить въ общественномъ мнѣніи, тотъ наказывается за клевету“.

Изъ этого опредѣленія преступленія дѣлаются понятными всѣ его условія. Что касается до перваго и четвертаго изъ упомянутыхъ нами выше условій клеветы, то они

(1) Rubo, ibid., стр. 28 и 29.

признаются новымъ германскимъ кодексомъ въ томъ же видѣ, какъ понимались они и нѣмецкими законодательствами, имѣвшими силу до его изданія, а именно клевета признается, во 1-хъ, какъ сообщеніе другому лицу и, во 2-хъ, сообщеніе извѣстныхъ фактовъ, а не простыхъ качествъ. Но въ опредѣленіи того, каковы должны быть эти факты, существуютъ измѣненія.

Хотя клевета и признается только какъ распространеніе такихъ фактовъ, которые лицо считало лживыми, но, тѣмъ не менѣе, въ законодательствѣ существуетъ статья 186-я, парализующая благодѣтельное опредѣленіе 187-й статьи. Статья 186-я гласитъ: „Кто подтверждаетъ или распространяетъ о другомъ лицѣ такіе факты, которые способны сдѣлать его презрѣннымъ или унизить въ общественномъ мнѣніи, и которые окажутся потомъ невѣрными, тотъ совершаетъ обиду". Сопоставляя эту статью со 187-ю, мы замѣчаемъ между ними ту разницу, что во второй изъ нихъ, гдѣ говорится о клеветѣ, требуется, чтобы виновникъ хорошо понималъ невѣрность распространяемаго; по смыслу же первой (т. е. 186-й), лицо считало фактъ за вѣрный или не было твердо убѣждено ни въ истинности, ни во лживости его, но фактъ оказывался потомъ несправедливымъ.

Въ ученіи объ exceptio veritatis существуетъ дѣйствительно большой споръ относительно того, какую истину должно доказывать при exceptio veritatis: истину ли субъективную съ точки зрѣнія распространителя, или истину объективную, другими словами — должно ли считать за преступленіе, если лицо будетъ распространять объ извѣстномъ фактѣ съ полнымъ добросовѣстнымъ сознаніемъ его вѣрности, но потомъ окажется, что на самомъ-то дѣлѣ фактъ этотъ невѣренъ? Наука рѣшаетъ этотъ вопросъ такъ, что требуетъ для существованія только одной истины субъективной, и если виновникъ докажетъ, что онъ имѣлъ основаніе считать фактъ за истинный, то дѣяніе его не признается за преступленіе.

Совершенно не такъ разрѣшается дѣло новымъ нѣмецкимъ кодексомъ: подобный поступокъ не признается за дѣяніе дозволенное. Правда, онъ не называется клеветою, а обидою, но существо-то дѣла отъ этого не измѣняется.

Поэтому въ дѣйствительности, въ настоящее время, въ

Германіи становится болѣе чѣмъ затруднительно высказать что-либо; для того, чтобы рѣшиться на это, необходимо узнать объективную истину, что̀ въ большинствѣ случаевъ почти невозможно. Слѣдовательно, какъ бы вѣрно, повидимому, ни знало лицо объ извѣстномъ фактѣ, оно все-таки будетъ бояться сообщить о немъ, опасаясь, что можетъ быть свѣдѣнія его еще не вполнѣ вѣрны. Такимъ образомъ либеральное постановленіе 187-го параграфа дѣлается далеко не таковымъ на самомъ дѣлѣ.

Наконецъ, послѣднее условіе клеветы считается по нѣмецкому законодательству 1871-го года какъ бы нѣсколько обширнѣе, чѣмъ его понимали всѣ прежде существовавшіе кодексы, а именно факты, чрезъ распространеніе которыхъ возможно совершить преступленіе, должны быть не только безчестные, унизительные по взгляду общества, но то же преступленіе совершается и тогда, когда они вообще могутъ повредить кредиту лица. Впрочемъ слово „кредитъ“ понимается здѣсь, конечно, въ смыслѣ довѣрія къ лицу, какъ честному гражданину, такъ-что въ существѣ дѣло здѣсь не измѣняется.

Такъ завершилась германская законодательная дѣятельность по отношенію къ клеветѣ.

§ 33. Для полноты изложенія, мы скажемъ еще нѣсколько словъ о взглядѣ нѣмецкаго законодательства на преступленіе, извѣстное еще въ Римѣ какъ особый видъ клеветы, а именно на такъ-называемые пасквили (liber famosus).

Пасквили или поносительныя письма выдвинуты были, какъ самостоятельныя преступленія, въ Каролинѣ, и мы упоминали уже о томъ, что постановленіе это было заимствовано тамъ изъ одного позднѣйшаго предписанія римскихъ императоровъ.

Но что касается до настоящаго времени, то съ большимъ вліяніемъ понятія чести и съ выработкою болѣе цѣлесообразнаго ученія о клеветѣ, поносительныя письма, перестали существовать какъ самостоятельныя преступленія, и во многихъ позднѣйшихъ уголовныхъ законодательствахъ они подошли подъ общее предписаніе ученія объ оскорбленіяхъ чести ([1]), другіе же кодексы сочли совершеніе кле-

(2) Feuerbach, Lehrbuch. § 289, note II,

вести чрезъ пасквиль только за обстоятельство, увеличивающее вину.

Прусское земское законодательство (§ 572) называетъ пасквилемъ обиду, которая выражается или чрезъ письменныя сочиненія, или печать, или рисунки, или гравюру; при этомъ не существуетъ различія, назоветъ ли себя авторъ своимъ именемъ или нѣтъ. Кодексы баварскій, гессенскій, саксонскій называютъ пасквилями распространенія обидъ безъ имени автора или съ фальшивымъ именемъ. Но всѣ эти законодательные сборники ставятъ пасквиль подъ общія опредѣленія объ оскорбленіяхъ чести, увеличивая только наказаніе. Одно только вюртембергское уложеніе (въ § 281) выставило особое ученіе о пасквиляхъ, а именно оно не допускало по отношенію къ нимъ возраженія истины, хотя вполнѣ признавало это при обыкновенной клеветѣ.

Наконецъ, уголовное уложеніе 1871 года не имѣетъ пасквиля, какъ особаго преступленія, параграфъ же 187-й, выставляющій понятіе клеветы, продолжаетъ далѣе: „Если клевета будетъ совершена общественно или чрезъ распространеніе сочиненій, рисунковъ, образныхъ представленій, то назначается иное наказаніе“. Особыхъ условій для этого вида клеветы не существуетъ, такъ что exceptio veritatis дѣлается по отношенію къ нему совершенно примѣнимымъ. Точно такое же дополненіе существуетъ и при 186-й статьѣ.

Слѣдовательно, по взгляду, господствующему въ настоящее время въ Германіи, каждое лицо имѣетъ право опубликовать, въ какой угодно формѣ, факты и поступки истинные, отвѣчая только въ такомъ случаѣ, если они окажутся лживыми.

§ 34. Закончивъ изложеніе германскаго права, мы считаемъ нужнымъ сказать еще нѣсколько словъ о взглядѣ на разбираемое нами ученіе одного изъ кантоновъ Швейцаріи — кантона Цюрихскаго (1). Хотя Цюрихъ и населенъ исклю-

(1) Изложить взглядъ всей Швейцаріи на оскорбленія чести нѣтъ возможности, такъ какъ Швейцарія не имѣетъ до сихъ поръ общаго уголовнаго уложенія. Въ ней дѣйствуютъ въ настоящее время слѣдующіе законодательные кодексы: союзный законъ относительно уголовнаго права цѣлаго союза (1853 года) содержитъ въ себѣ опредѣленія политическихъ преступленій, преступленій чиновниковъ союза и преступленій противъ союза; затѣмъ для союз-

чительно нѣмцами, но, благодаря особенностямъ республиканской жизни, выработались въ немъ самостоятельные взгляды на понятіе клеветы.

Цюрихское законодательство, изданное 8-го января 1871-го года, въ параграфѣ 149-мъ такъ опредѣляетъ преступленіе — клевету: „Кто будетъ словесно, письменно и т. п. въ присутствіи третьихъ лицъ сознательно утверждать или распространять несправедливые поступки, совершенные будто бы другимъ лицомъ, и притомъ такіе поступки, за которые законъ наказываетъ какъ за преступленія или проступки, или которые способны уронить лицо въ общественномъ мнѣніи или навлечь на него неуваженіе и ненависть, тотъ совершаетъ клевету".

Такимъ образомъ клевета есть, во 1-хъ, *распространеніе* или *утвержденіе* извѣстныхъ поступковъ въ присутствіи третьихъ лицъ. По разъясненію комментатора цюрихскаго уложенія, Бенца, (*) клевета не будетъ совершена, если третьи лица услышатъ эти слова только случайно и противъ воли разскащика. Только тогда и можетъ быть

ныхъ войскъ содержатся въ 449-ти параграфахъ опредѣленія въ законѣ 1851 года. Въ отдѣльныхъ кантонахъ дѣйствуютъ: въ Цюрихѣ законодательство 8 января 1871 г., Бернѣ- 1866, Люцернѣ—1860, Швицѣ—1869, Обвальденѣ—1864, Гларусѣ—1867, Фрейбургѣ—1849, Золотурнѣ—1859, Базель-городѣ—1846, Базель-странѣ—1821, измѣненное закономъ 29 октября 1838, въ Шафгаузенѣ и Аппенцеллерѣ—1859, С. Галленѣ—1857, Граубинденѣ—1851, Аргау—1857, измѣненный въ 1868, Тургау—1841, Тессинѣ—1816, (въ 1871 г. разсматривался новый проэктъ), Вадтѣ -1843, Валлисѣ—1858, Неуенбургѣ—1857 г.; въ Женевѣ же дѣйствуетъ французскій кодексъ 1810 года. Кантоны Ури, Индвальденъ и Цугъ не имѣютъ кодифицированнаго права, а слѣдуютъ старой практикѣ, коренящейся частью еще въ Каролинѣ. Законы Аргау, Золотурна, Аппенцеллера и въ особенности Гларуса заслуживаютъ уваженія по своей краткости и простотѣ.—Нѣкоторые изъ кодексовъ составлены подъ вліяніемъ нѣмецкой, другіе же французской доктрины. (См. Wirth. Allgemeine Beschreibung und Statistik der Schweiz, 1871, т. III, стр. 742—745).

Такимъ образомъ цюрихскій кодексъ есть самый позднѣйшій и можетъ поэтому служить, лучше чѣмъ какой-либо другой, образцомъ взглядовъ современныхъ швейцарцевъ.

(*) Benz, Das Strafgesetzbuch für den Kanton Zürich, 1872.

признана клевета, когда разскащикъ зналъ, что третьи лица слушаютъ его.

Въ коммиссіяхъ, обсуждавшихъ уголовное законодательство, возникъ споръ: слѣдуетъ ли требовать для существованія клеветы отсутствія обижаемаго, или же преступленіе это можетъ быть совершено и въ его присутствіи? Но большинство членовъ рѣшило, что присутствіе и отсутствіе оклеветываемаго должно считаться безразличнымъ.

Во 2-хъ, совершается клевета чрезъ сообщеніе объ лицѣ извѣстныхъ *поступковъ*, простое же высказываніе мнѣнія о немъ или распространеніе качествъ его можетъ быть развѣ только въ нѣкоторыхъ случаяхъ обидою, но никогда—клеветою. Бенцъ объясняетъ это на слѣдующемъ примѣрѣ: А клевещетъ на В, если говоритъ, что онъ поддѣлываетъ свои товары и продаетъ ихъ за хорошіе, и обижаетъ, если говоритъ, что В обманщикъ. Это условіе есть, по мнѣнію комментатора, отличительный признакъ обиды отъ клеветы. Причины требованія его суть слѣдующія: во 1-хъ, обвиняемому всегда кажется болѣе оскорбительнымъ выслушать фальшивый разсказъ о поступкѣ, чѣмъ простое мнѣніе о себѣ; во 2-хъ же потому, что общество скорѣе повѣритъ подобному вымыслу, чѣмъ придастъ значеніе высказыванію мнѣнія, на которое въ большинствѣ случаевъ смотрятъ какъ на результатъ ненависти.

Поступокъ, въ которомъ упрекаютъ, долженъ быть, конечно, возможнымъ. Не можетъ быть клеветы, по словамъ Бенца, если говорятъ, что А сдѣлалъ чрезъ колдовство больнымъ дитя С.

Въ 3-хъ, поступки, чрезъ разсказъ о которыхъ совершается клевета, должны быть или преступленіями, или проступками (Verbrechen oder Vergehen), но не полицейскимъ нарушеніемъ (Polizei-Übertretungen); упрекъ же въ совершеніи полицейскаго нарушенія можетъ быть подведенъ въ извѣстныхъ случаяхъ только подъ обиду. Но кромѣ упрека въ преступленіяхъ и проступкахъ, клевета совершается и чрезъ обвиненіе во всѣхъ остальныхъ, унизительныхъ, по взгляду общественнаго мнѣнія, поступкахъ.

Въ 4-хъ, только разсказомъ о несправедливомъ, выдуманномъ поступкѣ и возможно совершить клевету: доказательство истины упрека уничтожаетъ преступленіе. Цюрих-

скій законъ говоритъ далѣе совершенно ясно, что истина, требуемая здѣсь, есть истина субъективная. Продолженіе 149-й статьи гласитъ: „судья только до тѣхъ поръ можетъ признавать преступленіе, пока не будетъ представлено доказательство, что обвинитель считалъ фактъ за истинный".

Распространеніе слуховъ объ истинныхъ поступкахъ не считается за преступленіе. Статья 151-я не считаетъ за преступленіе открытіе и распространеніе слуховъ о справедливыхъ поступкахъ лица, хотя бы это и вредило интересамъ того, кого они касаются, если только сообщеніе это сдѣлано изъ честныхъ мотивовъ и со справедливою цѣлью. Если же изъ способа распространенія видно было, что распространитель не имѣлъ никакой иной цѣли, кромѣ желанія повредить лицу или навлечь на него насмѣшки и презрѣніе, то онъ наказывается какъ обидчикъ. Бенцъ приводитъ слѣдующій примѣръ: В жилъ въ другой странѣ, совершилъ тамъ преступленіе, былъ наказанъ, но потомъ вернулся въ Цюрихскій кантонъ и началъ, воспользовавшись незнаніемъ о своемъ наказаніи, хлопотать объ избраніи себя въ совѣтники кантона. N случайно узнаетъ о фактѣ и, желая оказать пользу кантону, публикуетъ о немъ; N не совершаетъ никакого преступленія. Но если В послѣ наказанія ведетъ себя хорошо, пріобрѣтаетъ уваженіе, и N только изъ зависти или изъ одного желанія повредить его интересамъ, безъ всякой иной добросовѣстной цѣли распространитъ о фактѣ его наказанія, то онъ долженъ быть наказанъ за обиду.

Конечно, при всемъ этомъ предполагается, что форма сама-по-себѣ не обидна.

Параграфъ 155-й гласитъ, что „за обстоятельства, увеличивающія наказаніе, должно считать, во 1-хъ, когда оскорбленіе произошло въ общественномъ собраніи и т. п., и во 2-хъ, когда оклеветывается чиновникъ во время исполненія имъ служебной обязанности или по отношенію къ этой послѣдней". Но признавая это только за обстоятельство, увеличивающее наказаніе, законодательство, конечно, признаетъ тутъ всѣ условія клеветы.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

АНГЛІЙСКОЕ ПРАВО. (*)

§ 35. Англійскіе изслѣдователи начинаютъ изложеніе ученія объ оскорбленіяхъ чести преимущественно съ конца XV-го столѣтія.

---

(1) Точное изслѣдованіе какого бы то ни было юридическаго института у англичанъ болѣе чѣмъ затруднительно для иностранца. Англійское право основывается не на письменномъ законѣ, а на Common law. Обычное право и судебная практика выработали свои взгляды на всѣ юридическіе вопросы, но взгляды эти разбросаны въ цѣлой массѣ актовъ, часто противорѣчащихъ между собою.

Въ числѣ вопросовъ, развившихся подъ вліяніемъ Common law, является въ Англіи и вопросъ объ оскорбленіяхъ чести. Честь, какъ понятіе близко соприкасающееся со взглядомъ на человѣческую личность, есть понятіе, измѣняющееся параллельно съ измѣненіемъ взгляда того или другого народа, того или другого періода, на личность человѣка. Изученіе взгляда англійскаго народа на честь и ея оскорбленія, поэтому, труднѣе, чѣмъ изученіе какого-либо другого юридическаго института. Тѣмъ болѣе этого затруднительно,что сами англичане, для которыхъ, конечно, понятнѣе слова ихъ юридическихъ и историческихъ актовъ, говорятъ, что опредѣленія оскорбленій чести въ англійскомъ правѣ крайне-туманны (Наприм., Стифенъ. Уговное право Англіи, стр. 187).

Наконецъ, изученіе англійскихъ юридическихъ институтовъ и въ частности преступленій противъ чести потому еще затруднительно, что въ англійской литературѣ представляется мало теоретической обработки вопросовъ уголовнаго права. Стифенъ, великій англійскій юристъ, какъ нельзя болѣе ясно подтверждаетъ это въ предисловіи къ своему учебнику: «почти всѣ англійскія юридическія книги, говоритъ онъ, написаны для достиженія одной чисто-практическихъ цѣлей и состоятъ, главнымъ образомъ, изъ сводовъ и указателей, предназначенныхъ для справокъ въ кабинетахъ и судахъ».

Въ виду всѣхъ этихъ соображеній, мы не считаемъ возможнымъ представить болѣе или менѣе полный очеркъ англійскаго ученія объ оскорбленіяхъ чести, но удовольствуется только указаніемъ болѣе существенныхъ моментовъ какъ въ исторіи развитія этого понятія, такъ и во взглядѣ новѣйшаго времени.

Что касается до всей предыдущей исторіи, то оскорбленія чести случались тамъ чрезвычайно-рѣдко: письменныя потому, что и самое письмо было рѣдкость, словесныя же потому, что въ слишкомъ малонаселенной странѣ, гдѣ каждый жилъ въ кругу своего семейства, столкновенія происходили чрезвычайно-рѣдко; если же между живущими въ городахъ таковыя и случались, то здѣсь обходились безъ законовъ, а раздѣлывались за обиду собственнымъ мечомъ (1). Въ XV-мъ же столѣтіи начинается развитіе прессы, а чрезъ нее—и преступленій противъ чести.

Въ первое время возникновенія процессовъ объ обидахъ, затѣмъ въ царствованіе Елизаветы и даже въ XVII-мъ столѣтіи оскорбленія чести носили въ Англіи, главнымъ образомъ, частный характеръ и преслѣдовались частнымъ путемъ. Slander и libel (техническія слова для обозначенія англійскаго оскорбленія чести) понимались въ то время какъ нанесеніе словеснымъ выраженіемъ или письмомъ какого-нибудь спеціальнаго убытка. (2)

Для того, чтобы требовать вознагражденія за оскорбленіе чести, нужно было прежде всего доказать, что чрезъ посредство его нанесенъ какой-нибудь убытокъ. Только въ нѣкоторыхъ случаяхъ являлось какъ бы исключеніе: особаго доказательства причиненія убытка не требовалось, оно предполагалось само-собою, во 1-хъ, при упрекахъ въ преступленіи, во 2-хъ, въ заразительной болѣзни (такъ какъ за такимъ упрекомъ могло слѣдовать изгнаніе личности изъ общества), въ 3-хъ, при упрекѣ, касающемся должности, занятія, профессіи обиженнаго, въ 4-хъ, при упрекѣ, относящемся къ происхожденію лица, и, въ 5-хъ, при всякой обидѣ, совершенной чрезъ письмо, печать, рисунки или какіе-нибудь другіе подобные знаки. Во всѣхъ этихъ случаяхъ вредъ предполагался самъ-собою безъ особаго доказательства: достаточно было указать судьѣ, что упрекъ относится къ преступленію, къ происхожденію и т. п., и оскорбленіе чести уже существовало. (3)

---

(1) См. Starkie. Treatise on the law of slander and libel. 1830.

(2) Слово libel обозначало оскорбленіе вообще и письмомъ, и словомъ (см. ibid., Стифенъ, 186); но кромѣ этого для оскорбленія словомъ существовало еще особое названіе—slander.

3) Marquardsen. Zur Lehre von Beleidigungen nach Englischem Recht. стр. 87.

Противъ представленной жалобы обвинитель всегда имѣлъ право приводить exceptio veritatis. По коренному англійскому взгляду, невозможно требовать вознагражденія убытковъ, если обвиненіе справедливо ([1]). Поэтому англійскій судья отказывалъ обыкновенно жалобщику, коль скоро убѣждался, что то, въ чемъ обвиняютъ, истинно.

Что касается, наконецъ, до того, при какихъ именно обвиненіяхъ считалось возможнымъ начать процессъ, то при всемъ стараніи со стороны англійскихъ практиковъ перечислить всѣ обидныя выраженія, имъ пришлось отказаться отъ своего плана, такъ какъ они поняли, что вопросъ этотъ зависитъ, болѣе чѣмъ какой-либо другой, отъ взглядовъ отдѣльныхъ мѣстностей и т. п.; есть, напр., слова, несчитающіяся обидными въ одной части Лондона, но признаваемыя наоборотъ за таковыя въ другой.

§ 36. Таковъ коренной англійскій взглядъ, считавшій libel за частный misdemeanor. ([2]) Но взглядъ этотъ измѣнялся въ исторіи: въ долгій періодъ борьбы англійскаго народа съ королевскою властью происходили чрезвычайно-частыя злоупотребленія ляйбелемъ. Въ эпоху преобладанія королевской власти за знаменитою „звѣздною камерою“ признано было право уничтожать все могущее нарушить миръ въ государствѣ. Тайный судъ воспользовался этимъ и старался всѣми неправыми способами увеличить свою компетенцію. Желая привлечь къ своей подсудности свободу слова и прессы, звѣздная камера выработываетъ взглядъ, что и ляйбель можетъ быть нарушеніемъ мира; начинается и долгое время длится въ англійской исторіи преслѣдованіе за каждое лишнее слово; въ особенности же въ печати стараются судьи звѣздной камеры отыскивать что-либо обидное для представителей власти и перетолковывать все это, какъ покушеніе на спокойствіе государственнаго порядка. Страшна была звѣздная камера еще болѣе потому, что она судила безъ закона. До полов. XVII ст. владѣла она цензурою и была мстительницею за проступки противъ чести. Воспоминаніе объ этомъ тайномъ уголовномъ судѣ сохранилось и до сихъ поръ въ Англіи, какъ періодъ самаго сильнаго гнета для свободы слова и письма. ([3])

(1) Starkie, ibid., т. I., стр. 119, 126.
(2) Стифенъ, Уголовное право Англіи, стр. 186.
(3) Marquardsen, ibid., стр. 91 и слѣд.

По уничтоженіи звѣздной камеры, право этого суда переходитъ въ судъ королевскій. На короля налагается обязанность слѣдить за общественнымъ спокойствіемъ и предупреждать всякое нарушеніе мира. При опасеніи за нарушеніе мира давалось право королю арестовать не только всѣхъ остальныхъ гражданъ, но и членовъ парламента, до тѣхъ поръ, пока они не предетавятъ поруки. Въ знаменитый періодъ борьбы англійскаго народа съ правами верховной власти, со стороны этой послѣдней происходили очень частыя злоупотребленія. Во всѣхъ случаяхъ, гдѣ правительство видѣло какой-нибудь вредъ своимъ интересамъ, оно признавало нарушеніе мира и требовало немедленныхъ арестовъ. Точно также старалась отыскать королевская власть оскорбленіе величества, а чрезъ это и нарушеніе мира, въ различныхъ вредныхъ его интересамъ сочиненіяхъ (1). Извѣстная петиція семи епископовъ къ королю признана была точно также за libel, нарушающій миръ, и епископы заключены были въ Товеръ.

Въ XVII-мъ и XVIII-мъ вѣкахъ преслѣдованія обидъ были очень часты. Государственные люди, съ королемъ во главѣ, недовольны были нападками на нихъ въ печати, хотя и справедливыми. Въ эпоху борьбы партій земства и аристократіи случаи взаимныхъ обидъ были болѣе чѣмъ часты.

Злоупотребленія королевскою властью въ дѣлахъ объ оскорбленіяхъ чести возбуждали страшное негодованіе въ обществѣ, стоящемъ въ оппозиціи. Борьба за это длилась долго и упорно; наконецъ, завершилась она, какъ и все въ исторіи Англіи, побѣдою, одержанною обществомъ, но уже въ половинѣ XVIII-го столѣтія. Высшій судъ, во главѣ съ шефомъ юстиціи, Пратомъ, окончательно разрѣшилъ тогда этотъ вопросъ, признавъ что libel никогда не можетъ быть нарушеніемъ мира.

§ 37. Вопросъ о ляйбеляхъ стоялъ въ Англіи въ связи со свободою слова въ парламентскихъ преніяхъ. Съ полученіемъ парламентомъ полныхъ правъ, признали, что каждый членъ его за всѣ свои рѣчи, произнесенныя въ парламентѣ, отвѣтственъ только парламенту и никому бо-

(1) Marquardsen., ibid., стр. 225 и слѣд.

лѣе. Каждый членъ могъ говорить тамъ о комъ угодно и что угодно, и не могъ быть преслѣдуемъ за оскорбленіе чести. Король и крестьянинъ были равны въ томъ, что ихъ можно было упрекать въ парламентѣ даже въ преступленіяхъ, и при этомъ они не могли жаловаться на обиду.

Но что касается до права печатать парламентскія рѣчи и не быть при этомъ отвѣтственнымъ за ляйбель, то это подвергалось долгому спору. Выходя изъ того взгляда, что парламентъ не былъ собраніемъ открытымъ для публики, запрещали присутствіе въ немъ издателей газетъ. Противъ этого началась жестокая борьба. За свободу передавать парламентскія разсужденія возстало все общество, и съ тѣхъ поръ уже при частныхъ жалобахъ достаточно было указать, что libel есть только отпечатокъ парламентскихъ преній, чтобы не быть наказаннымъ за оскорбленіе чести.

Право не быть въ отвѣтственности за обиду перешло съ парламента и на суды. Все, что говорится въ судѣ, въ границахъ права, спорными сторонами, свидѣтелями, адвокатами, то не можетъ быть сочтено за libel. Задача суда— открыть дѣйствительную истину дѣла, а поэтому его не должны стѣснять, по мнѣнію англичанъ, мелочные взгляды относительно чести того или другого лица; предполагается, что судья самъ остановитъ все излишнее и что лица явились въ храмъ закона не для того, чтобы обижать другъ друга. Точно также предполагается, что и свидѣтели, вслѣдствіе нравственной силы данной ими клятвы, будутъ заботиться объ истинѣ, а не воспользуются случаемъ намѣренно обидѣть кого-нибудь.

§ 38. Мы указали на нѣсколько случаевъ ляйбелей, которые хотя и носили особый характеръ, но признавались тоже за частный libel. Разсмотримъ теперь, какія условія требовались для признанія оскорбленія чести частнаго лица.

Вопросъ о томъ, когда существуетъ оскорбленіе чести отдѣльнаго гражданина, выработался въ Англіи тоже самою жизнью: главнѣйшимъ источникомъ его слѣдуетъ считать common law. Но по отношенію къ этому вопросу имѣются и два законодательные памятника, а именно libel act и законъ лорда Кэмбеля.

Libel act возникъ вслѣдствіе долгаго спора англійской практики по вопросу о томъ, когда слѣдуетъ признать

существованіе оскорбленія чести, возможно ли при этомъ безусловно запрещать извѣстные поступки, или же для рѣшенія вопроса — виновно ли лицо, слѣдуетъ смотрѣть на мотивы, на намѣреніе, которое имѣлось при совершеніи проступка. Лордъ Мансфельдъ, (1) защитникъ перваго взгляда, утверждалъ, что распространеніе фактовъ несправедливыхъ и позорныхъ для другого лица должно быть всегда запрещено и присяжные должны рѣшать только два вопроса: во 1-хъ, совершено ли распространеніе и, во 2-хъ, не есть ли распространяемое несправедливо, и коль скоро присяжные отвѣтили утвердительно на оба вопроса, то должно быть признано и существованіе преступленія. Лордъ Эрскине возсталъ противъ этого и, начиная съ 1777-го года, въ теченіе 14-ти лѣтъ, защищалъ свободу прессы. Чрезъ посредство сочиненій, рѣчей въ судахъ, писемъ къ королю и т. п. лордъ Эрскине старался добиться признанія своихъ взглядовъ. Эрскине говорилъ, что лицо должно быть признано преступникомъ за злой умыселъ унизить другого, что на первомъ планѣ въ вопросѣ объ оскорбленіяхъ чести долженъ стоять, поэтому, умыселъ, внѣшніе же поступки могутъ служить только доказательствомъ существованія или несуществованія умысла. Присяжные должны, поэтому, рѣшать не только вопросъ: сдѣлалъ ли обвиняемый публикацію, но и виновенъ ли онъ чрезъ это въ оскорбленіи чести. (2)

Эрскине защищалъ предъ судомъ очень многихъ лицъ, обвинявшихся въ оскорбленіи чести; но въ числѣ всѣхъ дѣлъ самымъ замѣчательнымъ былъ процессъ Штокдале. Нѣкто Гастингсъ пришелъ въ столкновеніе съ партіею вигги и былъ обвиненъ нижнею палатою. Одинъ сельскій священникъ съ добросовѣстнымъ убѣжденіемъ въ справедливости дѣла Гастингса написалъ статью, въ которой нападалъ на палату; книгопродавецъ Штокдале издалъ эту статью. Штокдале отданъ былъ подъ судъ. Лордъ Эрскине явился тогда защитникомъ обвиняемаго и доказалъ, что онъ долженъ быть оправданъ, такъ какъ нѣтъ ни одной улики, что онъ напечаталъ статью съ злымъ намѣреніемъ оскорбить честь нижней палаты. Штокдале былъ оправданъ. Рѣчь Эрскине любопытна въ этомъ дѣлѣ еще потому, что онъ обращалъ здѣсь

(1) Стифенъ, ibid., стр. 188.
(2) Marquardsen, ibid., стр. 230 и слѣд.

серьезное вниманіе на corpus delicti при печатномъ оскорбленіи чести. Эрскине говорилъ, что ляйбель тѣмъ отличался до сихъ поръ отъ другихъ проступковъ, что по отношенію къ нему показывали въ протоколѣ не весь corpus delicti. Изъ книги вырывали восемь, десять мѣстъ, и, не обращая вниманія ни на духъ цѣлаго сочиненія, ни на связь этихъ мѣстъ между собою, требовали отъ присяжныхъ обвинительнаго вердикта. На это невѣрно. Corpus delicti этого преступленія есть вся книга, и только прочитавъ всю ее, возможно судить—существовалъ или нѣтъ злой умыселъ совершить преступленіе. Свою рѣчь закончилъ Эрскине словами: все, что онъ говорилъ о свободной прессѣ, все это относилось къ общественной жизни и общественнымъ дѣятелямъ, а не къ врагамъ общественнаго строя; эти послѣдніе, хотя бы и десять разъ сказали правду, должны все-таки почувствовать кару закона.

Вскорѣ послѣ этой рѣчи, именно въ 1792 году, былъ принятъ палатами libel act. Libel уравнивается здѣсь со всѣми другими преступленіями, и присяжнымъ предоставляется рѣшать—виновно ли лицо въ написаніи обиднаго или клеветническаго сочиненія, или нѣтъ. Присяжнымъ дается полное право оправдать каждое лицо, поступокъ котораго покажется имъ не клеветническимъ по мотивамъ, руководившимъ обвиняемаго; о мотивахъ же судятъ по всему сочиненію, и при этомъ должно принимать во вниманіе весь ляйбель. На истинность же и ложность сообщаемаго должно обращать вниманіе на столько, на сколько это нужно для выясненія намѣренія дѣятеля (1).

§ 39. Libel act установилъ законно тотъ взглядъ на libel, который развился еще прежде въ англійской жизни. Разсмотримъ, поэтому, теперь—какія условія требовали отъ преступленій противъ чести въ XVII-мъ, XVIII-мъ и началѣ XIX-го столѣтій, до болѣе новаго еще разъясненія этого вопроса коммиссіею 1843 года и закономъ лорда Кэмбеля.

Первое условіе ляйбеля, признаваемое во весь этотъ періодъ, было требованіе malis de facto—злоупотребленія фактомъ: обвиняемый тогда только и могъ быть наказанъ, когда доказывалось, что онъ сознательно и добровольно упо-

(1) Стифенъ, ibib., стр. 188 и 189.

треблялъ извѣстный фактъ во зло для достиженія своей преступной цѣли. Это условіе было первымъ, и безъ доказательства злоупотребленія фактомъ не могло быть и рѣчи о судебномъ обвиненіи и наказаніи.

Только въ одномъ случаѣ допускали исключеніе изъ этого общаго правила, а именно нѣкоторыя ляйбели преслѣдовались уголовнымъ порядкомъ, безъ всякаго доказательства злоупотребленія фактомъ, при доказательствѣ нарушенія чрезъ нихъ мира. Но мы уже упомянули выше, что англичане несогласны въ настоящее время съ тѣмъ, чтобы libel могъ вести къ нарушенію мира (1).

Второе условіе для существованія ляйбеля есть публикація (2). Вопросъ о томъ, когда слѣдуетъ признать ляйбель опубликованнымъ, подвергался также многимъ спорамъ. Когда на libel смотрѣли какъ на нарушеніе мира, тогда пришли къ убѣжденію, что всякое письменное сообщеніе, будетъ ли оно передано одному только обиженному, не переходя въ руки другихъ, или же содержаніе его будетъ позднѣе сообщено третьему лицу, будетъ составлять публикацію. Если бы дѣйствительно основаніемъ наказанія обидъ служила боязнь нарушенія мира, то естественно, что брань съ глазу-на-глазъ должна быть наказуема; но такъ какъ главная причина запрещенія оскорбленія чести есть нанесеніе вреда въ общественномъ мнѣніи, то само-собою разумѣется, что подъ опубликованіемъ должно понимать распространеніе въ средѣ третьихъ лицъ.

Здѣсь важно еще замѣтить и то, что при опубликованіи хозяинъ долженъ отвѣчать за своего слугу. Если, напр., въ какой-нибудь типографіи безъ участія хозяина будетъ напечатанъ libel, или въ какомъ-нибудь книжномъ магазинѣ прикащикъ продастъ libel, то виновникомъ въ дѣлѣ будетъ хозяинъ типографіи и магазина. Поэтому одинъ типографщикъ былъ приговоренъ къ наказанію за напечатаніе ляйбеля, хотя во время печатанія онъ сидѣлъ въ тюрьмѣ за статью, выпущенную имъ еще ранѣе.

Третіе условіе ляйбеля есть нанесеніе вреда англійскому гражданину (3).

(1) Marquardsen, ibid., стр. 92 и слѣд.
(2) Marquardsen, ibid., стр. 213 и слѣд.
(3) Marquardsen, ibid., стр. 221 и слѣд.

Таковы три условія оскорбленія чести въ Англіи. Все остальное принадлежитъ у нихъ уже рѣшенію присяжныхъ, такъ что libel будетъ все то, что при существованіи трехъ указанныхъ выше условій будетъ признано присяжными достойнымъ наказанія.

Подобное общее опредѣленіе, конечно, было бы немыслимо сдѣлать въ какомъ-нибудь изъ континентальныхъ европейскихъ государствъ; но въ Англіи, гдѣ присяжные имѣютъ такое громадное довѣріе со стороны общества и гдѣ они суть дѣйствительный viva vox общественнаго мнѣнія, тамъ такое опредѣленіе считалось достаточнымъ. Англичане напротивъ полагаютъ, что если бы вмѣсто общихъ опредѣленій вздумали войти въ частности, то нанесли бы скорѣе вредъ дѣлу, чѣмъ оказали ему пользу.

Однимъ изъ самыхъ спорныхъ вопросовъ въ ученіи о лябеляхъ былъ вопросъ объ exceptio veritatis. Съ одной стороны казалось невозможнымъ наказывать за распространеніе фактовъ истинныхъ, а съ другой — видѣли необходимость для нѣкоторыхъ случаевъ допустить и исключеніе. Прежде всего къ такому выводу приходили тогда, когда хотѣли наказывать оскорбленія чести, какъ нарушеніе мира. Общественный миръ могъ быть дѣйствительно нарушенъ и чрезъ распространеніе истинныхъ фактовъ. Далѣе требовали того же, когда считали нужнымъ наказывать за libel для предупрежденія дуэлей. При подобномъ взглядѣ полагали, что за истинные упреки слѣдовало бы даже наказывать еще болѣе, чѣмъ за упреки лживые, потому-что по самой природѣ человѣкъ будетъ скорѣе мстить тогда, когда услышитъ, что про него распространяютъ что-либо истинное, что онъ особенно желалъ скрыть отъ другихъ, лицо же невинное или будетъ презирать разсказанную про него неправду или опровергнетъ ее хладнокровно (1). Наконецъ, въ позднѣйшее время указали (особенно Эрскине) еще и на то обстоятельство, что лицо можетъ быть обижено не только чрезъ лживое распространеніе, но и чрезъ сообщеніе справедливыхъ слуховъ, а именно когда справедливымъ фактомъ злоупотребляютъ для достиженія преступной цѣли (malis de facto) (2).

(1) Starkie, ibid., т. I, стр. 121, и т. II, стр. 251;
(2) Стифенъ, ibid., стр. 183.

На основаніи всѣхъ этихъ соображеній, на практикѣ вопросъ объ exceptio veritatis рѣшался слѣдующимъ образомъ: при словесныхъ обидахъ (slander), которыя вели за собой по большей части только вознагражденіе за вредъ, exeptio veritatis допускалось; полагали, что несправедливо лицу, совершившему что-либо дурное, давать возможность извлекать себѣ изъ этого выгоду. (1) При письменныхъ же обидахъ, какъ при болѣе серьезныхъ случаяхъ нарушенія чести, присяжные, по своему усмотрѣнію, иногда наказывали и за распространеніе фактовъ истинныхъ. (2)

Много споровъ возбуждалъ вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ слѣдуетъ обращать вниманіе на намеки. Можно ли, напр., обвинить въ нанесеніи обиды королю, если онъ названъ только буквами K—g, лорду Норту—если онъ названъ L—d N—th? Можно ли признать обиду, если въ какой-нибудь баснѣ, подъ видомъ животнаго, выставятъ личность, которую желаютъ осмѣять, и т. п.?

Долгій споръ объ этомъ вопросѣ въ концѣ-концовъ разрѣшился тѣмъ, что признано за окончательно-невозможное опредѣлить это a priori, и рѣшили, что вопросъ объ этомъ долженъ принадлежать всецѣло присяжнымъ.

Что касается, наконецъ, до наказаній за libel, то они были или тюрьма не болѣе двухъ лѣтъ, или денежный штрафъ. По статуту Георга III, за возмутительно-ругательное сочиненіе можетъ быть ссылка до семи лѣтъ. Но это послѣднее наказаніе, по словамъ Марквардзена, (3) или никогда не произносилось, или по крайней мѣрѣ не приводилось въ исполненіе.

§ 40. Наконецъ мы переходимъ къ взглядамъ позднѣйшаго времени.

Политическій libel въ томъ видѣ, въ какомъ видѣли мы его въ предыдущіе періоды, въ настоящее время пересталъ уже существовать. Джюри сдѣлался всемогущимъ, и государственныя преслѣдованія прекратились совершенно. Со времени министерства Каннинга не было примѣра, чтобы адвокатами правительства начатъ былъ процессъ о госу-

(1) Starkie, ibid., стр. 119.
(2) Starkie, ibid., стр. 121 и слѣд.
(3) Marquardsen, ibid., стр. 221.

дарственномъ ляйбелѣ. Существуетъ свидѣтельство лорда Кэмбеля о томъ, что онъ въ то время, когда былъ генералъ-атторнеемъ, не находился ни разу въ необходимости требовать отъ англійскаго суда вердикта для правительства противъ преступниковъ прессы. Нѣтъ никого, кто бы не похвалилъ подобное состояніе вещей и не увѣрилъ бы, что теперь въ Англіи невозможно требовать за политическій libel—„guilty“. Эмансипація католиковъ, билль о реформѣ, прекращеніе податей на хлѣбъ были, безъ сомнѣнія, такими обстоятельствами, которыя въ политическомъ отношеніи были очень важны. Столѣтніе предразсудки, устарѣлыя права были затронуты въ нововведеніяхъ въ то время, когда лорды обсуждали—пропустить или нѣтъ билль о реформѣ. Англія находилась накапунѣ революціи. Не видавъ даже общественныхъ органовъ этого бурнаго періода, всякій можетъ себѣ представить съ какимъ жаромъ выражались они, какая борьба партій происходила тутъ, но и въ это время не представилось процессовъ противъ прессы. Ни одна партія не забывала, что она выступала противъ одинаково-вооруженнаго врага, и все, что она выигрывала, пріобрѣталось ею въ открытой честной борьбѣ; всякая изъ правительствующихъ партій знала, что то же самое орудіе государственнаго преслѣдованія, которое она употребляла въ исполненіи своей обязанности, чрезъ какіе-нибудь полгода, могло быть обращено новою правительствующею противною партіею противъ ея же принциповъ, ея же органовъ. (1)

Итакъ положеніе Англіи улучшилось. Объ оскорбленіяхъ Величества здѣсь нѣтъ болѣе рѣчи. Въ политическихъ дѣлахъ бранятъ Русселя, Пеля,—Викторія же не называется.

Что касается до англійской науки, то она смотритъ на дѣло о правительственныхъ ляйбеляхъ слѣдующимъ образомъ: лицо короля должно всегда оставаться свободнымъ отъ обвиненій въ политическихъ дѣлахъ, такъ какъ онъ не отвѣтственъ тутъ въ своихъ поступкахъ и самъ дѣйствуетъ только по фикціи; что же касается до его частной жизни, то на нее, право, не должно обращать никакого вниманія. (2)

---

(1) Marquardsen, ibid., стр. 238 и слѣд.
(2) Marquardsen, ibid., стр. 240.

Совершенно иначе смотрятъ на министерство. Во всѣхъ общественныхъ дѣлахъ, гдѣ нельзя приносить жалобу, его можно порицать, и общественное обсужденіе его правъ также необходимо, какъ излишни разсказы о томъ, что дѣлаетъ король. Поэтому въ послѣднемъ случаѣ порицаніе наказывается, а въ первомъ не наказывается. Но, конечно, тамъ, гдѣ король попираетъ ногами конституцію и гдѣ его *Я* проникаетъ въ самую дѣйствительность государственной жизни, тамъ это основное положеніе дѣлается непримѣнимымъ.

Въ Англіи нѣтъ особыхъ опредѣленій относительно оскорбленій супруги короля и королевскихъ принцевъ; къ нимъ прилагаются постановленія, касающіяся до частныхъ лицъ.

Наравнѣ съ королемъ стоятъ парламенты, съ тою только разницею, что они имѣютъ такое право, какого не достаетъ и коронѣ—самимъ судить нанесенное имъ оскорбленіе.

§ 41. Понятіе частныхъ оскорбленій чести получило въ нынѣшнемъ столѣтіи новое разъясненіе чрезъ законъ лорда Кэмбеля. Палата лордовъ, по предложенію лорда Кэмбеля, составила въ 1843 г. особую коммиссію, которой было поручено просмотрѣть постановленія и взгляды на словесныя и письменныя обиды, и представить по отношенію къ нимъ окончательные выводы.

Коммиссія составлена была, конечно, какъ и всѣ подобныя коммиссіи въ Англіи, изъ лицъ вполнѣ компетентныхъ. Сюда приглашены были адвокаты, судьи, предсѣдатели судовъ, издатели газетъ и т. п.; но изъ всѣхъ этихъ лицъ особеннаго вниманія заслуживаетъ знаменитый лордъ Брукгамъ, лордъ-канцлеръ Англіи.

Вслѣдствіе подобнаго состава, пренія коммиссіи были, конечно, чрезвычайно-любопытны. Принимая же во вниманіе, что англійское право заключается главнымъ образомъ не въ кодексахъ, а во мнѣніяхъ подобныхъ компетентныхъ личностей, живыхъ носителей народныхъ взглядовъ, мы поймемъ, что изъ преній этой коммиссіи возможно лучше, чѣмъ откуда-либо, познакомиться съ разбираемымъ нами вопросомъ. Поэтому мы считаемъ чрезвычайно-полезнымъ для нашей цѣли представить выдержки изъ разъясненій экспертами разсматриваемыхъ вопросовъ. Самаго большаго вниманія заслуживаютъ слова лорда Брукгама, и поэтому на нихъ остановимся мы въ особенности.

§ 42. Вопросъ, какъ и надо было ожидать, коснулся прежде всего до того—не возможно ли представить какое-нибудь точное опредѣленіе понятія ляйбеля. Лордъ Брукгамъ говорилъ по этому поводу: „Было бы очень хорошо, если-бы можно было опредѣлить понятіе обиды такъ, чтобы по нему о каждомъ сочиненіи можно было сказать—оскорбительно оно или нѣтъ; но сдѣлать это очень трудно. На практикѣ же неопредѣленность понятія не приноситъ никакого вреда.—Я не помню, говоритъ лордъ Брукгамъ, ни одного случая, въ которомъ, вслѣдствіе этой неопредѣленности, или пострадало бы чье-нибудь право, или бы судъ былъ введенъ въ ошибку".

Точно такого же мнѣнія держались и другіе члены коммиссіи. Starkie, напр., говорилъ: „Если бы хотѣли описать всевозможные роды, посредствомъ которыхъ можно было бы нападать на доброе имя человѣка, то работа эта была бы все-таки излишнею. Опредѣленіе можетъ быть дано только въ общихъ и самыхъ абстрактныхъ выраженіяхъ". Точно также выражался и лордъ Камбель: „Я не думаю, говоритъ онъ, чтобы возможно было какое-либо другое опредѣленіе частнаго ляйбеля, кромѣ „сочиненія, направленнаго на то, чтобы обидѣть, или оскорбить, или унизить честь лица".

Подобную всеобъемлемость опредѣленія возможно допустить только въ Англіи, и если на практикѣ не приноситъ она дѣйствительно вреда, то это объясняется особымъ положеніемъ англійскихъ присяжныхъ.

Затѣмъ возникъ въ коммиссіи другой вопросъ: нельзя ли по крайней мѣрѣ ограничить понятіе оскорбленія чести упреками въ извѣстныхъ (напр. хоть въ уголовныхъ) поступкахъ? Лордъ Брукгамъ сказалъ по этому поводу: „Такимъ образомъ самыя сильныя обвиненія должны будутъ остаться свободными отъ наказанія. Я, какъ общественный чиновникъ, долженъ сознаться, что для меня спеціальные упреки менѣе важны, нежели общія обвиненія, противъ которыхъ нельзя выступить прямо. Я думаю также, что подобныя нападенія гораздо опаснѣе для добраго имени человѣка; сказать про кого-нибудь, что онъ тиранъ, что имѣетъ кровожадность тигра—это общіе упреки, но никто не будетъ отрицать, что они вредны для добраго имени человѣка и въ высшей степени больны для чувства его самого и его

ближнихъ. Предположите, что газета бранитъ какого-нибудь министра низкимъ, малодушнымъ, кровожаднымъ, плутомъ; что же можетъ выйти хорошаго, если мы въ такой формѣ поведемъ наши политическіе споры, и не нужно ли будетъ наказывать за такія выраженія?"

На это лорду-канцлеру сказали: неужели онъ думаетъ, что подобныя выраженія могутъ быть вредны министру въ общественномъ мнѣніи?—Лордъ согласился: „Если кромѣ этого они ни въ чемъ еще не упрекаютъ министра, то, безъ сомнѣнія, нѣтъ. Но есть другіе чиновники, съ которыми дѣло обойдется не такъ легко. Возьмите, напр., проповѣдника, представителя бѣдныхъ, выборнаго директора; если эти люди будутъ затронуты прессою, то имъ трудно будетъ удержать свою должность и свое достоинство. Министръ можетъ презирать все подобное, но эти лица—нѣтъ".

Дальнѣйшій вопросъ былъ слѣдующій: развѣ чувство общественнаго мнѣнія не будетъ защищать чиновника противъ подобныхъ выраженій? „Въ настоящее время, продолжалъ лордъ Брукгамъ,—безъ сомнѣнія; но что было бы, если бы дали свободу всевозможнымъ родамъ брани и если бы газеты могли говорить: плутъ, глупый оселъ судья такой-то и такой-то... Этого нельзя бы было вытерпѣть и недѣли".

Такъ какъ и этотъ отвѣтъ былъ найденъ не совсѣмъ удовлетворительнымъ, то начали спрашивать далѣе: не правда ли, что интересъ публики требуетъ, чтобы пресса имѣла полнѣйшую свободу говорить о томъ образѣ и способѣ, какимъ мировые судьи исполняютъ свою обязанность? — „Безъ сомнѣнія".—Если же это такъ, то не считаетъ ли лордъ возможнымъ дать опредѣленіе того способа выраженій, въ которыхъ это можетъ происходить?— „Я думаю, что этотъ вопросъ, возражалъ лордъ-канцлеръ, отвѣчаетъ самъ за себя. Меня спрашиваютъ: не могу ли я дать словаря выраженій, которыя могъ бы употреблять журналистъ при обсужденіи дѣйствій или недѣйствій мировыхъ судей. Но какъ же это возможно? Съ другой стороны я не колеблюсь сказать, что самое свободное обсужденіе поведенія и характера судей должно быть утверждено. Благодѣтельная боязнь преслѣдованія въ томъ случаѣ, когда сообщенія перейдутъ границы приличнаго и честнаго спора, будетъ имѣть при этомъ дѣйствіе узды".

Послѣдній вопросъ: „не можетъ ли настоящее состояніе, предоставляющее судьѣ и присяжнымъ право опредѣлять что̀ называется умѣреннымъ и честнымъ споромъ, подать поводъ ко всевозможнымъ злоупотребленіямъ?“ — Лордъ Брукгамъ отвѣчалъ: „Если бы я и началъ думать объ этомъ, то мнѣ ничего не удалось бы выдумать; мы опять-таки приходимъ къ невозможности опредѣлить точнѣе понятіе „обиды“.

§ 43. Самымъ спорнымъ вопросомъ въ коммиссіи былъ вопросъ объ exceptio veritatis. По мнѣнію нѣкоторыхъ членовъ, напр. лорда Денмана, доказательство истины можетъ быть допускаемо, но далеко не всегда; а именно это возможно только тамъ, гдѣ существовалъ какой-нибудь дозволенный поводъ къ обнародованію факта. По мнѣнію лорда, обида есть поступокъ въ высшей степени несправедливый, и онъ не хочетъ, поэтому, позволить обидчику постоянно доказывать истину его словъ. Вредъ гражданину можетъ быть нанесенъ и разглашеніемъ объ истинномъ фактѣ, и часто это бываетъ даже цѣлью обнародованія.

Еще яснѐе изложенъ былъ этотъ вопросъ другимъ свидѣтелемъ, мистеромъ Левисомъ (членомъ министерства Рассела, составителемъ закона о прессѣ для Мальты). Въ своемъ показаніи, которое почти исключительно относилось къ вопросу объ exceptio veritatis, Левисъ говорилъ, что это очень трудный вопросъ. Онъ полагалъ бы возможнымъ рѣшить его слѣдующимъ образомъ: „Что касается до политическихъ ляйбелей, то самыя опасныя между ними суть тѣ, которыя стремятся къ возстанію противъ законовъ, и при таковыхъ, безъ сомнѣнія, не можетъ быть и рѣчи о доказательствѣ истины. Но тамъ, гдѣ дѣло идетъ объ обвиненіи общественныхъ чиновниковъ, должно всегда допускать доказательство истины. Напротивъ, при частныхъ ляйбеляхъ мой взглядъ не значительно уклоняется отъ обыкновеннаго взгляда. Я сдѣлалъ бы предложеніе, чтобъ при жалобѣ на частную обиду истина не представляла бы никакой защиты и чтобы не принимали вовсе во вниманіе справедливость и несправедливость“. По мнѣнію Левиса, вопросъ объ истинѣ въ этихъ случаяхъ должно совершенно оставить, такъ какъ характеръ и жизнь частныхъ лицъ никогда не могутъ быть оспариваемы въ прессѣ.

Мистеру Левису сдѣланъ былъ далѣе вопросъ: не нужно ли допустить доказательство истины, если уже не какъ рѣшительное, то по крайней мѣрѣ какъ руководство присяжнымъ?—Онъ отвѣчалъ: „Нѣтъ: обнародованіе всего того, что относится къ внутренней жизни семейства, должно быть запрещаемо, не обращая вниманія—истинно оно или нѣтъ“.

Мнѣніе мистера Левиса о необходимости при рѣшеніи вопросовъ объ exceptio veritatis различать упреки, касающіеся дѣятельности общественной и частно-семейной жизни, признается въ настоящее время всѣми въ Англіи.

Вся общественная жизнь народа должна быть проникнута истиною, дозволеніе доказательства истины должно быть здѣсь полное. Писатель, обсуждающій общественныя дѣла, кандидатъ, произносящій рѣчи на выборахъ, простой гражданинъ, толкующій о дѣлахъ своей страны,—суть во всѣхъ этихъ отношеніяхъ общественные дѣятели и не должны жаловаться, если публичность, къ которой они обращаются, падаетъ на нихъ же самихъ. Общественная жизнь требуетъ не только жертвъ денежныхъ и временныхъ, но требуетъ, чтобы прежде всего было отложено въ сторону мелкое тщелавіе и близорукая чувствительность. Кто не можетъ приносить этихъ жертвъ, тотъ сиди дома и грѣйся у домашняго очага. А кто хочетъ вращаться въ солнцѣ общественной жизни, тотъ не долженъ бояться, что оно его обожжетъ.

Но что касается до второй половины показанія мистера Левиса, то съ нимъ далеко не были согласны остальные члены коммиссіи. Если и вѣрно, что государству нѣтъ дѣла до нравственности отдѣльныхъ семействъ, что для него долженъ быть одинъ только интересъ—защищать самый институтъ, т. е. семейство,—а это можетъ дѣлаться всего лучше чрезъ невмѣшательство въ частную жизнь,—то тѣмъ не менѣе нельзя не признать, что и частныя лица, дѣйствующія какъ таковыя, могутъ приносить вредъ цѣлому обществу или даже и отдѣльнымъ его кружкамъ, такъ-что запрещать сообщать о подобныхъ случаяхъ нѣтъ никакой возможности.

По мнѣнію нѣкоторыхъ членовъ коммиссіи, при рѣшеніи вопроса о допустимости exceptio veritatis въ дѣлахъ, касающихся частной жизни, слѣдовало бы обращать вниманіе на мотивы, которыми руководствовался обидчикъ. Но

и этотъ взглядъ не встрѣтилъ одобренія. Большинство членовъ полагало, что ничто такъ не странно, какъ при похвальномъ поступкѣ, каковымъ считается раскрытіе дурного дѣла, отыскивать мотивы, по которымъ дѣйствовало лицо. Если А спасъ жизнь В, то мы не спрашиваемъ, почему онъ это сдѣлалъ. Можетъ быть потому, что онъ ненавидитъ С, который долженъ платить В ежегодную ренту. Если общество сумасбродовъ въ какой-нибудь игрѣ обыграетъ молодежь столицы, и одинъ изъ членовъ, изъ ненависти къ другому, откроетъ это дѣло, то нужно ли ему отвѣтить: ты засорилъ источники семейнаго бѣдствія, вытащилъ сотни людей изъ глубокой пропасти, но такъ какъ ты сдѣлалъ это не изъ любви къ добродѣтели, а изъ ненависти къ своимъ сообщникамъ, то, не смотря на истину твоего сообщенія, ты долженъ быть наказанъ штрафомъ и тюрьмой.

Наконецъ большинствомъ членовъ коммиссіи вопросъ объ exceptio veritatis рѣшенъ былъ слѣдующимъ образомъ: доказательство истины должно быть допускаемо постоянно, но рѣшеніе того, когда представленіе его въ вопросахъ, касающихся до частной жизни, должно служить основаніемъ, освобождающимъ отъ наказанія, слѣдуетъ предоставить присяжнымъ. Присяжные же должны во всякомъ случаѣ обращать вниманіе—сдѣлано ли было такое обнародованіе съ цѣлью оказать какую-нибудь пользу обществу или нѣтъ.

§ 44. Что касается до дѣленія ляйбелей на обиду и клевету, то этого дѣленія, какъ видно будетъ изъ всего послѣдующаго изложенія, не знало и не знаетъ англійское право. Главное основаніе, которое принимается для такого безразличія видовъ оскорбленій чести, есть ненадобность подобнаго дѣленія на практикѣ. „Хотя и возможно представить дѣленіе ляйбеля на виды, говорилъ лордъ Брукгамъ въ коммиссіи 1843 года, но я не вижу въ этомъ надобности, такъ какъ, мнѣ кажется, чрезвычайно-затруднительно опредѣлить степень наказуемости различныхъ видовъ оскорбленій чести, и я не буду въ состояніи сказать, что одинъ родъ ихъ при всякихъ обстоятельствахъ тяжелѣе и заслуживаетъ большаго наказанія, чѣмъ другой“.

§ 45. Наконецъ въ коммиссіи поднимался вопросъ о мѣрѣ и способѣ наказанія за libel. По дѣйствующему въ настоящее время взгляду, наказаніе должно быть—штрафъ

или тюрьма, и притомъ запрещается требовать чрезмѣрной суммы поручительства. Членами коммиссіи возбужденъ былъ вопросъ: не слѣдовало ли бы по крайней мѣрѣ опредѣлить maximum наказанія?—Лордъ Брукгамъ отвѣчалъ на это: „Моя единственная забота заключается въ томъ, что я очень часто вижу какъ permissivныя опредѣленія понимаются за императивныя. Я боюсь, что если бы было сказано, что наказаніе за обиду должно быть—тюрьма до двухъ лѣтъ, то судьи были бы способны налагать это наказаніе во всѣхъ случаяхъ. Такъ это было съ libel act лорда Эрскина. Этотъ биллъ дастъ судьямъ право на предложеніе присяжнымъ вопроса—что̀ сочиненіе, не оскорбительно ли? Но судьи посмотрѣли на это право какъ на обязанность и даже необходимость“.

Вслѣдствіе подобнаго отзыва лорда Брукгама, въ коммиссіи maximum наказанія не былъ опредѣленъ, но позднѣе, при обсужденіи предложеній ея въ парламентѣ, принято было слѣдующее точное опредѣленіе наказанія: за обнародованіе ляйбеля, которому предшествовали угрозы (для того, чтобы вынудить деньги и т. п.), назначается наказаніе въ исправительномъ домѣ, самое большее до трехъ лѣтъ (съ тяжелою работою или безъ нея). Libel, несправедливость котораго обидчику была извѣстна, долженъ наказываться штрафомъ или исправительнымъ домомъ до двухъ лѣтъ, въ иныхъ же случаяхъ—штрафомъ или тюрьмою до одного года.

§ 46. Четырнадцать предложеній коммиссіи были собраны въ одинъ биллъ лордомъ Кэмбеллемъ. Но прежде, нежели эти предложенія сдѣлались закономъ, они должны были выдержать въ нижней палатѣ острую критику. Самые значительные члены приняли въ спорахъ участіе, и между прочимъ сэръ Робертъ Пиль, и биллъ не могъ быть пропущенъ въ своемъ полномъ объемѣ. Но все-таки законъ отъ 24 августа (6 и 7 Victoria c. 96) удержалъ всѣ существенныя предложенія и прежде всего тотъ принципъ, что и при жалобахъ на libel exceptio veritatis можетъ быть представляемо, но что у присяжныхъ не отнимается право наказывать виновника обнародованія, не смотря на истину упрека, если, по ихъ убѣжденію, обнародованіе не принесло пользы обществу.

Самое значительное измѣненіе, введенное этимъ послѣднимъ закономъ, заключалось, поэтому, въ расширеніи правъ присяжныхъ, и въ Англіи до такой степени убѣждены въ томъ, что только присяжные, какъ представители общества, должны рѣшать дѣла объ обидахъ, что новѣйшія реформы, въ гражданскомъ правѣ оставили незатронутой компетенцію присяжныхъ въ этой области.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

ФРАНЦУЗСКОЕ ПРАВО.

§ 47. Уголовное право Франціи не было кодифицировано до конца прошедшаго столѣтія и состояло изъ массы отдѣльныхъ законовъ, постановленныхъ за различныя правонарушенія. Число этихъ законовъ, публикованныхъ въ продолженіи многихъ столѣтій, было громадно. Но кромѣ ordonances, эдиктовъ, декларацій государей, судили еще по праву римскому, по праву каноническому и, наконецъ, по обычаямъ страны. Для судей не было другого способа выйти изъ этого затруднительнаго положенія, какъ только слѣпо слѣдовать мнѣніямъ криминалистовъ и обычаямъ, освященнымъ практикою. Таково было уголовное право Франціи въ эпоху, когда интеллектуальное и нравственное развитіе націи сдѣлало уже большой прогрессъ. (*)

Во время первой французской республики являются всеобщія требованія издать уголовное законодательство. Assemblée constituante занялась этимъ дѣломъ, но она не ограничилась ревизіею древней уголовной системы, а перевернула ее отъ начала до конца. Прежде всего выработаны были принципы, назначенные служить основою новаго уголовнаго законодательства; принципы эти записаны были въ Declaration des droits de l'homme. Затѣмъ приступили къ реформѣ уголовнаго законодательства, и издали въ 1791-мъ году первый уголовный кодексъ.

Но этотъ первый code pénal оказался неудовлетворительнымъ. Вскорѣ послѣ его изданія потребовалась новая реформа. Въ 1810 г. издается новый уголовный кодексъ. Главнѣйшія измѣненія его по отношенію къ первому состояли, во 1-хъ, въ значительномъ его расширеніи; законода-

(*) Haus, Cours de droit criminel.

тельство 1791 г. говорило только объ однихъ crimes, новый кодексъ вводитъ сюда всю систему уголовныхъ преступленій и проступковъ; во 2-хъ, code pénal 1810 г. дастъ бо́льшую свободу судьямъ въ назначеніи наказанія и, въ 3-хъ, выставляетъ большее количество общихъ опредѣленій.

Code pénal 1810-го года дѣйствуетъ и до сихъ поръ во Франціи, хотя онъ и подвергся многимъ измѣненіямъ чрезъ указы 17-го мая 1819 года, 25-го марта 1822 года, 28-го апрѣля 1832 года и т. д.

§ 48. По уголовному кодексу 1810 года, клевета существовала подъ именемъ calomnie. Опредѣленіе ея находимъ мы (въ § 367-мъ) въ слѣдующихъ словахъ: „Въ преступленіи calomnie дѣлается виновнымъ тотъ, кто въ мѣстахъ или собраніяхъ публичныхъ, или въ какомъ-нибудь документѣ, или въ сочиненіи, какъ напечатанномъ, такъ и ненапечатанномъ, но прибитомъ въ общественномъ мѣстѣ и т. п., обвинитъ кого-нибудь въ дѣйствіяхъ, которыя если бы были истинны, то подвергли бы его преслѣдованіямъ уголовнымъ или исправительнымъ, или даже навлекли бы на него только презрѣніе и ненависть его согражданъ". Calomnie наказывалось (1) различно, смотря по важности того поступка, въ которомъ обвиняли: отъ 50-ти франковъ штрафа и одного мѣсяца тюрьмы до 5,000 франковъ и пяти лѣтъ лишенія свободы.

Что касается до другихъ видовъ оскорбленія чести, то обида и обидныя выраженія, заключающія въ себѣ обвиненіе не въ опредѣленномъ дѣйствіи, но въ порокѣ, если они были произнесены въ мѣстахъ и собраніяхъ публичныхъ или помѣщены въ сочиненіяхъ напечатанныхъ, то наказывались штрафомъ отъ 16—500 франковъ. (2) Всѣ же другія обиды и обидныя выраженія, неимѣющія двойного характера важности и публичности, подавали поводъ только къ простымъ полицейскимъ наказаніямъ. (3)

Изъ этихъ статей представляется совершенно-яснымъ, что code pénal 1810-го года придавалъ въ ученіи объ оскор-

(1) Code pénal 1810. § 367.
(2) Code pénal, § 375.
(3) Code pénal, § 376.

бленіяхъ чести главнѣйшую важность публичности оскорбленія. Клевета въ томъ видѣ, въ какомъ она признавалась въ германскомъ законодательствѣ, неизвѣстна этому кодексу: онъ выставляетъ только одинъ видъ ея—клевету публичную. По взгляду кодекса, разглашеніе про лицо обидныхъ для его чести слуховъ не считается преступленіемъ; каждому дается полное право говорить о комъ угодно и что угодно; если за это и можетъ быть иногда налагаемо наказаніе, то только какъ за полицейскій проступокъ. (*) Лицо, при такомъ разглашеніи, не считается преступникомъ, если оно не пользовалось для достиженія своей цѣли особыми запрещенными способами; запрещается обвинять въ публичныхъ собраніяхъ, т. е. иначе запрещается преступленіе, сродное римскому convicium; (**) затѣмъ не дозволяется дѣлать тоже въ печатныхъ сочиненіяхъ, въ особыхъ объявленіяхъ, предназначенныхъ для публики, въ документахъ и т. п.; тоже самое запрещалось и у римлянъ подъ именемъ liber famosus. Преступленія же, которое можно было бы поставить въ параллель съ римскимъ infamia, code pénal не зналъ.

Но, давая съ одной стороны слишкомъ большую свободу слова, французское законодательство представляло, съ другой, слишкомъ тяжкія ограниченія. Calomnie признавалась при всякомъ почти обвиненіи въ истинномъ фактѣ. Хотя 370-я статья и допускаетъ при ней exceptio veritatis, но, по законодательству, позволяется доказывать исти-

---

(*) Для уясненія себѣ обиды, какъ преступленія противъ чести, по французскому праву, должно отличать ее отъ публичной обиды, наносимой чистотѣ нравовъ (outrage publique à la pudeur), запрещенной въ § 330-мъ кодекса 1810 г. Что слѣдуетъ понимать подъ „чистотою нравовъ"—это трудно опредѣлить, такъ какъ, по словамъ Hélie, «преступленіе это можетъ быть совершено на тысячу манеръ; главный же характеръ его будетъ понятенъ каждому, кто обратитъ вниманіе на разницу дозволенныхъ фамильярностей отъ недозволенныхъ, деликатности отъ насмѣшливости и неприличія въ платьѣ, безстыдства въ манерахъ и т. п. Но грубыя выраженія не могутъ быть наказаны по 330-й статьѣ, такъ какъ они представляютъ уже оскорбленіе чести и наказываются закономъ 17 мая 1819 года». (Chauveau Adolphe et Faustin Hélie. Theorie du code pénal. T. IV, p. 215).

(**) См. сравненіе параграфа 367 французскаго кодекса съ римскими взглядами (Hofman. Beiträge zur Lehre von Injurien, стр. 505).

ну сообщеннаго только чрезъ судебное рѣшеніе или другой общественный актъ; всѣ другія доказательства не допускаются, а въ числѣ нхъ даже и иностранные документы (1) и печатныя сочиненія (2), такъ-что какъ ни либеральны слѣдующія слова 370-й статьи: „когда поступокъ, въ которомъ обвиняютъ, будетъ законно доказанъ, какъ справедливый, то авторъ обвиненія будетъ свободенъ отъ наказанія“,—но, тѣмъ не менѣе, слова эти остаются, по выраженію Chassan, (3) мертвою буквою, ибо ограниченія въ способѣ доказательствъ дѣлаютъ невыполнимымъ либерализмъ постановленія.

Но кромѣ этого опредѣленіе французскимъ законодательствомъ клеветы страдаетъ еще недостатками какъ въ формѣ выраженія, такъ и въ способѣ назначенія наказаній.

Французскіе писатели (4) считаютъ неудовлетворительнымъ выраженіе кодекса, что „calomnie существуетъ при обвиненіи въ поступкѣ, навлекающемъ презрѣніе или ненависть“. Полагаютъ, что подобное опредѣленіе даетъ очень много произвола суду. Еслибы оставлено было одно слово „презрѣніе“, то тогда—говорятъ французскіе коментаторы—ясно было бы выражено требованіе наказанія за упрекъ въ фальшивомъ, безнравственномъ поступкѣ; если же въ законѣ будетъ прибавлено еще слово „ненависть“, то оно будетъ или совершенно излишне, или же придется признать, что законодатель допустилъ его въ противоположность слову „презрѣніе“; а это послѣднее толкованіе поведетъ уже слишкомъ далеко, такъ какъ ненависть бываетъ часто продуктомъ политическихъ взглядовъ или основывается на какихъ-нибудь предразсудкахъ и т. п. безъ всякаго отношенія къ безнравственнымъ поступкамъ, такъ-что судъ будетъ поставленъ при этомъ въ очень затруднительное положеніе.

Далѣе существуютъ въ литературѣ возраженія относительно способа назначенія наказанія. Наказаніе ставится въ кодексѣ 1810 г. въ зависимость отъ наказуемости преступленія, въ которомъ упрекаютъ. Но это невѣрно, потому что наказаніе будетъ налагаться при этомъ по крайнешаткому признаку, ибо наказуемость зависитъ не столько отъ

(1) Code pénal 1810, § 369.
(2) Code pénal 1810, § 368.
(3) Chassan. Traité de délits et contraventions de la parole, de l'écriture et de la presse, I, c. II, p. 435.
(4) Carnot. Commentaire sur le code pénal, t. II, p. 172.

безнравственности поступка, сколько отъ массы различныхъ побочныхъ обстоятельствъ. Обвиненіе, напр., предъ согражданами въ участіи въ государственномъ заговорѣ считалось болѣе наказуемымъ, чѣмъ обвиненіе въ воровствѣ; по французскому же взгляду, послѣднее обвиненіе налагало на лицо бо́льшую печать безнравственности, нежели первое, и болѣе унижало въ глазахъ другихъ.

§ 49. Неудовлетворительность ученія объ оскорбленіяхъ чести, выставленнаго уголовнымъ кодексомъ 1810-го года, повела къ реформѣ: законы 17-го и 26-го мая 1819 года выставляютъ новое опредѣленіе преступленій противъ чести. (1)

По опредѣленію закона 17-го мая 1819 года, calomnie исчезла; намѣсто ея явилось новое преступленіе—diffamation. Диффамаціею называется всякій извѣтъ или обвиненія словами, криками или угрозами, произнесенными въ публичныхъ мѣстахъ или собраніяхъ, чрезъ сочиненія, брошюры, гравюры, изображенія и т. п., отданныя въ продажу или выставленныя въ публичныхъ мѣстахъ, чрезъ объявленія, афиши и т. д.,—въ фактѣ, касающемся чести или уваженія лица. Всякое обидное выраженіе, выраженіе презрѣнія или брани, несодержащее въ себѣ обвиненія ни въ какомъ поступкѣ, но высказанное тѣмъ же способомъ, какъ и диффамація, есть обида. (2) Обида же, незаключающая въ себѣ обвиненія въ опредѣленномъ поступкѣ и нанесенная не публично, наказывается полицейскимъ наказаніемъ. (3)

При наименованіи клеветы диффамаціею не измѣнилась главная характеристическая черта французскаго взгляда: diffamation, какъ и calomnie, требовала для своего совершенія публичности, какъ необходимаго условія.

Но что касается до exceptio veritatis, то по отношенію къ нему происходитъ въ новомъ законѣ важное измѣненіе. Закономъ 26-го мая 1819 года выставлено было пол-

---

(1) Законы эти имѣютъ отличный коментарій въ изслѣдованіи Chassan (Traité de délits et contraventions de la parole, de l'ecriture et de la presse). Точно также разбираются они и въ сочиненіи Parant (Lois de la presse en 1834, ou legislation actuelle sur l'impimerie et la librairie).

(2) Loi de 17-го мая 1819, § 13, 14.

(3) Ibid § 20. По объясненію Antoine Blanche (Etudes pratiques sur le code pénal), параграфъ этотъ слѣдуетъ понимать такъ же, какъ и § 376, т. е. что обида при этомъ требуетъ двухъ условій: отсутствія важности и публичности.

ное запрещеніе exceptio veritatis, когда обвиненіе относилось къ частнымъ лицамъ; но за то, когда оно касалось до лицъ, дѣятельность которыхъ носила публичный характеръ, и притомъ когда обвиняли въ фактахъ, относящихся къ ихъ служебнымъ функціямъ, тогда допускалось exceptio veritatis уже въ полной своей силѣ. Доказательство фактовъ дозволялось всѣми обыкновенными способами, и истина упрека избавляла отъ наказанія. Всякое же обвиненіе частныхъ лицъ, какъ таковыхъ, строго запрещалось, хотя бы и имѣлись неопровержимыя доказательства истины того, въ чемъ ихъ обвиняли.—При всей либеральности этого взгляда, онъ все-таки не могъ встрѣтить сочувствія въ обществѣ: запрещеніе разглашать что-либо о частныхъ лицахъ повело къ стѣсненію свободы слова. Если постановленіе это и охраняло частную жизнь, то все-таки запрещеніе говорить о поступкахъ, истина которыхъ извѣстна всѣмъ, и даже тогда, когда распространитель имѣлъ при этомъ свой личный и можетъ быть серьезный интересъ, показалось очень тяжелою для общественной жизни. Въ 1834 году, во время изданія бельгійскаго законодательства, особенно много говорили о несостоятельности французскихъ законовъ объ exceptio veritatis. Гаусъ (1) въ своихъ замѣчаніяхъ къ проекту кодекса, представленныхъ въ бельгійскія камеры, отлично доказалъ недостаточность французскаго взгляда и выставилъ слѣдующую систему: когда обвиненіе касается до лица, отправляющаго общественную должность, и притомъ направляется на фактъ, относящійся къ его должности, тогда обвиняемому для освобожденія отъ наказанія за клевету должно быть дано право приносить всякаго рода доказательство. Что касается до обвиненія частныхъ лицъ въ поступкахъ, наказуемыхъ по закону, то возможно при exceptio veritatis ссылаться только на такія доказательства, которыя вытекаютъ изъ судебнаго приговора; если же фактъ не разбирался еще судомъ, то оскорбитель долженъ сообщить о немъ судебной власти, и вопросъ объ его обидѣ не долженъ рѣшаться, пока не послѣдуетъ судебнаго приговора. Но когда частное лицо обвиняется въ поступкахъ, незаключающихъ въ себѣ уголовнаго преступленія или проступка, а въ дѣяніи между

(1) Haus. Observ. sur le projet de revision du Code pénal. 1836. Vol. III, p. 60—67.

тѣмъ безчестномъ по взгляду общества, то истина можетъ быть доказываема всевозможными способами. Исключенія допускаетъ Гаусъ въ двухъ только случаяхъ, а именно: во 1-хъ, exceptio veritatis не можетъ быть представляема, когда обвиненіе касается до такихъ фактовъ, которые могутъ быть преслѣдуемы только по жалобѣ обиженнаго, и, во 2-хъ, когда совершенно ясно изъ дѣла, что обвиненіе высказано съ цѣлью обидѣть лицо.

Законъ 26-го мая 1819 г. представляетъ и еще одно стѣсненіе относительно exceptio veritatis, а именно, когда клеветникъ будетъ доказывать истину распространяемаго имъ факта, тогда обвиняемому дается право представить свидѣтелей въ подтвержденіе своей хорошей нравственности, подсудимаго же не допускаютъ предъявить доказательство противъ нравственности оклеветаннаго. (1) Подобное право оклеветаннаго доказывать свою хорошую нравственность сильно запутываетъ процессъ и, не относясь прямо къ дѣлу, ослабляетъ силу exceptio veritatis, а чрезъ это и вопросъ о виновности и невинности клеветника.

Понятіе клеветы, выставленное законами 1819-го года, отличается отъ понятія клеветы по кодексу 1810 г. еще и болѣе ясными требованіями безчестности распространяемаго факта. Законъ 17-го мая признаетъ клевету при обвиненіи въ фактѣ, который набрасываетъ тѣнь (2) на честь или уваженіе лица. Опредѣленіе это лучше, конечно, того, которое видѣли мы въ code pénal.

Наконецъ, законъ 17-го мая 1819 года опредѣляетъ и наказаніе гораздо цѣлесообразнѣе, чѣмъ уголовный кодексъ. По 18-й статьѣ, за диффамацію противъ частныхъ лицъ наказываютъ тюрьмою до году и штрафомъ отъ 25—2,000 франковъ. Различія наказанія по важности поступка, въ которомъ обвиняютъ, такимъ образомъ не существуетъ.

Ученіе о диффамаціи имѣетъ въ своемъ приложеніи слѣдующія исключенія: его не прилагаютъ къ рѣчамъ, произнесеннымъ въ одной изъ камеръ, и во всѣхъ статьяхъ, напечатанныхъ по приказу этихъ камеръ, (3) къ вѣрному от-

---

(1) Loi 26 мая 1819. § 23.

(2) Такъ понимаетъ выражаніе закона напр. Blanche, ibid., 5 т. стр. 411.

(3) Loi 17 мая 1819. § 21.

чету о публичномъ засѣданіи камеры депутатовъ ([1]), къ рѣчамъ и сочиненіямъ, представленнымъ предъ трибуналами. ([2]) Все сказанное, написанное и напечатанное въ этихъ случаяхъ не можетъ быть никакимъ образомъ преслѣдуемо какъ диффамація.

(1) Ibid., § 22.
(2) Ibid., § 23.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

ИТАЛЬЯНСКОЕ ПРАВО.

§ 50. До самаго послѣдняго времени наши русскіе ученые признавали юриспруденцію, какъ науку, существующею въ западной Европѣ у однихъ только нѣмцевъ, да развѣ еще у французовъ. Нѣмецкая наука, явившаяся въ Россіи впервые, благодаря особенностямъ исторіи, одержала у насъ полный перевѣсъ, такъ-что почти каждый нашъ юристъ былъ послѣдователемъ нѣмецкой школы. Вся остальная литература отодвигалась далеко на задній планъ и въ томъ числѣ литература итальянская, между тѣмъ какъ эта послѣдняя во всю исторію имѣла серьезное значеніе.

Вліяя на развитіе всѣхъ сферъ юриспруденціи, итальянская наука обращала серьезное вниманіе и на развитіе науки уголовнаго права. Начиная съ знаменитыхъ юристовъ болонскаго университета, изъ котораго вынесли нѣмцы свое первое знакомство съ юриспруденціею, развивалось уголовное право въ Италіи въ теченіи XVI, XVII, XVIII и XIX столѣтій въ лицѣ многихъ знаменитыхъ представителей, въ числѣ коихъ особенно выдвигаются имена Кларуса, Фариначіуса, Карминьяни, Беккаріа, Филанжьери.

Наравнѣ съ другими вопросами науки уголовнаго права получилъ въ Италіи развитіе и вопросъ объ оскорбленіи чести. Кромѣ общихъ сочиненій, изслѣдовавшихъ между прочимъ и вопросъ объ обидахъ, въ Италіи имѣется много трудовъ, посвященныхъ и, въ частности, этому вопросу. (*)

§ 51. Для достиженія цѣли настоящаго изслѣдованія, для выясненія понятія клеветы по русскому праву, мы не нуждаемся въ изложеніи исторіи и положительныхъ итальян-

---

(*) См. у Каррары (Programma) т. III на стр. 18-й перечисленіе литературы.

свихъ законодательствъ, какъ не вліявшихъ на развитіе института объ оскорбленіяхъ чести въ Россіи. Но для того, чтобы познакомиться съ итальянскими взглядами, мы считаемъ полезнымъ привести ученіе нѣкоторыхъ изслѣдователей какъ о понятіи чести, такъ и объ оскорбленіи ея.

Изъ всѣхъ существующихъ на итальянской почвѣ изслѣдованій объ обидахъ на первомъ планѣ стояло до позднѣйшаго времени изданное еще въ 1821-мъ году сочиненіе Gioja: „Dell' injuria dei danni del soddisfacimento o relative basi di stima".

Нѣмецкая наука, имѣвшая въ началѣ настоящаго столѣтія представителями по разбираемому вопросу Грольмана, Альмендингена, не могла прійти къ дѣйствительному объясненію понятія объ оскорбленіяхъ чести, такъ какъ самая честь, разсматриваемая ими въ противоположность съ добрымъ именемъ, представлялась понятіемъ болѣе чѣмъ туманнымъ. Gioja сталъ на иную почву.

§ 52. Вотъ какъ выводитъ Gioja понятіе чести и ея оскорбленій: „Убѣжденіе въ превосходствахъ другого, выраженное словами или внѣшними дѣйствіями, называется уваженіемъ. Убѣжденіе въ недостаткахъ другого, выраженное тѣми же способами, называется презрѣніемъ.

„Совершенства наши возбуждаютъ въ средѣ другихъ лицъ удовольствіе и побуждаютъ часто къ увеличенію благосостоянія того, кто ими обладаетъ. Недостатки же возбуждаютъ неудовольствіе и могутъ располагать къ уменьшенію благосостоянія.

„Вслѣдствіе этого въ нашемъ умѣ естественно образуются слѣдующія уравненія: съ увеличеніемъ нашихъ совершенствъ увеличивается благоволеніе, а съ увеличеніемъ недостатковъ—ненависть къ намъ другихъ. Поэтому репутація есть залогъ полученія свободныхъ безплатныхъ услугъ, зависящихъ отъ расположенія къ намъ; она обезпечиваетъ намъ то, что наши просьбы о помощи будутъ услышаны и исполнены тѣмъ, кто насъ знаетъ.

„Обыкновенное же чувство нашей слабости заставляетъ насъ считать необходимыми для нашего счастія услуги другихъ, какъ необходима слѣпому палка, а изувѣченному костыль. А вслѣдствіе этого мы и привыкли смотрѣть на уваженіе, какъ на первую опору въ жизни.

„Но, независимо отъ потребности услугъ, въ человѣкѣ живетъ постоянная необходимость находиться въ обществѣ себѣ подобныхъ; въ немъ чувствуетъ лицо облегченіе отъ трудовъ, въ немъ умножаемъ мы наше счастіе и облегчаемъ наше горе. Но тотъ, кто не пользуется уваженіемъ другихъ, не можетъ удовлетворить себя въ этой потребности. Совершившіе какое-нибудь преступленіе избѣгаютъ встрѣчи съ тѣми, кто считаетъ ихъ виновниками, а если бываютъ принуждены появиться въ ихъ обществѣ, то краска стыда открываетъ каждому тревожное состояніе ихъ души.

„Побуждаемые тою или другою необходимостью, мы стараемся представить взглядамъ другихъ тѣ качества, которыя имъ могутъ нравиться, и скрывать тѣ, къ которымъ они относятся равнодушно или которыя могутъ подѣйствовать на нихъ непріятно.

„Вотъ почему человѣкъ добродѣтельный обыкновенно искрененъ, а порочный лживъ. Первый, будучи убѣжденъ въ томъ, что не заслуживаетъ упрековъ, безъ всякой боязни смѣло смотритъ въ глаза всей вселенной; второй же, зная свои недостатки, закрываетъ лицо и любитъ ходить въ потьмахъ.

„На сколько сумма силъ другихъ превосходитъ нашу, на сколько мы не убѣждены въ другихъ, какъ въ самихъ себѣ, на столько ближе къ нашему сердцу казаться болѣе совершенными, чѣмъ мы на самомъ дѣлѣ.

„Точно также вѣрно и то, что мы болѣе жаждемъ одобренія, чѣмъ заботимся о дѣйствительномъ нашемъ совершенствѣ, такъ-что нерѣдко хвалятся преступленіями, если это можетъ понравиться присутствующимъ.

„Лицо, уважаемое и пользующееся довѣріемъ, можетъ располагать услугами другихъ; довѣріе каждаго должно быть, поэтому, разсматриваемо какъ увеличеніе его индивидуальныхъ силъ.

„Убѣжденіе, что въ каждой случайной нуждѣ чужія силы могутъ присоединяться къ нашимъ, уменьшаетъ страхъ неудачъ, которыя существуютъ для людей въ какихъ бы то ни было обстоятельствахъ жизни, уменьшаетъ страхъ вреда, котораго бы можно было ожидать отъ чужой злобы, увеличиваетъ надежду пріобрѣсти новыя удовольствія.

„Напротивъ, человѣкъ, непользующійся довѣріемъ, презираемый, ненавидимый, будетъ ли онъ правъ или неправъ,

подвергается тяжелому подозрѣнію въ своихъ совершенствахъ, видитъ себя отвергнутымъ обществомъ себѣ подобныхъ, боится остаться лишеннымъ помощи среди неудачъ жизни, замѣчаетъ, что ненависть другихъ представляетъ новыя препятствія къ достиженію его цѣлей.

„Поэтому недовѣріе, лишая насъ внѣшней помощи, уменьшаетъ наши индивидуальныя силы и стремится даже совсѣмъ ихъ уничтожить; оно равняется уменьшенію спокойствія, увѣренности въ счастіи и т. п.

„Человѣкъ не ограничивается, какъ животное, однимъ существованіемъ физическимъ, но, способный ко всевозможнымъ предвидѣніямъ, онъ живетъ и будущимъ, узнаетъ всякія отдаленныя потери, предвидитъ случаи, еще невышедшіе изъ лона будущаго, предчувствуетъ перемѣны, которыя случаются за нѣсколько тысячъ миль отъ него; вслѣдствіе чего надежда и страхъ соединяются въ его душѣ, и то радость, то горе наполняютъ ее, смотря по тому, что сознаніе увѣренности распространяется ли на всѣ пункты его идеальнаго существованія, или только на нѣкоторые изъ нихъ.

„Кромѣ того, если человѣкъ окруженъ трудными и дорогими обязанностями отца, сына, супруга и т. д., то онъ замѣчаетъ, что общественное мнѣніе, смотря по тому, благосклонно оно къ нему или нѣтъ, вліяетъ на участь лицъ, къ нему близкихъ, открываетъ или закрываетъ поле счастія его сыновьямъ, приводитъ ихъ на службу или удаляетъ отъ нея, призываетъ ихъ къ почестямъ или лишаетъ ихъ. Отъ всѣхъ этихъ случайностей къ нему постоянно возвращаются чувства удовольствія или горя и убѣждаютъ его въ томъ, что съ развитіемъ отношеній семейныхъ увеличивается и необходимость кредита.

„Довѣріе и недовѣріе, надежда и боязнь, общественныя привязанности пріятныя или горестныя составляютъ существованіе нравственное и представляютъ сферу болѣе обширную и болѣе продолжительную, нежели сфера существованія физическаго.

„Совершенство и благоволеніе, уваженіе и услуги, увѣренность и счастіе такъ глубоко проникаютъ въ самую внутрь нашей души, пускаютъ тамъ такіе глубокіе корни, соединяются и держатся такъ крѣпко, что мы продолжаемъ искать уваженія даже и тогда, когда не имѣемъ нужды въ услу-

гахъ, и постоянно смотримъ на потерю его, какъ на несчастіе. Какъ скупецъ начинаетъ отыскивать золото, благодаря тѣмъ благамъ, которыя оно предоставляетъ, а потомъ, забывая про блага, отыскиваетъ его потому только, что оно золото, и его счастіе растетъ или уменьшается, смотря по тому, увеличивается или уменьшается собраніе монетъ,— точно также и въ отыскиваніи уваженія, хотя мы и не видимъ часто соціальныхъ выгодъ, которыя его сопровождаютъ, но тѣмъ не менѣе остаемся очень чувствительными къ знакамъ этого уваженія и часто жаждемъ его съ убыткомъ для насъ самихъ. Вотъ почему и справедливы слова, что мы начинаемъ искать уваженія изъ желанія получить благо реальное и продолжаемъ искать его, жертвуя даже этимъ реальнымъ благомъ.

„Идея уваженія такъ неразрывно связана съ чувствомъ сознанія счастія, что она сопротивляется, такъ-сказать, ударамъ смерти; вслѣдствіе чего нѣкоторые желаютъ, чтобы ихъ память представилась ихъ потомству съ честью и въ ту эпоху, когда они не могутъ уже видѣть въ этомъ себѣ никакой пользы, и содрагаются, замѣчая издали, что туманъ недовѣрія опускается на ихъ гробницу.

„Чувствительность къ недовѣрію и послѣ смерти составляетъ тотъ свѣтлый характеръ, который отличаетъ человѣка отъ животнаго. Всякій знаетъ, что во всѣ времена уважали довѣріе, честь и славу знаменитыхъ умершихъ, и законодатели возбуждали и живыхъ къ подражанію имъ.

„Какъ при видѣ дѣйствія добродѣтельнаго аплодируютъ десять рукъ, такъ при видѣ дѣйствія порочнаго возстаютъ сотни голосовъ. Вотъ почему мы бываемъ болѣе чувствительны къ презрѣнію, нежели къ уваженію. Кромѣ того, уваженіе соотвѣтствуетъ нашимъ желаніямъ, а презрѣніе противорѣчитъ имъ,—и если предположить ту же самую силу, то сила противорѣчащая будетъ дѣйствовать на нашу душу гораздо живѣе, нежели сила споспѣшествующая намъ.

„Если презрѣніе выражается въ словахъ, которыя могутъ сдѣлать другого предметомъ насмѣшекъ, то человѣкъ презираемый будетъ чувствовать себя оскорбленнымъ въ самой глубинѣ своей души. Представьте себѣ кого-нибудь, бѣгущаго очень скоро и неожиданно схваченнаго за шапку, и вы будете имѣть полную идею о той боли, которую испы-

тываетъ человѣкъ, подверженный насмѣшкамъ. Зная по опыту съ какою легкостью насмѣшливыя слова могутъ повторяться, съ какимъ удовольствіемъ они принимаются, съ какою быстротою распространяются,—тотъ, кто считаетъ себя предметомъ этихъ насмѣшекъ, воображаетъ себя вдругъ окруженнымъ множествомъ жителей и краснѣетъ, какъ будто бы они дѣйствительно тутъ присутствуютъ. Не выходя изъ дому, онъ получаетъ въ своемъ воображеніи всѣ тѣ удары, которые бросаетъ на него цѣлый городъ, и въ своемъ уединеніи воображаетъ уже себя прикованнымъ къ позорному столбу. По этой причинѣ онъ видитъ, что не можетъ въ настоящее время, и не будетъ имѣть возможности въ будущемъ, удовлетворить необходимости находиться въ обществѣ себѣ подобныхъ и быть принятымъ ими съ веселымъ лицомъ— предчувствіе, которое заставляетъ содрагаться всѣ чувства души, не различая и частныхъ впечатлѣній. Вслѣдствіе этого, страхъ быть предметомъ насмѣшекъ, какъ и всѣ другія страсти, можетъ дойти до такой степени, что превзойдетъ самую любовь къ жизни". (*)

Изложивъ такимъ образомъ понятіе уваженія и презрѣнія, Gioja приступаетъ къ опредѣленію понятія обиды:

„Приписывать намъ дѣйствія, лишающія насъ расположенія другихъ, значитъ злословить насъ.

„Совершать противъ насъ проступки или обращаться къ намъ съ рѣчами, которыя въ цѣломъ или частію отнимаютъ у насъ уваженіе другихъ, значитъ унижать насъ.

„Все, что̀ насъ злословитъ или унижаетъ, называется обидою.

„Всякое обвиненіе, налагающее подозрѣніе на нашу нравственность, будетъ обидою.

„Всякое слово, дѣйствіе, которое подвергаетъ нашу личность насмѣшкамъ или дѣлаетъ наше поведеніе предметомъ презрѣнія другихъ, будетъ обидою". (*)

„Обида есть (продолжаетъ Gioja) уничтоженіе соціальныхъ достоинствъ, а въ своихъ высшихъ степеняхъ даже и полное отрицаніе ихъ.

(*) Gioja. Dell' injuria, стр. 1—16.
(**) Ibid., стр. 16 и 17.

„Уничтожаютъ наше соціальное достоинство, а также отнимаютъ у насъ благоволеніе и уваженіе чрезъ открытія нашихъ скрытыхъ несовершенствъ, чрезъ приписываніе намъ недостатковъ, которыхъ мы не имѣемъ, чрезъ непризнаніе нашихъ достоинствъ, чрезъ похищеніе нашей репутаціи, чрезъ помѣху увеличить ее, чрезъ обращеніе съ нами, существами чувствительными, свободными и разумными, какъ съ животными". (*)

Такъ опредѣлялъ итальянскій криминалистъ понятіе чести въ то время, когда на нѣмецкой почвѣ шли только абстрактные споры объ отвлеченныхъ понятіяхъ. У Gioja замѣчается стремленіе вывести понятіе чести изъ психическихъ сторонъ человѣческой природы, и знаніе имъ этой послѣдней, особенно если принять во вниманіе, что изслѣдованіе его принадлежитъ еще къ началу XIX-го столѣтія, достойно полнаго уваженія.

§ 53. Что касается до позднѣйшей нѣмецкой науки, то и здѣсь плохо опредѣляютъ понятіе чести. Одни изъ изслѣдователей даютъ уже черезъ-чуръ общее и чрезъ это неясное опредѣленіе; наприм., Бернеръ говоритъ, что та честь, которая относится въ правовой области, состоитъ въ общечеловѣческомъ и гражданскомъ значеніи личности. Или Шютце: „честь есть чувство сознанія индивидуумомъ своего права на то, чтобы быть признаннымъ своими сочленами полноправною личностью". Или Кёстлинъ: „честь есть сознаніе человѣкомъ своего достоинства, какъ полноправнаго гражданина, вытекающее изъ взаимнаго признанія такого достоинства всѣми гражданами". Или Штейнъ — „самоуваженіе въ связи съ нравственнымъ достоинствомъ, признаннымъ извнѣ". Другіе понимаютъ честь уже слишкомъ узко. „Что такое есть честь, говоритъ Миттермайеръ, опредѣлить трудно, но въ обыкновенномъ смыслѣ это есть доброе мнѣніе о насъ другихъ".

Болѣе ясныхъ, толковыхъ и рельефныхъ опредѣленій, чѣмъ указанныя выше, не знаетъ нѣмецкая наука.

(*) Gioja. Dell' injuria, стр. 16 и слѣд.

Совершенно иначе разрѣшаетъ дѣло наука итальянская. Одинъ изъ позднѣйшихъ ея представителей, Каррара, дѣлаетъ слѣдующее разъясненіе понятія чести:

„До сихъ поръ честь разсматривалась криминалистами неясно и безъ достаточнаго анализа элементовъ и формъ, въ которыхъ проявляется это право. Это повело къ темнотѣ и двусмысленности какъ въ познаніи существенныхъ признаковъ, такъ и относительно критеріевъ мѣры подобныхъ преступленій. Когда говорится объ обидѣ чести, высказывается формула, которая безразлично можетъ содержать похищеніе многихъ благъ, совершенно отличныхъ другъ отъ друга и содержащихся въ этой общей идеѣ чести".

Честь, такимъ образомъ, по взгляду Каррары, есть благо сложное. „При оскорбленіи чести —продолжаетъ онъ—похищаются часто не всѣ тѣ блага, которыя являются ея составными частями. Посему необходимо разложить эту идею и, разбирая отдѣльно тѣ блага, которыя представляютъ ея содержаніе, прійти къ познанію различныхъ формъ, въ которыхъ можетъ явиться преступленіе противъ чести съ точки зрѣнія внутренняго его существа.

„Въ этой идеѣ существуютъ три различныя подчиненныя понятія: 1) чувство собственнаго достоинства; 2) уваженіе и доброе имя о насъ другихъ; 3) сила, присущая доброй репутаціи, доставлять извѣстныя матеріальныя выгоды. Эти три понятія совершенно различны, хотя не всегда это замѣчается на практикѣ.

„1) Чувство нашего достоинства есть первое содержаніе идеи чести; она есть потребность каждой души, какъ бы ни была она мало возвышена, инстинктивная и независимая отъ какого-нибудь разсчета внѣшнихъ благъ, но зависимая исключительно отъ любви къ самимъ себѣ и отъ того непресыщаемаго наслажденія, которое въ насъ является безъ всякаго желанія слушать одобренія или видѣть презрѣніе другихъ, которое является единственно только вслѣдствіе сознанія нашего достоинства, нашихъ способностей и добродѣтелей. Противоположность этому чувству есть стыдъ и презрѣніе, которые являются въ насъ съ сознаніемъ какого-нибудь нашего недостатка, независимо отъ порицанія другихъ.

„Теперь возникаетъ вопросъ: достаточно ли, для существованія оскорбленія чести, оскорбленія одного только соб-

ственнаго достоинства, хотя бы чрезъ это и не упадала репутація въ глазахъ другихъ и не было вѣроятной потери матеріальныхъ выгодъ? — Конечно, достаточно; и рѣшеніе этого вопроса дѣлается положительнымъ во множествѣ случаевъ, въ которыхъ можно представить себѣ обидныя дѣйствія. Если кто-нибудь оскорбляетъ меня не въ присутствіи другого лица, если обида заключается въ письмѣ, ко мнѣ самому адресованномъ, когда я жалуюсь на такую обиду, то можно ли сказать, что моя честь не оскорблена, такъ какъ обидчикъ обратился прямо ко мнѣ и никто не слыхалъ этой обиды, что этимъ не уменьшается мое пользованіе добрымъ именемъ и не наносится потери моему кредиту по отношенію къ другимъ лицамъ и еще менѣе лишаетъ меня матеріальныхъ выгодъ, которыя зависѣли отъ моего добраго имени? Конечно, это можно сказать; но изъ этого не слѣдуетъ чтобы исчезала юридическая сущность преступленія: оно остается независимо отъ похищенія двухъ другихъ вышеупомянутыхъ благъ, единственно въ обидѣ чувства моего достоинства, вслѣдствіе котораго я ощущаю боль, слыша, что другіе считаютъ меня за дурнаго и дерзко въ лицо самому мнѣ оказываютъ презрѣніе. И эта истина подтверждается общею юридическою доктриною, которая признаётъ преступность и въ обидномъ письмѣ, назначенномъ прямо обидчику безъ всякаго распространенія объ этомъ между другими лицами. И поэтому, хотя бы я самъ распространялъ среди другихъ то, что обидчикъ сдѣлалъ скрытымъ, то отсюда не вытекаетъ, что у меня нѣтъ права на удовлетвореніе, ибо у меня есть право не подвергаться униженію. Слово дано человѣку Богомъ, какъ орудіе взаимной любви, нравственнаго прогресса и той общежительности, къ которой предназначено человѣчество; кто пользуется имъ, чтобъ наносить другому непріятность, тотъ злоупотребляетъ этимъ божественнымъ даромъ.

„2) Нарушеніе нашей репутаціи относительно другихъ. Обыкновенно криминалисты ограничиваютъ только этимъ свои разсужденія объ обидѣ, мало занимаясь въ общемъ описаніи ея первымъ послѣдствіемъ, о которомъ уже сказано, и третьимъ, о которомъ я буду говорить далѣе. Добрая репутація (которая называется сокровищемъ души) опредѣляется обыкновенно какъ мнѣніе другихъ о нашихъ душевныхъ или

тѣлесныхъ качествахъ. Достояніе добраго имени, обыкновенно говорятъ ученые, не существуетъ въ насъ, а въ мнѣніи другихъ; это не есть такая вещь, которою мы владѣемъ, какъ собственностью, но она хранится у другихъ, хотя мы и пользуемся всѣми ея выгодами.—Мнѣніе это совершенно вѣрно и плодотворно, такъ какъ прямой выводъ изъ него такой, что пассивнымъ субъектомъ этихъ преступленій не всегда бываетъ самъ потерпѣвшій, какъ въ преступленіи противъ жизни и т. п.; тогда остается въ обиженномъ простое имя потерпѣвшаго, хотя бы онъ и не былъ матеріальнымъ предметомъ преступленія. Это замѣчаніе плодотворно и тѣмъ, что дозволяетъ сдѣлать выводъ, что чѣмъ болѣе лицъ, которымъ сообщено дурное обо мнѣ свѣдѣніе, тѣмъ болѣе увеличивается преступленіе, точно такъ же, какъ и большее количество монетъ увеличиваетъ кражу. Все это совершенно вѣрно, и также справедливо, что въ большинствѣ случаевъ преступленія противъ чести должны разсматриваться съ этой точки зрѣнія. Но было бы неполно, если бы хотѣли ограничить понятіе только этимъ, оставляя безъ вниманія двѣ остальныя точки зрѣнія.

„3) Похищеніе выгодъ, связанныхъ съ добрымъ именемъ.—Это третье обстоятельство можетъ являться или какъ возможность, или какъ дѣйствительность; какъ возможность, она присуща всѣмъ тѣмъ преступленіямъ противъ чести, въ которыхъ развивается второе, вышеупомянутое слѣдствіе, потому-что въ разнообразнѣйшихъ комбинаціяхъ человѣческихъ случаевъ потерянная репутація всегда можетъ быть въ большей или меньшей мѣрѣ причиною того, что недовѣріе, возбужденное къ намъ, повлечетъ за собою потерю другихъ благъ, столь желаемыхъ нами. Но бываютъ обстоятельства, гдѣ подобный разсчетъ не остается на точкѣ зрѣнія возможности, а наоборотъ положительно оправдается матеріальный ущербъ, который мы потерпимъ вслѣдствіе того, что наша честь страдаетъ; иногда можетъ быть такъ, что и цѣль виновнаго именно шла къ этому, напр. помѣшать получить должность, жениться и т. п. Тогда это третье соображеніе перестаетъ быть общимъ и принимаетъ спеціальную форму, вслѣдствіе которой будетъ оскорблено не одно право на честь, но нарушеніе и другихъ правъ; и нельзя не принять это въ разсчетъ при оцѣнкѣ преступленія. Одна-

ко, когда обида направляется на нанесеніе вреда имуществу ближняго, то можетъ возникнуть сомнѣніе: такая, болѣе зловредная, цѣль, увеличивая преступленіе обиды, оставляетъ ли его въ томъ же классѣ, или же тутъ будетъ имущественное преступленіе?—Разрѣшить это слѣдуетъ, кажется, такъ: если имущественный вредъ, который желалъ вызвать обидчикъ, какъ послѣдствіе оскорбленія чести, не принесъ ему никакой выгоды, тогда не должно быть переноса преступленія въ другой классъ, и имущественный вредъ будетъ только обстоятельствомъ, увеличивающимъ наказаніе при обидѣ; если же наоборотъ имущественный вредъ обращается здѣсь въ пользу обидчика, тогда преступленіе можетъ перейти въ классъ преступленій имущественныхъ и будетъ обманомъ, а обида—только средствомъ къ болѣе важному преступленію". (*)

§ 54. Что касается до опредѣленія итальянскою наукою понятія обиды и видовъ ея, то для того, чтобы познакомиться съ ними, укажемъ мы, въ видѣ примѣра, на опредѣленія тѣхъ же двухъ криминалистовъ, которые приведены нами выше.

Gioja какъ мы уже видѣли, опредѣляетъ обиду слѣдующимъ образомъ: „Обида есть все то, что насъ унижаетъ (отнимая уваженіе въ глазахъ другихъ) и злословитъ (приписывая дѣйствія, лишающія уваженія). Я не признаю, говоритъ Gioja, обиды тамъ, гдѣ нѣтъ злословія или униженія".

Въ дальнѣйшемъ, очень подробномъ, изслѣдованіи представляетъ авторъ изложеніе различныхъ видовъ оскорбленій чести, способовъ его совершенія, обстоятельствъ, увеличивающихъ наказаніе, и т. п.

Каррара знаетъ троякое дѣленіе оскорбленій чести. „Наука, практика и современныя законодательства, говоритъ онъ, принимаютъ обыкновенно дѣленіе обиды на три вида: diffamazione (клевета), contumelia (обида) и libello famoso."

Клевета (**), по понятію Каррары, есть „обвиненіе въ фактѣ преступномъ или безнравственномъ, направленное умы-

---

(*) Carrara. Programma. §§ 1702—1710.
(**) Carrara, ibid., §§ 1,713—1,721.

шленно противъ отсутствующаго и сообщенное многимъ лицамъ отдѣльно или вмѣстѣ.

„Изъ подобнаго опредѣленія вытекаютъ и существенные признаки, которые суть: 1) умыселъ, 2) отсутствіе, 3) обвиненіе и 4) сообщеніе.

„1) Умыселъ есть условіе, общее всѣмъ преступленіямъ, въ данномъ же случаѣ представляется онъ какъ намѣреніе опозорить другое лицо.

„2) Отсутствіе обиженнаго есть тотъ признакъ, который отличаетъ клевету отъ обиды. Когда обидныя слова были сказаны при томъ, къ кому они относились, то будетъ обида, а въ отсутствіе его — клевета. Такое различіе вытекаетъ изъ языка, но оно имѣетъ и раціональное основаніе, такъ какъ присутствіе или отсутствіе обиженнаго не есть случайность безразличная въ преступленіи обиды, но оно связано съ признаками естественнаго качества этого преступленія, вслѣдствіе бо́льшаго вреда, наносимаго вторымъ преступленіемъ. Когда обида направлена противъ присутствующаго, то лицо можетъ дать непосредственно отпоръ ей, изгладить злостное увѣреніе, оправдаться передъ тѣми, которые слышали ее, и оправданіе покажетъ достаточно несправедливость обидчика, не останется пятна на обиженномъ, а наоборотъ всѣ возстанутъ и отнесутся съ недовѣріемъ къ оскорбителю. Такимъ образомъ непосредственный вредъ тутъ очень малъ, и тревога другихъ гражданъ будетъ менѣе, вслѣдствіе увѣренности въ существованіи частной защиты. Но когда обида нанесена въ отсутствіи обвиняемаго, то ядовитое увѣреніе можетъ легко пустить корни въ убѣжденіи слушающихъ, ибо оскорбленный, будучи далекъ отъ мѣста дѣйствія и не зная о фактѣ, не можетъ представить тѣхъ доказательствъ, посредствомъ которыхъ онъ могъ бы избавиться отъ нея; когда же онъ узнаетъ объ этомъ, то будетъ трудно успѣть изгладить мрачное впечатлѣніе и разрушить послѣдствіе уже распространившейся обиды.

„Это же различіе ведетъ къ тому, что за клевету назначается болѣе строгое наказаніе, чѣмъ за обиду.

„3) Обвиненіе (приписываніе обидныхъ фактовъ). — Если отсутствіе обиженнаго можетъ само-по-себѣ увеличить важность обиды, то недостаточно еще одного этого обстоятельства, чтобы превращать обиду въ клевету: необходи-

мо; чтобы обвиняли въ опредѣленномъ фактѣ, преступномъ или безнравственномъ. Обвиненія въ какомъ-нибудь порокѣ недостаточно. Часто говорятъ: А разбойникъ, В безчестный. Хотя два эти термина указываютъ на преступность и безнравственность лица, но, не выражая опредѣленнаго факта, они высказываются неопредѣленно. Если бы въ такомъ эластичномъ преступленіи, какъ обида, принимали въ разсчетъ различныя мнѣнія, то не пришлось бы установить и опредѣленія преступленія. Необходимо избрать то, что болѣе бы убѣждало человѣка; поэтому можно держаться за этотъ признакъ, какъ за одинъ изъ главнѣйшихъ признаковъ клеветы.

„4-й признакъ клеветы, по взгляду многихъ законодательствъ (напр. французскаго), есть условіе публичности мѣста или собранія; но новые кодексы и школы видоизмѣняютъ это условіе въ требованіе только сообщенія многимъ лицамъ. И подобная поправка совершенно вѣрна, потому-что, установляя понятіе преступленій, нужно держаться не случайностей, но существа дѣла. Существо клеветы состоитъ въ томъ, что разглашаютъ о комъ-нибудь позорный поступокъ. Можетъ случиться, что разсказъ, сдѣланный въ публичномъ мѣстѣ или въ присутствіи многихъ лицъ, не будетъ услышанъ, и такимъ образомъ сообщенный фактъ не распространится; однако же, опредѣляя клевету по такимъ внѣшнимъ признакамъ, явится опасность признать ее и въ такомъ фактѣ, въ которомъ хотя и находятся тѣ внѣшнія случайности, содержащіяся въ опредѣленіи клеветы, но не будетъ однако же того, что̀ существенно и что̀ составляетъ истинную причину большей важности этого преступленія. Наоборотъ, можетъ случиться широкое разглашеніе сказаннаго, вслѣдствіе злого умысла, и такимъ образомъ будетъ налицо то условіе, которое составляетъ основаніе болѣе важнаго преступленія, и, не смотря на то, нельзя признать его, потому-что нѣтъ условія публичности мѣста. Важно дѣлать наблюденія: изъ нихъ вырабатывается и совершенствуется наука. Старая, негодная формула замѣнилась новою формулою *сообщенія*. Слова: „многимъ лицамъ“ выражаютъ, что достаточно сообщенія и двумъ, все равно—вмѣстѣ или отдѣльно. Наконецъ, формула сообщенія есть общая формула и не показываетъ требованія объ особомъ способѣ, такъ-что все равно—слова ли это или письмо“.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

РУССКОЕ ПРАВО.

I. ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ ПРЕСТУПЛЕНІЙ ПРОТИВЪ ЧЕСТИ. (*)

§ 55. Понятіе чести, какъ уже мы имѣли возможность упоминать нѣсколько разъ, развивается въ исторіи постоянно въ связи съ развитіемъ личности человѣка, а поэтому бросимъ бѣглый взглядъ на ходъ развитія личности русскаго гражданина.

Русская исторія, какъ и исторія вообще, можетъ быть дѣлима на нѣсколько періодовъ, смотря по тому, что̀ будетъ принято за основу дѣленія. Принявъ одинъ критерій, мы можемъ прійти къ дѣленію совершенно противоположному тому, какое получимъ, когда примемъ другой критерій.

Если за основу дѣленія русской исторіи взято будетъ развитіе въ ней личности отдѣльнаго гражданина, то получатся слѣдующіе четыре періода:

(*) Литература наша по разбираемому вопросу очень бѣдна. Полное историческое изслѣдованіе ученія о преступленіяхъ чести только одно, да и то написанное въ Дерптѣ, подъ вліяніемъ нѣмецкой школы и даже на нѣмецкомъ языкѣ, а именно: Utin. Ueber die Ehrenverletzung nach Russischem Recht, seit dem XVII Jahrhundert. 1857. Затѣмъ существуетъ попытка г. Шайкевича разъяснить вопросъ,—въ его кандидатскомъ разсужденіи: „О преступленіяхъ противъ чести“ (приложеніе къ Московскимъ Универс. Извѣстіямъ 1865—1866 г., т. 1-й); но историческій очеркъ преступленій противъ чести доведенъ имъ только до XVII столѣтія и написанъ подъ вліяніемъ той же нѣмецкой школы. Наконецъ, есть еще статья г. Ланге: „О наказаніяхъ и взысканіяхъ за безчестіе по древнему русскому праву“ (Ж. М. Ю. Пр. 1859 г., № 6, стр. 161—222). Разъясненіе вопроса по дѣйствующему законодательству—полнѣе, и мы укажемъ на него въ своемъ мѣстѣ.

Первый періодъ есть періодъ быта родового. Объ этой эпохѣ почти не сохранилось никакихъ историческихъ памятниковъ; указанія на нее въ лѣтописяхъ очень слабы.

Изъ быта родового русская личность вышла очень рано; еще до пришествія князей разрушилась родовая замкнутость, и личность вступила въ иной строй жизни. Наступаетъ общинное устройство. Въ общинѣ живетъ и развивается русскій гражданинъ въ теченіе восьми и даже болѣе вѣковъ (съ IX-го по XVII-е столѣтіе).

Въ XV, XVI и главнымъ образомъ въ XVII-мъ столѣтіи выдвигается монархическая власть въ Россіи, какъ особенно важный элементъ, сравнительно съ остальнымъ обществомъ. Она одерживаетъ окончательный перевѣсъ и разрушаетъ прежнее общинное устройство. Вмѣстѣ съ этимъ исчезаетъ личность русскаго *гражданина*, является *подданный* въ полномъ смыслѣ этого слова, большая же часть народа теряетъ всякое значеніе подъ игомъ крѣпостного права. Таковъ третій періодъ.

Въ нынѣшнемъ столѣтіи и главнымъ образомъ въ нынѣшнемъ царствованіи наступаетъ новая эпоха—возрожденія русской личности. Царствованіе Императора Александра II-го дѣйствительно нельзя не назвать началомъ новой эпохи. Одно уже признаніе за 50-ю милліонами людей правъ обще-гражданскихъ даетъ право на это,—а дарованіе особаго суда, дарованіе самоуправленія въ размѣрахъ нуждъ земства и города и т. п., кажется, ясно показываютъ, что Россія вступила на иной путь, въ иной періодъ жизни. Продолжая идти по тому же пути благодѣтельныхъ реформъ, дождемся мы и полнаго возрожденія забитой въ теченіе долгихъ вѣковъ личности русскаго гражданина.

Таковы четыре періода русской исторіи. Прослѣдимъ теперь по нимъ развитіе понятія чести и, въ частности, клеветы.

ПЕРВЫЙ ПЕРІОДЪ.

§ 56. Первый періодъ русской исторіи есть періодъ быта родового. Наши предки славяне имѣли когда-то одну общую родину и жили нераздѣльнымъ племенемъ. Изъ этой родины разошлись они по всей огромной восточной долинѣ и поселились здѣсь, какъ говоритъ нашъ лѣтописецъ Несторъ,

„особѣ, — живяху кождо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстѣхъ, владѣющемъ роды своими".

Родовой бытъ былъ принадлежностью не однихъ только славянъ при началѣ ихъ исторической жизни: родъ, какъ естественное развитіе первичной формы человѣческаго сожитія—семейства, существовалъ, по признанію исторіи, въ каждомъ народѣ. Греки, римляне, германцы и т. п. пережили также этотъ періодъ. Но, при всей краткости свѣдѣній о нашемъ родовомъ бытѣ, мы, тѣмъ не менѣе, не можемъ не замѣтить нѣкоторыхъ особенностей, рѣзко отличавшихъ этотъ періодъ отъ періода родового быта германцевъ.

Императоръ Маврикій, характеризуя современныхъ ему славянъ, говоритъ между прочимъ слѣдующее: „Славяне благосклонны къ чужестранцамъ, охраняютъ и провожаютъ ихъ. Плѣнниковъ своихъ они не содержатъ, какъ другіе народы, въ безпрестанномъ рабствѣ, но только на нѣкоторое извѣстное время, а когда оно пройдетъ, предоставляютъ имъ свободу откупиться и идти домой, или остаться у нихъ вольными и друзьями".

Свѣдѣніе это крайне-характеристично: оно показываетъ, что строгой родовой замкнутости у нашихъ предковъ не было; даже чужестранецъ, взятый въ плѣнъ, могъ жить въ средѣ родичей на правахъ вольнаго и друга. Коль скоро это допустимо было по отношенію къ чужестранцамъ, то, само-собою разумѣется, допустимо было еще въ большей мѣрѣ къ своимъ же одноплеменникамъ-славянамъ.

Въ Сербіи, въ тотъ же періодъ родового быта, однимъ изъ самыхъ распространенныхъ обычаевъ было побратимство. Члены рода братаются съ лицами посторонними, новые братья вступаютъ въ родовой союзъ и считаются какъ бы родичами (*); принятый братъ дѣлается членомъ родовой общины, „задруги", живетъ съ остальными ея членами общею жизнью; они работаютъ вмѣстѣ, расходуютъ общій капиталъ и т. д. (**). Такимъ образомъ и здѣсь выражается тоже отсутствіе строгой родовой замкнутости.

Подобная характеристическая особенность славянскаго народа вытекаетъ, конечно, изъ особаго взгляда, присущаго

(*) Ранке. „Исторія Сербіи", стр. 43.
(**) Миличевичъ. „Семейная община въ сербскихъ селахъ" (Рус. Бес. 1858. III).

древнимъ славянамъ на личность человѣка. Изгнанный изъ рода германецъ, какъ мы уже говорили выше, не могъ быть принятъ въ другой родъ, развѣ на правахъ раба; онъ долженъ былъ скитаться по лѣсамъ, онъ переходилъ въ состояніе дикаго звѣря. Славянская исторія не знала, да и не могла знать, подобныхъ „варговъ“; изгнанный изъ одного рода могъ жить въ другомъ на правахъ „вольнаго“, „друга“, съ нимъ могъ „побрататься“ другой родъ; онъ дѣлался равноправнымъ членомъ его.

Благодаря чему возникъ подобный взглядъ на личность человѣка—рѣшить, конечно, трудно, но важно то, что онъ легъ въ основаніе всей дальнѣйшей нашей исторіи. Въ Германіи родъ развился въ сословіе. Новая форма общественной жизни удерживаетъ тотъ же основной характеръ. Сословіе признаётъ полное право личности только за членами своего сословія, дѣлаются же членами сословія почти исключительно чрезъ рожденіе. Наша русская жизнь перешла изъ формы родовой въ форму общинную; сословій (въ германскомъ смыслѣ) у насъ не было, да и быть не могло. Общинная же жизнь тѣмъ и отличается отъ сословной, что здѣсь шире признаются общечеловѣческія права. Въ общину можетъ вступить каждый, кого пожелаютъ принять остальные члены; пріемъ не затрудненъ ничѣмъ.

§ 57. Такимъ образомъ впервые въ исторіи русская личность явилась какъ членъ рода. Болѣе точныхъ свѣдѣній объ этомъ періодѣ у насъ нѣтъ; но, принимая во вниманіе общій характеръ родового быта, намъ дѣлается понятнымъ, что, при подобномъ строѣ жизни, полноправнымъ могъ считаться человѣкъ только какъ членъ рода. Внѣ рода жизнь была не мыслима. Оторвавшійся отъ одного рода спѣшилъ примкнуть поскорѣе къ другому. Человѣкъ, какъ индивидуумъ, мало еще признавался.

Изъ этого взгляда на личность вытекаетъ и понятіе чести. Отдѣльный человѣкъ, какъ таковой, плохо сознавалъ свою честь. Честь, господствовавшая въ этотъ періодъ, была родовая. Цѣлый родъ признавалъ ее за собою и требовалъ отъ каждаго своего члена защиты этого блага. Оскорбленіе одного члена считалось оскорбленіемъ цѣлаго рода. (*)

(*) Относя періодъ родовой жизни на Руси до XVII столѣтія, нѣкоторые изслѣдователи, напр. гг. Шайкевичъ, Утинъ, думаютъ, что извѣст-

Что касается до способовъ оскорбленій чести, то о нихъ не существуетъ никакого опредѣленія. Дѣла объ оскорбленіяхъ чести между членами рода рѣшались домашнимъ, семейнымъ судомъ и преимущественно волею родоначальника; дѣла объ оскорбленіяхъ чести между членами различныхъ родовъ происходили рѣдко, при изолированности, которая тогда существовала, а если и совершались, то за нихъ раздѣлывались при помощи родовой мести.

ВТОРОЙ ПЕРІОДЪ.

§ 58. Если не существуетъ большого разногласія въ нашей литературѣ относительно положенія личности при началѣ исторіи, то далеко нельзя сказать того же о дальнѣйшемъ ходѣ ея. Взгляды, по отношенію къ этому, столь рѣзки, что между ними не можетъ быть, кажется, и примиренія.

Съ одной стороны существуетъ въ нашей литературѣ школа, поддерживаемая такими серьёзными историками, какъ напр. г. Соловьевъ, которая считаетъ началомъ правильной общественной жизни на Руси только XVII-й и главнымъ образомъ XVIII-й вѣкъ. До этого времени „все отзывается первобытнымъ міромъ, общество какъ будто еще въ жидкомъ состояніи, и нельзя предвидѣть въ какомъ отношеніи найдутся общественные элементы, когда наступитъ время перехода изъ этого жидкаго, колеблющагося состоянія въ твердое, когда все усядется и начнутся опредѣленія“. (*)

„Россія, говоритъ г. Чичеринъ (**), есть государство патріархальное. Бытъ родовой, въ которомъ застаетъ исторія наше отечество, не исчезаетъ долгое время; до XVII-го или даже XVIII-го столѣтія продолжается тотъ же порядокъ вещей“. До Іоанна III-го, по словамъ г. Мороникина, продолжается господство родового быта и грубой, ма-

---

ное въ XVI и XVII-мъ столѣтіяхъ мѣстничество есть ничто иное, какъ та же родовая честь; но подобный взглядъ, какъ увидимъ мы ниже, не совершенно вѣренъ.

(*) Соловьевъ. „Исторія Россіи“, т. XIII, стр. 19.

(**) Чичеринъ. „Сельская община въ Россіи“ (Р. В. 1856. Февраль кн. 1-я).

теріальной силы (*). До конца XVII-го столѣтія, по мнѣнію г. Кавелина, родовой бытъ былъ общимъ фономъ, на которомъ развивалась вся русская жизнь (**). Только въ XVII-мъ вѣкѣ, подъ вліяніемъ Западной Европы, начинается, по словамъ г. Соловьева, эмансипація русской личности, высвобожденіе ея отъ первичныхъ отношеній. Только чуждое намъ вліяніе Западной Европы и воля отдѣльныхъ монарховъ-самодержцевъ превращаетъ это „жидкое, неустановившееся состояніе“ въ правильный строй общественной жизни. Сами русскіе не были въ состояніи устроить своей жизни; нужны были нѣмцы, ввезенные Петромъ, чтобы создать Русь, чтобы дать Руси порядокъ, чтобы „эмансипировать русскую личность изъ первичныхъ отношеній“. Баронъ Гакстгаузенъ утверждаетъ, что „русская исторія во все время играла только на поверхности, низшіе же слои общества пребывали въ первобытномъ состояніи“, до тѣхъ поръ, пока предки барона не двинули эту жидкую массу.

Такова первая школа (***). Противъ нея возстала вся остальная русская литература. Не будучи пристрастны почему-либо въ особенности къ Россіи, въ чемъ, тѣмъ не менѣе, ихъ постоянно обвиняли, представители ея требуютъ признанія за нашими предками того, что признано и за всякимъ другимъ народомъ, являвшимся въ исторіи: требуютъ за нимъ признанія умѣнья самому, безъ посредства посторонннихъ руководителей, организовать свою жизнь.

Эта послѣдняя школа выставила иной взглядъ на строй общественной жизни. Она приводитъ доказательства, что „первичныя отношенія“, „господство грубой, матеріальной силы“ прекратились много ранѣе XVII-го столѣтія; много ранѣе Петра организовался на Руси правильный строй общественной жизни, и притомъ общество организовало его само, сообразно съ своимъ характеромъ, съ особенностями своей природы и съ особенностями всѣхъ условій своей жизни; оно „создало жизнь путемъ непосредственнаго народнаго творче-

---

(*) Морошкинъ. „Проспектъ исторіи русскаго законодательства“ (Юрид. Вѣст. 1863. № 5-й).

(**) Кавелинъ. „Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи“ (Соч. Кавелина, т. 1).

(***) Подъ вліяніемъ этой школы составлено приведенное выше изслѣдованіе г. Утина, равно какъ и статья г. Шайкевича.

ства, благодаря національнымъ основамъ, глубоко вошедшимъ въ его нравственное бытіе, жизнь, явившуюся какъ результатъ многихъ доисторическихъ вѣковъ". (*)

Родовой бытъ представляется при началѣ жизни каждаго народа; существовалъ онъ и у германцевъ, и у славянъ. Но тотъ и другой народъ рано пережили этотъ періодъ.

Въ представленномъ выше обозрѣніи германскаго понятія чести мы уже видѣли, что этотъ народъ перешелъ изъ быта родового въ сословія.

Русская личность пошла по иному пути, организовался особый строй жизни община.—Выходъ изъ родового быта въ общинный произошелъ, по признанію позднѣйшихъ изслѣдователей, задолго еще до призванія князей. (**)

§ 59. Первое, что бросается въ глаза при разсмотрѣніи сохранившихся до насъ памятниковъ періода общиннаго быта—это малое количество въ нихъ статей о преступленіяхъ противъ чести. О словесныхъ обидахъ говорится рѣдко, о клеветѣ же въ юридическихъ актахъ почти нѣтъ никакихъ указаній. Это дало поводъ нѣкоторымъ писателямъ, и главнымъ образомъ г. Утину, высказать, что дѣйствительное понятіе чести и личныхъ оскорбленій явилось только съ Уложенія 1649-го года. „Я начинаю, говоритъ онъ въ примѣчаніи, излагать оскорбленія чести съ XVII-го вѣка потому, частью, что правовое *признаніе личности* съ той стороны, которая является предметомъ нашего изслѣдованія, *вслѣдствіе особыхъ историческихъ условій*, является поздно въ русскомъ правѣ, частью же потому, что право жило до того времени главнымъ образомъ въ формѣ обычая". Отсюда дѣлаетъ далѣе г. Утинъ выводы о слабомъ развитіи въ это время преступленій противъ чести, а клевету онъ даже не находитъ запрещаемою древнимъ правомъ вплоть до позднѣйшаго времени.—Взглядъ такой болѣе чѣмъ неоснователенъ. Правовое признаніе чести у насъ было полное въ этотъ періодъ. *Особыя историческія условія* русскаго быта не

(*) Срав. Буслаевъ. „Историческій очеркъ русской народной словесности", т. 1-й, ст. 1.

(**) См. напр. Бѣляевъ. „Историческое развитіе сельской общины въ Россіи" (Рус. Бес. 1856. 1) и мн. др.

только не вліяли на слабое появленіе преступленій противъ чести, а напротивъ они-то и должны были выяснить и развить еще болѣе эти преступленія, а равно какъ и объектъ, на который направлялись они, т. е. понятіе чести. Предметомъ изслѣдованія, далѣе, никогда не можетъ быть только одно положительное законодательство: изслѣдователь долженъ по возможности раскопать самую жизнь и вывести оттуда разбираемое понятіе. Но впрочемъ несправедливо мнѣніе, что будто бы въ русскомъ правѣ отъ разсматриваемаго періода не сохранилось вообще указаній на преступленія противъ чести. Указаній этихъ хотя, правда, и мало, но они все-таки существуютъ какъ въ свѣтскомъ, такъ и въ церковномъ правѣ.

Разсмотримъ теперь эти юридическіе акты, а потомъ постараемся изъ самой жизни выяснить понятіе преступленій противъ чести.

Первый русскій юридическій памятникъ (*), отразившій, болѣе или менѣе полно, жизнь нашихъ предковъ при началѣ ихъ исторіи, была *Русская Правда*. Русская Правда, представляющаяся ничѣмъ инымъ, какъ „сборникомъ народныхъ обычаевъ, санкціонированныхъ письменнымъ изложеніемъ“ (**), является дѣйствительно драгоцѣннымъ актомъ для изученія многихъ вопросовъ. Но этого нельзя сказать вполнѣ по отношенію къ вопросу объ оскорбленіяхъ чести. Словесныхъ оскорбленій чести Русская Правда не знаетъ совершенно. Чѣмъ объяснить подобное молчаніе—не знаю. Конечно, это могло произойти отъ того, что словесныя оскорбленія чести не сознавались еще вообще въ этотъ періодъ; но, принимая во вниманіе строй тогдашней развитой уже общинной жизни и полное развитіе въ этомъ актѣ реальныхъ оскорбленій чести, показывающихъ, что честь была уже ясно-сознаваемымъ понятіемъ, мы склоняемся скорѣе къ тому мнѣнію, которое существуетъ въ нашей литературѣ, по отношенію къ „Правдѣ“, а именно, что ее не возможно счесть за сборникъ

(*) Договоры Олега и Игоря съ греками не говорятъ ничего объ оскорбленіяхъ чести; изъ 5-й ст. Олегова и 14-й ст. Игорева договоровъ нельзя сдѣлать никакого вывода по отношенію къ разсматриваемому нами вопросу.

(**) Леонтовичъ. „Исторія русскаго права“, стр. 105.

совершенно полный. Мнѣніе это поддерживается у насъ многими изслѣдователями; одинъ изъ нихъ, г. Поповъ, говоритъ слѣдующее: „Русская Правда не составляетъ общаго кодекса, обнимающаго всю юридическую жизнь своего времени, но только одну его часть“. (*)

§ 60. Русская Правда не знаетъ оскорбленій чести, какъ самостоятельныхъ преступленій. Нападенія на честь скрываются здѣсь подъ преступленіями другой категоріи, подъ нарушеніемъ тѣлесной неприкосновенности—увѣчьемъ, ранами, побоями.

Статьи Русской Правды (**), говорящія о нарушеніи тѣлесной неприкосновенности, слѣдующія:

1) Или боудеть кровавъ или синь надъраженъ, то не искати емоу видока человѣкоу томоу; аще не боудеть на немъ знаменіа никотораго же, толи пріидеть видокъ.... Оже ли себе не можеть мьстити, то взяти емоу за обидоу 3 гривнѣ (2-я ст. акад. сп.; то же запрещеніе и въ 24-й ст. карамз. сп., хотя и потерпѣвшее уже измѣненіе).

2) Аще ли кто кого оударить батогомъ, любо жердью, любо пястью, или чашею, или рогомъ, или тылеснію (по объясненію г. Владимірскаго-Буданова—тупою стороною меча): то 12 гривнѣ (3-я ст. акад. сп. и 21-я кар. сп.; въ этой послѣдней впрочемъ выпущены „жердь и пясть“).

3) Аще оутнеть мечемъ, а не выиемъ его, любо роукоятью: то 12 гривнѣ за обидоу (4-я ст. акад. сп. и 19-я ст. кар. сп.).

4) Аще ли оутнеть рукоу и отпадеть рука или оусъхнеть, или нога, или око, или носъ оутнеть, то 20 гривенъ и завѣкъ 10 гривенъ (22-я ст. кар. сп.; 5-я ст. акад. сп. говоритъ только о рукѣ и ногѣ, и назначаетъ наказаніе въ 40 гривенъ).

5) Аще ли перстъ оутнеть которыи любо: 3 гривны за обидоу (6-я ст. акад. сп. и 23-я ст. кар. сп.).

6) А во оусѣ 12 гривнѣ; а въ бородѣ 12 гривнѣ (7-я ст. акад. сп.).

(*) Поповъ. „Русская Правда въ отношеніи къ уголовному праву“, стр. 18.

(**) Выноски наши будутъ относиться преимущественно къ двумъ спискамъ „Правды“—академическому и карамзинскому.

По кар. сп. преступленіе это поясняется слѣдующимъ образомъ: „А хто порветь бородоу, а выметь знаменіе, а будоуть людіе, то 12 гривенъ продажи“ (78 ст.).

7) Аще ли вынесъ мечь, а не оударивъ, то гривна купъ (20-я ст. кар. сп. и 8-я ст. акад. сп.).

8) Аще ли ринеть моужь моужа, любо отъ собе, любо къ собѣ: 3 гривнѣ (9-я ст. акад. сп. и 26-я ст. кар. сп.).

9) Аще оударить мечемъ, а не потнегъ на смерть, то 3 гривны продажи, а самому гривна (25-я ст. кар. сп.).

10) Оже выбьютъ зубъ, а кровь оувидять оу него въ ртѣ, а люди влѣзоуть, то 12 гривенъ продажи; за зубъ взять ему гривна (79-я ст. кар. сп.).

Здѣсь такимъ образомъ перечисляются различные случаи увѣчья, ранъ, побоевъ. Всѣ эти случаи не считаются, и вполнѣ естественно, за одинаково-важные. Назначая различное отъ 1-й до 40 гривенъ наказаніе, „Правда“ этимъ самымъ представляетъ, конечно, сравнительную оцѣнку этихъ преступленій. Первая изъ приведенныхъ выше статей (ст. 2-я по ак. сп. и 24-я по сп. кар.) говоритъ о тѣхъ случаяхъ нарушенія тѣлесной неприкосновенности, гдѣ лицо будетъ избито или въ кровь, или въ синяки, или такъ, что „не боудеть на немъ знаменіа никотораго же“. Эта статья, такимъ образомъ, общаго содержанія; подъ нее могутъ быть подведены всѣ случаи нарушенія тѣлесной неприкосновенности. Но законодательство, неудовольствовавшееся изданіемъ этого общаго положенія, въ послѣдующихъ случаяхъ представляетъ цѣлый рядъ различныхъ случаевъ нарушеній тѣлесной неприкосновенности, различающихся или по орудію, которымъ нанесены они, или по члену, котораго лишился изувѣченный.

§ 61. Ст. 3-я (21-я по кар. сп.), ст. 4-я (19-я по кар. сп.) по ак. сп. и ст. 25-я по сп. кар. перечисляютъ орудія, которыми наносятся побои. Изъ сравненія этихъ статей мы видимъ слѣдующее: за удары обнаженнымъ мечемъ, и притомъ за удары серьезные, кровавые, преступникъ наказывается такъ же, какъ и по общей 2-й ст. акад. и 24-й ст. кар., только 3-мя гривнами, за удары же орудіями болѣе легкими (по 3 и 4-й ст. ак. сп.) лицо наказывается тѣмъ не менѣе въ 4 раза тяжелѣе. Еще любопытнѣе сопоставить 25-ю статью кар. сп. съ 4-ю ст. по ак. сп. (19 по сп. кар.):

ударъ мечемъ въ ножнахъ есть во всякомъ случаѣ болѣе легкій ударъ, чѣмъ ударъ мечемъ обнаженнымъ, а между тѣмъ первый случай считается въ четыре раза преступнѣе второго.

Ясно, что при подобной классификаціи орудій законодательство имѣло въ виду не опасность оружія для здоровья, а какое-нибудь иное основаніе. За подобное основаніе можно признать, кажется, одно, а именно бо́льшую или меньшую позорность орудій. По взгляду тогдашняго общества, у котораго на первомъ планѣ стояла личная храбрость, драка мечемъ не считалась обидною: получившій ударъ мечемъ всегда могъ отвѣтить тѣмъ же, какъ истинный гражданинъ тогдашняго общества. Не таковы были другія перечисленныя орудія въ 3-й и 4-й ст. ак. сп.: ударъ ими, равно какъ и ударъ не остріемъ вынутаго меча, а рукояткою, считался позорнымъ: чрезъ него какъ бы показывали, что лицо это — трусъ, съ которымъ не стоитъ драться мечемъ, какъ съ обыкновеннымъ гражданиномъ, что его можно бить или палкою, или мечемъ въ ножнахъ. На этомъ же, конечно, основаніи и удары батагомъ, чашею, рогомъ и тылесною считаются такъ же обидными, какъ и удары мечемъ въ ножнахъ.

Объ ударахъ мечемъ, вынутымъ изъ ноженъ, древняя „Правда“ совершенно не говоритъ, подразумѣвая ихъ въ общей ст. 2-й, которая, какъ я уже указывалъ, излагала всѣ виды ранъ увѣчья и побоевъ, неизложенныхъ ниже, какъ квалифицированные виды обидъ. Но такъ какъ на практикѣ, вѣроятно, по отношенію къ этому происходили сомнѣнія, то „Русская Правда“, позднѣе изданная, и представляетъ разъясненіе,—а именно 3 гривны платы назначаются и за тотъ случай, когда рана въ кровь наносится даже и мечемъ, если не существуетъ въ дѣлѣ отягчающихъ вину обстоятельствъ. Поэтому-то статья эта и помѣщена въ пространной „Правдѣ“ непосредственно за 24-ю статьей, поэтому-то и въ 24-й и 25-й статьяхъ одно наказаніе—3 гривны.

То обстоятельство, что удары палкою, мечемъ въ ножнахъ и т. п. считались обидными, что ими задѣвалась честь лица, не могутъ показаться странными, относившимися исключительно къ тому времени: взглядъ этотъ жилъ очень долго послѣ того, а въ средневѣковомъ сословіи онъ нашелъ себѣ полное развитіе и сохранился даже частью до позднѣйшихъ временъ.

Позорнымъ считалось для личности и то преступленіе, о которомъ говорится въ статьѣ 9-й (ак. сп.) и 26-й (кар. сп.): „Аще ли рипетъ (побьхнетъ) моужь моужа, любо отъ собе, любо къ собѣ". Въ подобномъ толканіи человѣка отъ себя или къ себѣ было, конечно, очень мало боли, а между тѣмъ наказаніе здѣсь палагалось три гривны, т. е. тоже, что и за удары въ кровь и въ синяки. Взглядъ на позорность подобныхъ поступковъ замѣчался не только у славянъ; указанія на это встрѣчаемъ мы въ Граугансѣ и въ Норвежскихъ правахъ: „кто гнѣвно кого-нибудь оттолкнетъ отъ себя, тотъ платитъ.... около 12 унцій, а кто привлечетъ къ себѣ и опять оттолкнетъ.... 24 унція". (*)

§ 62. Вторымъ основаніемъ для классификаціи различныхъ видовъ преступленій противъ тѣлесной неприкосновенности признается важность того члена, на который направляется увѣчье. Въ подобномъ различіи членовъ играла роль и дѣйствительная важность для человѣческаго организма того или другого органа. Но не одно это было признано за основаніе классификаціи.

Самымъ важнымъ увѣчьемъ считаетъ краткая „Правда" отнятіе руки или ноги. Съ лишеніемъ ноги и руки уравнивалось по пространной „Правдѣ" лишеніе глаза и носа. Наказаніе за эти преступленія по краткой „Правдѣ" было 40 гривенъ, по пространной—20 гривенъ и еще за увѣчье 10 гривенъ. Всѣ другіе случаи увѣчья и между прочимъ лишеніе дѣторолныхъ частей, считаемое во всѣхъ позднѣйшихъ законодательствахъ за очень важное преступленіе, не упоминается здѣсь. Кромѣ этихъ видовъ дѣйствительнаго увѣчья законъ знаетъ еще одинъ только видъ, а именно—отнятіе пальца; наказаніе за это много менѣе выше приведеннаго случая увѣчья; наказаніе здѣсь только 3 гривны; но оно увеличивается въ 4 раза (въ слѣдующей 7-й ст.) за „оусъ и бороду" и доходитъ тутъ до 12 гривенъ. Статья 7-я ак. сп. повторяется въ пространной „Правдѣ" въ 78-й ст.; тамъ находимъ мы, кромѣ того, разъясненіе какъ слѣдуетъ понимать слова о „оусѣ и бородѣ": „А хто порветъ бородоу, а выметъ

(*) См. Utin, ibid., стр. 19.

знаменіе, и будоуть людие, то 12 гривенъ продажи". Изъ этихъ словъ видно, что подъ словами „и въ бородѣ" (по 9 ст. ак. сп.) надо понимать: „а кто порветъ бороду и выметъ знаменіе".

Серьезнаго увѣчья въ подобномъ случаѣ нѣтъ: вырваніе клока бороды не причиняетъ большого вреда тѣлесной неприкосновенности лица, и, конечно, реальный вредъ для личности здѣсь слабѣе, чѣмъ при томъ нарушеніи, о которомъ говорится во 2-й ст. (ак. сп.); между тѣмъ наказаніе здѣсь въ четверо строже. Причина строгости наказанія за такое преступленіе заключается въ томъ же, о чемъ мы уже говорили и выше, а именно, что при вырываніи бороды наносилась обида нравственному достоинству личности. „Поврежденіе усовъ и бороды, говоритъ г. Владимірскій-Будановъ, считается преступленіемъ вчетверо болѣе тяжелымъ, чѣмъ отсѣченіе пальца, потому-что въ первомъ случаѣ оскорбленіе дѣломъ осложняется еще психическимъ оскорбленіемъ: усы и борода, принадлежность физическаго мужества, были высшимъ символомъ чести". (*)

Подобнымъ символомъ чести борода дѣйствительно служила постоянно во всей русской исторіи. Поэтому-то и во всѣхъ дальнѣйшихъ изданіяхъ „Правды" статья о бородѣ продолжаетъ существовать въ одной и той же мѣрѣ, по отношенію къ наказанію. Но не то замѣчается по отношенію къ „вырыванію усовъ": признаваемое по 7-й ст. ак. сп. за преступленіе, одинаково-важное съ вырываніемъ бороды, оно не упоминается уже въ спискѣ Карамзина. Ст. 78-я (кар. сп.) очень любопытна и по своему тексту. По общему правилу, существующему въ „Русской Правдѣ", доказательствомъ на судѣ можетъ быть какъ показаніе свидѣтелей, такъ и представленіе фактическихъ доказательствъ, напр. синяковъ, кровавыхъ пятенъ, и притомъ представленіе одного изъ этихъ доказательствъ исключаетъ другое, какъ и говорится ясно, напр., въ 24-й ст. (кар. сп.). Нѣкоторые изслѣдователи думаютъ, что по отношенію къ приведенной выше 78-й ст. существуетъ исключеніе изъ этого общаго правила, а именно въ этомъ случаѣ требуется какъ представленіе свидѣте-

(*) Владимірскій-Будановъ. „Христоматія по исторіи русскаго права", стр. 30.

лей, такъ и фактическихъ слѣдовъ обиды. Но такое мнѣніе врядъ-ли вѣрно. По крайней мѣрѣ нельзя представить себѣ никакого основанія къ тому, чтобы въ болѣе важномъ случаѣ нарушенія затруднялось доказательство на судѣ. Вѣрнѣе, кажется, будетъ читать эту статью такъ, какъ понимаетъ ее г. Владимірскій-Будановъ: „Если у кого будетъ вырвана борода, и обиженный или представитъ вещественныя улики, или свидѣтелей, то оскорбитель платитъ 12 гривенъ продажи“ (*). Свидѣтели тутъ, такимъ образомъ, могутъ являться такъ же, какъ и всегда, за отсутствіемъ вещественныхъ доказательствъ, когда или не найдется клока вырванной бороды, или даже его и совершенно не будетъ, когда только „порветъ бороду“, потаскаетъ за нее, но не вырветъ волосъ. Если признать это послѣднее объясненіе, то тогда оно будетъ очень рельефнымъ доказательствомъ всего сказаннаго выше, а именно, что „Правда“ считала важнымъ преступленіемъ даже и такіе случаи, въ которыхъ не было никакого реальнаго нарушенія: одно прикосновеніе къ бородѣ облагается 12-ю гривнами продажи.

Наконецъ, существуетъ въ „Правдѣ“ и еще одинъ случай увѣчья, наказываемый тоже очень строго, а именно—выбитіе зуба, о которомъ говоритъ 79-я ст. сп. кар. и 61-я синод. сп. „Оже выбьютъ зубъ, а кровь оувидятъ оу него въ ртѣ, а люди влѣзоуть, то 12 гривенъ продажи; за зубъ взять ему гривна“. Въ своемъ выраженіи статья эта тоже представляетъ интересъ для нашего вопроса; наказаніе, какъ видно по ясному смыслу статьи, налагалось только въ двухъ случаяхъ, а именно, когда „кровь оувидятъ оу него въ ртѣ“, или когда „люди влѣзоуть“. Того же случая, который считается самымъ обыкновеннымъ по „Правдѣ“, а именно представленія внѣшняго доказательства выбитія зуба—самыхъ зубовъ и другихъ слѣдовъ увѣчья, здѣсь не существуетъ. Не естественно ли предположить, что тогда не налагалось и наказанія, и за выбитіе зуба наказывали только тогда, когда это происходило при свидѣтеляхъ, или когда видѣли во рту кровь? Если же это такъ, то, кажется, можно будетъ сдѣлать выводъ, что здѣсь наказывали не столь-

(*) Владимірскій-Будановъ, ibid., стр. 71.

ко за самый фактъ выбитія, сколько за то, что другіе видятъ, какъ лицо бьютъ по зубамъ; битье же по зубамъ было позорно. Такое объясненіе и потому еще имѣетъ смыслъ, что увѣчье здѣсь было сравнительно не серьезное и во всякомъ случаѣ много болѣе легкое, чѣмъ тѣ, о которыхъ говорится во 2-й ст. (ак. сп.) или въ 25-й ст. (кар. сп.) и которыя наказывалась только 3-мя гривнами штрафа. Да и штрафъ 12 гривенъ, равный со штрафомъ, налагаемымъ по 3-й, 4-й и 7-й ст. (ак. сп.), т. е. во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ, какъ мы уже говорили, назначался онъ болѣе за позоръ, чѣмъ за увѣчье, а равно какъ и то, что статья „о зубѣ" помѣщена непосредственно за 78-ю статьею, говорятъ за это же предположеніе.

Наконецъ, объ оскорбленіи чести въ „Правдѣ" еще въ двухъ статьяхъ, а именно, во 1-хъ, въ приведенной выше 2-й (ак. сп.) и 24-й (кар.) ст., представляются, кромѣ побоевъ съ кровавыми пятнами и синяками, еще такіе побои, при которыхъ „не боудетъ на немъ знаменіа", т. е. не будетъ никакихъ знаковъ ударовъ. Подобный случай, доказываемый на судѣ, конечно, свидѣтелями, будетъ, и по взглядамъ теперешнихъ законодательствъ, однимъ изъ видовъ реальныхъ обидъ. Существованіе же такой общей статьи, по которой считался преступленіемъ всякій ударъ, не оставившій никакого признака на тѣлѣ, давало возможность наказывать за всякое прикосновеніе къ лицу съ цѣлью причинить ему реальную обиду.

Во 2-хъ, статьи 8-я (ак. сп) и 20-я (кар. сп.): „Оже ли кто выпезъ мечь, а не тпеть: тои тьи гривну положить". — Г. Владимірскій-Буданов (*) видитъ здѣсь покушеніе на обиду. Но врядъ ли взглядъ этотъ вѣренъ. Покушеніе въ то время не начинало еще выдѣляться; допускать же существованіе его въ данномъ случаѣ невозможно, такъ какъ это дѣлаетъ непонятнымъ — почему не признавалось того же при поднятіи батога, жерди и т. п., тѣмъ болѣе, что ударъ вынутымъ мечемъ считался вѣдь за вчетверо-меньшее преступленіе, чѣмъ батогомъ, жердью и т. п. Не вѣрнѣе ли будетъ признать въ этой статьѣ спеціальный видъ

(*) Владимірскій-Буданов, ibid., стр. 30.

преступленія противъ чести? Считалось, вѣроятно, обиднымъ, когда вынутъ мечь и только покажутъ его лицу.

§ 63. На основаніи всего изложеннаго выше, нельзя не признать, что „Правда“ знала личныя оскорбленія. Изъ этого очерка ея постановленій мы можемъ сдѣлать слѣдующіе выводы:

1) Честь уже сознавалась въ періодъ изданія этого сборника; принимая же во вниманіе, что „Правда“ есть сборникъ народныхъ обычаевъ и что каждый обычай возрождается не вдругъ, а живетъ еще долго до того времени, когда выкажется въ письменной формѣ, мы имѣемъ право предположить, что тѣ начала, которыя излагаются въ „Правдѣ“, жили задолго до ея изданія, а слѣдовательно и честь была сознаваема нашими предками при самомъ началѣ ихъ исторической жизни и даже въ раннюю эпоху.

2) Разборъ народныхъ германскихъ памятниковъ показывалъ намъ, что въ эпоху появленія первыхъ народныхъ правъ словесныя оскорбленія признавались уже достойными наказанія. Русская личность находилась въ эту эпоху не на низшей ступени развитія; общинный же строй жизни, о которомъ ясно говоритъ „Правда“, не могъ произвести, какъ подробнѣе увидимъ мы ниже, отсутствія словесныхъ оскорбленій чести, и такъ какъ честь въ это время уже сознавалась, то нѣтъ ни малѣйшаго основанія предполагать, чтобы словесныя оскорбленія ея, о которыхъ не говоритъ „Правда“, не признавались за преступленія. Мы скорѣе склоняемся къ тому, что „Правда“ выключила только эту категорію преступленій, равно какъ она выключила, напр., и всѣ преступныя нападенія на женское цѣломудріе.

Въ самомъ дѣлѣ, если вѣрно, что лицо наказывалось строго, напр. по 79-й ст., за то, главнымъ образомъ, что битье по зубамъ при свидѣтеляхъ унижало въ глазахъ другихъ, если борода и усы особенно охранялись, потому что клокъ вырванной бороды свидѣтельствовалъ каждому, что лицо это опозорено, если битье необнаженнымъ мечемъ потому только и наказывалось строго, что этимъ показывалось его согражданамъ, что лицо это—трусъ, что онъ не достоинъ того, чтобы съ нимъ дрались какъ и со всякимъ другимъ,—если, повторяемъ, все это считалось преступленіемъ, то неужели возможно было оставить безнаказан-

нымъ, когда лицо прямо гласно называлось трусомъ и другими признаваемыми тогда обидными словами? Напротивъ, анализъ общественнаго строя, свидѣтельство другихъ свѣтскихъ памятниковъ, напр. Двинской Грамоты XIV-го в., затѣмъ памятниковъ церковныхъ и, наконецъ, источниковъ права у народовъ славянскихъ, живущихъ при одинаковыхъ условіяхъ съ нашими предками,—все это приводитъ, какъ увидимъ ниже, къ противоположному убѣжденію.

3) Что касается до того, какъ понимала „Русская Правда" честь, то мы, кажется, не ошибемся, если скажемъ, что она здѣсь понималась какъ уваженіе въ средѣ согражданъ. Одна уже 78-я ст. (кар. сп.), говорящая, что выбитіе зуба считается за преступленіе тогда только, когда или кровь увидятъ во рту, или будутъ свидѣтели боя, доказываетъ, кажется, это предположеніе. Тоже самое можно вывести и изъ другихъ статей „Правды". Послѣдующій разборъ другихъ юридическихъ памятниковъ и анализъ общественнаго строя приведетъ насъ къ подтвержденію этого предположенія.

Нѣкоторыя изъ постановленій „Правды", хотя и измѣненныя, (*) встрѣчаются въ договорѣ смоленскаго князя Мстислава Давидовича съ Ригою, Готландомъ и нѣмецкими городами, 1229 г. Но статьи эти не представляютъ для насъ ничего новаго.

§ 64. Гораздо болѣе любопытна Уставная Грамота великаго князя Василія Дмитріевича, данная жителямъ Двинской Земли въ 1397 году. Статья 2-я этой грамоты гласитъ: „А кто кого излаетъ боярина или до крови ударитъ, или на немъ синевы будутъ, и намѣстницы судятъ ему по его отечеству безществіе; такожъ и слузѣ".

Статья эта очень любопытна для насъ, какъ первое указаніе на словесныя оскорбленія чести. Любопытна она и и тѣмъ, что здѣсь соединены въ одно удары въ кровь, удары съ синяками и „лаяніе" —и все это названо безчестіемъ. Подобное соединеніе даетъ намъ еще новое подтвержденіе того, что мы справедливо видѣли въ увѣчьяхъ, побояхъ „Русской Правды" оскорбленіе чести.

(*) За удары въ кровь или съ синяками наказываются уже не 3-мя, а 6-ю гривнами (4 ст.). Выдѣляются, какъ особое преступленіе, побои въ ухо (5 ст.).

Но 2-ая статья Двинской Грамоты представляетъ одно сомнительное обстоятельство, а именно здѣсь говорится объ оскорбленіяхъ не всѣхъ гражданъ, а только бояръ и ихъ слугъ. Прежде всего представляется любопытнымъ разрѣшить: о какихъ боярахъ здѣсь идетъ рѣчь? Можно бы было подумать, что о боярахъ княжескихъ, что князь Василій Дмитріевичъ защищалъ этою статьею честь только своихъ бояръ-дружинниковъ. Но это не вѣрно, потому-что Двинская Грамота дана земству; грамота эта начинается такъ: „Се азъ, великій князь, пожаловалъ есмь бояръ своихъ двинскихъ, также сотского и всѣхъ своихъ черныхъ людей Двинскіе земли“.... Итакъ, въ защиту двинскихъ бояръ, т. е. земскихъ, мѣстныхъ, и двинскаго земства дана эта грамота. Что бояре, о которыхъ здѣсь шла рѣчь, были земскими, это видно изъ дальнѣйшихъ словъ той же грамоты: „Коли кого пожалую своихъ бояръ, пошлю намѣстникомъ въ Двинскую землю, или кого пожалую намѣстничествомъ изъ двинскихъ бояръ“.... Ясно, что здѣсь княжескіе бояре и бояре двинскіе вполнѣ различаются, и двинскими называются именно не княжескіе бояре. Да, наконецъ, въ Двинской землѣ не было вѣдь никакихъ княжескихъ бояръ: княжескіе бояре группировались около князя, князя же не было въ это время въ Двинской землѣ; княжескіе же слуги, бывшіе при намѣстникѣ, называются въ грамотѣ дворянами (см. 3 ст. и объясненіе г. Буданова 128 ст.), а не боярами. Итакъ 2-я ст. грамоты защищала нѣкоторыхъ изъ членовъ земства. Но теперь возникаетъ новый вопросъ—почему же здѣсь запрещается оскорблять только бояръ, не доказываетъ ли это, что въ эту эпоху честь сознавалась вполнѣ и словесное оскорбленіе считалось преступленіемъ только въ одномъ высшемъ, привиллегированномъ классѣ, что остальное земское общество не сознавало еще этого? Но подобное толкованіе также не вѣрно. Дѣло въ томъ, что бояре не выдвигались въ эту эпоху, какъ особое сословіе, ни своимъ высшимъ развитіемъ, ни чѣмъ-либо иным, что могло бы развить въ нихъ бо́льшую чувствительность. Невѣрно это и потому, что 2-я статья говоритъ вѣдь объ оскорбленіи не однихъ бояръ, но также и объ оскорбленіи слугъ, а слуги-то боярскіе уже, конечно, ничѣмъ не отличались отъ остальнаго общества.

Но почему же 2-ая ст. грамоты говоритъ только о боярахъ и объ ихъ слугахъ, почему она не признаетъ того же по отношенію къ другимъ классамъ общества?—Отвѣтить на этотъ вопросъ довольно-трудно. Можетъ быть еще возможно спорить о томъ, въ какомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать слово „слузѣ“, но что его нельзя объяснить такъ, какъ объясняетъ г. Владимірскій-Будановъ (*), а именно, что это былъ второй классъ служилыхъ людей, стоявшій ниже бояръ,—это намъ кажется понятнымъ по тѣмъ соображеніямъ, которыя выставили мы ниже, по отношенію къ боярамъ. Не подразумѣвается ли здѣсь подъ именемъ „слузѣ“ все остальное общество, или, какъ называетъ ихъ грамота, „черные люди“? Если же невѣрно это предположеніе, то нельзя-ли полагать, что 2-ая статья не полна, что здѣсь задѣты только нѣкоторые элементы общества съ полною увѣренностью, что она будетъ прилагаться по аналогіи и ко всѣмъ другимъ гражданамъ? Подобнаго рода явленія не рѣдкость въ первоначальныхъ народныхъ сборникахъ, когда законодатели не обладаютъ еще способностью выставлять полныя постановленія. Во всякомъ случаѣ, какъ бы мы ни толковали 2-ю статью грамоты, нельзя не признать того, что она ясно показываетъ намъ признаніе въ XIV-мъ вѣкѣ преступными словесныя оскорбленія и притомъ въ средѣ такихъ классовъ общества, какъ боярскіе слуги.

Двинская Грамота не есть законодательный сборникъ, изданный волею одного князя: это сборникъ обычаевъ Двинской земли. Полное согласіе всѣхъ его постановленій съ другими обычными сборниками даетъ намъ право сдѣлать подобный выводъ. Если же это такъ, то ясно, что и 2-ая ст. вытекла не изъ одной воли князя, а запрещаемое въ ней словесное оскорбленіе считалось преступленіемъ въ самой жизни тогдашняго общества.

§ 65. Отъ XV-го вѣка не сохранилось у насъ ни одного свидѣтельства о словесныхъ оскорбленіяхъ чести, но къ самому началу XVI-го столѣтія относятся два акта, показывающіе на значительное уже развитіе этихъ преступленій, а именно: во 1-хъ, Уставная Грамота Мариинской трети отъ 9-го апрѣля 1506 г. (**) и, во 2-хъ, Уставная Грамота

(*) Владимірскій-Будановъ, ibid., стр. 129.
(**) А. А. Э. т. 1. № 144.

дмитровскаго князя Юрія Іоанновича бобровникамъ Каменскаго стана 29-го іюля 1509 г. (*) Въ первомъ изъ этихъ актовъ говорится: „А кто кого поймаетъ приставомъ въ бою или въ лаѣ, и на судъ не пойдутъ, а помрятся, то продажи судьѣ нѣтъ, а только ѣзда и хоженое". Тоже повторяется и въ Дворцовой Грамотѣ Афанасьевскихъ и Васильевскихъ сёлъ отъ 1554 г. (**) Второй же актъ показываетъ, что словесныя оскорбленія чести были уже настолько серьезными преступленіями, что для доказательства истины ихъ выходили даже на поединокъ. Наконецъ, начиная съ половины XVI-го столѣтія, со времени изданія царскаго Судебника, встрѣчается уже очень много статей, трактующихъ объ оскорбленіяхъ чести.

Какъ слабо въ XV-мъ в. указаніе на словесныя оскорбленія чести, такъ же мало говорится и о реальныхъ обидахъ. Даже такой полный обычный сборникъ, какъ Псковская Судная Грамота, мало говоритъ объ этомъ; въ ней есть только всего одна статья (117-я), признающая вырваніе бороды за особенно-тяжкій видъ оскорбленія чести. Новогородская же Судная Грамота не знаетъ ничего объ обидахъ. Въ лѣтописяхъ есть только нѣсколько мелкихъ указаній на отдѣльные случаи реальныхъ обидъ, и притомъ на первомъ планѣ стоитъ тоже „вырваніе бороды" (напр. въ запискѣ новогородской о церковномъ судѣ отъ 1477 г.). (***)

Но, само-собою разумѣется, возникаетъ вопросъ — почему же такъ рѣдки свѣдѣнія о словесныхъ оскорбленіяхъ чести до половины XVI-го столѣтія? Всего легче, конечно, было бы вывести то заключеніе, которое выводятъ нѣкоторые изслѣдователи, а именно, что это указываетъ на слабое развитіе преступленій противъ чести. Но мы не соглашаемся съ этимъ. Хотя и кратки приведенные выше памятники, но они, тѣмъ не менѣе, указываютъ, что словесныя оскорбленія чести существовали, и притомъ, какъ можно видѣть изъ грамоты Юрія Іоанновича отъ 1509 г., были очень важнымъ преступленіемъ. Да и могли ли не признаваться словесныя оскорбленія, какъ преступленія, при тог-

---

(*) А. А. Э. т. 1. № 150.
(**) А. А. Э. т. 1. № 240.
(***) А. А. Э. т. 1. № 103.

дашнемъ строѣ общественной жизни? Дальнѣйшее изложеніе и разсмотрѣніе законовъ нѣкоторыхъ другихъ славянскихъ народовъ, жившихъ одною съ нами жизнью, ясно подтвердятъ намъ противное. Но чѣмъ же можно объяснить такую краткость свѣдѣній нашихъ памятниковъ? Намъ кажется, что причина этого заключается въ характерѣ самихъ памятниковъ. Всѣ они, кромѣ „Русской Правды", суть ничто иное, какъ грамоты, даваемыя князьями для суда своимъ намѣстникамъ и другимъ подобнымъ лицамъ; такое значеніе имѣютъ и всѣ почти мелкіе акты, таковы же были и Псковская и Новогородская Судныя Грамоты. Полнаго сборника обычаевъ, изданнаго не для удовлетворенія именно этой цѣли, кромѣ „Русской Правды", мы не имѣемъ. Назначая же своихъ намѣстниковъ для суда по преступленіямъ, князья поручали имъ по большей части только важныя уголовныя преступленія. Есть цѣлый рядъ свидѣтельствъ, что намѣстникамъ поручался только судъ „о разбоѣ, душегубствѣ и татьбѣ съ поличнымъ", всѣ же остальныя дѣла отдавались по большей части на судъ самого общества или мѣстныхъ владѣльцевъ. Передавая всѣмъ этимъ лицамъ судъ по маловажнымъ преступленіямъ, князья не заботились давать имъ какихъ-либо грамотъ въ руководство, а предоставляли рѣшать дѣла по мѣстнымъ обычаямъ. Кромѣ того, судъ по многимъ вопросамъ предоставленъ былъ церкви, монастырямъ; для такого суда создала церковь особые, свои собственные законы; въ числѣ вопросовъ, о которыхъ излагаютъ эти законы, былъ, какъ увидимъ ниже, и вопросъ объ оскорбленіи чести. Вотъ отъ этого-то и въ сохранившихся отъ всей этой эпохи памятникахъ находимъ мы мало указаній на существованіе оскорбленій чести.

„Право жило въ эту эпоху въ сознаніи народа, и обычаи, не обременяя еще памяти своею массою, ясно вѣщали о понятіяхъ юридическихъ, въ то время слишкомъ немногосложныхъ". Такова, по мнѣнію г. Калачева (*), причина того, что въ Судебникъ Іоанна IV вошло мало опредѣленій, касающихся до гражданскаго права, а бо́льшая часть Су-

(*) Калачевъ. „О Судебникѣ Царя Іоанна Васильевича" (Юр. Зап. Рѣдкина, т. 1-й, стр. 55).

дебника занималась судопроизводствомъ; таково же, по нашему мнѣнію, одно изъ основаній слабаго развитія ученія объ оскорбленіи чести въ юридическихъ памятникахъ.

§ 66. Драгоцѣнными для нашей исторіи юридическими актами представляются два Судебника, какъ первый, такъ и въ особенности второй изъ нихъ; но по вопросу объ оскорбленіяхъ чести первый не представляетъ почти никакихъ указаній, а второй говоритъ объ этомъ только въ одной, двухъ статьяхъ. Причина и здѣсь заключается опять-таки не въ размѣрахъ развитія института, а въ самомъ актѣ. Царскій Судебникъ, хотя и болѣе полный, чѣмъ великокняжескій, говоритъ, тѣмъ не менѣе, мало объ уголовныхъ преступленіяхъ. Г. Калачевъ (*), составившій тщательный разборъ этого акта, говоритъ: „Главное вниманіе законодателя обращено здѣсь на устройство судовъ; весь актъ относится почти исключительно къ судопроизводству гражданскому, къ процессуальной сторонѣ гражданскаго права. Законодатель обращаетъ вниманіе и на судъ уголовный, но о немъ говорится только для того, чтобы точнѣе опредѣлить дѣятельность органовъ судопроизводства вообще. Поэтому не только уголовное право въ его опредѣленіи, но даже и уголовное судопроизводство остается почти не развитымъ". Если, далѣе, и упоминаются еще нѣкоторыя изъ уголовныхъ преступленій, то и здѣсь опять-таки обращено большее вниманіе на болѣе серьезныя изъ нихъ: измѣну, лихоимство, смертоубійство, татьбу съ поличнымъ, зажигательство, лжедничество, насиліе и т. п. (**)

Судебникъ Іоанна IV (***) упоминаетъ въ слѣдующихъ мѣстахъ объ оскорбленіяхъ чести. Ст. 25-я гласитъ: „А который нищея взыщетъ бою и грабежу, а отвѣтчикъ скажетъ, что билъ, а не грабилъ, и отвѣтчика въ бою винити и безчестіе на немъ взяти, смотря по человѣку"... Статья эта говоритъ такимъ образомъ о побояхъ, но считаетъ эти послѣдніе за реальныя обиды. Наказаніе за обиду назначается „смотря по человѣку". Слова эти особенно важны,

---

(*) Калачевъ. Тамъ же, стр. 55.
(**) Калачевъ (Юр. Зап., т. 2-й, стр. 317—325).
(***) Выноски наши относятся къ изданію Судебника Татищевымъ въ 1786.

въ нихъ замѣчается новое направленіе законодателя. Въ „Русской Правдѣ“ и въ Двинской Уставной Грамотѣ, какъ мы видѣли, не представляется еще никакого различія между гражданами въ платѣ за обиду; напротивъ, въ послѣдней изъ нихъ совершенно ясно соединены подъ одно опредѣленіе оскорбленія чести бояръ и слугъ. Въ XVI в. вырабатывается постепенно иной взглядъ: здѣсь разбираютъ лицъ, которымъ наносится оскорбленіе чести. Статья 26-я Судебника представляетъ первое перечисленіе различной оцѣнки чести у различныхъ классовъ лицъ. Всѣ дѣлятся на слѣдующія категоріи: прежде всего выдвигаются служилые княжескіе люди; по отношенію къ нимъ мѣра наказанія за безчестіе не опредѣляется твердою цифрою, а повелѣвается брать, смотря по ихъ доходу отъ кормленія, или отъ жалованья, или же что государь укажетъ; далѣе слѣдуютъ собственно земскіе люди въ слѣдующемъ порядкѣ: большіе гости—безчестья 50 рублей, торговые люди и боярскіе люди добрые—5 руб., крестьяне пахотные и не пашенные, боярскіе люди молодшіе и черные градскіе люди—1 рубль. Женамъ безчестіе всегда вдвое противъ мужей.

Наконецъ, Судебникъ упоминаетъ въ нѣсколькихъ еще мѣстахъ о словесныхъ оскорбленіяхъ чести, но ни одно изъ этихъ мѣстъ не можетъ выяснить намъ взгляда законодателя на эти преступленія. Такъ, наприм., о нихъ упоминается въ 31-й ст., гдѣ говорится: „А кого поймаетъ приставъ въ бою, или лаѣ, или займехъ, и на судъ идти не похотятъ, а помирятся, то продажи нѣтъ“; или статья 62-я: „А доищется ищея въ своемъ запиномъ дѣлѣ, или въ бою, или въ лаѣ, и ему имати намѣстникамъ на виноватомъ съ рубля по гривнѣ“ (пошлинъ).

Такимъ образомъ и Судебникъ хотя и показываетъ, что словесныя оскорбленія чести существовали и признавались преступленіями, тѣмъ не менѣе не представляетъ разъясненія въ чемъ именно они состояли.

§ 67. Представленное впервые Судебникомъ дѣленіе преступленій противъ чести на нѣсколько видовъ, „смотря по человѣку“, которому наносится обида, излагается далѣе и еще въ нѣсколькихъ юридическихъ памятникахъ.

Въ Уставной Грамотѣ, данной 29-го апрѣля 1556 года крестьянамъ царскихъ селъ Переяславскаго уѣзда, сказано:

„безчестья посадскимъ торговымъ людямъ и волотныхъ—5 рублёвъ, крестьянину пашенному и не пашенному и черному молодчему человѣку—1 рубль. Женамъ ихъ вдвое“. (1)

Затѣмъ въ Судной Грамотѣ 1561 года 20-го марта, изданной удѣльнымъ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ для Замосковской Волхонской волости (2). повторяется постановленіе грамоты 1556-го года.

Тоже постановленіе 1556 го года повторяется слово въ слово и въ Уставной Грамотѣ, данной 7-го іюля 1606 года городу Шуѣ. (3)

Наконецъ въ дополнительныхъ статьяхъ къ Судебнику отъ 1645 года (4) есть одна статья, состоящая въ требованіи сдѣлать справку въ казенномъ приказѣ о томъ, „какъ указано суконной сотнѣ тяглецамъ класть денегъ за безчестье, всѣмъ ли сотнямъ одинъ указъ или разные указы?“ Казенный приказъ отвѣчалъ, что „по государеву указу суконныя сотни торговымъ людямъ за безчестье указываютъ—лучшему человѣку 15 рублёвъ, среднему—10 и молодчему—5 рублёвъ“.

Во всѣхъ этихъ статьяхъ представляется, такимъ образомъ, дѣленіе русскихъ гражданъ того вѣка на нѣсколько категорій, смотря по количеству безчестія. Но дѣленіе это носитъ здѣсь, впрочемъ, особый характеръ; кромѣ служилыхъ людей, честь которыхъ опредѣляется по ихъ жалованью и по волѣ государя, и о которыхъ говоритъ только одна 26-я ст. Судебника, всѣ остальныя лица дѣлятся на три категоріи, и притомъ за основаніе дѣленія принимается не воля царя и не высшее или низшее служебное положеніе, а только имущественное состояніе этихъ людей. Сообразно съ этимъ распредѣляется и плата за безчестье. Если же принять во вниманіе положеніе богатыхъ гостей, ведшихъ заграничную торговлю, и бѣдное сельское населеніе, то мы, кажется, придемъ къ убѣжденію, что гостю платилось нисколько не болѣе, чѣмъ послѣднему; получить для перваго 50 руб. было тоже самое, что для послѣдняго 1 рубль. и

(1) А. И. т. 1. № 165.
(2) А. А. Э. т. 1, № 257.
(3) А. А. Э. т. 2, № 52.
(4) А. И. т. 3, № 92.

слѣдовательно въ дѣйствительности каждый удовлетворялся въ одинаковой мѣрѣ, и честь каждаго считалась одинаково важною. Только честь служилыхъ людей, группировавшихся около князя и отъ него получавшихъ значеніе личности, опредѣляется смотря по тому значенію, которое придается ему волею князя. Это опредѣленіе, встрѣчающееся такъ кратко въ Судебникѣ, получаетъ громадное развитіе въ слѣдующемъ періодѣ нашей исторіи.

Отъ XVI-го и первой половины XVII-го вв. сохранилось у насъ еще нѣсколько памятниковъ, говорящихъ объ оскорбленіяхъ чести.

Въ 1584 году рязанскій епископъ Леонидъ жаловался царю на безчестіе со стороны ростовскаго архіепископа Евфимія, нанесенное ему тѣмъ, что этотъ послѣдній не далъ ему ѣсть изъ одного съ собою блюда. Вмѣстѣ съ этимъ епископъ Леонидъ представлялъ еще другую просьбу: „А о томъ еще, государь, молю и челомъ бью, что насъ богомольцевъ твоихъ, осифовскихъ постриженниковъ, называютъ не осифовляны, но жидовляны. Вступися, царь, оборони отъ такого навѣтнаго и поноснаго слова!“ (1) Въ 1599 году царю доносили, что казакъ Петровъ безчестилъ царевичей (дѣтей сибирскаго князя Кучума) „ласмъ ихъ матерно“ (2). Въ 1582-мъ году игуменъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря доносилъ, что „старецъ Александръ своевольничалъ, ругалъ всѣхъ неподобною бранью, лаялся б.....и дѣтьми, своевольничалъ и оговаривалъ ложью старцевъ и братьевъ“. Игуменъ считаетъ брань эту за безчестье (3). Въ 1608-мъ году ярославскій воевода князь Борятинскій жаловался, что нѣкто Даниловъ „безчестилъ его предъ всѣми людьми, лаялъ и называлъ измѣнникомъ“, и что если государь не оборонитъ его, то ему впредь „у государевыхъ дѣлъ быть нельзя“ (4). Затѣмъ отъ 1609-го года 26-го октября имѣется челобитная слуги боярина Шереметьева Индринко на нѣкоего Семенова. Индринко жаловался на безчестье чрезъ лаяніе и говорилъ какъ онъ на него лаялъ: „б.....ъ сынъ, стадникъ, матерно

(1) А. И. т. 1, № 216.
(2) А. И. т. 2, №№ 12, 13.
(3) А. И. т. 1, № 212.
(4) А. И. т. 2, № 108.

лаялъ, говорилъ, что боярин твой вовсе мнѣ не дорогъ, и потомъ еще лаялъ всякою неподобною лаею“ (1).

Въ 1614 году запрещено было казаковъ, грабившихъ и разбойничавшихъ въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ, называть „казаками“, чтобы этимъ не обезчестить казаковъ, которые служатъ вѣрно царю (2). Въ 1615 году воевода князь Волхонскій писалъ другому воеводѣ Чихачеву слѣдующее: „ты пишешь ко мнѣ „Петръ Ивановичъ“ въ ссылочныхъ грамотахъ, а въ государевомъ дѣлѣ „Ивановичемъ“; а ты Ивановичъ, а язъ Андреевичъ, и то промежъ насъ ссора: отца моего имени не вѣдаешь“ (3). Въ 1633 году архимандритъ Троицко-Сергіева монастыря жаловался, что нѣкій Григорьевъ лаялъ троицкаго старца Тихона и его слугу Опочинина всякою неподобною лаею (4).

Въ 1616 году происходило въ аптекарскомъ приказѣ дѣло объ оскорбленіи иностранца Антона Томсона лекаремъ Елизаромъ Ролантовъ. Дѣло это напечатано вполнѣ, со всѣми показаніями и допросомъ, но о способѣ оскорбленія говорится только слѣдующее: „лаялъ Елизарей всякою неподобною лаею“; затѣмъ ниже Елизарей показалъ, что „матерны-де онъ и никакою неподобною лаею не лаивалъ“. Болѣе точнаго обозначенія словъ—„неподобное лаяніе“ не встрѣчается нигдѣ въ актѣ (5).

§ 68. Таковы свѣтскіе законодательные памятники второго періода нашей исторіи; но кромѣ ихъ дѣйствовало въ то же время въ Россіи еще и право церковное.

Церковь появилась въ русскомъ обществѣ въ X-мъ столѣтіи, и рано же пріобрѣла она у насъ важное значеніе. Благодаря сначала поддержкѣ князей, а потомъ и еще большей поддержкѣ со стороны татаръ, значеніе церкви увеличивается все болѣе и болѣе. Въ числѣ другихъ правъ получаетъ у насъ церковь и право суда надъ многими подчиненными ей лицами по всѣмъ преступленіямъ и надъ всѣми остальными гражданами—по многимъ.

---

(1) А. А. Э. т. 2, № 142.
(2) А. А. Э. т. 2, № 42.
(3) А. А. Э. т. 3, № 58.
(4) А. И. т. 3, № 175.
(5) Акты, относящіеся до юридическаго быта древней Россіи. Изд Калачева, т. 1, № 104.

Церковь, какъ извѣстно, имѣла у насъ еще то громадное значеніе, что была главнѣйшимъ, въ первое время нашей исторіи, проводникомъ образованія и нравственности. Какъ вездѣ, такъ и у насъ, она учила уважать внутреннюю сторону человѣка.

Параллельно съ этимъ вліяла, конечно, церковь и на выясненіе понятія чести и ея оскорбленія. Греческое духовенство, ставшее съ самаго начала во главѣ нашей церкви, было уже, конечно, на столько развито, что правильный взглядъ на преступленія чести не могъ не найти чрезъ него своего развитія.

По отношенію къ первому церковному памятнику, Уставу Владиміра о судахъ церковныхъ, равно какъ и ко второму, Уставу Ярослава о судахъ же церковныхъ, существовали, и даже существуютъ до сихъ поръ, споры въ литературѣ, а именно нѣкоторые изъ изслѣдователей древней русской исторіи отвергали самую подлинность этихъ актовъ. Карамзинъ (1) и Рейцъ (2), наприм., считали ихъ подложными.

Что касается, во 1-хъ, до Устава Владиміра Святого, то возраженія эти, какъ кажется, уже достаточно опровергнуты доводами, представленными митрополитомъ Евгеніемъ (3), г. Погодинымъ (4), архимандритомъ Макаріемъ (5) и, главнымъ образомъ, Неволинымъ. (6)

Если можетъ существовать сомнѣніе, то развѣ только по отношенію ко времени изданія памятника. Самый текстъ относитъ его къ временамъ Владиміра Святого: „Се азъ князь Владиміръ.... съ княгинею Анною....“ и т. д. Но за то дальнѣйшее содержаніе этого текста дастъ возможность и сомнѣваться въ этомъ. Кромѣ того заставляетъ сомнѣваться во времени изданія закона и то обстоятельство, что до вто-

---

(1) Карамзинъ, т. 1, стр. 238, 239 и прим. 506.

(2) Рейцъ. „Опытъ Исторіи Россійскихъ Государственныхъ Законовъ“, § 7.

(3) Митрополитъ Евгеній. „Описаніе Кіево-Софійскаго собора и Кіевской Іерархіи“. Прибавленія, стр. 8-я и слѣд.

(4) Погодинъ. „Изслѣдованія“, т. 1, стр. 263—272.

(5) Архимандритъ Макарій. „Исторія Русской Церкви“, т. 1, стр. 129—138.

(6) Неволинъ. „О пространствѣ церковнаго суда въ Россіи до Петра 1-го“ (Собраніе Сочиненій, т. 6-й, стр. 273 и слѣд.).

рой половины XIII-го вѣка не упоминаютъ о существованіи этого Устава ни древнія свидѣтельства и преданія, ни историческіе памятники и рукописи; при бѣдности ихъ самихъ нельзя было, конечно, ожидать частаго о немъ упоминанія, но указаніе все-таки должно бы, кажется, быть въ такихъ памятникахъ, какъ напр. лѣтопись Нестора. Но этого нѣтъ. Только съ XIII-го в. является уже несомнѣннымъ существованіе этого акта. Защитники Устава относятъ его ко времени княженія святого Владиміра, и стараются опровергнуть всѣ тѣ обстоятельства, которыя говорятъ противъ этого.

Для насъ было бы важно рѣшить вопросъ о времени изданія этого Устава, но, за неимѣніемъ неопровержимыхъ доказательствъ, удовольствуемся тѣмъ, что̀ извѣстно достовѣрно, а именно, что Уставъ этотъ есть памятникъ русскаго церковнаго права и притомъ памятникъ древнѣйшій.

Г. Владимірскій-Будановъ говоритъ объ Уставѣ Владиміра: „Краткая редакція Устава можетъ быть почти несомнѣнно приписана святому Владиміру, между тѣмъ какъ пространная, безъ всякаго сомнѣнія, не принадлежитъ ему“ (*), а составляетъ, слѣдовательно, видоизмѣненіе, произведенное въ позднѣйшее время. Появившись въ греческомъ и римскомъ обществѣ, въ эпоху несравненно бо̀льшаго развитія индивидуальной личности, церковь застала уже тамъ вполнѣ развитые законы о чести. Не таково было значеніе церкви у насъ. Поэтому-то въ греческихъ законахъ мы не видимъ, чтобы церкви принадлежали дѣла о личныхъ обидахъ; въ Россіи же преступленія противъ чести появляются въ церковныхъ законахъ, начиная съ Устава Владиміра.

Къ статьямъ о преступленіи противъ чести, по Уставу Владиміра, относитъ Неволинъ слѣдующіе случаи: 1) похищеніе женщинъ; 2) самовольное оставленіе однимъ супругомъ другого; 3) драка между мужемъ и женою; 4) нарушеніе супружеской вѣрности; 5) неблагопристойная защита мужа женою; 6) нанесеніе побоевъ отъ дѣтей родителямъ, отъ снохи свекрови, и 7) непонятное слово „зубоѣжа“,

(*) Владимірскій-Будановъ. „Христоматія“, стр. 217.

которое Неволинъ переводитъ словомъ— укушеніе (*). Но всѣ эти случаи хотя и слиты отчасти съ понятіемъ объ оскорбленіи чести, тѣмъ не менѣе составляютъ преступленія другой категоріи. Но въ церковномъ уставѣ есть нѣсколько случаевъ и дѣйствительныхъ оскорбленій чести, а именно, во-первыхъ, какъ въ краткомъ, такъ и полномъ изданіи Устава имѣются слѣдующія слова: „уреканье три: б....ю, и зелій, и еретичествомъ", а во-вторыхъ, только въ пространномъ изданіи имѣется и еще болѣе общее запрещеніе: „урѣчется скверными словы и прилагая отца и матерь, или сестры, или дѣти".

Второй памятникъ церковнаго права въ Россіи есть Уставъ, приписываемый Ярославу 1-му. Уставъ этотъ имѣетъ двѣ редакціи: западно-русскую и восточно-русскую. Что касается до первой, то она не признается за дѣйствительную нашими изслѣдователями древняго права (**). Но не таково мнѣніе почтенныхъ знатоковъ исторіи русскаго права по отношенію ко второй, указанной выше, редакціи. Съ дѣйствительностью ея не соглашается одинъ только Карамзинъ; митрополитъ же Евгеній, Морошкинъ, архимандритъ Макарій и Неволинъ стараются доказать подлинность Устава. Но и про этотъ Уставъ должно сказать тоже, что и про Уставъ Владиміра, а именно: ясныхъ свидѣтельствъ о существованіи его нѣтъ до XIV в.; только великій князь Василій Димитріевичъ въ жалованной грамотѣ митрополиту Кипріану, въ концѣ XIV-го столѣтія, упоминаетъ о немъ и приписываетъ его Ярославу 1-му. По общему своему содержанію, Уставъ Ярослава есть непосредственное развитіе Владимірова Устава. Уставъ Владиміра только перечислялъ преступленія, подсудныя церкви; Уставъ же Ярослава разбираетъ ихъ въ отдѣльныхъ главахъ и назначаетъ наказанія. Вообще Уставъ этотъ, по внѣшнему своему характеру, очень схожъ съ „Русскою Правдою". Какъ „Правда", такъ и этотъ памятникъ представляютъ подробное перечисленіе пеней, которыя шли въ пользу князя по первому и въ пользу церкви—по второму памятнику. И вдобавокъ здѣсь

(*) Неволинъ, ibid., стр. 359.
(**) Неволинъ, ibid., стр. 279.

представлены именно такія преступленія, которыя упущены „Русскою Правдою", а именно преступленія противъ цѣломудрія женщины, изнасилованіе, нѣкоторые случаи кражи, напр. кража конопли, льна и всякаго жита и т. д. Это дало поводъ многимъ изслѣдователямъ думать, что Уставъ изданъ былъ Ярославомъ въ одно время съ „Русскою Правдою", что сама „Правда" была дополненіемъ къ церковному уставу (1). „Русская Правда"—говоритъ г. Попозъ—не составляетъ общаго кодекса, обнимающаго юридическую жизнь своего времени, а только одну часть его. „Русская Правда" занимаетъ то мѣсто, которое въ греческомъ номоканонѣ занимаетъ свѣтское законодательство византійскихъ императоровъ. Поэтому-то (говоритъ онъ далѣе) въ „Русской Правдѣ" и не излагаются многія изъ такихъ преступленій, которыя, тѣмъ не менѣе, не могли не считаться за таковыя, какъ напр. преступленія противъ семейнаго права, противъ неприкосновенности женскаго цѣломудрія; отъ этого же и бо́льшая часть рукописей „Правды" найдена въ спискахъ Кормчихъ (2). Этого же мнѣнія держатся и баронъ Розенкампфъ, и Неволинъ (3).

Преступленія, излагаемыя Уставомъ Ярослава, какъ мы сказали уже, въ большинствѣ случаевъ тѣ же, но только въ большинствѣ случаевъ, а далеко еще не всѣ. Такъ, Уставъ Ярослава совершенно выпускаетъ цѣлую массу преступленій противъ церкви, которыя такъ подробно излагаются Уставомъ Владиміра. Какая причина этого? Не та ли, по которой „Русская Правда" не излагаетъ преступленій противъ княжеской власти, а именно, что „Русская Правда" и признаваемый за дополненіе ея Уставъ Ярослава излагаютъ только преступленія противъ частныхъ лицъ?—Не говоря о преступленіяхъ противъ церкви, Уставъ Ярослава не говоритъ и объ урекахіи этими преступленіями. Изъ трехъ случаевъ урекахіи, о которыхъ говорится какъ въ краткомъ, такъ и въ пространномъ спискѣ, а именно уреканіе женщины б....ю, уреканіе зельемъ и еретичествомъ, Уставъ Ярослава говоритъ только о первомъ случаѣ. Статья объ упрекѣ женщины б....ю очень подробна, а именно: „Аже кто

(1) См. напр. Мордвинъ. Примѣчаніе IV къ 387 стр. „Исторіи Рус. Пр." Рейца.

(2) Поповъ. „Русская Правда въ отношеніи къ Уголовному Праву", стр. 18.

(3) Неволинъ., ibid., стр. 359.

зоветъ чужую жену б....ю, то за обиду женъ великихъ бояръ 5 гривенъ золота. да епископу 5 гривенъ, а князь казнитъ, а жену меньшихъ бояръ...“ и т. д. (*)

Уставъ Ярослава, такимъ образомъ, короче, чѣмъ Уставъ Владиміра; здѣсь находимъ мы только одну статью и притомъ объ одномъ случаѣ оскорбленія чести. Но, принимая во вниманіе общую манеру древнихъ юридическихъ сборниковъ высказывать часто не общее опредѣленіе, по отношенію къ преступленіямъ, а выставлять одинъ только случай его,—случай, который затѣмъ уже по аналогіи подводится судьею и подъ другіе подобные,—признавъ это, будетъ возможно допустить, что статья 22-я примѣнялась не къ одному только случаю оскорбленій чести, а ко всѣмъ подобнымъ.

Таковы два первые, древнѣйшіе наши церковные памятники. Краткій обзоръ ихъ показываетъ ясно, что оскорбленія чести являются предметомъ вѣдомства церковнаго суда съ первыхъ церковныхъ сборниковъ, а вѣроятно и со времени перваго признанія за церковью права суда.

Судъ церкви надъ этими преступленіями продолжается долгое время въ нашей исторіи. До насъ дошли многіе юридическіе памятники, доказывающіе, что онъ существовалъ вплоть до Петра I-го, а именно сюда относятся всѣ тѣ акты, которые признаютъ, въ различное время, за дѣйствующіе Уставы Владиміра и Ярослава. Въ концѣ XIV-го вѣка жалованная грамота Василіемъ Дмитріевичемъ митрополиту Кипріану подтверждаетъ оба Устава; Уставъ Ярослава подтверждается, далѣе, Московскимъ Соборомъ 1500-го г., Уставъ Владиміра въ полной своей цѣлости Стоглавымъ Соборомъ 1551 г., гдѣ онъ составляетъ 63-ю главу, и Соборомъ 1667 г., Степенными Книгами митрополитовъ Кипріана и Макарія и нѣсколькими изданіями Кормчихъ. Такимъ образомъ Уставъ Владиміра принимался цѣликомъ въ XV (грам. Кипріану), XVI (Стоглавъ) и XVII вв. (Соборъ 1667 г.). Но этого мало: подсудность церкви преступленій противъ чести подтверждается и нѣкоторыми еще юридическими актами. На первомъ планѣ стоитъ здѣсь постановленіе Собора 1667 г. Признавая, въ началѣ своего из-

(*) Уставъ Ярослава Владиміровича о церковныхъ судахъ, ст. 22.

ложенія, вполнѣ Уставъ Владиміра Святого, Соборъ говоритъ, далѣе, въ частности о судѣ церкви по преступленіямъ противъ чести. Вотъ точныя слова соборныхъ статей 28-го мая 1667 г.: „Дѣла, которыя, по указу святѣйшихъ патріарховъ, вѣдаютъ въ патріаршемъ разрядѣ: кто кого назоветъ в.....ъ, или блудникомъ, или прелюбодѣйцемъ, или инымъ какимъ словомъ; кто кого обезчеститъ, мужескаго или женскаго пола, дерзнетъ рукою за тайные уды; или кто чужую жену опростоволоситъ"... (*) Статья эта представляетъ намъ на столь уже рельефное доказательство того положенія, которое мы защищаемъ, что въ истинѣ его не можетъ быть никакого сомнѣнія. Ясныя слова акта говорятъ, что суду церкви подлежитъ разборъ цѣлаго ряда случаевъ преступленій противъ чести.

Затѣмъ тоже видно изъ дополнительныхъ статей къ Судебнику за 7060 г. (1552 г., апрѣль). Актъ говоритъ, что по указу царя дается порученіе двумъ лицамъ надзирать за духовенствомъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ оно судится своимъ судомъ, затѣмъ, чтобъ оно не безчинствовало, не дралось, и за всѣми христіанами—въ тѣхъ именно случаяхъ, въ которыхъ, какъ намъ извѣстно, судятся міряне духовнымъ судомъ. Актъ говоритъ: „А чтобы христіяне не клялись, вкривь креста не цѣловали, матерны бы не лаялись, отцемъ и матерью сквернымъ рѣчми другъ друга не упрекали и всякими бъ неподобными рѣчми сквернымъ другъ други не укоряли". Далѣе говорится, что всѣ эти дѣла судились церковнымъ судомъ и облагались церковными наказаніями, „по священнымъ правиламъ". Изданъ этотъ актъ, по видимому, вслѣдствіе недовѣрія, возбудившагося у царя къ духовному суду; онъ назначаетъ двухъ своихъ слугъ слѣдить за нимъ (1).

§ 69. Всѣ приведенныя выше мѣста показываютъ намъ, что церковь во всю до-петровскую исторію считала подсудными себѣ словесныя обиды. Не есть ли это одна изъ причинъ слабаго развитія этихъ преступленій въ свѣтскихъ памятникахъ?

Словесныя обиды, какъ видно изъ приведенныхъ выше свидѣтельствъ, запрещались здѣсь не только частными, но и общими постановленіями: запрещается вообще „уреченіе сквернымъ рѣчми", „укоръ рѣчми неподобными".

(1) А. А. Э. т. 4, № 155.
(2) А. И. т. 1, № 154.

Выставляя подобныя опредѣленія по отношенію къ словеснымъ обидамъ, церковь почти не преслѣдовала обидъ реальныхъ; только двѣ или три изъ нихъ упоминаются здѣсь, да и то благодаря особенному своему характеру: а) по постановленію Собора 1667 г., „кто кого обезчеститъ, мужеска или женска пола дерзнетъ рукою за тайные уды“: случай, находившійся въ связи съ защитою, которую оказывала церковь цѣломудренной жизни. b) „Кто чужую жену опростоволоситъ“: женщины находились подъ особою защитою церкви; она предписывала правильный способъ заключенія браковъ, она удалила женщину отъ мужского общества и заперла ее въ терема, позволивши ей являться передъ мужчинами только въ извѣстныхъ случаяхъ, да и то не иначе, какъ въ особаго рода покрывалѣ. Снятіе этого-то вотъ покрывала и признавалось за одинъ изъ случаевъ нарушенія женской стыдливости. c) Наконецъ, въ одной изъ новогородскихъ записей относится къ церковному суду и „аще кто вырветъ бороду, и подтвердятъ это свидѣтели“.

§ 70. Для выясненія взгляда на честь и ея оскорбленія мы представимъ еще нѣкоторыя изъ опредѣленій другихъ славянскихъ народовъ (1), имѣвшихъ одинаковое общественное устройство съ нашими предками во второй періодъ ихъ жизни, а слѣдовательно и одинаковый взглядъ на личность человѣка.

Словесныя оскорбленія чести встрѣчаются въ славянскихъ законодательныхъ сборникахъ еще въ XIII-го столѣтіи; къ числу таковыхъ относятся прежде всего *законы виндольскіе* (2).

Виндолъ (3) до XIII-го вѣка не имѣлъ устава, а жилъ по законамъ своихъ „отацъ и дедъ и всихъ прьвыхъ“. Въ 1288 г. изданъ первый обычный сборникъ.

---

(1) Самый разумный методъ изученія русскаго права, методъ, который одинъ только можетъ привести къ дѣйствительнымъ результатамъ, есть изученіе его сравнительно съ правами другихъ славянскихъ народовъ. Методъ этотъ, давно сознанный ясно нѣмцами при изученіи своего права, тѣмъ не менѣе слабо еще сознается нами, а малое количество изданій на русскомъ языкѣ славянскихъ обычныхъ сборниковъ дѣлаетъ это даже трудно выполнимымъ.

(2) Изслѣдованіе этихъ законовъ см. у Леонтовича. „Древнее Хорвато-Далмацкое Законодательство“ въ Запискахъ Имп. Новоросс. Унив. 1868 г., т. 1-й, вып. 3 и 4, стр. 14—52.

(3) Виндолъ—приморская часть Хорватской земли, упоминаемая въ исторіи еще въ XIII-мъ вѣкѣ.

Сборникъ 1288 года знаетъ уже о словесныхъ оскорбленіяхъ чести. Поврежденіе члена, нанесеніе ранъ, побоевъ и толчковъ отличается отъ простой брани (бранене, псость езика). При наказаніи различаются княжескіе люди, за обиду которыхъ платилось 50 либръ (около 40 гривенъ) общественной пени съ частною полувирою, отъ всѣхъ остальныхъ гражданъ, обкинскихъ (общинныхъ) людей, называвшихся „кмети". Хотя къ кметямъ относились и племенитные люди, и попы, и вообще мірскіе люди, но, тѣмъ не менѣе, наказаніе за обиду для всѣхъ было одинаково—2 либра. За обиды женщинъ—усиленныя пени (1).

Словесныя личныя обиды извѣстны были и въ „Законѣ града Загреба" (2), изданномъ въ первый разъ еще ранѣе Виндольскихъ законовъ, а именно въ 1242 г. Статутъ 1242 г. различаетъ уже нанесеніе ранъ, побоевъ отъ другихъ личныхъ обидъ—vituperium, opprobrium, contumelium, alapra и пр. (3). Статутъ этотъ очень важенъ для насъ тѣмъ, что выставляетъ особое преступленіе, а именно calumnia, состоявшее, по объясненію г. Леонтовича, „въ обвиненіи *безъ лица*, предъявлявшееся судебнымъ порядкомъ противъ лицъ, непойманныхъ на преступленіи, но обвиняемыхъ въ его совершеніи на основаніи различныхъ доказательствъ. Въ Статутѣ требуется, чтобы поклепъ былъ доказанъ; уличенный въ ложномъ, недоказанномъ обвиненіи наказывается" (4).

Статутъ града Загреба принимаетъ латинскіе термины, но взгляды его на преступленіе, какъ увидимъ ниже, чисто-славянскіе.

Наконецъ, изъ законовъ хорвато-далмацкихъ укажемъ еще на Полицкій Статутъ.

Полица (5), благодаря своему горному положенію, долго жила изолированною жизнью и тверже другихъ народовъ удерживала у себя себя старинные обычаи. Законы ея, извѣстные подъ именемъ Полицкаго Статута, яви-

(1) Леонтовичъ, ibid., стр. 28.
(2) Тоже изъ хорвато-далмацкихъ земель.
(3) Леонтовичъ, ibid., стр. 57.
(4) Леонтовичъ, ibid., стр. 59.
(5) Союзъ горныхъ общинъ, находившихся въ генеретномъ округѣ Сплато (Леонтовичъ, ibid., стр. 62).

лись поэтому не рано: первая редакція ихъ издана до начала XV в., но когда именно—неизвѣстно.

По отношенію къ личнымъ оскорбленіемъ, различаетъ Статутъ увѣчье, побои отъ другихъ личныхъ обидъ, къ числу коихъ относитъ—„скубана“ (ако би тко ухитио и скубао за власе), „затачь“ (толчки) и „псость“ (ругательство). Увѣчье носитъ техническое названіе „груботы“, а обида—„срамоты“. Обида считается болѣе тяжкою, если она нанесена кому-либо на „зборѣ“ (народной сходкѣ) и передъ княземъ. Наказанія были денежныя пени.

Изъ чешскихъ законовъ сохранился до насъ между прочимъ „Законникъ пана Андрея Сдубе“, изданный въ 1343 г. „Если кто назоветъ другого холопомъ, говоритъ § 89-й этого сборника, и это будетъ объявлено чиновнику, тогда тотъ, кого назвали холопомъ, можетъ сказать передъ начальствомъ, что обидчикъ солгалъ, и если этотъ послѣдній смолчитъ, то его наказываютъ сообразно съ требованіемъ обиженнаго“ (1).

Изъ законовъ сербскихъ имѣемъ мы полный Сборникъ, изданный царемъ Стефаномъ Душаномъ 21-го мая 1349 г. и дополненный въ 1354-мъ году (2).

Законникъ выставляетъ прежде всего реальныя обиды и на первомъ планѣ—вырваніе волосъ изъ бороды. „Кто вырветъ волосы изъ бороды властелина (лица, правившаго городомъ и областью по праву собственности), (3) или добраго человѣка, то обрубить ему обѣ руки (97). Если схватятся за бороду два серба, то пеня за это 6 перперовъ (98)“. Затѣмъ нѣкоторые виды реальныхъ обидъ упомянуты еще въ 168-й статьѣ: „если задереть или шапку сбросить, или нанесетъ другое оскорбленіе“.—При словесныхъ оскорбленіяхъ чести отличаютъ бранныя слова отъ тѣхъ, которыя не только бранятъ, но и срамятъ, т. е. унижаютъ въ глазахъ другихъ. „Если властелинъ скажетъ бранное слово, то платитъ 100 перперовъ; если же это будетъ не властелинъ, то—12 перперовъ, и да будетъ битъ палками (85); за брань святителя, или монаха, или попа—100 перперовъ (95)“. Эти послѣднія главы оза-

(1) См. Чешскій Архивъ за 1842 г., стр. 508.
(2) См. Законникъ Душана, изданный Зигелемъ.
(3) Зигель, ibid., стр. 20.

главлены „О брани“ (о нсоти). Но кромѣ того Законникъ знаетъ еще нѣсколько другихъ главъ, трактующихъ „О поношеніи“ (о пьсованіи), а именно ст. 49-я гласитъ: „Властелинъ, который выбранитъ и осрамитъ властеличича (владѣльцы земель и городовъ, но не по праву собственности, а по дарованію отъ князя), да платитъ 100 перперовъ, а если властеличичь выбранитъ властелина—100 перперовъ, и да будетъ битъ палками“. Въ ст. 54-й говорится: „Если сербъ (не властелинъ, свободный простолюдинъ, мелкій землевладѣлецъ) (*) выбранитъ властелина—100 перперовъ и да заклеймится, если же властелинъ и властеличичь серба—100 перп.“ Статьи 49-я и 54-я, по видимому, мало отличаются отъ 85-й и 95-й, но тѣмъ не менѣе нельзя не признать и различія между ними, иначе не зачѣмъ было бы законодателю постановлять нѣсколько статей. Мы полагаемъ, что различіе это ясно видно изъ заглавія: первыя двѣ статьи говорятъ только о брани, вторыя о брани, имѣющей цѣлью поношеніе или, какъ сказано въ 49-й ст., осрамленіе, т. е. униженіе въ глазахъ другихъ. Наконецъ, есть еще одна глава, а именно „О посрамленіи судьи“: „кто окажется осрамляющимъ судью, если будетъ властелинъ, да отымется у него все, если же—село, да будетъ разграблено и раззорено“.

§ 71. Таковы источники права, дающія намъ возможность выяснить взглядъ на честь и ея оскорбленіе у нашихъ предковъ во второй періодъ ихъ исторіи. Чтобы болѣе уяснить себѣ это, посмотримъ теперь на самую жизнь тогдашняго общества.

Человѣкъ никогда не можетъ развиваться изолированно: человѣкъ есть животное общественное. Отсюда является стремленіе людей сомкнуться въ извѣстные кружки лицъ, въ извѣстныя общественныя единицы.

Подобное соединеніе людей бываетъ не однообразно: уже одно сравненіе жизни германскихъ и нашихъ славянскихъ народовъ указываетъ на два разнородные общественные союза. Тогда какъ жизнь германца проходила въ сословіи, жизнь славянина текла въ общинахъ.

(*) Зигель—въ примѣч. къ § 52.

Общественный бытъ есть явленіе, сродное всѣмъ славянскимъ народамъ. „Жизнь сербовъ, говоритъ г. Ранке, протекаетъ въ общинахъ, основывающихся гораздо болѣе на взаимномъ договорѣ, чѣмъ на родствѣ или одинаковости происхожденія“ (1). Въ жизни сербовъ до настоящаго времени сохранились, говоритъ авторъ статьи „О бытѣ сербовъ“ (2), слѣды первоначальнаго быта славянъ: совершенное равенство гражданъ, характеръ патріархальности въ управленіи общественными дѣлами и стремленіе къ общительности. Государственное устройство хорватскихъ народовъ было тоже общинное. Виндолъ былъ ничто иное, какъ союзъ небольшихъ общинъ, управлявшихся, какъ говоритъ г. Леонтовичъ (3), по примѣру новогородскихъ и псковскихъ общинъ; это были старые славянскіе жупы, называемые „обкинами, оптинами“. Полица, защищаемая горами, развила общинное устройство на самыхъ широкихъ началахъ народоправства. Также жили и всѣ другіе славянскіе народы, также жили и наши предки.

Общинный бытъ, какъ доказывается всѣми новѣйшими изслѣдователями, былъ отличительною чертою всей нашей исторіи. Еще въ „Русской Правдѣ“ „вервь“ имѣетъ громадное значеніе; значеніе это продолжается и развивается во всю исторію; до XVI-го и даже до XVII в. было полное господство общиннаго быта. Только съ этого времени начинается ломка нашего народнаго строя жизни; ломка продолжается два столѣтія и все-таки не достигаетъ полнаго результата: община одерживаетъ перевѣсъ и въ настоящее царствованіе получаетъ свое признаніе. „Община подавлена, разбита, говоритъ г. Бѣляевъ, въ городахъ и въ высшихъ слояхъ общества, но въ селахъ и деревняхъ, среди чисторусскихъ людей она не умерла еще до сихъ поръ“ (4).

Какое же значеніе имѣла община на Руси?—По предположенію г. Чичерина, значеніе это было исключительно только финансовое или хозяйственное (5). Г. Бѣляевъ, въ разборѣ статьи г. Чичерина, доказываетъ, и притомъ вполъ-

(1) Ранке. „Исторія Сербіи“, стр. 44.
(2) Ж. М. И. Пр. 1856 г., IV, стр. 92.
(3) Леонтовичъ. „Древнее Хорвато-Далматское Законодат.“, стр. 14.
(4) Бѣляевъ. „О круговой порукѣ въ Россіи“.
(5) Чичеринъ. „Сельская община на Руси“.

нѣ ясно, противное. Община не только завѣдывала финансовыми дѣлами своихъ членовъ, но защищала свои земли, могла мѣнять ихъ, вела судъ надъ своими сочленами (1), отвѣчала въ уголовномъ судѣ передъ выборными судьями, платила всѣ подати, отправляла военную службу (2). Община имѣла своихъ выборныхъ во всѣ должности: выбирала она и низшихъ должностныхъ лицъ, напр. тюремныхъ цѣловальниковъ и тюремныхъ стражей, выбирала затѣмъ и судей, и десятскихъ, и старостъ, и священниковъ, и поповскихъ десятниковъ (3), выбирала, далѣе, и намѣстниковъ, выбирала наконецъ и князей. „Община не могла имѣть одно хозяйственное значеніе: въ общинѣ проходила вся жизнь лица, она лежала въ самомъ духѣ народа, въ складѣ русскаго ума, который не любитъ и не понимаетъ жизни внѣ общины“ (4). „Община, говоритъ г. Лешковъ, не ограничивалась охраненіемъ одной безопасности, а расширялась на весь общественный бытъ русскаго народа“ (5). Въ общинѣ только получалъ право русскій гражданинъ. „Внѣ общины не было права, продолжаетъ г. Лешковъ; члены общины, зависѣли во всемъ отъ нея, она сообщала членамъ права и налагала за то на нихъ обязанности“ (6). Но выше уже указали мы на особую отличительную черту нашей русской исторіи. Еще при родовомъ бытѣ признавали наши предки правá и за членами другихъ родовъ и даже за чужестранцами; еще тогда возможны были переходы изъ рода въ родъ. Во второй періодъ, при господствѣ общиннаго быта, подобные переходы дѣлаются постоянными. Г. Чичеринъ полагаетъ, что отсутствіе осѣдлости было прямымъ отрицаніемъ общиннаго быта. Но мы думаемъ, что переходы крестьянъ съ мѣста на мѣсто не только не противорѣчили общинному быту, но наоборотъ были даже естественнымъ результатомъ его. Община, какъ ассоціація, основанная единственно на договорѣ, должна представлять неизбѣжно право свободнаго выхода и пріема въ нее членовъ; право это дол-

(1) Бѣляевъ. „Исторія развитія сельской общины“.
(2) Бѣляевъ. „О круговой порукѣ въ Россіи“.
(3) См. примѣры въ Юрид. Актахъ, издан. Калачевымъ, въ № 3, 4, 5, 7, 1 и др.
(4) Бѣляевъ. „Исторія сельской общины“.
(5) Лешковъ. „Русскій народъ и государство“, стр. 122, 123.
(6) Лешковъ, ibid., стр. 128.

жно имѣть тамъ широкое развитіе, и вотъ результатомъ-то его и были переходы крестьянъ. Въ свою очередь это было яснымъ выраженіемъ взгляда нашего общества на личность человѣка: права гражданскія признавались не за одними только сочленами: считалось возможнымъ признать тоже и за всякимъ другимъ лицомъ, пожелавшимъ вступить въ общину.

§ 72. Изъ подобнаго устройства общиннаго быта и взгляда на личность человѣка вытекалъ и взглядъ на честь. Честь признавалась вполнѣ только за членами общины; въ общинѣ получало лицо всѣ права, въ общинѣ получало оно и свою честь. Лицо признавало за собою честь не столько потому, что оно считало себя за человѣка, не потому — какъ было въ послѣдующій періодъ — что честь далъ царь, а потому, что оно было членомъ общины. Отъ этого же и честь въ этотъ періодъ должна была имѣть особый характеръ: на нее должно было смотрѣть какъ на доброе имя, какъ на доброе мнѣніе со стороны согражданъ. Доброе имя было важно для каждаго лица: живя внутри общины, каждый членъ дорожилъ имъ. Доброе мнѣніе согражданъ было въ особенности важно потому, что за членами общины признавалось право удалить тѣхъ лицъ, которыя кажутся имъ нечестными, и даже предавать ихъ на судъ князя, какъ преступниковъ. „Община, говоритъ г. Бѣляевъ, объявляетъ кто въ ея предѣлахъ лихіе люди, за кого она ручается, и, по этому объявленію, таковыхъ лицъ, лишенныхъ общественнаго поручительства, брали подъ арестъ и пытали, хотя бы на нихъ не было истцовъ. Мало этого: оговоренный языкомъ и лишенный поручительства общины или названный лихимъ человѣкомъ предается казни, хотя бы съ пытокъ самъ и не сознался въ преступленіи“ (1).

(1) Бѣляевъ: «Круговая порука».—Это видимъ мы по многихъ судебныхъ актахъ, эти начала развиваетъ и Судебникъ. Г. Калачевъ («Угол. Право по Судебнику», стр. 388) говоритъ: «Лучшимъ средствомъ признать виновность лица считался повальный обыскъ; если при обыскѣ называли извѣстное лицо лихимъ человѣкомъ, то такого оговоренаго подозрѣвали уже въ преступленіяхъ, хотя бы даже молва не обвиняла его прямо въ этомъ, а просто была неблагопріятна для него, называя его только вѣдомымъ лихимъ человѣкомъ»... Затѣмъ тѣ же начала изложены въ постановленіяхъ о разбойныхъ и татебныхъ дѣлахъ 1605 года и въ другихъ актахъ.

Но не смотря на подобный взглядъ на честь, это послѣднее благо не могло все-таки у насъ принять ту форму, какую имѣло оно въ Западной Европѣ. Особенности нашего быта дозволяли лицу, которымъ были недовольны его сограждане, уйти изъ этой общины и поступить на такихъ же точно правахъ въ члены другой. Этого не могло быть у германцевъ въ періодъ ихъ сословнаго быта. Отъ этого честь, хотя и была у насъ дорогимъ благомъ, не перешла въ подобное ненормальное болѣзненное состояніе, какое мы видѣли въ средневѣковомъ, германскомъ правѣ; отъ этого же между прочимъ не развились у насъ и дуэли.

Характеръ чести, какъ уваженія со стороны сограждан, проглядываетъ во всѣхъ приведенныхъ нами законодательныхъ сборникахъ. По отношенію къ „Правдѣ“ мы сдѣлали уже подобный выводъ; мы видѣли, что въ ней наказывалось, напр., строго вырваніе бороды, какъ внѣшняго признака уваженія лица. Бороду постоянно берегли наши предки. „Чѣмъ длиннѣе была борода, говоритъ г. Костомаровъ (*), тѣмъ осанка человѣка считалась почтеннѣе и величественнѣе.... Подъ вліяніемъ церкви, борода особенно долго сохранялась и почиталась собходимою принадлежностью человѣка, и если у кого отъ природы не росла борода, къ тому имѣли недовѣріе и считали способнымъ на дурное дѣло“. Не понятно ли, при такомъ взглядѣ, то, что бороду защищали не только свѣтскіе памятники (наприм. Псковс. Суд. Грам.), но и церковные законы, Законникъ Душана и т. п.? Въ нѣкоторыхъ изъ указанныхъ нами выше свидѣтельствъ юридическихъ памятниковъ особенно ясно высказывается тотъ же взглядъ на оскорбленіе чести. Князь Борятинскій жаловался, что Даниловъ его безчестилъ предъ всѣми людьми, лаялъ, называлъ измѣнникомъ, и что если государь не защититъ его, то ему, Борятинскому, и служить нельзя. Казаки считаютъ обидою для нихъ названіе казаками воровъ.... Еще яснѣе видно это въ нѣкоторыхъ изъ славянскихъ законахъ: Полицкій Ста-

(*) Костомаровъ „Очерки жизни и нравовъ великорусскаго народа“. Соврем. 1860 г., апрѣль, стр. 303.

тутъ называетъ обиду техническимъ словомъ „срамоты“; срамота увеличивается, если ее наносятъ въ „зборѣ“ и „передъ княземъ“.—Законникъ Душана отличалъ бранныя слова отъ словъ поносительныхъ, словъ, которыми не только бранятъ лицо, но и „срамятъ“, унижаютъ его въ глазахъ другихъ.

Таковъ главнѣйшій характеръ чести. Но, само-собою разумѣется, высказывался и иной взглядъ: на практикѣ считалось оскорбительною и простая брань. Наши предки въ разбираемую эпоху были, конечно, мало развиты въ умственномъ отношеніи, и не только низшіе, но и высшіе классы находились въ подобномъ состояніи. Отъ этого-то въ средѣ ихъ казалось унизительнымъ, безчестнымъ то, что съ точки зрѣнія человѣка развитаго далеко не было бы такимъ. Безчестнымъ было не бить жену; грубое обращеніе съ нею не только не считалось предосудительнымъ, но напротивъ вмѣнялось мужу въ нравственную обязанность (1). Чтобы считаться достойнымъ уваженія, какъ отцу семейства, необходимо было суровѣе обращаться съ дѣтьми (2). Если женихъ оставлялъ невѣсту, то онъ не долженъ былъ говорить, что онъ состоялъ ея женихомъ, иначе родные невѣсты жаловались суду на безчестіе. Жалоба на безчестіе могла быть даже и тогда, когда женихъ не говорилъ ничего дурного про невѣсту: одно уже то, что онъ оставилъ ее, могло унизить эту послѣднюю въ глазахъ другихъ и считалось достаточнымъ основаніемъ для жалобы на безчестіе (3). Господа измѣряли честь и значеніе свое огромнымъ количествомъ дворни (4).

Слабое же развитіе производило въ средѣ нашихъ предковъ массу предразсудковъ и странныхъ, на нашъ взглядъ, обычаевъ, а все это вліяло и на понятіе чести. Князь Волхонскій считаетъ обидою то, что его назвали Ивановичемъ, а не Андреевичемъ. Епископъ Леонидъ просилъ наказать за безчестье епископа Евфимія за то, что послѣдній не хотѣлъ ѣсть съ нимъ изъ одного блюда.

---

(1) Костомаровъ, ibid., стр. 336.
(2) Костомаровъ, ibid., стр. 340.
(3) Костомаровъ, ibid., стр. 343.
(4) Костомаровъ, ibid., стр. 508.

Наконецъ, въ каждомъ неразвитомъ народѣ живетъ много излишнихъ церемоній; несоблюденіе ихъ признаётся тоже обидою.

Плохо сознаваемое нашими памятниками различіе видовъ оскорбленій чести представляется совершенно-яснымъ въ сербскомъ законодательномъ сборникѣ XIV-го столѣтія—въ Законникѣ Душана. Законникъ говоритъ въ различныхъ статьяхъ о двухъ способахъ оскорбленій чести: о брани (о псоти) и о поношеніи (о пьсованіи); при первомъ способѣ оскорбленія чести только „бранятъ“, при второмъ—„бранятъ и срамятъ“. Первый видъ оскорбленія чести наказывается слабѣе второго.

§ 73. Изъ всего изложеннаго выше мы можемъ сдѣлать выводъ по отношенію къ тому вопросу, который составляетъ задачу настоящаго изслѣдованія, а именно выяснить понятіе клеветы (*) по взгляду нашихъ предковъ во второй періодъ ихъ исторіи.

Первый вопросъ, который возникаетъ здѣсь, состоитъ въ томъ: признавалось ли то дѣяніе, которое называемъ мы въ настоящее время клеветою, за преступленіе?

Приведенное выше разъясненіе оскорбленія чести ясно отвѣчаетъ на этотъ вопросъ: хотя клевета и не была еще выдѣлена въ эту эпоху, какъ самостоятельное преступленіе, но, тѣмъ не менѣе, тѣ дѣянія, которыя называемъ мы въ настоящее время клеветою, считались преступленіемъ и во второй періодъ нашей исторіи.

Какія же условія требовались отъ униженія лица въ глазахъ другихъ для того, чтобы признать это послѣднее преступнымъ оскорбленіемъ чести?

(*) Слово «клевета» упоминается въ нашихъ памятникахъ и въ лѣтописяхъ, но имѣетъ тамъ не то значеніе, какое придаемъ мы ему въ настоящее время. Такъ, въ Кормчей говорится: «Клеветницы, аще оклевещутъ кого, да осуждены будутъ тою же страстію». «Про всяку прю и клеветы и шепты .....» говоритъ узаконеніе царя Константина. Въ обоихъ этихъ случаяхъ клевета обозначаетъ, какъ мы увидимъ ниже, «лживый доносъ». Въ этомъ же, вѣроятно, смыслѣ употребляется это слово и въ лѣтописяхъ; напр. въ лѣтописи подъ лѣтомъ 6,544-мъ сказано: «Въ се же лѣто посади Ярославъ Судиславa въ порубъ, брата своего, Плесковѣ: оклеветаша къ нему».

Представить всѣ условія этого преступленія, при нелясности самаго понятія чести, конечно, очень трудно; условія эти не были еще опредѣлены въ законѣ, и поэтому субъективное чувство отдѣльнаго обиженнаго давало возможность требовать наказанія за безчестье тамъ, гдѣ, можетъ быть, большинствомъ общества не признавалось такового; но, тѣмъ не менѣе, до нѣкоторой степени можно все-таки указать на характеристическія особенности тогдашняго взгляда.

§ 74. Прежде всего для понятія клеветы въ теченіе второго періода требовалось *униженіе* лица *въ глазахъ другихъ*; требовалось высказать „поносительныя и навѣтныя“ слова. Это первое условіе клеветы и не могло не признаваться; предыдущее положеніе подтверждаетъ тоже. Но болѣе сомнительнымъ представляется: существовала ли обида при обвиненіи за-глаза, въ отсутствіе обижаемаго, или же безчестьемъ могло считаться только то, что высказано въ-глаза лицу?

Всѣ приведенные выше случаи указываютъ на униженіе лица въ его присутствіи.

Реальныя обиды наносились, конечно, всѣ въ присутствіи обиженнаго. Что же касается до обидъ словесныхъ, то по отношенію къ нимъ или прямо указывается, что онѣ наносятся въ присутствіи обиженнаго, или же говорится такъ смутно, что нельзя рѣшить опредѣленно: примѣрами послѣдняго могутъ служить, напр., слова церковныхъ уставовъ или слова соборныхъ статей 1667 г.: „кто кого назоветъ прелюбодѣйцами“ и т. д.; также точно и донесеніе игумена Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, что старецъ Александръ безчеститъ братьевъ, „оговаривая ихъ ложно“; или жалоба епископа Леонида на то, что ихъ называютъ „жидовляне“; наконецъ, сюда же относится и нѣсколько случаевъ лаянія „неподобною лаею“. Но кромѣ этого въ нашихъ актахъ есть нѣсколько случаевъ, гдѣ говорится, по видимому, о безчестіи за-глаза. Такъ, напр., съ перваго взгляда представляется это въ жалобѣ слуги боярина Шереметьева отъ 1609 г., гдѣ признаются безчестьемъ слова: „боярин твой мнѣ вовсе не дорогъ“, слова, сказанныя въ отсутствіи боярина. Но внимательное прочтеніе этого дѣла показываетъ, что здѣсь идетъ рѣчь не объ обидѣ, нанесенной отсутствующему боярину, но объ обидѣ, наносимой слугѣ чрезъ униженіе его господина. Затѣмъ князь Борятинскій считаетъ безчестьемъ для себя

названіе его предъ многими людьми измѣнникомъ; но въ дѣлѣ не видно, чтобы при этомъ не присутствовалъ и самъ Борятинскій. Только два случая говорятъ яснѣе о заглазной обидѣ, а именно: казаки признаются обезчещенными тѣмъ, что разбойниковъ, грабившихъ Бѣлозерскій уѣздъ, называютъ „казаками“. Но случай этотъ совершенно исключительный: здѣсь нѣтъ и попытки унизить казаковъ, служащихъ вѣрно царю; да въ дѣлѣ и не видно, вдобавокъ, чтобы сами казаки признавали въ этомъ для себя безчестье; здѣсь представляется не жалоба ихъ, а приказъ царя называть разбойниковъ инымъ именемъ. Наконецъ, сохранилась жалоба князя Волхонскаго на названіе его въ грамотахъ, посылаемыхъ, вѣроятно, не къ нему, „Иванычемъ“. Но куда бы ни посылались эти грамоты, нельзя еще признать дѣйствительнаго униженія чести въ этомъ случаѣ.

Итакъ въ нашихъ актахъ нѣтъ ни одного случая, гдѣ бы заглазное обвиненіе признавалось дѣйствительнымъ оскорбленіемъ чести. Нѣтъ подобныхъ случаевъ и въ приведенныхъ выше нами законахъ другихъ славянскихъ народовъ. Обвиненіе „безъ лица“ (calumnia), по Закону града Загреба, считается преступленіемъ только тогда, когда оно представляется судебнымъ порядкомъ. Въ Законникѣ Душана представляется рядъ статей „о поношеніи“, но и тамъ не видно ни одного случая обвиненія въ отсутствіе обижаемаго; напротивъ, точный смыслъ первой изъ статей о „поношеніи“, а именно статьи 49-й, показываетъ, что оскорбленіе должно быть въ связи съ бранью: „кто выбранитъ и (а не или) осрамитъ“.... Законъ папа Андрея Сдубе представляетъ слѣдующія характеристическія слова: если кто назоветъ холопомъ, и это будетъ объявлено чиновнику, тогда тотъ, кого назвали такъ, можетъ сказать, что это неправда, и если назвавшій смолчитъ, т. е. какъ бы повторитъ въ присутствіи оговореннаго свои слова, тогда только поступокъ считается обидою.

Всѣ приведенныя выше мѣста и тщательный просмотръ всѣхъ остальныхъ памятниковъ не представляютъ намъ, такимъ образомъ, ни одного случая признанія безчестья за заглазнымъ обвиненіемъ лица. Чѣмъ объяснить это молчаніе? Неполнотою памятниковъ; но вѣдь если принять въ соображеніе одни только наши русскіе свѣтскіе памятники,

то, пожалуй, еще можно было бы сдѣлать такой выводъ; приложивъ же къ нимъ русскіе церковные законы и въ особенности законы чешскіе, хорватскіе, сербскіе, мы врядъ ли можемъ пожаловаться на недостатокъ статей. Намъ кажется, что это возможно объяснить только тѣмъ, что обвиненіе за-глаза не признавалось преступленіемъ.

Только въ двухъ случаяхъ видимъ мы исключеніе.

Во 1-хъ, обвиненіе, высказываемое по отношенію къ царю. До насъ сохранилось, напр., дѣло о нѣкоемъ Иванѣ Берсенѣ (1), обвиняемомъ въ томъ, что онъ говоритъ многіе факты, обидные для чести царя и патріарха, съ-глазу на-глазъ доносчику. Дѣло это относилось къ 1575 г., ко времени царствованія Іоанна Грознаго. Въ эту эпоху, эпоху постоянныхъ пытокъ и казней, примѣровъ такихъ, по словамъ исторіи, было не мало. Обида признавалось и при заглазномъ обвиненіи царицы; напр., въ 1651 г. псковскіе воеводы донесли, что Гришка Тряпесоломинъ говорилъ непристойныя рѣчи про царицу. Царь предписалъ казнить виновника, вырѣзавъ ему языкъ и сославъ со всѣмъ семействомъ въ Новгородъ (2). — И такъ, съ усиленіемъ царской власти, выдѣляется у насъ особое преступленіе — оскорбленіе заглазное царя. Еще большее развитіе этого преступленія относится къ третьему періоду нашей исторіи, когда начинаютъ пытать въ тайномъ преображенскомъ приказѣ за каждое лишнее слово противъ особы царя.

Во 2-хъ, во весь второй періодъ признается у насъ преступленіемъ такъ-называемый „лживый доносъ“.

Порядокъ суда въ теченіе разсматриваемаго періода былъ обвинительный; лицо бралось на судъ при обвиненіи его кѣмъ-либо изъ своихъ согражданъ; заявлять о преступникѣ имѣлъ право каждый, и кѣмъ бы ни оговаривалось лицо, хотя бы и преступникомъ же, его брали и пытали (3). При подобномъ порядкѣ суда лживые оговоры могли быть постоянные, и мы дѣйствительно встрѣчаемъ ихъ массу въ юридическихъ актахъ. Въ костромской тюрьмѣ сидѣлъ (въ началѣ XVII в.) разбойникъ Васька Щербакъ, который въ

(1) А. А. Э. т. 1, № 172.
(2) А. И. т. 4, № 180.
(3) См., напр., выписки изъ постановленій о разбойныхъ и татебныхъ дѣлахъ за 1605 г., а также и оба Судебника.

теченіи шести лѣтъ то и дѣло указывалъ на различныхъ лицъ, какъ на преступниковъ; онъ самъ сознался, что обвинялъ очень многихъ напрасно, иныхъ изъ недружбы, а съ иныхъ вымапивалъ хлѣбъ и деньги, обѣщая иначе оклепать ихъ (1). Для пытки достаточно было одного извѣта, хотя бы и на пустое преступленіе, и притомъ пытали не легко. Въ 1601-мъ г. церковный дьячекъ Ончика Кичимовъ жалуется на крестьянина Тренку Васильева, сына Талева, что онъ, Тренка, напустилъ икоту на его жену. Тренка не сознался, и его безъ допроса окольныхъ людей пытали слѣдующимъ образомъ: „на пыткѣ пытали, и огнемъ жгли, и на пыткѣ три встряски были, и кинули въ тюрьму“ (2).

Конечно, подобное аномальное явленіе, какъ жестокія пытки, явилось на нашей почвѣ позднѣе, благодаря прежде всего татарамъ, а потомъ нѣкоторымъ царямъ; но существованіе частыхъ лживыхъ доносовъ и признаніе ихъ за безчестье было и въ болѣе раннюю эпоху.

Въ церковныхъ законахъ преступленіе это явилось впервые и получило тамъ названіе „клеветы“, „шепты“. Въ Кормчей Книгѣ говорится: „клеветницы, аще оклевещутъ кого, да осуждены будутъ тою же страстію“ (3). Въ такъ-называемыхъ „Указаніяхъ Царя Константина“ сказано: „Во всяку прю и клеветы и шепты достоитъ князю и судіи не послушати без свидѣтель многъ, но глаголати къ соперникомъ и клеветникомъ и шепотникомъ, аще не поставите послуховъ, яко же законъ божій велитъ пріяти тоу же казнь, чайте уже и на друга глаголете: божій законъ тако велитъ“ (4).

Затѣмъ преступленіе „лживый доносъ“ получаетъ еще бо́льшее развитіе въ свѣтскихъ памятникахъ и въ особенности въ Судебникахъ. Здѣсь говорилось, напр: „Кто учнетъ бити челомъ на судью или подъячаго.... что взялъ на немъ сверхъ пошлинъ лишекъ... того казнити“ (ст. 8; тоже и въ 6-й ст., и въ 33 ст.). Наконецъ, въ нашихъ лѣтописяхъ сохранилось и нѣсколько дѣлъ по этому: подъячій Айгустовъ

---

(1) А. И. т. 3-й, № 167.
(2) А. И. т. 2, № 66.
(3) Корм. Книга, т. II, л. 73.
(4) Русскія Достопамятности, ч. II, стр. 145.

доводилъ на дьяка Щелканова многія лихія дѣла. Айгустовъ сознался, что говорилъ невѣрно; тогда государь повелѣлъ взять Щелканову съ него „безчестья“ 600 рублей (1). Въ мартѣ 1582 года докладывали царю Ивану Васильевичу, что „многіе холопи боярскіе ябедами и кромолами люди проторятъ, въ судахъ лгутъ и говорятъ не по дѣлу, помнивая иныя прежнія дѣла и лаю; и тѣмъ злымъ людямъ казни нѣтъ: и государь царь что въ томъ укажетъ?“ Велѣдствіе сего велѣно было: „въ судѣ будетъ говорить не по дѣлу, и того не слушати и не писати, а будетъ лаялъ кого прежнимъ дѣломъ, то по тому жъ не писати, а не докажетъ чимъ лаялъ, ино его бивъ кнутьемъ доправити безчестье безъ суда“ (2).

Примѣры признанія преступленіемъ фальшиваго доноса начальству видимъ мы и въ Законѣ града Загреба, гдѣ ясно выставляется преступленіе calumnia, объясняемое г. Леонтовичемъ какъ ложное обвиненіе безъ лица, представленное судебнымъ порядкомъ противъ лицъ, непойманныхъ въ преступленіи, но обвиняемыхъ въ его совершеніи на основаніи различныхъ доказательствъ. Примѣръ сего видимъ и въ приводимой выше статьѣ закона пала Андрея Сдубе.

И такъ униженіе лица въ глазахъ другихъ тогда только и считалось преступленіемъ, когда оно произносилось въ присутствіи обижаемаго; исключенія были только по отношенію къ оскорбленію верховной власти и къ фальшивому доносу начальству.—Чѣмъ же объяснить такого рода явленіе, отчего не считалась преступленіемъ заглазная клевета? Объясненіе этому слѣдуетъ искать въ особомъ характерѣ тогдашняго общества и въ уваженіи со стороны его личности гражданина. Общественный бытъ второго періода нашей исторіи основывался единственно на довѣріи; личность считалась членомъ общества до тѣхъ только поръ, пока ей довѣряли остальные сочлены; разрушеніе этого довѣрія вело къ необходимости оставить это общество и искать себѣ другое мѣсто жительства. При подобномъ строѣ жизни личность человѣка уважалась у насъ, какъ уже мы за-

(1) Дѣло относится къ 1571 г. См. А. И. Э. т. 1, № 280.
(2) А. И. т. 3, № 154.

мѣчали нѣсколько разъ, болѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Примѣромъ этого можетъ служить даже и то, что только у славянъ въ разсматриваемый періодъ замѣчаемъ мы странный, по видимому, обычай, состоявшій въ требованіи единогласія для рѣшенія дѣлъ на народныхъ собраніяхъ. „Единогласіе въ рѣшеніяхъ составляетъ одну изъ отличительныхъ славянскихъ формъ въ противоположность западно-европейскому большинству голосовъ“, говоритъ изслѣдователь одного изъ славянскихъ народовъ (1). Обычай этотъ, вредный для правильнаго государственнаго устройства, указывалъ, тѣмъ не менѣе, на бо́льшее признаніе правъ отдѣльнаго гражданина. Наконецъ, основанная на подобномъ довѣріи и признаніи правъ отдѣльной личности жизнь группировалась въ небольшія, сравнительно, общества, близко знавшія своихъ сочленовъ.

Изъ подобнаго строя жизни вытекаетъ и взглядъ на оскорбленіе чести. Членамъ общины предоставляется полная свобода говорить что угодно за-глаза; о существованіи при этомъ преступленія не могло быть и рѣчи; только тогда, когда тѣ же слова повторены будутъ въ присутствіи лица, только тогда могла начаться рѣчь объ оскорбленіи чести. Мы, кажется, не ошибемся, если призна́емъ, что въ то время дѣлалось слѣдующимъ образомъ: коль скоро кто-нибудь сообщалъ о другомъ лицѣ въ его отсутствіи, то обижаемый чрезъ это или не обращалъ никакого вниманія на сообщаемое, или же требовалъ отъ обидчика повторенія того, что онъ сказалъ тайно, себѣ въ глаза, и вотъ тутъ-то только и можно было начать говорить объ оскорбленіи чести.

§ 74. Что касается до требованія, для существованія клеветы, „*лживости*“ распространяемаго, то и объ этомъ условіи не говорится ясно въ нашихъ юридическихъ памятникахъ. Но, съ одной стороны, изъ разсмотрѣнія характера тогдашней жизни, а съ другой—изъ нѣсколькихъ судебныхъ дѣлъ можно выяснить себѣ и это условіе. Если признать тотъ строй жизни, который мы представляли уже выше, то намъ кажется невозможнымъ допустить какое-либо стѣсненіе передавать истинные факты, особенно когда они касались хотя сколько-нибудь общественныхъ интересовъ;

(2) А. Поповъ. „Путешествіе въ Черногорію“, стр. 133.

общинный бытъ быстро распался бы при подобномъ запрещеніи. Не только въ частныхъ разговорахъ, но даже и на народныхъ собраніяхъ должны были даваться большія права. Одинъ изъ изслѣдователей быта сербовъ (*) говоритъ, что на народныхъ собраніяхъ давалась полная свобода каждому члену высказывать что ему угодно; „случалось даже, что умышленно оскорбляютъ противниковъ своихъ, но всѣ слушаютъ ихъ безмолвно, и никто не прерываетъ рѣчи". Такая свобода гражданъ не была, конечно, да и не могла быть, принадлежностью однихъ сербовъ: это было результатомъ общественнаго строя, общаго всѣмъ славянамъ. Чтеніе нашихъ лѣтописей даетъ полное право признать то же самое существовавшимъ и у нашихъ предковъ. Поэтому-то ни въ нашихъ памятникахъ, ни въ памятникахъ другихъ славянскихъ народовъ не говорится объ обидѣ на народныхъ сходкахъ, которую можно бы было поставить въ параллель съ римскимъ convicium, между тѣмъ какъ при частыхъ собраніяхъ народныхъ, при постоянныхъ выборахъ, когда высказывалось, конечно, всякимъ все, что извѣстно ему объ избираемомъ, столкновенія могли происходить не рѣдко. Только въ одномъ Полицкомъ Статутѣ есть статья, говорящая, что при обидѣ на „зборѣ" увеличивается наказаніе.

Что справедливое обвиненіе частнаго лица не считалось преступленіемъ, это видно изъ нѣсколькихъ, приведенныхъ выше, случаевъ оскорбленій чести: игуменъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря жаловался, что старецъ Александръ безчестилъ братьевъ, „оговаривая ихъ ложью"; чешскій законъ Андрея Сдубе говоритъ, что обидчикъ наказывается, если обиженный скажетъ, что тотъ солгалъ, а онъ смолчитъ на подобное заявленіе. „Кто будетъ говорить въ судѣ не по дѣлу, говоритъ докладъ 1582 года, и будетъ кого лаять прежнимъ дѣломъ, а не докажетъ чѣмъ лаялъ, ино его бивъ кнутомъ, доправить безчестье обиженному".

Итакъ на лживость распространяемаго обращалось вниманіе при опредѣленіи *безчестья*. Но само-собою разумѣется, что при выраженіяхъ бранныхъ, позорныхъ самихъ-по-себѣ, условіе это не признавалось.

(*) „Бытъ Сербовъ" (Ж. М. П. Пр. 1856 г. Апрѣль).

§ 76. Для существованія клеветы необходимо было сдѣлать упрекъ или въ безнравственномъ поступкѣ—названіе блудникомъ, прелюбодѣйцемъ (1), измѣнникомъ (2), или въ преступномъ поступкѣ (3), или же въ унизительномъ состояніи, наприм. упреки въ незаконномъ рожденіи (4), въ рабствѣ (5).

Что касается до требованія умысла, то о немъ нѣтъ никакого указанія въ нашихъ памятникахъ.

Требованіе распространенія фактовъ, а не однихъ качествъ, не признавалось совершенно (6).

§ 77. Во второй половинѣ разсматриваемаго нами періода развивается особое, принадлежащее только русской исторіи, явленіе, извѣстное подъ именемъ *мѣстничества*.

Мѣстничествомъ назывались споры между княжескимъ служилымъ сословіемъ изъ-за мѣстъ на службѣ и при дворѣ московскаго царя. Каждый боярин признавалъ за собою право на извѣстное мѣсто, сравнительно съ другими. Непризнаніе за нимъ этого мѣста считалось важнымъ видомъ безчестья.

Г. Утинъ и другіе изслѣдователи этого вопроса видятъ въ мѣстничествѣ остатки родовой чести, господство-

---

(1) А. А. Э. т. 4, № 155.
(2) А. А. Э. т. 2, № 108.
(3) См. напр. запрещеніе Устава Владиміра.
(4) А. А. Э. т. 4, № 155, и А. А. Э. т. 2, № 142.
(5) Законъ пана Андрея Сдубе.
(6) Таково было развитіе понятія чести и ея оскорбленій во второй періодъ нашей исторіи. Возможно ли послѣ всего этого согласиться съ выводомъ, сдѣланнымъ г. Утинымъ? «По народному понятію -говоритъ этотъ изслѣдователь—до второй половины XVII-го в. существовала преимущественно только родовая честь; только въ это время взглядъ на честь измѣнился, уступая цѣлямъ государственнымъ». — «Коренившійся въ самой національности взглядъ на родовую честь, продолжаетъ г. Утинъ въ другомъ мѣстѣ, какъ права собранныхъ вмѣстѣ всѣхъ живыхъ и мертвыхъ членовъ, происходящихъ отъ одного родоначальника, наслѣдовался до XVII-го столѣтія. Честь была защищаема закономъ только относительно грубыхъ оскорбленій, и нельзя признать, чтобы словесная обида имѣла до Уложенія царя Алексѣя Михайловича какое-нибудь значеніе». Родовую же честь и ея нарушенія замѣчаетъ г. Утинъ только почти въ однихъ спорахъ о мѣстничествѣ (Utin., ibid., стр. 31-я и слѣд.).

вавшей при началѣ русской исторіи. „Родовая честь, говоритъ г. Утинъ, наслѣдовалась русскими до XVII-го столѣтія, и хотя въ это время она и была уже поколеблена государствомъ во многихъ отношеніяхъ, но тамъ, гдѣ дѣло шло о ранговыхъ отношеніяхъ, родъ остался" (*). Но съ этимъ взглядомъ согласиться невозможно: родовая честь въ XVII-мъ вѣкѣ уже давно не существовала, мѣстническіе же споры не только не представляли подтвержденія ея, а скорѣе отрицаніе. При господствѣ родовой чести, каждый родъ признаётъ эту послѣднюю за собою, признаётъ ее, какъ принадлежность, какъ право, присущее ему, помимо велѣній верховной власти. Примѣромъ этого можетъ служить честь родовой англійской аристократіи. Совершенно не то было во времена мѣстничества: здѣсь каждый членъ рода хорошо сознавалъ, что онъ владѣетъ честью, потому-что государю угодно было признать за нимъ таковую, и зналъ, что помѣщеніе одного изъ своихъ членовъ ниже за царскимъ столомъ можетъ уничтожить совершенно честь цѣлаго рода. Гдѣ же тутъ родовая честь?—Думаетъ ли англійскій лордъ, что назначеніе одного изъ членовъ его рода на низкую должность лишитъ весь родъ навсегда его чести? Конечно нѣтъ. Честь, господствовавшая въ нашемъ служиломъ сословіи въ періодъ мѣстничества, была честь служилая; каждый сознавалъ за собою честь потому, что царю угодно было признать за нимъ таковую и что назначеніемъ низшаго мѣста за столомъ государь отнималъ эту честь. При мѣстническихъ спорахъ дѣло шло не столько о чести, сколько о служебно-государственномъ положеніи родовъ, объ отношеніи служилыхъ людей къ государству; каждый боялся принять низшее мѣсто на службѣ, потому-что онъ зналъ, что за этимъ можетъ послѣдовать униженіе на службѣ всѣхъ его родственниковъ. Почему организовался у насъ такой странный обычай—назначать болѣе или менѣе одинаковыя мѣста всѣмъ родственникамъ и почему униженіе на службѣ одного изъ нихъ вело за собою пониженіе и другихъ—опредѣлить довольно-трудно. Но, кажется, причина этого лежитъ главнымъ образомъ въ томъ, что служилые люди по-

(*) Utin., ibid., стр. 34 и слѣд.

ступали на службу къ московскому князю часто не единичными личностями, а семействами и родами: такъ, въ число служилыхъ людей вошли прежде всѣ потомки Мономаха, затѣмъ многіе татарскіе и т. п. князья, приходившіе съ своими родственниками. Потомкамъ Мономаха давали, конечно, сначала болѣе высшія мѣста на службѣ, чѣмъ ихъ бывшей дружинѣ, вошедшей тоже въ составъ служилыхъ людей московскаго царя; потомки Мономаха перетолковали этотъ первоначальный обычай въ законъ для себя; примѣру ихъ послѣдовали другіе, и вотъ начинаются мѣстническіе споры, разшатывавшіе долго основы Русскаго царства.

При мѣстничествѣ шла постоянная рѣчь о безчестьи; но безчестилъ не князь своимъ назначеніемъ на низшую должность,—что было бы, при справедливости взгляда на мѣстничество тѣхъ изслѣдователей, которыхъ мы старались опровергнуть,—но то лицо, которое не соглашалось занять низшее мѣсто, ссылаясь на важность своего рода сравнительно съ тѣмъ, ниже котораго его посадили. Итакъ *безчестье рода совершалось чрезъ заявленіе, что родъ имѣетъ меньшее служебное достоинство.*

ПЕРІОДЪ ТРЕТІЙ.

§ 78. Опредѣлить точно время наступленія третьяго періода довольно трудно; онъ насталъ не вдругъ, а постепенно. Монархическая власть, призванная на Русь добровольнымъ согласіемъ самого же народа, представляется въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій однимъ изъ элементовъ общественной жизни. Общественная жизнь развивалась сама собою, великіе же князья исполняли свои функціи.

Но еще рано, а именно благодаря первоначально татарщинѣ, начинается ломка основъ народной жизни. Татарщина убиваетъ постепенно самобытную народную жизнь.

Съ ослабленіемъ татарской власти получаетъ все большее и большее значеніе монархическая власть; она усиливается, свергаетъ татарское иго и дѣлается самовластною распорядительницею всей Руси.

Самодержавный монархическій элементъ не есть, какъ извѣстно, какое-либо аномальное явленіе. Какъ естественный

продуктъ извѣстнаго общественнаго строя, монархія явилась и является по нынѣ въ исторіи. Но самодержавная власть въ Россіи XVII-го и XVIII-го столѣтій имѣла ту отличительную черту, что она забыла самое общество, его жизнь, его особенности, характеръ и т. д. У нея является мысль разрушить весь тотъ строй жизни, который возросъ въ средѣ самого народа, и создать новый, по своему плану, по своей мѣркѣ. Изъ всѣхъ подобныхъ строителей Русской земли выдвигается *Великій Преобразователь* Россіи Петръ I-й. Начиная съ XVI-го и, главнымъ образомъ, въ XVII-мъ столѣтіи происходитъ разрушеніе всего прежняго строя жизни. Общинный бытъ постепенно исчезаетъ. „Русское общество, говоритъ г. Бѣляевъ, уже и во время Іоанна Грознаго было такъ испорчено предшествовавшею администраціею намѣстниковъ и волостелей, что многія общины не нашли уже въ себѣ достаточныхъ силъ къ самоуправленію", но въ другихъ, впрочемъ, самоуправленіе продолжало существовать весь XVII-й вѣкъ. „Самозванщина и междуцарствіе еще сильнѣе (продолжаетъ тотъ же изслѣдователь) разшатали основы русскаго общества; общины все болѣе и болѣе отодвигаются на задній планъ и незамѣтно теряютъ право за правомъ. Съ изданіемъ Уложенія 1649-го года община терпитъ еще большее разстройство. Уложеніе явно становится на сторону централизаціи и приказнаго управленія. Петръ I-й, полагавшій было съ начала своего царствованія дать нѣкоторыя права прежнему строю жизни, мѣняетъ скоро свое рѣшеніе: по мѣрѣ бо́льшаго знакомства съ устройствомъ въ иностранныхъ государствахъ, постепенно замѣняетъ порядки русскіе иноземными. Русская община приводится въ самое безотрадное положеніе, ее совершенно задавливаютъ гражданскія, военныя власти, она теряетъ всякое значеніе. Въ послѣдніе годы царствованія Петра приказная администрація доходитъ до крайнихъ предѣловъ и своею всемертвящею силою въ конецъ подавляетъ общину. Народъ обращается въ безгласную массу" (*).

Безгласною массою дѣлается весь русскій народъ и пребываетъ въ этомъ состояніи болѣе чѣмъ столѣтіе. Низ-

---

(*) Бѣляевъ. „О круговой порукѣ на Руси".

шіе слои общества теряютъ всѣ права и переходятъ въ состояніе рабовъ; понятіе личности, а отсюда и права чести, гибнетъ у нихъ. Петръ I-й укорялъ въ 1722 году мелкое шляхетство, что оно продаетъ людей врознь, какъ скотовъ. „Но народъ обращенъ былъ въ скотовъ еще въ Москвѣ", говоритъ одинъ изслѣдователь. По словамъ этого же изслѣдователя, „теряетъ въ это время значеніе даже слово *человѣкъ*; имя „человѣкъ", высокое, по сознанію народа (малороссійское человікъ — домохозяинъ), спускается до названія холопа, лакея: общественное названіе лакеевъ: „человѣкъ, люди" (*). Пропадаютъ права личности и у высшихъ классовъ; они перестаютъ считать себя людьми, они гордятся высшимъ для себя званіемъ „слугъ царя"; теряютъ параллельно съ этимъ они и права своей чести. Вслѣдствіе этого, во второй періодъ нашей исторіи, какъ мы и постараемся доказать ниже, пропадаетъ та честь, которая существовала въ предыдущемъ періодѣ: русскій человѣкъ забываетъ то свое достоинство, которое ему принадлежитъ какъ члену русскаго общества. Честь переходитъ въ новый періодъ: для низшихъ классовъ она исчезаетъ почти совершенно, для высшихъ—наступаетъ полное развитіе такъ-называемой служебной чести.

§ 79. Матеріальное уголовное право до XVII-го в. жило главнымъ образомъ въ обычаѣ; выражалось оно въ письменной формѣ, по большей части кратко, въ отдѣльныхъ указахъ или какъ дополненіе къ судимъ грамотамъ, судебникамъ; въ 1640-мъ году происходитъ первая полная кодификація русскаго уголовнаго права: издается знаменитое Уложеніе царя Алексѣя Михайловича.

Уложеніе 1649-го года можно поставить въ параллель съ законодательствомъ Карла V-го въ Германіи. Германская Каролина была первымъ уголовнымъ кодексомъ и притомъ кодексомъ, „сплотившимъ всѣ элементы тогдашняго правоваго быта въ одно цѣлое" (**). Право писанное и народное—обычное, право иностранное—римское, на сколько это послѣднее привилось къ тогдашнему общественному строю,

---

(*) Прыжовъ. „Исторія кабаковъ въ Россіи", стр. 245.
(**) Бернеръ. „Учебникъ Уголовнаго Права", стр. 124.

право церковное и, наконецъ, особыя требованія, выставленныя развившейся въ то время монархіи въ огражденіе своихъ интересовъ—все это соединилось въ законодательствѣ Карла V-го. Подобное же сплоченіе всѣхъ элементовъ правоваго быта Россіи произошло въ Уложеніи 1649-го года. Обычное право и всѣ прежніе указы, судебники и т. п. приняты были здѣсь за первую основу. Церковные законы, правила святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ, градскіе законы греческихъ царей приняты были тоже въ соображеніе по прямому указу царя. Затѣмъ за руководство при составленіи Уложенія взятъ былъ Литовскій Статутъ; изъ него, по словамъ всѣхъ изслѣдователей Уложенія (*), заимствовано было много. Чрезъ Литовскій Статутъ проникло такимъ образомъ къ намъ такъ же, какъ и чрезъ церковное право, право западно-европейское и римское. Наконецъ, на Уложеніи отразилось право монархической власти и тѣ измѣненія, которыя произошли подъ вліяніемъ ея въ строѣ нашей жизни. Итакъ въ Уложеніи совершилось примиреніе всѣхъ тѣхъ элементовъ, которые находились въ то время въ борьбѣ; въ немъ получилъ полное свое признаніе и самодержавный монархическій элементъ, легшій въ основу нашей послѣдующей исторіи.

§ 80. Преступленія противъ чести излагаются въ Уложеніи 1649-го года во многихъ статьяхъ.

Самое первое, что бросается въ глаза при чтеніи Уложенія—это дѣленіе всѣхъ гражданъ на классы по количеству чести, присущей лицамъ той или другой категоріи. Статья 20-я X-й главы гласитъ: „А будетъ кто учнетъ о какомъ дѣлѣ бити челомъ.... государю, то.... наказаніе — бити батоги; а кто почестиѣе, и того посадити въ тюрьму на недѣлю“. Привиллегія тѣмъ лицамъ, которыя „почестиѣе“, дается такимъ образомъ не маловажная: вмѣсто батоговъ, ихъ сажаютъ только на одну недѣлю въ тюрьму. Оно и понятно, если принять во вниманіе преступленіе, о которомъ идетъ рѣчь. „Почестиѣе“, какъ увидимъ ниже,

(*) См. напр. Линовскій. «Изслѣдованіе началъ уголовнаго права, изложенныхъ въ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича».—Неволинъ. Собраніе сочиненій, 7-й т., стр. 533—549, и др.

были тѣ, которые стояли ближе къ царю. и подача челобитной лицами приближенными не была важнымъ преступленіемъ.

Затѣмъ другая статья отдѣляетъ еще рельефнѣе тѣхъ, для которыхъ честь есть столь драгоцѣнное благо, что его можно отнимать за преступленія. Въ статьѣ 5-й X-й главы говорится: „А будетъ боярин, или окольничій, или думный человѣкъ, или дьякъ, или иной какой судья истца или отвѣтчика по посуломъ.... праваго обвинитъ..., и на тѣхъ судьяхъ взяти истцовъ искъ втрое и отдати истцу...., да за ту же вину у боярина, и у окольничаго, и у думнаго человѣка отняти честь“.—Дьяки, которые, какъ извѣстно, не были важными чиновными лицами, и „иные какіе судьи“, слѣдовательно судьи выборные изъ простого народа, и т. д. платятъ штрафы; по отношенію къ нимъ такой поступокъ не считался безчестнымъ, высшіе же классы лицъ наказываются отнятіемъ чести.

Еще болѣе точное дѣленіе всѣхъ гражданъ на категоріи представляется въ Уложеніи въ тѣхъ статьяхъ, которыя говорятъ „о платѣ за безчестье“. Здѣсь въ семидесяти трехъ статьяхъ (*) перечисляются, болѣе чѣмъ тщательно, не только всѣ классы гражданъ, но даже и многія отдѣльныя лица; такъ напр. опредѣляется различная плата за безчестье архимандрита, келаря, казначея Троицко-Сергіева монастыря отъ архимандрита и т. д. Владимірскаго, Рождественскаго, Чудова, Симонова и другихъ монастырей.

При всемъ обиліи постановленій, опредѣляющихъ крайне-разнообразную плату за безчестье—отъ выдачи головою, торговой казни, батоговъ, до платы штрафовъ 1 руб. сер., нельзя, тѣмъ не менѣе, не замѣтить довольно-рѣзкаго различія, проходящаго чрезъ всѣ статьи, а именно служилыхъ, какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ лицъ, которыя „государевымъ денежнымъ жалованьемъ верстаны“, отъ лицъ неслужилыхъ. Этими послѣдними лицами Уложеніе занимается очень мало, и изъ 73-хъ статей имъ посвящена только одна (94 ст. X-й главы). Хотя и они здѣсь дѣлятся также на категоріи, но различіе, представляемое тутъ, не велико, а

(*) Уложеніе, гл. X, ст. 27—100.

именно плата за безчестье гостя назначается въ 50 руб., за всѣхъ же другихъ гражданъ этой категоріи — отъ 1-го до 20-ти рублей. Такимъ образомъ здѣсь остается неизмѣннымъ то постановленіе, которое видѣли мы еще въ Судебникѣ. Принимая же во вниманіе сравнительное матеріальное благосостояніе этихъ лицъ, нельзя не признать и раціональности этого дѣленія. Ничего подобнаго не представляется по отношенію къ другимъ служилымъ сословіямъ: наказаніе „за боярское, и окольничье, и думныхъ людей безчестье“ назначалось или „бить кнутомъ и сажать въ тюрьму“, или же „штрафъ противъ окладовъ изъ государева денежнаго жалованья“; дѣйствительный же имущественный доходъ, а также и доходъ, получаемый чрезъ дарованіе помѣстій и т. п., не принимался въ соображеніе. Плата же денежнаго жалованья различается, конечно, по важности занимаемой службы.

Женамъ назначается, по Уложенію, безчестья „вдвое противъ мужня оклада“, дочерямъ — „противъ отцова оклада вчетверо“ (*).

Что величина чести зависѣла въ эту эпоху отъ степени приближенія къ царю, это видно и изъ другихъ свѣдѣній, относящихся къ разсматриваемой эпохѣ; такъ, наприм., очень характеристично говоритъ, по отношенію къ этому, Котошихинъ: „Роды жъ, которые бываютъ въ думныхъ дворянехъ и въ окольничихъ изъ честныхъ родовъ, и изъ середнихъ, и изъ дворянъ: и тѣ роды болши тое чести не доходятъ. Есть потомъ и иные многіе добрые и высокіе роды, только еще въ честь не пришли, за причиною и за недослуженіемъ“ (**).

Таковъ взглядъ Уложенія на честь различныхъ классовъ общества. Еще болѣе рельефнымъ представляется честь въ этотъ періодъ чрезъ просмотръ того, что считалось оскорбленіемъ чести.

Кромѣ реальныхъ оскорбленій, о которыхъ говорится въ 94, 105 ст. X-й главы, 10, 11 ст. XXII-й гл. и многихъ другихъ, Уложеніе посвящаетъ многія статьи изложенію и

(*) Уложеніе, гл. X, ст. 92.

(**) Котошихинъ. „О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича“, гл. II, ст. 3

словесныхъ обидъ. Но и въ Уложеніи, равно какъ и въ предыдущихъ юридическихъ памятникахъ, не опредѣляется понятіе обиды. Всѣ виды оскорбленія чести имѣютъ здѣсь одно наименованіе „безчестья“; никакихъ подраздѣленій „безчестья словомъ“ не представляетъ законодательство. Во многихъ статьяхъ о безчестьи словомъ прибавляется—„безчестье непригожимъ словомъ“, но что подразумѣвается подъ словомъ „непригожее“ въ Уложеніи не сказано. Подобная же общность выраженія давала, конечно, возможность признавать за оскорбительное каждое выраженіе, которое казалось непригожимъ тому или другому классу лицъ. На сколько растяжимо было понятіе оскорбленія чести, это можно видѣть изъ слѣдующаго случая. Ст. 5-я главы XV-й говоритъ: „А будетъ кто истецъ и отвѣтчикъ пойдутъ на судъ передъ третьихъ и дадутъ на себя третьимъ запись, что имъ ихъ приговору слушать, а будетъ они приговору ихъ слушать не станутъ: и имъ взяти государева пеня и третьимъ безчестье“. По смыслу этой статьи, считается такимъ образомъ обидою для третейскихъ судей неподчиненіе ихъ приговору. Затѣмъ изъ отдѣльныхъ видовъ оскорбленій чести знаетъ Уложеніе еще только названіе в.....ъ (X гл. 280 ст.).

Итакъ, Уложеніе не опредѣляетъ какими выраженіями совершалось тогда оскорбленіе чести; но нѣкоторыя, сохранившіяся до насъ, судебныя дѣла даютъ возможность выяснить это до извѣстной степени. Такъ въ слѣдующихъ, напр., случаяхъ подавалась жалоба на безчестье: „...И вы Федоръ да Павелъ въ ту пору бранились съ княземъ Борисомъ Репнинымъ, а называли его братомъ. И боярин князь Борисъ билъ челомъ на васъ о безчестьѣ, что вы его тѣмъ безчестили“. (1) Или: „....безчестилъ онъ меня, называя холопомъ Воротынскаго“. (2) „Боярин Алексѣй Семеновичъ Шенинъ безчестилъ боярина князя Михаила Григорьевича Ромодановскаго всячески лъ и называлъ малопороднымъ человѣкомъ и худымъ книзишкомъ, и отца его „не слугою“. (3) Или: „....И будто я, холопъ твой, пришелъ къ нему ко двору и его, государь, безчестилъ и лаялъ и

(1) Двор. Разр. т. 2-й, ст. 624.
(2) Двор. Разр. т. 1-й, ст. 546.
(3) Пол. Соб. Зак. т. 3-й, № 1,460.

называлъ будто его—ты, князь, воръ, жонка, а не слуга“ (*).

Всѣ эти, хотя и немногіе, примѣры указываютъ намъ на тотъ же характеръ чести, о которомъ мы говорили выше: считается обидою названіе „малопороднымъ человѣкомъ“, „не слугою“ и т. п.

§ 81. Что касается до того преступленія, которое составляетъ предметъ сего изслѣдованія, а именно до такъ-называемой клеветы, то оно остается, по видимому, въ томъ же состояніи, какъ это было и въ первую эпоху. Клевета, какъ самостоятельное преступленіе, не выдвигается и въ Уложеніи, какъ и въ позднѣйшихъ памятникахъ, но скрывается и здѣсь подъ генерическимъ понятіемъ „безчестья“. Но униженіе лица въ глазахъ другихъ признается по прежнему преступленіемъ противъ чести, какъ это можно видѣть изъ нѣсколькихъ случаевъ; напр. въ одной челобитной говорится: „князь Трубецкой позорилъ меня, лаялъ предъ всѣми боляры и называлъ страдникомъ“ (2). Но было ли въ это время униженіе лица въ глазахъ другихъ главнѣйшимъ преступленіемъ противъ чести, мы не знаемъ; обращая же вниманіе на новый строй общественной жизни, въ которомъ пропадаетъ уже то значеніе, которое придавалось прежде доброму мнѣнію со стороны сограждан, мы полагаемъ, что на вопросъ этотъ можно отвѣтить отрицательно.

Условія преступнаго униженія въ глазахъ другихъ сохранились тѣ же, какія были въ первую эпоху. Нѣтъ ни одного случая, который указывалъ бы на возможность *унизить* лицо въ его *отсутствіи*, напротивъ большинство изъ нихъ показываетъ противное. Въ статьяхъ Уложенія говорится почти вездѣ слѣдующимъ образомъ: „а будетъ межъ себя побранятся и кто кого изъ нихъ обезчеститъ непригожимъ словомъ“ (X гл. 105 ст. Уложенія); „а будетъ кто съ кѣмъ побранятся, назоветъ кого в.....ъ“ (X гл. 280 ст.); „а если учинится ссора межъ бояръ и окольничихъ и думныхъ людей, и кто изъ нихъ кого безчеститъ непригожимъ словомъ....“ (X-я гл. 90-я ст.) и т. д. Статьи эти нельзя при-

(1) Двор. раз. т. 1-й, ст. 203 и сл.
(2) Двор. разр. т. 1, ст. 546.

знать только случаями оскорбленій чести въ ссорѣ, брани, такъ какъ Уложеніе не знаетъ иныхъ статей, относящихся къ этому же предмету, т. е. нѣтъ, напр., ни одной статьи, которая гласила бы—а какое же должно быть наказаніе за названіе в.....ъ не во время брани, или какова должна быть мѣра безчестья при оскорбленіи боярином боярина не въ ссорѣ и т. п.

Что касается до *лживости* распространяемаго, то требованіе это выставляется довольно ясно, напр. въ слѣдующемъ дѣлѣ: съ Семена Колтовскаго приказывается доправить безчестье за названіе князя Волхонскаго в.....ъ; обвиняемый оправдывался и говорилъ: „язъ-де окольничаго в.....ъ не называлъ, а называлъ ихъ всѣхъ Волхонскихъ, что они пошли отъ в.....а, отъ Ивашка отъ Толстой-Головы, и то перво-де въ томъ не запираюсь: вели имъ про себя сказать, отъ кого они пошли“ (*).—Точно также ясно высказывается право представлять exceptio veritatis изъ Уложенія, а именно ст. 280-я главы X-й гласитъ: „А будетъ кто съ кѣмъ побранился, назоветъ кого в.....ъ, и тотъ кого онъ назоветъ в.....ъ, учнетъ на него государю бити челомъ о безчестьѣ, и съ суда сыщется про того челобитчика допряма, что онъ не в.....ъ: и ему на томъ, кто его назоветъ в.....ъ, велѣть по сыску доправить безчестье вдвое безо всякія пощады. А будетъ про того челобитчика въ сыску скажутъ, что онъ прямой в.....ъ, прижитъ онъ у наложницы до законныя жены, или и при законной женѣ, или послѣ законной жены: и такимъ в.....ъ въ безчестьяхъ отказывати, и къ законнымъ дѣтемъ того, кто его у наложницы приживетъ, не причитати, и помѣстей и вотчинъ того, кто его беззаконно прижилъ, ему не давать“.

Само-собою разумѣется, что хотя это постановленіе и относится къ спеціальному случаю, къ названію в.....мъ, но, тѣмъ не менѣе, нельзя признать, чтобы тоже правило не относилось къ названію „воромъ“, „не слугою“ и т. п., по крайней мѣрѣ мы не видимъ ни малѣйшаго основанія допустить противное.

Наконецъ, что касается до animus injuriandi, то и въ Уложеніи ученіе о немъ совершенно не развито, и, по все-

(*). Дворц. Разр., т. 1, ст. 911.

му вѣроятію, намѣреніе обидѣть не принималось за основаніе въ оскорбленіи чести.

§ 82. Взгляды, высказанные въ Уложеніи по отношенію къ оскорбленію чести, продолжаютъ, вѣроятно, жить не только во весь XVII в., но и въ XVIII-мъ вѣкѣ, хотя въ судебной практикѣ они и перестаютъ примѣняться довольно скоро. Въ царствованіе императора Петра 1-го издается нѣсколько новыхъ законовъ, гдѣ говорится и объ оскорбленіяхъ чести, которые, при всемъ ихъ несогласіи съ дѣйствительными взглядами того времени, приказываютъ прилагать въ судебной практикѣ.

Вся дѣятельность Петра 1-го, какъ извѣстно, состояла изъ ряда реформъ; прежній строй жизни измѣняется, и вводится новое изъ Западной Европы. Такъ же отразилась дѣятельность *Великаго Преобразователя* и на уголовномъ законодательствѣ. Воинскіе Артикулы, уголовный кодексъ Петра 1-го, не составляютъ законодательства туземнаго, выросшаго и развившагося на русской почвѣ: это было законодательство частію нѣмецкое, частію шведское, взятое безъ всякаго разбора пригодности его для Русской земли. Если весь Артикулъ не былъ годенъ для Россіи, то еще болѣе слѣдуетъ сказать тоже по отношенію къ главамъ о чести. Петръ 1-й представляетъ, какъ здѣсь, такъ и въ Морскомъ Уставѣ 1720 г., въ Генеральномъ Регламентѣ и въ нѣсколькихъ отдѣльныхъ указахъ, полное ученіе о нѣмецкихъ оскорбленіяхъ чести. Здѣсь является и честь, которая можетъ быть отнимаема, по усмотрѣнію государя, т. е. вводится такъ-называемая infamia, являются и реальныя, и словесныя обиды, и клевета, и пасквили, какъ самостоятельныя преступленія; являются даже и особыя запрещенія дуэлей, какъ послѣдствій личныхъ обидъ,—дуэлей, которыхъ ни раньше, ни въ это время не существовало.

Словесная обида опредѣляется: „ежели одинъ другаго бранными словами зацѣпитъ, онаго шельмомъ или сему подобнымъ назоветъ“.

Клевета, какъ оскорбленіе чести лица за спиною, вводится также новымъ законодательствомъ. Для совершенія клеветы должно быть намѣреніе „честное имя обругать и унизить“. Но что касается до exceptio veritatis, то ему, какъ условію, несогласному съ требованіями петровской

монархической власти, не дается никакого значенія. Въ наказаніе вводятся нѣмецкіе Widerruf, Abbitte (1).

О пасквиляхъ и поносительныхъ письмахъ говорится слѣдующее: „Кто пасквили или ругательныя письма тайно сочинитъ, прибьетъ и распространитъ, и тако кому непристойнымъ образомъ какую страсть или зло причтетъ, чрезъ что его доброму имени нѣкакой стыдъ причиненъ быть можетъ, онаго надлежитъ наказать такимъ наказаніемъ, каковою страстію онъ обруганнаго хотѣлъ обвинить; сверхъ того палачъ такое письмо имѣетъ сжечь подъ висѣлицею". Пасквилянтъ наказывался, и притомъ чрезвычайно строго, и за распространеніе истинныхъ фактовъ: „Ежели же дѣло, въ которомъ будетъ въ пасквилѣ обруганный обвиненъ, весьма о томъ будетъ доказано, то, правда, хотя обыкновенное наказаніе не произведено будетъ, но однакожъ пасквилантъ, по разсмотрѣнію судейскому, тюрьмою, сосланіемъ на каторгу, шпицрутеномъ и прочимъ наказанъ быть имѣетъ, понеже онъ истиннымъ путемъ не пошелъ, дабы другаго погрѣшеніе объявить". Изъ какого законодательства заимствованы всѣ эти постановленія—опредѣлить нельзя, хотя часть ихъ, напр. статьи о пасквиляхъ, очень схожи со статьями о томъ же законодательства Карла V-го. Безспорно только то, что всѣ они нѣмецкаго происхожденія; сравненіе Воинскаго Устава съ тѣмъ, что изложено нами въ третьей главѣ этого изслѣдованія, убѣждаетъ насъ въ этомъ вполнѣ. Вѣрнѣе всего можно полагать, что статьи эти не выписаны изъ какого-нибудь законодательства, а составлены, по заказу Петра 1-го, какимъ-нибудь нѣмцемъ. Г. Утинъ полагаетъ, что въ постановленіяхъ Артикуловъ „сгруппированы опредѣленія, господствовавшія въ то время въ нѣмецкой практикѣ и въ сочиненіяхъ лучшихъ юристовъ" (2). Можетъ быть это и правда, хотя, впрочемъ, намъ неизвѣстно изъ какихъ сочиненій *лучшихъ* юристовъ заимствовано запрещеніе exceptio veritatis. Во всякомъ случаѣ справедливо то, что статьи Воинскаго Артикула объ оскорбленіи чести могутъ быть средствомъ къ изученію нѣмецкихъ взглядовъ конца XVI-го и начала XVII-го столѣтій, но никоимъ

(1) Воинскіе Артикулы, гл. XVIII, 151, 152. Морской Уставъ, кн. V, гл. XIV, 104.

(2) Utin, ibid., стр. 102.

образомъ не могутъ считаться источникомъ къ изученію права русскаго. Г. Утинъ говоритъ, что „законодательство Петра разсчитываетъ главнымъ образомъ на будущее; когда должны будутъ взойти сѣмена культуры, бросаемыя Петромъ на русскую почву, и народная жизнь должна будетъ принять то, что ей далъ геній, тогда и выступятъ ясно тѣ правовыя отношенія, для которыхъ законодательство уже было дано". Но зачѣмъ же это законодательство, созданное для будущаго, прилагалось въ то время, когда это будущее еще не наступило, когда „сѣмена культуры" не успѣли еще взойти?—Г. Утинъ говоритъ, что „въ войскѣ, для котораго и изданъ первоначально Артикулъ, служило много иностранцевъ, и оно было поставлено на иностранную ногу, поэтому примѣненіе этихъ постановленій тамъ было необходимо". Но если даже и такъ, то почему же Уставъ распространенъ былъ и на все остальное общество? Отвѣта на этотъ вопросъ не можетъ дать никто. Мало этого. Уставъ Петра не только не былъ годенъ для того времени, въ которое онъ изданъ, но не оказался годнымъ и для будущаго. Чѣмъ болѣе „всходили сѣмена культуры, бросаемыя великимъ геніемъ на русскую почву", тѣмъ болѣе и болѣе оказывались для насъ непригодными постановленія Артикуловъ. Такъ, напр., infamia въ томъ видѣ, какъ она введена Петромъ, должна была исчезнуть, по словамъ самого же г. Утина, изъ русскаго права (*). Клевета, какъ обвиненіе лица исключительно за спиной, никогда не была принята въ нашемъ правѣ; ученіе объ exceptio veritatis тоже было совершенно измѣнено; ученіе о пасквиляхъ хотя и существуетъ до нѣкоторой степени и по нынѣ въ нашемъ кодексѣ, но несогласіе его съ требованіями жизни приводитъ къ тому, что не долго до отмѣны этого постановленія. Только относительно однѣхъ дуэлей оказались справедливыми предположенія Петра 1-го: дуэли, благодаря реформамъ въ войскѣ, ввелись у насъ въ употребленіе и, главнымъ образомъ, изъ одного подражанія.

Но, впрочемъ, и законы Петра 1-го оказали нѣкоторую пользу нашему ученію объ оскорбленіяхъ чести. Въ нихъ впервые на русской почвѣ появляется дѣленіе этихъ

(*) Utin., ibid., стр. 104.

преступленій на виды. Научная, теоретическая обработка, которая одна только можетъ классифицировать преступленія, представляющіяся съ перваго взгляда однообразными, не проникала до сихъ поръ въ наше ученіе объ оскорбленіяхъ чести. Литовскій Статутъ, вліявшій на Уложеніе, не оказалъ никакого вліянія на эти преступленія. Въ Артикулахъ Петра 1-го впервые появилось дѣленіе обидъ на клевету и обиду въ тѣсномъ смыслѣ слова. Клевета является какъ самостоятельное преступленіе, хотя далеко и не въ томъ видѣ какъ понималъ ее русскій народъ.

§ 83. Законодательная дѣятельность Петра 1-го произвела полную неурядицу въ дѣлахъ о преступленіи противъ чести. Старые взгляды на честь, выросшіе въ средѣ русскаго народа, должны были исчезнуть подъ напоромъ занесенныхъ, чуждыхъ намъ, западно-европейскихъ воззрѣній; но новое воззрѣніе на личность естественно не могло быть долго воспринято. Благодаря этому, произошло то, что въ послѣдующій за Петромъ 1-мъ періодъ невозможно было опредѣлить—что̀ слѣдуетъ называть честью и когда можетъ быть совершена обида.

Что касается оскорбленій чести низшихъ классовъ общества, то законодательства Петра 1-го и его наслѣдниковъ не представляютъ объ нихъ никакихъ указаній. Только въ концѣ XVIII-го вѣка существуетъ нѣсколько постановленій по этому поводу. Но и сюда, какъ увидимъ сейчасъ, проникъ тотъ общій взглядъ на честь, которымъ отличается третій періодъ русской исторіи. Личность, какъ личность, теряетъ почти всякое значеніе; она и здѣсь оцѣнивается сообразно или со службою, или съ доходомъ, доставляемымъ царю и государству. Въ Городовомъ Положеніи 1785 г. апр. 21-го, въ 91-й ст. „запрещается мѣщанамъ учинять безчестье; кто же учинитъ имъ безчестье словомъ или письмомъ, тотъ повиненъ будетъ платить, сколько обиженный какъ казнѣ, такъ и городу платитъ тотъ годъ, какого бы то званія сборъ ни былъ; за ударъ рукою безъ иного орудія—вдвое; женѣ—вдвое противъ мужей, дочерямъ вчетверо“. (*). Кромѣ того, въ томъ же актѣ есть еще одно

(*) Увеличеніе обиды при оскорбленіи женщины, и притомъ всегда вдвое женѣ и вчетверо дочери, есть одно изъ такихъ постановленій нашего права, которое жило во всю исторію, во всѣ періоды.

очень характеристичное постановленіе: „если жена (продолжаетъ Положеніе) сама платитъ подать, то за безчестье ея давать вдвое противъ ея и мужняго платежа“. Женщина сама по себѣ не пользуется правомъ личности; только какъ жена получаетъ она значеніе, сообразное съ доходомъ, даваемымъ мужемъ казнѣ и городу; но коль скоро женщина сама начинаетъ платить подать, ея значеніе и ея честь тотчасъ же увеличиваются.

Изъ Городового Положенія 1785 г. ясно видно, что личностей не существуетъ: есть только плательщики податей. Недающій казнѣ дохода теряетъ всякое значеніе.

Что касается до крестьянъ, то правительство XVIII-го столѣтія полагаетъ, что они, какъ лица приносящія однообразный доходъ, должны быть одинаково оцѣниваемы и въ своихъ оскорбленіяхъ. По Высочайше утвержденному докладу экспедиціи государственнаго хозяйства 7-го августа 1797 г., (*) „каждый, коснувшійся обидѣть словомъ простаго крестьянина, платитъ полтину пени, волостные же головы, писари сельскіе и деревенскіе выборные и другіе старшины, т. е. вообще должностныя лица, должны быть отъ остальныхъ крестьянъ очень почитаемы, и за обиды ихъ должно платить 1 рубль пени“. Любопытно, что честь должностныхъ лицъ считалась затронутою и „въ случаѣ ослушанія ихъ“.

Нельзя не замѣтить, что пеня за оскорбленіе чести крестьянъ уменьшилась въ только-что приведенномъ постановленіи вдвое, и даже болѣе, сравнительно съ Уложеніемъ. Какъ ни мала была плата за оскорбленіе крестьянъ, по Уложенію, а именно minimum ея былъ 1 рубль, въ докладѣ 1797 г. эта плата понижается до половины и уже для всѣхъ крестьянъ дѣлается одинаковою. Объяснить это пониженіемъ вдвое курса денегъ, конечно, невозможно; ясно, что это зависѣло отъ уменьшенія правъ у крестьянина: личность крестьянина, параллельно съ бо́льшимъ усиленіемъ крѣпостного права, понизилась вдвое. Только тѣ члены крестьянскаго общества, которые, какъ должностныя лица, должны быть „очень почитаемы предъ прочими крестьяна-

(*) П. С. З. № 18082.

ми". только за этими лицами осталась та оцѣнка чести, которая прилагалась прежде ко всѣмъ.

Что касается до высшаго класса общества, которое состояло въ это время, какъ извѣстно, изъ аристократіи служебной, то относительно ея г. Утинъ справедливо замѣчаетъ, что она отличалась отъ остальной массы поверхностнымъ образованіемъ; дѣйствительное развитіе было у немногихъ, большинство довольствовалось внѣшними атрибутами образованія.

О понятіи чести этимъ классомъ общества говоритъ намъ ясно императрица Екатерина II-я въ своемъ манифестѣ о поединкахъ отъ 1787-го года (*). Манифестъ этотъ относится почти исключительно къ дворянамъ. Во введеніи къ нему императрица говоритъ, что послѣ того, какъ она дала дворянамъ новыя права и привиллегіи, она думала, что дворянство будетъ видѣть свою честь „въ любви къ отечеству, а слѣдовательно и къ императорскому величеству, и въ наблюденіи всѣхъ законовъ и должностей": но оказывается, что это ожиданіе императрицы не сбылось: въ дворянство проникли разныя „предубѣжденія, не отъ предковъ полученныя, но перенятыя или нанесенныя, чуждыя". Сравнивая взгляды эти со взглядами временъ варварскихъ, императрица говоритъ, что „въ эти несчастныя времена толкъ о чести и безчестьи былъ своевольный, безъ правилъ, по собственному праву каждаго, страсти и наклонности, ежечасно прихотями всякаго примѣняясь". Благоразумный свѣтъ и просвященные люди, говоритъ императрица, охотно съ нами согласятся, что „не прилично нашему народу послѣдовать предубѣжденіямъ вѣковъ варварскихъ и невѣжествомъ наполненныхъ". Въ § 6-мъ Манифеста говорится: „Понеже оскорбленіе, или обида, или дѣло о чести и безчестьи до нынѣ подлежатъ многому различному понятію, толку и неразумѣнію, то заблагоразсудили мы всенародно объявить въ послѣдующихъ статьяхъ законное толкованіе о оскорбленіи, или обидѣ, или о дѣлѣ чести и безчестіи".

Но вотъ эти-то именно послѣдующія статьи, которыми императрица надѣялась выяснить понятіе чести, особенно рельефно показываютъ намъ, какимъ неопредѣленнымъ

(*) П. С. З. т. XXII, № 16,535.

понятіемъ была честь и обида въ этотъ періодъ. „Обида или оскорбленіе есть (говоритъ § 8-й) буде кто кого вредитъ въ правѣ или по совѣсти". Опредѣленіе болѣе чѣмъ неясное: сюда какъ бы подводится всякій „вредъ праву", т. е. опредѣляется не оскорбленіе чести, а такъ-называемая injuria въ обширномъ смыслѣ слова. Но Манифестъ поясняетъ намъ, далѣе, какъ слѣдуетъ понимать только-что высказанное постановленіе: вредъ же въ правѣ и по совѣсти существуетъ, „когда кто порочитъ, поклеплетъ, пренебрежетъ, уничижитъ или задеретъ". Тотъ же Манифестъ продолжаетъ въ § 12-мъ и дальнѣйшее объясненіе того же понятія: обида словами совершается „буде кто кого при немъ порочитъ закону противными дѣлами, или поступками, или произноситъ на него брани и угрозы личныя или имѣнію его". „Обидою (по § 10) будетъ и всякое небрежное отношеніе къ особѣ ближняго съ намѣреніемъ оскорбить или вредить ему лично, или женѣ, или чаду, или служителю, или ближнимъ его".

Вотъ сколькими способами можетъ быть наносима обида. Не только тотъ, кто порочитъ и клевещетъ, совершаетъ обиду, но и кто уничижитъ (?) лицо, кто будетъ высказывать брань и угрозу по отношенію къ его имѣнію, кто будетъ относиться небрежно къ лицу съ цѣлью повредить интересамъ его слуги, его ближняго.— Всѣ эти опредѣленія подтверждаютъ такимъ образомъ общее постановленіе § 8-го, что оскорбленіе чести совершается при „вредѣ праву", и въ то же время показываютъ намъ, что и Манифестъ не былъ въ состояніи выставить какое-нибудь твердое и ясное опредѣленіе преступленій противъ чести.

О такомъ неопредѣленномъ понятіи обиды свидѣтельствуютъ намъ и многіе другіе случаи жалобъ на оскорбленіе чести, сохранившіеся отъ этого періода; такъ напр. въ 1779 году 30-го октября жаловались на землемѣровъ, что они наносятъ оскорбленіе помѣщикамъ, не обращаясь къ нимъ съ благопристойностью, тихостью, но сурово и продерживая долгое время безъ надобности ихъ людей, какъ понятыхъ.

Вообще понятіе чести было крайне-неопредѣленно въ теченіе всего XVIII-го столѣтія. На идеалъ, къ которому стремилось правительство и который оно видѣло, конечно,

въ высшей аристократіи, какъ въ болѣе ревностныхъ слугахъ, указываетъ намъ императрица Екатерина II-я. Она желала, какъ мы уже говорили, чтобы дворянство видѣло свою честь „въ любви къ отечеству, а слѣдовательно и къ императорскому величеству, и наблюденіи всѣхъ законовъ и должностей". Но этотъ идеалъ—должностная честь въ высшемъ своемъ видѣ—соблюдался, конечно, только ревностными слугами тогдашняго перемѣнчиваго правительства; все же остальное общество утратило вообще сознаніе о чести, какъ о какомъ-либо особомъ благѣ, и старалось видѣть оскорбленіе во всякомъ нарушеніи интересовъ какъ личныхъ, такъ и имущественныхъ. Сознаніе объ извѣстномъ достоинствѣ, присущемъ лицу, какъ гражданину того общества, въ которомъ оно живетъ, потеряло значеніе вслѣдствіе измѣненія самаго строя жизни; признаніе же за лицомъ извѣстнаго нравственнаго достоинства, какъ личностью, какъ человѣкомъ, еще плохо сознавалось въ тогдашнемъ обществѣ. Только распространеніе образованія въ концѣ XVIII-го вѣка и въ XIX-мъ в. помогло выяснить человѣку его права, какъ таковаго, и потребовать отъ всѣхъ и каждаго признанія за собою этихъ правъ; но такое воззрѣніе распространялось туго.

§ 84. Что касается до клеветы, то объ этомъ преступленіи мало упоминается въ сохранившихся до насъ памятникахъ XVIII-го столѣтія, кромѣ указанныхъ уже выше законовъ Петра 1-го.

По Уставу Благочинія 8-го апрѣля 1782 года, клевета считается преступленіемъ противъ народной тишины. Статья 230-я перечисляетъ всѣ уголовныя преступленія противъ народной тишины и говоритъ, что сюда относятся: „сходбища подозрительныя, запрещается ѣздить или ходить, стращая людей" и т. д., и наконецъ, наравнѣ со всѣми этими преступленіями, „запрещаются лжи и клеветы". Но что̀ понимается подъ клеветою, здѣсь не говорится. Сопоставленіе же ея съ ложью даетъ какъ бы право предполагать, что этимъ постановленіемъ запрещалось распространеніе въ народѣ лживыхъ слуховъ, съ цѣлью взволновать общественное спокойствіе.

Самымъ полнымъ постановленіемъ объ обидахъ во весь разсматриваемый періо̀ представляется Манифестъ импера-

трицы Екатерины II-й о поединкахъ, но здѣсь не существуетъ клеветы, какъ самостоятельнаго преступленія. Г. Утинъ объясняетъ это тѣмъ, что клевета, какъ распространеніе обидныхъ слуховъ и какъ разглашеніе чрезъ письмо вымышленнаго и безчестнаго поступка, была въ то время рѣдкимъ и притомъ сравнительно неважнымъ преступленіемъ. Но мы не видимъ ни малѣйшаго основанія согласиться съ этимъ.

Разсматривая постановленіе Манифеста о поединкахъ, мы замѣчаемъ прежде всего, что въ введеніи къ нему императрица упрекаетъ нашихъ предковъ, что они пользуются при рѣшеніи вопроса объ оскорбленіяхъ чести „не взглядами, отъ предковъ полученными, но предубѣжденіями принятыми, напесенными, чуждыми". Относясь съ подобнымъ упрекомъ къ подданнымъ, императрица Екатерина старалась, по видимому, по крайней мѣрѣ сама, въ своемъ Манифестѣ не впасть въ подобную же ошибку; отъ этого то она пытается возстановить до нѣкоторой степени взглядъ на честь, существовавшій въ Россіи искони. Манифестъ признаетъ клевету, но онъ не выставляетъ ее какъ самостоятельное преступленіе. По § 8-му, оскорбленіе чести совершается и тогда, когда кто порочитъ, поклеплетъ.... Но затѣмъ въ § 12-мъ выставляется слѣдующее опредѣленіе: „Обида словами есть: буде кто кого при немъ порочитъ закону противными дѣлами и поступками, или произноситъ на него брани или угрозы личныя, или имѣнію его; заочная же брань ни во что да вмѣнится и да обратится въ поношеніе тому, кто ея произнесъ". Такимъ образомъ только опороченіе, поклепъ, произнесенный въ присутствіи лица, и наказывается: все сказанное въ отсутствіе обижаемаго не считается преступленіемъ. Манифестъ не знаетъ, далѣе, и постановленія, запрещающаго exceptio veritatis, ни постановленія о пасквиляхъ, которыхъ не знало и Уложеніе, но о которыхъ такъ усердно распространяются Воинскіе Артикулы. Такимъ образомъ императрица, при составленіи Манифеста, руководствовалась до нѣкоторой степени нашимъ до-петровскимъ правомъ, но, тѣмъ не менѣе, она, конечно, не могла отчудиться отъ запутанныхъ взглядовъ на честь, которые жили уже въ это время въ обществѣ.

Какъ условіе оскорбленія чести, Манифестъ признаетъ намѣреніе оскорбить; это сознается вполнѣ ясно; ст. 9-я гласитъ:

„чтобъ слово, письмо или дѣйствіе почтено было за обиду или оскорбленіе, надлежитъ знать было ли намѣреніе обидѣть, или оскорбить, или вредить?" Такимъ образомъ animus injuriandi признавался условіемъ обиды, хотя его и путали съ намѣреніемъ вредить.

Постановленіе Манифеста о дуэляхъ важно еще въ томъ отношеніи, что здѣсь вводится римскій искъ, а именно предоставляется обиженному право вести дѣла или путемъ гражданскимъ, или уголовнымъ, сообразно съ его желаніемъ. „Искъ въ обидѣ, говоритъ Манифестъ, есть двухъ родовъ: во 1-хъ, въ обидѣ тяжкой—искъ уголовный; во 2-хъ, въ обидѣ—искъ гражданскій. Буде кто на кого учинитъ въ обидѣ личной искъ уголовный, тому не запрещается отъ онаго отстать и учинить искъ гражданскій. Буде кто на кого учинитъ въ обидѣ личной искъ гражданскій, тотъ лишается въ той же обидѣ личной иска уголовнаго" (*).

§ 85. Въ нынѣшнемъ столѣтіи начинаются попытки кодификаціи русскаго уголовнаго законодательства. Первоначально онѣ не привели ни къ какому результату. Задались мыслью составить идеальный кодексъ, призвали для этого нѣмецкихъ ученыхъ и, не позволяя знакомиться съ русскою жизнью, русской исторіею, поручили имъ составить уголовное уложеніе.

Въ 1813-мъ году изданъ былъ первый проектъ уголовнаго законодательства. Составленный подъ сильнымъ вліяніемъ западно-европейскаго права, проектъ не могъ быть пригоднымъ, и дѣйствительно не былъ принятъ.

Проектъ 1813-го года различаетъ обиды словесныя и письменныя и, по отношенію къ первымъ, говоритъ: „за обидныя слова или клеветы, заочно произнесенныя, суда не давать" (**); но клевета на письмѣ признается преступленіемъ. Она опредѣляется при этомъ слѣдующимъ образомъ: „Когда кто другаго на письмѣ или въ печатныхъ сочиненіяхъ обвиняетъ или порочитъ закону противными дѣяніями, которыя подвергли бы его уголовному наказанію,

(*) Манифестъ о поединкахъ 21-го Апрѣля 1787 года, §§ 18, 19, и 20-й (см. П. С. З. № 16,535).

(**) Проектъ Уголовнаго Уложенія 1813 года, § 463.

если бы доказаны были" (*).—Это понятіе клеветы очевидно заимствовано изъ опредѣленія, обсуждавшагося въ то время проекта Баварскаго Уложенія 1813-го года; но откуда взято запрещеніе словесной клеветы, высказанной заочно, — неизвѣстно; по всему вѣроятію, въ данномъ случаѣ повліяли взгляды до-петровской Россіи.

Съ царствованія императора Николая Павловича начинается снова рядъ законодательныхъ работъ. Благодаря великому дѣятелю на почвѣ исторіи русскаго законодательства, Сперанскому, работы приняли иной характеръ: издается Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи, и изъ нихъ уже, какъ экстрактъ, выводится дѣйствующій Сводъ Законовъ.

Путь, предпринятый этими работами, безспорно, много болѣе разумный, чѣмъ попытки перевести на русскую почву нѣмецкіе законы, чѣмъ издать, чрезъ посредство ученыхъ нѣмцевъ, идеальные нѣмецкіе кодексы. Но, тѣмъ не менѣе, и по отношенію къ работамъ Сперанскаго нельзя не сдѣлать одного возраженія: Полное Собраніе Законовъ представляетъ вѣдь сводъ всѣхъ приказовъ, распоряженій, указовъ и т. д. Все это сводится въ одну массу, а потомъ изъ всего этого дѣлается выводъ и объявляется дѣйствующимъ правомъ. Но дѣло въ томъ, что благодаря подобному способу дѣйствія, въ Полное Собраніе попали очень многіе изъ законовъ XVIII-го столѣтія, неимѣвшихъ ничего общаго ни съ предыдущею русской исторіей, ни съ тогдашнимъ положеніемъ дѣлъ, ни даже съ послѣдующимъ строемъ русской жизни; къ числу такихъ законовъ прежде всего должно отнести Воинскій Артикулъ Петра 1-го. Между тѣмъ подобные законы попали въ Полное Собраніе и затѣмъ многія опредѣленія ихъ вошли въ дѣйствующій Сводъ. Въ этомъ, намъ кажется, заключается ошибка редакторовъ: Россія нуждалась не въ „Сводѣ" законовъ, а въ изданіи новаго „Уложенія", согласнаго съ строемъ новой русской жизни, съ вновь выработанными воззрѣніями. Уложеніе царя Алексѣя Михайловича уже, конечно, устарѣло; почти два столѣтія настолько измѣнили Россію, что ей нужно было новое законодательство; законы же Петра 1-го и нѣкоторые изъ зако-

(3) Проектъ Уголовнаго Уложенія 1813 года, §§ 453 и 454.

новъ послѣдующихъ императоровъ, часто не были никогда пригодны для нашей почвы. Итакъ намъ нуженъ былъ новый уголовный „кодексъ“, а не „сводъ“. Конечно, и редакторы Свода не принимали многое, что̀ казалось имъ несогласнымъ съ новою жизнью; но такъ какъ они все-таки стояли на невѣрной почвѣ, то естественно, что въ наши законы попали (и даже до сихъ поръ сохранились) многія опредѣленія, существованіе которыхъ нельзя объяснить ничѣмъ инымъ, какъ только возникновеніемъ ихъ въ законахъ и указахъ XVIII-го столѣтія.

Въ 1832 г. былъ изданъ Сводъ русскихъ уголовныхъ законовъ. Затѣмъ онъ вытерпѣлъ реформы въ 1842, 1845, 1857 годахъ и, наконецъ, дѣйствуетъ въ наше время подъ именемъ Уложенія о наказаніяхъ 1866-го года.

§ 86. Что касается до преступленій противъ чести, то они оставались во всѣхъ этихъ сборникахъ далеко не однообразными, а именно до 1845-го года существуетъ одно постановленіе, съ этого же времени оно видоизмѣняется.

Въ Сводѣ 1832 г. и затѣмъ въ Сводѣ 1842 г. различается обида отъ клеветы. Обида опредѣляется какъ пренебреженіе къ особѣ ближняго съ намѣреніемъ обидѣть его, или оскорбить, или повредить ему лично, или его женѣ, или чаду, или служителю, или ближнему его (Сводъ 1832 г. ст. 367; Сводъ 1842 г. т. XV-й, ст. 404-я). О клеветѣ же говорится слѣдующимъ образомъ: „Тотъ, кто поклеплетъ на другаго съ намѣреніемъ обругать честное его имя, долженъ предъ судомъ и предъ обиженнымъ обличить свои слова и сказать, что онъ солгалъ; сверхъ же того подлежитъ онъ заключенію въ тюрьму на полгода“ (Сводъ 1832 г. ст. 388-я; Сводъ 1842 г. ст. 428-я).

Главнымъ руководствомъ къ составленію въ Сводѣ 1832 г. статей объ оскорбленіяхъ чести служилъ Воинскій Артикулъ. Нѣкоторыя статьи составляютъ даже почти дословное повтореніе Артикула, такъ напр. о пасквиляхъ (*): къ числу подобныхъ же статей относится и опредѣленіе клеветы. Приведенная выше статья (388-я ст. Свода 1832 г. и

(*) Ст. 423 и 424 тома XV-го Свода 1842 года есть повтореніе § 149-го Воинскаго Артикула.

428-я ст. Свода 1842 г.) есть ничто иное, какъ повтореніе § 151-го Воинскаго Артикула (*).

Болѣе точнаго опредѣленія понятія клеветы Своды 1832 г. и 1842 г. не знаютъ.

Въ 1845 г. послѣдовало измѣненіе статей объ оскорбленіяхъ чести. Въ Уложеніи о наказаніяхъ, изданномъ въ томъ году, представляется опредѣленіе клеветы въ 2,017-й, 2,018-й и слѣдующихъ статьяхъ. Затѣмъ эти же статьи вошли буквально въ Уложеніе 1857 г. (ст. 2,095 и 2,096). Наконецъ, статья 2,017-я и нѣкоторыя другія попадаютъ и въ нынѣ дѣйствующее Уложеніе, а именно онѣ помѣщены здѣсь отъ 1,535-й до 1,540-й ст.; статья же 2,018-я измѣняется нѣсколько и входитъ въ Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, въ статью 136-ю.

ЧЕТВЕРТЫЙ ПЕРІОДЪ.

Съ начала нынѣшняго столѣтія начинается все большее и большее развитіе личности русскаго гражданина. Высшее умственное развитіе, доступное сначала малому числу лицъ, увеличивается постепенно болѣе и болѣе; параллельно съ этимъ въ средѣ бо́льшаго количества лицъ начинаетъ выясняться правильный взглядъ на личность человѣка, а чрезъ это вырабатывается и болѣе правильное понятіе чести.

Громадный шагъ на пути къ новой жизни русской личности сдѣлало нынѣшнее царствованіе. Уничтоженіе крѣпостного права признало de jure права́ личности за большею половиною русскаго населенія. Если de facto это осуществилось еще и не вполнѣ, если низшіе классы русскаго общества плохо понимаютъ еще и до сихъ поръ свои права́, то въ этомъ виновато уже не законодательство. Освобожденіе крестьянъ не-

(*) § 151-й Воинскаго Артикула гласитъ: «Ежели офицеръ о другомъ чести касающіяся или поносныя слова будетъ говорить, дабы тѣмъ его честное имя обругать и уничтожить, оный имѣетъ предъ обиженнымъ и предъ судомъ обличать свои слова и сказать, что онъ солгалъ, и сверхъ того посаженъ быть на полгода въ заключеніе».

льзя считать единственною реформою, клонящеюся къ поднятію забитой русской личности: цѣлый рядъ реформъ имѣетъ въ виду, прежде всего, ту же цѣль.

Параллельно съ этимъ выясняется и понятіе чести. Если въ низшихъ классахъ русскаго общества и замѣчаемъ мы до послѣдняго еще времени примѣры слабой чувствительности, за то въ развитомъ классѣ честь принимаетъ ту форму, какая вполнѣ согласна съ новымъ взглядомъ цивилизованнаго міра на личность человѣка.

II. ПОНЯТІЕ КЛЕВЕТЫ ПО ДѢЙСТВУЮЩЕМУ ПРАВУ. (*)

§ 88. Клевета, какъ преступленіе противъ чести частнаго лица, существуетъ въ дѣйствующемъ нашемъ правѣ какъ самостоятельное преступленіе. Опредѣленіе ея явилось у насъ впервые въ Уложеніи 1845 г., а именно статья 2,017-я опредѣляла это преступленіе слѣдующимъ образомъ: „Кто дозволитъ себѣ.....оклеветатать кого-либо несправедливо, обвиняя его, или жену его, или членовъ его семейства въ дѣяніи, противномъ правиламъ чести.....“ Это же опредѣленіе клеветы сохраняется и въ Уложеніи 1857 г. и, наконецъ, въ Уложеніи 1866 года, въ статьѣ 1,535-й. Уставъ Мировыхъ Судей не опредѣляетъ того, что́ слѣдуетъ понимать подъ клеветою, запрещаемою въ статьѣ 136-й, но такъ какъ статья 136-я не есть нововведеніе, а представляетъ только замѣну 2,096-й статьи Уложенія 1857 г., то естественно, что и здѣсь удержалось то же опредѣленіе клеветы, которое было высказано тамъ въ статьѣ 2,095-й.

Рядъ другихъ статей, затѣмъ судебная практика и, наконецъ, въ особенности практика кассаціоннаго департамента правительствующаго сената объясняютъ это опредѣленіе и даютъ возможность вывести условія клеветы.

(*) Литература: Неклюдовъ. «Руководство для мировыхъ судей», т. II стр. 545—557. Лохвицкій. «Учебникъ Уголовнаго Права», стр. 607—613. Калмыковъ. «Учебникъ Уголовнаго Права», стр. 447—449. Спасовичъ. «За много лѣтъ», стр. 57—86.

Рѣшенія кассаціоннаго департамента—изъ Сборника г. Думашевскаго, ст. IV, §§ 1,887—1,930 и §§ 1,414—1,430.

§ 89. Первое условіе клеветы, признаваемое нашимъ законодательствомъ, есть требованіе *распространенія* извѣстныхъ фактовъ *въ средѣ другихъ лицъ*, есть требованіе *обвиненія* лица въ извѣстномъ дѣяніи (какъ говоритъ Уложеніе 1866 г., ст. 1,535-я). (*)

Доказывать необходимость этого условія нѣтъ никакой надобности: въ предыдущемъ историческомъ очеркѣ мы уже видѣли, что оно признавалось всегда.

Въ литературѣ представляется спорнымъ—необходимо ли для совершенія клеветы отсутствіе оклеветаннаго, или же клевета можетъ быть и въ его присутствіи. Нѣкоторые изслѣдователи и кодексы считаютъ клеветою только обвиненіе, высказанное въ отсутствіе лица. Мы видѣли выше доводы въ защиту этого у Каррары. Но согласиться съ подобнымъ взглядомъ невозможно: въ основаніе различія двухъ преступленій никогда не можетъ быть положено чисто-случайное обстоятельство—присутствіе или отсутствіе оклеветываемаго. Различіе между клеветою и обидою лежитъ глубже въ самомъ характерѣ дѣянія: обида есть прямое нападеніе на честь лица, клевета есть униженіе личности въ глазахъ другихъ. Униженіе же можетъ быть совершено нетолько въ отсутствіе, но и въ присутствіи личности. Каррара полагаетъ, что обвиненіе, высказанное за спиною лица, можетъ нанести бо́льшій вредъ; когда же клевета направлена противъ присутствующаго, то онъ можетъ дать непосредственно отпоръ ей, можетъ оправдаться предъ тѣми, которые ее слышали.—Подобное разсужденіе неосновательно. Если и вѣрно, что иногда лицо можетъ тотчасъ же доказать неправду сообщеннаго, то это бываетъ далеко не всегда; возможны частые случаи, когда обиженному нельзя опровергнуть разсказанное, или когда у него хотя и будутъ доказательства, но привести ихъ тутъ же немедленно не представится возможности. Распространеніе дурной славы такимъ образомъ совершится, хотя слова и были сообщены въ присутствіи обижаемаго.

Въ нашемъ законодательствѣ не высказывается требованія заочнаго обвиненія для совершенія клеветы; напро-

---

(*) Что выраженіе „обвиненіе“ понимается именно въ этомъ смыслѣ, это видно изъ Кассац. Рѣш. по дѣлу Крылова. 1871 г., № 187.

тивъ, кассаціонный департаментъ допускаетъ прямо противное: „клевета можетъ быть произнесена и въ присутствіи лица". (1870 г., № 1,310, по дѣлу Маевскаго; 1871 г., № 325, по дѣлу Каушанскихъ). (*)

На практикѣ возможны частые случаи совпаденія обиды и клеветы въ одномъ и томъ же дѣяніи. А, пользуясь присутствіемъ В и нѣсколькихъ посторонннихъ лицъ, разсказываетъ о какомъ-нибудь безчестномъ поступкѣ его и притомъ въ такой формѣ, которая признана въ этомъ кругу лицъ за обидную. Ясно, что здѣсь будутъ существовать два преступленія, наказаніе должно быть налагаемо по правиламъ о совокупности преступленій.

Сущность преступленія клеветы не измѣняется отъ того, при скольких лицахъ сдѣлано обвиненіе: упрекъ, высказанный въ большомъ собраніи лицъ, можетъ пройти почти незамѣтно, а съ другой стороны сообщеніе и одному лицу можетъ нанести большой вредъ оклеветанному. Очень часто на практикѣ встрѣчаются случаи, когда важно скрыть поступокъ только отъ извѣстной личности, когда для оклеветаннаго легче, если поступокъ будетъ узнанъ многими, чѣмъ однимъ тѣмъ лицомъ, отъ котораго онъ желалъ въ особенности скрыть его.

Наше Уложеніе не говоритъ ничего о томъ, при скольких лицахъ должно быть сдѣлано обвиненіе, а это давало возможность практикѣ признавать клевету и при сообщеніи, сдѣланномъ одному лицу. Но произнесеніе какихъ-либо словъ или выраженій, вызванныхъ обращенными къ данному лицу вопросами, и притомъ произнесеніе ихъ въ тѣсномъ кругу роднаго отца и духовника, не считается кассаціоннымъ департаментомъ распространеніемъ. (1870 г., № 1,491, по дѣлу Неустроевой).

Само-собою разумѣется, что для того, чтобы обви-

(*) Съ этимъ взглядомъ не соглашается въ нашей литературѣ г. Лохвицкій (Учебникъ, стр. 607-я). «Отличительные элементы клеветы, говоритъ онъ—заочность и несоотвѣтствіе разсказаннаго съ дѣйствительностью». Впрочемъ самъ же г. Лохвицкій чрезъ нѣсколько строкъ опровергаетъ себя, говоря, что клевета совершается только всего чаще заочно.

нить лицо въ клеветѣ, необходимо доказать, что распространеніе произошло сознательно, по волѣ лица. Если А запишетъ о какомъ-нибудь фактѣ въ своей записной книжкѣ, а эта послѣдняя какъ-нибудь случайно попадетъ въ руки постороняго лица, которое прочтетъ тамъ написанное, то распространеніе хотя и совершится, но преступленія клеветы не будетъ. По мнѣнію кассаціоннаго департамента сената, для понятій распространенія вовсе не требуется сообщенія какого-либо слуха другимъ, а только произнесеніе обвиненія въ присутствіи другихъ лицъ, такъ какъ и въ этомъ случаѣ обвиненіе дѣлается извѣстнымъ посторонним лицамъ и наносится вредъ чести и доброму имени обижаемаго (1870 г., № 1,310, по дѣлу Маевскаго). Слова эти должны быть принимаемы, конечно, съ ограниченіемъ: если лицо высказывало факты, зная о присутствіи третьихъ лицъ, зная, что они услышатъ его, то клевета можетъ быть признана существующею; но если оно говорило, не разсчитывая на ихъ присутствіе, то хотя бы они и услыхали его слова, хотя бы обвиненіе и сдѣлалось извѣстнымъ, тѣмъ не менѣе признать лицо преступникомъ невозможно.

Что касается до способа распространенія, то наше законодательство допускаетъ здѣсь не только слово и письмо, но и всякіе другіе знаки, которыми можетъ быть совершено распространеніе. Хотя 136-я ст. Устава мировыхъ судей говоритъ только о клеветѣ на словахъ и на письмѣ, но кассаціонный департаментъ совершенно разумно даетъ этой статьѣ распространительное толкованіе. „Къ обвиненію на письмѣ, (говоритъ онъ) можетъ быть относимо начертаніе знаковъ, изображеній, имѣющихъ извѣстный, опозоривающій честь, смыслъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ знакъ или изображеніе замѣняетъ собою письменную рѣчь“. (1869 г., № 1,039, по дѣлу Кандакова). Поэтому вымазаніе воротъ дёгтемъ, означающее, по мѣстнымъ обычаямъ, обвиненіе живущей въ томъ домѣ женщины въ непотребномъ поведеніи, вполнѣ подходитъ подъ понятіе клеветы.

Какъ особый видъ совершенія клеветы, представляется у насъ распространеніе ея въ официальной бумагѣ и въ печати. Въ первомъ случаѣ измѣняются подсудность и мѣра наказанія, всѣ же условія клеветы остаются въ полной силѣ; но, по отношенію къ клеветѣ, въ печати существуютъ пра-

вила, которыя мы увидимъ ниже, при разборѣ второго условія этого преступленія. (*).

§ 90. Однимъ изъ самыхъ важныхъ вопросовъ въ ученіи о клеветѣ былъ вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли признавать за условіе этого преступленія *лживость* распространяемаго.

Въ предыдущемъ изложеніи мы видѣли какъ понималось это условіе въ исторіи. Мы видѣли, что въ Римѣ признавалось оно безъ всякаго ограниченія въ теченіе всей жизни римскаго народа; только въ концѣ имперіи, во времена полнаго упадка, во времена совершенной потери гражданами своей свободы, является запрещеніе распространять истинные факты. Признавалось условіе лживости распространяемаго и во всю нѣмецкую исторію, начиная съ первыхъ народныхъ германскихъ правъ и вплоть до XVI-го столѣтія. Впервые законодательство Карла V-го выставляетъ плохо-понятое, чуждое германской жизни, постановленіе римскаго кодекса Теодора и измѣняетъ такимъ образомъ взглядъ на этотъ вопросъ. Новое воззрѣніе поддерживаютъ затѣмъ немногіе представители науки, поддерживаютъ его немногіе и кодексы, но не долго: старый взглядъ одерживаетъ снова перевѣсъ. Начиная съ Вебера, возстаетъ вся наука, за нею слѣдуютъ всѣ уголовные кодексы, и въ настоящее время наступаетъ полное согласіе: во всей Германіи признается то условіе, которое такъ согласно и съ ходомъ исторіи, и съ правильнымъ взглядомъ на общественный строй,— признается допустимость exceptio veritatis.

Тоже самое произошло и въ нашей исторіи. Въ теченіе всего второго періода лживость распространяемаго признавалась за условіе клеветы; тотъ же взглядъ удержало и

(*) Г. Спасовичъ признаетъ («За много лѣтъ» стр. 59), что «клевета бываетъ, когда изобрѣтаются и распускаются о другомъ лицѣ слухи», но намъ кажется, что прибавленіе «изобрѣтаются» не вѣрно. Клевета совершается только чрезъ распространеніе фактовъ; изобрѣтеніемъ только нельзя еще совершить преступленія, а съ другой стороны для состава клеветы не важно знать, кто изобрѣлъ фактъ; преступленіе будетъ совершено и при распространеніи факта, изобрѣтеннаго другимъ лицомъ.

Невѣрно, конечно, и опредѣленіе г. Калмыкова, что клевета есть «вымыселъ ложныхъ фактовъ» (Учебникъ, стр. 444).

Уложеніе 1649-го года. Только Петръ 1-й въ своемъ уголовномъ сборникѣ запрещаетъ впервые exceptio veritatis; чуждые Россіи взгляды предписываются одною волею Монарха, какъ обязательные. Но не долго живетъ этотъ взглядъ на практикѣ: уже Екатерина II-я въ своемъ Манифестѣ о дуэляхъ не знаетъ запрещенія exceptio veritatis. Впрочемъ, взгляды Военныхъ Артикуловъ одерживаютъ чрезъ нѣсколько времени перевѣсъ; при первыхъ изданіяхъ Свода законовъ попадаютъ сюда многія статьи изъ этого сборника.

Наконецъ, въ 1845 г. русское законодательство обратилось снова на правильный путь; взгляды всей исторіи и всего цивилизованнаго міра возстановляются, и въ Сводѣ 1845 г. признается за необходимое условіе клеветы — ложность распространяемаго. Только въ одномъ случаѣ удержались у насъ взгляды Петра Перваго: при клеветѣ въ печати exceptio veritatis почти не допускается и до сихъ поръ.

Итакъ, во всю исторію господствующимъ правиломъ было признаніе ложности распространяемаго, какъ условія клеветы. Да это и совершенно естественно. Существуетъ много основаній, по которымъ немыслимо наказывать за распространеніе истинныхъ фактовъ. Прежде всего, наказывать за то, что лицо говоритъ правду, противно народному взгляду. Никогда народъ не считалъ, да и не могъ считать, преступникомъ того, кто передастъ истинный фактъ; законодательство же вѣдь постоянно должно сообразоваться съ народными воззрѣніями и взглядами. Запрещеніе говорить правду ведетъ, далѣе, къ освященію системы лжи и коварства, развиваетъ въ обществѣ притворство, обманы,—а это, въ свою очередь, страшно пагубно отзывается на всей общественной жизни. Правильная жизнь общества возможна только при господствѣ общественнаго мнѣнія, при запрещеніи же говорить истину общественное мнѣніе потеряетъ всякое значеніе. Для правильнаго устройства общества, для правильнаго поддержанія всѣхъ общественныхъ интересовъ, необходима свобода слова. Мыслимы ли будутъ выборы въ общественныя должности, когда запрещено будетъ говорить свободно о качествахъ избираемыхъ? Можно ли будетъ ожидать отъ лица правильнаго, честнаго отправленія его обязанностей, если запрещено будетъ указывать на совершенное

имъ уклоненіе?—Запрещеніе говорить правду неминуемо ведетъ къ поддержкѣ негодяевъ, мошенниковъ. Государство чрезъ это прямо говоритъ: вы можете подличать, можете нарушать какія угодно права, можете пренебрегать самыми святыми своими обязанностями, можете дѣлать все это, и не бойтесь—васъ никто не будетъ преслѣдовать! Офиціальнымъ фискаламъ, оберъ-фискаламъ и даже генералъ-фискаламъ за вами вѣдь не услѣдить; изъ остальныхъ же гражданъ никто не посмѣетъ сказать противъ васъ ни одного слова, всѣ должны будутъ сносить ваши подлости; если же кто-нибудь рѣшится открыть ваши поступки, тотъ будетъ наказанъ какъ клеветникъ!!!

Много говорилось въ литературѣ за exceptio veritatis, но мы считаемъ излишнимъ объяснять это подробнѣе: вся наука согласилась уже въ настоящее время съ этимъ взглядомъ (*), согласилось съ нимъ и наше русское законодательство. Клевета, по опредѣленію 1,535-й ст., существуетъ только при обвиненіи въ несправедливомъ фактѣ; клевета есть несправедливое обвиненіе въ дѣяніи, противномъ правиламъ чести, говорятъ рѣшенія кассаціоннаго департамента; приписаніе такого поступка, который дѣйствительно совершонъ лицомъ, не можетъ быть клеветою. (1869 года, № 274, по дѣлу Сѣдова; 1869 года, № 771, по дѣлу Афонасьева, и др.).

Но, признавая за общее правило требованіе для состава клеветы лживости распространяемаго, наука и законодательство представляли и представляютъ, тѣмъ не менѣе, нѣсколько исключеній.

Такъ, во 1-хъ, существуетъ мнѣніе, что не по отношенію ко всѣмъ сферамъ должно быть принимаемо подобное правило. Свобода высказывать истину должна быть полная только по отношенію къ тѣмъ поступкамъ, которые носятъ общественный характеръ; но все, что касается до жизни частнаго лица, какъ такового, должно быть охраняемо. Подобный взглядъ существовалъ у англичанъ, держится его и французское право. Но намъ кажется, что съ этимъ нельзя согласиться. Дѣло въ томъ, прежде всего, что нѣтъ ни ма-

(*) Въ нашей литературѣ это доказывается ясно г. Неклюдовымъ. Ibid., стр. 552 и слѣд.

лѣйшей возможности различать строго поступки лица, какъ дѣятеля общественнаго и какъ лица частнаго. Г. Спасовичъ совершенно вѣрно говоритъ: „Дѣятелемъ общественнымъ слѣдуетъ считать всякаго, кто имѣетъ дѣло съ публикою, слѣдовательно—всякаго банкира, адвоката, лекаря, журналиста, художника, даже и ремесленника, по части его искусства, промышленности и торговыхъ оборотовъ, хотя бы онъ не состоялъ на государственной службѣ ни по выборамъ, ни по назначенію отъ правительства“ (*). О каждой изъ этихъ личностей важно знать истину; на общественномъ бытѣ также вредно отзовется, когда скроютъ о подлостяхъ журналиста, фабриканта, какъ и о подлостяхъ чиновника. Каждое частное лицо входитъ въ столкновенія съ обществомъ, и о каждомъ общество желаетъ знать правду. При выборахъ въ общественныя должности мало знать о томъ, какъ поступаетъ лицо при исполненіи общественной дѣятельности: важно знать и объ его частной жизни, объ его отношеніяхъ къ дѣтямъ, друзьямъ; только по этому можно будетъ составить полное понятіе о человѣкѣ и рѣшить, на сколько годенъ онъ на избираемый постъ. Но мало этого: и въ чисто-частныхъ отношеніяхъ бываетъ важно знать о лицѣ. А желаетъ выйти за мужъ за В; С желаетъ жить съ Д на одной квартирѣ; тотъ и другой интересуются, конечно, этими личностями; они спрашиваютъ о нихъ, но никто имъ не отвѣчаетъ, хотя и знаетъ ихъ дурные поступки, или, отвѣчая, лжетъ; каждый боится сказать истину, иначе онъ отвѣтитъ за клевету. Наконецъ, наказывать за распространеніе истинныхъ фактовъ невозможно и потому, что лицо говоритъ вѣдь правду,—какже наказать его за то только, что онъ не солгалъ?

Что касается до нашего законодательства, то оно признаётъ различіе сферы дѣятельности лица тогда, когда сообщаются о немъ извѣстные слухи въ печати. По 1,039-й статьѣ Уложенія о наказаніяхъ, окончательно запрещается сообщать печатно о частныхъ лицахъ, какъ таковыхъ; но истина распространяемыхъ фактовъ, касающихся до служебной или общественной дѣятельности лица, можетъ быть под-

(*) Спасовичъ, ibid., стр. 64.

тверждаема, впрочемъ, только чрезъ одни письменныя доказательства.

Затѣмъ говорятъ, что exceptio veritatis должно быть допускаемо только при выраженіяхъ словесныхъ и письменныхъ, но въ печати должно запрещать распространеніе даже и истинныхъ фактовъ. Основаніемъ подобному взгляду представляется то, что распространеніе извѣстнаго факта въ печати можетъ будто бы нарушить общественное спокойствіе.

Мы не можемъ согласиться и съ этимъ взглядомъ. Неужели можно назвать общественнымъ спокойствіемъ то состояніе, при которомъ со страхомъ будутъ избѣгать всякаго выраженія истины для того только, чтобы не произвести волненія? Такое спокойствіе болѣе чѣмъ нежелательно для каждаго общества! Да и кромѣ того, дозволять распространеніе истины словомъ и письмомъ при всевозможныхъ случаяхъ и запрещать клевету въ печати—не логично. А, при тысячи лицахъ, называетъ В воромъ: А—не клеветникъ; А называетъ В воромъ въ какой-нибудь газетѣ, издаваемой въ малонаселенномъ мѣстечкѣ, въ какой-нибудь книгѣ, изданной въ маломъ количествѣ экземпляровъ и т. п.: А—клеветникъ. Отчего же? Неужели во второмъ случаѣ происходитъ бо́льшее нарушеніе общественнаго спокойствія, наноситея бо́льшій вредъ для В, чѣмъ въ первомъ? Пресса есть важный общественный дѣятель нашего времени: пресса руководитъ общественною жизнью, регулируетъ, направляетъ ее. Прессѣ должна быть даваема какъ только возможно бо́льшая свобода, а между тѣмъ въ пей-то именно и представляется бо́льшее, чѣмъ гдѣ-либо, стѣсненіе.

На основаніи этихъ соображеній, намъ кажется неосновательнымъ запрещеніе, высказанное въ нашемъ Уложеніи въ 1,039-й ст. Если въ прежнее время, при слабомъ признаніи правъ личности, при слабомъ участіи гражданъ въ общественномъ управленіи, подобное постановленіе и имѣло значеніе, за то теперь, со времени наступленія четвертаго періода нашей исторіи, запрещеніе это представляется уже несогласнымъ съ обновленною нашею общественною жизнію. Частныя лица призываются у насъ къ многосторонней дѣятельности, происходятъ постоянные выборы въ различныя должности, обществу предоставляется контроль надъ мно-

гими сферами жизни; мыслимо ли при всемъ этомъ существованіе 1,039-й статьи? Общество желаетъ, чтобы его право контролировать общественныхъ дѣятелей прилагалось, а между тѣмъ 1,039-я статья мѣшаетъ этому; общество желаетъ избрать извѣстную личность въ должность, желаетъ для этого знать объ ней: 1,039-я статья запрещаетъ сообщать о такой личности, наказываетъ тюрьмою за каждое сообщеніе о негодяѣ, желающемъ, обманувъ общественное довѣріе, стать представителемъ общества. Итакъ, ни съ правами выбора, ни съ требованіями вообще правильной общественной жизни не вяжется запрещеніе распространять въ печати истинные факты.

§ 91. Изъ признанія разбираемаго нами второго условія клеветы вытекаетъ допущеніе такъ-называемаго exceptio veritatis, вытекаетъ право обвиняемаго доказать, что онъ сообщилъ истину. Но при этомъ возникаетъ слѣдующее сомнѣніе: что́ должно подразумѣвать здѣсь подъ словомъ истина? Какъ извѣстно, можно говорить о двоякой истинѣ — субъективной и объективной. О какой изъ нихъ должна идти рѣчь въ данномъ случаѣ? По мнѣнію нѣкоторыхъ, должно доказывать истину объективную; только тогда и можно освободить лицо отъ наказанія, когда будетъ доказано, что фактъ, о которомъ оно распространяло, дѣйствительно совершился. Но другіе не соглашаются съ этимъ: требовать доказательства истины объективной и наказывать за сообщеніе каждаго факта, который окажется въ дѣйствительности невѣрнымъ, невозможно; подобное постановленіе было бы почти равно полному запрещенію сообщать объ извѣстныхъ намъ фактамъ. Дѣло въ томъ, что нѣтъ возможности почти никогда быть на столько твердо увѣреннымъ въ истинѣ, чтобы ручаться, что фактъ непремѣнно таковъ. Человѣкъ всегда можетъ ошибаться, даже очевидцы факта могутъ представлять его себѣ въ иномъ видѣ. Поэтому каждый будетъ бояться сообщать объ извѣстныхъ ему поступкахъ другого, каждый будетъ думать: а можетъ быть я еще знаю это невѣрно, можетъ быть я ошибаюсь! Да къ тому же можно ли наказывать лицо за разсказъ о томъ, что ему кажется вѣрнымъ?

Вслѣдствіе этихъ соображеній, новая наука не считаетъ возможнымъ требовать доказательства объективной истины и освобождаетъ отъ наказанія лицо, доказавшее, что оно само

считало фактъ дѣйствительно таковымъ и, распространяя его, было вполнѣ добросовѣстно убѣждено, что говоритъ правду. Поэтому для рѣшенія этого вопроса судья долженъ всегда постараться стать на мѣсто обвиняемаго и рѣшить, могъ ли онъ вѣрить въ истину факта, дѣйствительно ли онъ говорилъ съ сознаніемъ истины, и если только судья убѣдится въ этомъ, наказаніе не должно быть прилагаемо, обвиняемый долженъ быть объявленъ свободнымъ. Если же оклеветанный будетъ представлять возраженія противъ доводовъ, представляемыхъ обвиняемымъ, и докажетъ, что фактъ, казавшійся вѣрнымъ распространителю, на самомъ дѣлѣ былъ не таковъ, то это не должно вліять на назначеніе наказанія. Для возстановленія добраго имени судья можетъ напечатать фактъ такимъ, какимъ онъ окажется на самомъ дѣлѣ; но онъ не можетъ признать распространителя преступникомъ.

Само-собою разумѣется, что на практикѣ могутъ встрѣтиться такіе случаи, въ которыхъ лицо нельзя не обвинить въ томъ, что оно слишкомъ поверхностно взглянуло на дѣло, что если бы оно постаралось подробнѣе разобрать вопросъ, то увидѣло бы всю ошибочность своего взгляда. Въ подобныхъ случаяхъ, какъ справедливо замѣчаетъ г. Неклюдовъ, должно наказывать за неосмотрительность, неосторожность.

Нѣкоторыя изъ западно-европейскихъ кодексовъ совершенно ясно признаютъ необходимымъ, для освобожденія отъ наказанія за клевету, доказать истину субъективную; такъ, напр., мы указывали уже выше по этому поводу на законодательство цюрихское.

Но что касается до нашего русскаго Уложенія, то оно говоритъ какъ-то смутно объ этомъ вопросѣ: ни въ одной изъ статей, представляющихъ опредѣленіе клеветы, не упоминается объ этомъ; рѣшенія же кассаціоннаго департамента, по видимому, прямо говорятъ за истину объективную: „Для понятія клеветы предполагается ложность взведеннаго на кого-либо обвиненія, а поэтому судъ долженъ въ своемъ приговорѣ положительно указать, признаётъ ли онъ распространенный слухъ ложнымъ или несправедливымъ". (1871 г., № 168, по дѣлу Пальмовской; тоже 1870 г., № 822, по дѣлу Демидова).

Но намъ кажется, что 1,535-я статья должна быть понята въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы защищаемъ. Клевета существуетъ, когда „кто-нибудь дозволитъ себѣ оклеветать кого-либо несправедливо, обвиняя въ дѣяніи, противномъ правиламъ чести". Такимъ образомъ лицо наказывается, когда оно, обвиняя въ дѣяніи, противномъ правиламъ чести, поступаетъ несправедливо; если же оно поступаетъ справедливо, то не можетъ быть и наказанія. Но врядъ ли кто-нибудь сочтетъ лицо поступающимъ несправедливо, если оно будетъ сообщать о фактѣ, который ему кажется истиннымъ. Итакъ редакція 1,535-й статьи, по видимому, допускаетъ исключеніе наказанія при истинѣ субъективной. Если бы законъ хотѣлъ требовать объективной истины, то онъ формулировалъ бы статью 1,535-ю слѣдующимъ образомъ: кто дозволитъ себѣ оклеветать кого-либо въ несправедливомъ дѣяніи....

§ 92. По отношенію къ exceptio veritatis представляется еще очень спорнымъ вопросъ: кто долженъ доказывать истину, есть ли это дѣло клеветника или оклеветаннаго?

Принимая во вниманіе, что задача уголовнаго процесса состоитъ не въ разъясненіи извѣстнаго факта вообще, а въ рѣшеніи только вопроса о винѣ или невинности подсудимаго, и что судья долженъ рѣшить, дѣйствовалъ ли распространитель разсматриваемаго факта съ сознаніемъ въ его вѣрности или нѣтъ,—мы согласимся съ тѣмъ, что тяжесть доказательствъ при exceptio veritatis должна лежать на обвиняемомъ въ клеветѣ. Оклеветанный жалуется суду, что X разсказалъ про него такіе-то и такіе-то факты, и проситъ наказать его; X говоритъ, что факты эти истинны и поэтому онъ не можетъ быть признанъ клеветникомъ; X долженъ доказать истину своихъ словъ. Наша судебная практика совершенно вѣрно разрѣшаетъ этотъ вопросъ. „Въ дѣлахъ о клеветѣ не оклеветанный, а обвиняемый, представляя свои основанія предъ судомъ, обязанъ доказать, что слухъ, распространенный имъ, не вымышленъ". (Рѣшеніе касс. деп. 1869 г., № 582, по дѣлу Шваертъ).

Въ связи съ вопросомъ о томъ, кто долженъ доказывать истину распространеннаго, стоитъ другой вопросъ: какими способами можно подтверждать истину, могутъ ли быть здѣсь признаваемы всевозможные способы доказательствъ или

же только какіе-либо виды ихъ? Наше законодательство при оклеветаніи лицъ, по отношенію къ ихъ общественной и служебной дѣятельности, допускаетъ представленіе только однихъ письменныхъ доказательствъ.

Согласиться съ подобнымъ рѣшеніемъ вопроса, намъ кажется, невозможно. Если при клеветѣ наказаніе назначается только за распространеніе лживыхъ фактовъ и если законодательство объявляетъ свободнымъ всякое сообщеніе фактовъ истинныхъ, то это, само-собою разумѣется, даетъ право обвиняемому представлять всевозможныя доказательства. Стѣсненіе этого будетъ ограниченіемъ exceptio veritatis, а слѣдовательно измѣненіемъ понятія преступленія. При дозволеніи представлять только извѣстныя доказательства, клевета перестаетъ быть распространеніемъ лживыхъ слуховъ, клеветою будетъ какъ разсказъ истинныхъ, такъ и лживыхъ фактовъ, а это неминуемо поведетъ за собою стѣсненіе свободы гражданъ и вредно отзовется на общественномъ строѣ.

§ 93. Такимъ образомъ, по отношенію ко второму условію клеветы, наше законодательство не выставляетъ общаго правила. Для клеветы на словахъ и на письмѣ лживость распространяемаго считается за необходимое условіе клеветы; тоже самое соблюдается и при клеветѣ въ бумагѣ, представленной присутственному мѣсту или чиновнику (ст. 136-я Уст. М. С. и ст. 1,535-я Улож. о наказ.). Затѣмъ, при оклеветаніи въ печати частныхъ лицъ, какъ таковыхъ, exceptio veritatis не допускается совершенно. Что же касается поступковъ, относящихся къ служебной и общественной дѣятельности лица, то дозволяется распространять печатно только тѣ изъ нихъ, которые можно будетъ подтвердить потомъ письменнымъ доказательствомъ (1,039-я ст.). Наконецъ, въ примѣчаніи къ 1,535-й статьѣ существуетъ еще одно постановленіе, а именно здѣсь говорится, что за клевету въ печатномъ или же и во всякомъ другомъ, получившемъ гласность, сочиненіи должно налагать наказаніе „на томъ же основаніи“, какъ и при обыкновенной клеветѣ на словахъ, на письмѣ и бумагѣ, поданной въ присутственное мѣсто. Статья эта такимъ образомъ говоритъ, что и при клеветѣ въ печати возможно доказывать истину распространяемаго, и если только это будетъ сдѣлано, то наказаніе не прилагается (это признаетъ и рѣшеніе кассаціоннаго де-

партамента по дѣлу Крылова, 1871 г., № 187). Слѣдовательно здѣсь говорится о томъ же самомъ преступленіи, о которомъ говоритъ и 1,039-я статья, т. е. объ оклеветаніи въ печати; но по одной изъ статей позволяется доказывать истину, по другой — это запрещается. Такимъ образомъ происходитъ коллизія въ одномъ законодательномъ сборникѣ двухъ противорѣчащихъ статей. Что между этими статьями нѣтъ никакого иного различія — это говоритъ и кассаціонный департаментъ: „Вся разница въ этомъ отношеніи между этими двумя видами оскорбленія чести заключается въ томъ, что въ опредѣленіи клеветы существеннымъ признакомъ входитъ признаніе судомъ несправедливости указаннаго въ сочиненіи позорящаго обстоятельства, тогда какъ ложность обвиненія не входитъ въ составъ существенныхъ признаковъ преступленія, предусмотрѣннаго въ ст. 1,039-й". (1871 г., № 187, по дѣлу Крылова).

Какимъ же образомъ явились двѣ противорѣчащія другъ другу статьи? — Произошло это чисто исторически, а именно статья 1.535-я не новая въ нашемъ Уложеніи; она, равно какъ и примѣчаніе къ ней, существуетъ съ 1845-го года; но статья 1,039-я введена сюда недавно, а именно только въ 1866-мъ году. До закона о печати, изданнаго 6-го апрѣля 1865-го года, у насъ существовала предупредительная цензура; каждое сочиненіе прежде выхода его въ свѣтъ переходило въ руки цензора. Цензора́ должны были, конечно, слѣдить и за тѣмъ, чтобы не было выпускаемо ничего вреднаго для чести того или другого лица; но такъ какъ поручить защиту чести частныхъ лицъ однимъ цензорамъ было невозможно, то поэтому дано было право частному лицу жаловаться на клевету, если бы явилось что-либо унизительное для его чести, и для этого издано было примѣчаніе къ 2,017-й статьѣ (Уложеніе 1845-го г.), потомъ къ 2,095-й (Уложеніе 1857-го г.), которое наконецъ перешло въ 1,535-ю статью Уложенія 1866-года. Но въ 1865-мъ году предупредительная цензура была уничтожена, дать же полную свободу печати законодательство побоялось, и вотъ для замѣны цензоровъ, для замѣны того, что впервые рапифировало печатныя сочиненія, издана была статья 1,039-я, но при этомъ не отмѣнилась и статья 1,535-я.

Въ настоящее время практика толкуетъ эти двѣ статьи слѣдующимъ образомъ: такъ какъ по примѣчанію къ 1539-й

статьѣ дѣла о клеветѣ и распространеніи оскорбительныхъ для чести сочиненій начинаются не иначе какъ по жалобѣ оклеветаннаго, то слѣдовательно ему, на его выборъ, предоставляется жаловаться по той или другой статьѣ.

§ 94. Кромѣ указаннаго выше, по отношенію къ exceptio veritatis существуетъ въ нашемъ законодательствѣ, по видимому, еще одно исключеніе, а именно разглашеніе истинныхъ слуховъ считается преступленіемъ тогда, когда свѣдѣнія сообщены лицу втайнѣ, или же узнаны вскрытіемъ чужого письма, или другимъ противозаконнымъ способомъ (137-я ст. Уст. М. С.). Статья эта замѣнила 2,097-ю статью Уложенія 1857 г., которая гласила: „Кто, хотя и не дозволяя себѣ *настоящей клеветы*, но съ намѣреніемъ оскорбить честь какого-либо лица или повредить оному, распространитъ такое свѣдѣніе, которое было ему сообщено по званію его, или по особой къ нему довѣренности, съ обѣщаніемъ сохранять его втайнѣ.... Наказанія возвышаются одною степенью, если виновный узналъ открываемую имъ тайну чрезъ вскрытіе чужого письма, пакета, шкафа, ящика или инымъ противозаконнымъ образомъ".

Статья эта, такимъ образомъ, говоритъ, что преступленіе, запрещаемое 137-й статьею Устава Мировыхъ Судей, не составляетъ „настоящей клеветы"; вѣрнѣе же будетъ сказать, что оно вовсе не составляетъ клеветы. Здѣсь запрещается совершенно особое, самостоятельное преступленіе противъ чести: признается преступленіемъ разглашеніе истинныхъ слуховъ, узнанныхъ втайнѣ (вслѣдствіе особаго званія или особой довѣренности) или противозаконнымъ способомъ. Главное основаніе наказанія за это преступленіе не то, какое мы видѣли при клеветѣ,—не то, что несправедливо уменьшается честь, разрушается доброе мнѣніе о лицѣ въ обществѣ, а то, что для оскорбленія лица пользуются несправедливыми, противозаконными способами.

Статья 137-я Уст. М. С. замѣнила, кромѣ того, еще статью 320-ю Уложенія 1857 г. Эта послѣдняя статья гласила: „Кто, поднявъ ругательное или же почему-либо оскорбительное для правительственнаго мѣста или лица письмо, или сочиненіе, или изображеніе, вмѣсто того, чтобы истребить его или представить ближайшему мѣстному начальству, будетъ оное показывать или читать, или же и-

нымъ образомъ сообщать другимъ“.... Наказаніе назначалось не болѣе трехъ дней ареста, тогда какъ по статьѣ 137-й—арестъ до 15-ти дней.

§ 95. Кромѣ всего этого, въ нашемъ законодательствѣ стоитъ еще рядъ статей о различныхъ случаяхъ клеветы. Здѣсь особенно выдвигается составленіе пасквилей, сочиненій и т. п., наносящихъ оскорбленіе Государю Императору, Царской Фамиліи, правительству и т. п. При обсужденіи дѣйствій правительства у насъ существуютъ правила, противоположныя тѣмъ, какія видѣли мы въ законахъ Англіи. Такъ напр., статья 281-я гласитъ: „Виновные въ составленіи и распространеніи сочиненій, заключающихъ въ себѣ *недозволенныя сужденія* о постановленіяхъ и дѣйствіяхъ правительства, подвергаются лишенію нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ и заключенію въ смирительномъ домѣ не болѣе двухъ лѣтъ“. Exceptio veritatis здѣсь уже не допускается. Затѣмъ существуютъ статьи 279, 280, 274, 275-я и другія. Всѣ эти параграфы говорятъ, впрочемъ, не о предметѣ нашего изслѣдованія, а поэтому мы довольствуемся только указаніемъ ихъ для того, чтобы оттѣнить отъ статей, говорящихъ о клеветѣ противъ частныхъ лицъ (*).

§ 96. Третье условіе клеветы, по взгляду нашего законодательства, есть *безчестность* распространяемаго поступка. Клевета есть преступленіе противъ чести, а поэтому она существуетъ тогда только, когда существуетъ нападеніе на честь.

Честь, какъ мы уже упоминали много разъ въ нашемъ изслѣдованіи, есть понятіе, различное не только у различныхъ народовъ и въ различные періоды ихъ исторіи, но даже и въ одинъ періодъ въ средѣ различныхъ классовъ лицъ, различныхъ гражданъ. Намъ извѣстно, что и въ настоящее время многое считается унизительнымъ въ средѣ высшихъ классовъ нашего общества и неунизительнымъ у крестьянъ, мѣщанъ; мы знаемъ, далѣе, что и отдѣльные кружки лицъ высшаго сословія имѣютъ часто различные взгляды на честь;

(*) Объ exceptio veritatis существуетъ въ Западной Европѣ большая литература. Вопросъ этотъ излагается подробно въ каждомъ изслѣдованіи преступленій противъ чести и затѣмъ есть спеціальныя статьи по нему, напр. Mittermaier. Ueber die Zulässigkeit des Beweises der Einrede der Wahrheit.

военные, напр., постоянно рѣзко выдѣлялись изъ остальнаго общества и имѣли свои убѣжденія; затѣмъ въ средѣ купечества, въ средѣ ученаго сословія, въ средѣ студентовъ и т. д. существуютъ часто самостоятельныя воззрѣнія.

Вслѣдствіе этого, нѣтъ ни малѣйшей возможности опредѣлить заранѣе въ какихъ случаяхъ совершается клевета, когда разглашается фактъ, обидный для чести. Судья, при рѣшеніи вопроса, долженъ въ каждомъ случаѣ руководствоваться воззрѣніями тѣхъ лицъ, которыя предстали предъ нимъ въ качествѣ обвиняемаго и обвинителя, и опредѣлять существованіе преступленія, смотря на дѣло съ ихъ точки зрѣнія. Отъ этого-то совершенно понятно требованіе, чтобы дѣла объ оскорбленіяхъ чести, болѣе чѣмъ какія-либо другія, были поручаемы мѣстнымъ выборнымъ судьямъ: только лица, принадлежащія къ той мѣстности, гдѣ нанесено оскорбленіе, и, еще лучше, принадлежащія къ тому же классу, къ которому относятся клеветникъ и оклеветанный, и могутъ рѣшить — дѣйствительно ли въ разбираемомъ случаѣ совершено униженіе лица въ глазахъ другихъ.

§ 97. По отношенію къ разсматриваемому условію клеветы существовало нѣсколько спорныхъ вопросовъ, а именно нѣкоторыя законодательства не требовали для существованія клеветы распространенія унизительныхъ для чести поступковъ, но замѣняли это условіе разглашеніемъ дѣяній, запрещаемыхъ положительнымъ закономъ, какъ преступленія. Но съ подобнымъ взглядомъ нельзя согласиться. Если причина наказуемости за клевету состоитъ въ томъ, что чрезъ это нарушается то благо человѣческой личности, которое называется честью, разрушается уваженіе къ лицу въ средѣ его согражданъ, то тогда это постановленіе можетъ быть вѣрно при одномъ условіи, а именно если будетъ признано, что безчестно только то, что преступно. А это, конечно, не вѣрно. Какъ извѣстно, положительный законъ считаетъ преступными далеко не всѣ поступки, признаваемые за дурные и безчестные; не только отдѣльные слои общества, но и все общество, все государство признаётъ многія дѣянія за унизительныя для чести, но, тѣмъ не менѣе, дѣянія эти не называетъ преступленіями.

Нѣсколько иначе поступаютъ другіе кодексы. Они говорятъ, что клевета есть разглашеніе какъ о преступныхъ,

такъ и о безчестныхъ поступкахъ. Но и съ подобною постановкою вопроса согласиться невозможно. Дѣло въ томъ, что положительный законъ, признавая преступленіями не всѣ безчестные поступки, относитъ, однако же сюда многія дѣянія, несчитаемыя унизительными въ обществѣ. Не говоря уже о полицейскихъ проступкахъ, которые въ большинствѣ случаевъ не унизительны для чести, существуютъ и уголовныя и даже довольно-важныя преступленія, которыя не считаются безчестными, по взгляду общества. Нельзя не признать того, что общество въ подобныхъ случаяхъ имѣетъ иногда аномальный взглядъ; но какъ бы то ни было, а все-таки каждый согласится съ тѣмъ, что распространеніе въ средѣ этого общества о такомъ поступкѣ не можетъ унизить лицо въ глазахъ другихъ, не можетъ быть клеветою. Дуэль, напр., не только въ средніе вѣка въ Западной Европѣ, но и теперь часто въ нѣкоторыхъ кружкахъ не считается безчестнымъ поступкомъ; можетъ ли быть признана клевета, если въ средѣ этихъ лицъ будетъ разглашено о томъ, что такая-то личность дралась на дуэли? Личность, чрезъ подобное разглашеніе, не только не будетъ унижена, но часто получитъ даже еще бо́льшее уваженіе. Точно также въ средѣ многихъ нельзя унизить чрезъ разглашеніе о томъ, что лицо провезло безъ пошлины товаръ; еще бо́льшее количество лицъ не считаетъ безчестнымъ ввозъ безъ дозволенія запрещеннаго сочиненія, или напечатаніе чего-либо запрещеннаго цензурою и т. п.

Вслѣдствіе этихъ соображеній, невозможно опредѣлять клевету какъ разглашеніе о преступленіяхъ и о безчестныхъ поступкахъ. Совершенно достаточно будетъ, если упомянутъ только о безчестныхъ поступкахъ; поступки же преступные подойдутъ, конечно, подъ это общее опредѣленіе на столько, на сколько они считаются, по убѣжденію общества, унизительными для чести; упрекъ же въ тѣхъ изъ нихъ, на которые общество не смотритъ подобнымъ образомъ, не будетъ составлять и клеветы.

Что касается до нашего законодательства, то хотя статья 1,535-я и опредѣляетъ клевету совершенно раціонально, говоря, что она существуетъ тогда, когда „обвинятъ въ дѣяніи, противномъ правиламъ чести“, но, тѣмъ не менѣе, другія статьи кодекса и затѣмъ кассаціонныя рѣ-

шенія искажаютъ правильность этого опредѣленія. Статья 1,039-я опредѣляетъ клевету уже какъ оглашеніе обстоятельства, „которое можетъ повредить чести, достоинству или доброму имени". Хотя въ чести есть безспорно элементъ — доброе имя, доброе мнѣніе, но раздѣленіе этихъ понятій, а тѣмъ болѣе прибавленіе еще слова „достоинство" не опредѣляетъ ничего, а производитъ путаницу на практикѣ. Кассаціонный же департаментъ понимаетъ опредѣленіе 1,039-й ст. въ томъ же смыслѣ, какъ и статью 1,535-ю. (1871 г., № 187, по дѣлу Крылова).

Но затѣмъ кассаціонный департаментъ вводитъ новое различіе: „клеветою признается несправедливое обвиненіе кого-либо въ противозаконномъ или противномъ чести поступкѣ" (по дѣлу Пуговкиныхъ).—Въ другомъ дѣлѣ кассаціонный департаментъ говоритъ слѣдующее: „Нельзя не признать, что въ обыкновенномъ порядкѣ вещей подъ понятіе клеветы подходитъ и ложное обвиненіе въ противозаконномъ поступкѣ.... Что законъ подводитъ подъ понятіе о клеветѣ и несправедливое обвиненіе въ противозаконномъ поступкѣ, это видно изъ того, что въ проектѣ Уложенія о наказаніяхъ понятіе о клеветѣ было формулировано въ видѣ несправедливаго обвиненія въ дѣяніи, противномъ закону или правиламъ чести, и что противъ такого опредѣленія не было сдѣлано никакихъ замѣчаній ни въ коммиссіи, учрежденной въ государственномъ совѣтѣ, ни въ послѣдовавшей по журналу его Высочайшей резолюціи; и потому если въ окончательной редакціи этого кодекса изъ опредѣленія клеветы исключены были слова „противномъ закону", то не иначе, какъ въ томъ предположеніи, что они могутъ быть включены безъ измѣненія утвержденнаго опредѣленія закона, т. е. что понятіе о дѣяніи, противномъ правиламъ чести, объемлетъ собою и всякій противозаконный поступокъ". (1870 г., № 755, по дѣлу Коневскаго).

Только одно исключеніе знаетъ кассаціонный департаментъ, а именно: когда обвинитель указываетъ на такія побужденія и причины, которыя отнимаютъ у противозаконнаго поступка его безнравственный или безчестный характеръ, тогда упрекъ не будетъ клеветою. (См. касс. рѣш. по тому же дѣлу Коневскаго).

Подобная постановка вопроса кажется намъ особенно

странною. Если присоединеніе къ разсказу особыхъ побужденій уничтожаетъ характеръ безчестности противозаконнаго поступка, то неужели общественное убѣжденіе и убѣжденіе отдѣльныхъ слоевъ общества, въ средѣ которыхъ сдѣлано распространеніе, не должно вліять на опредѣленіе состава клеветы? И неужели можно не признать, что существуютъ многіе противозаконные поступки (особенно нарушенія полицейскихъ предписаній), которые никогда и никѣмъ не признавались безчестными?

§ 98. Что касается до рѣшенія вопроса, какія именно дѣянія должно признавать безчестными, то на это наша судебная практика смотритъ совершенно раціонально. Кассаціонный департаментъ говоритъ по этому поводу слѣдующимъ образомъ: „Законъ не опредѣляетъ, что должно разумѣть подъ дѣяніемъ, противнымъ правиламъ чести, а подчиняетъ это опредѣленіе общепринятому понятію“ (1870 г., № 822, по дѣлу Демидова). (*)

Нѣкоторые изслѣдователи признаютъ клевету не только при упрекахъ, налагающихъ пятно на честь лица, но и при такихъ, которые вредятъ дѣловому кредиту обиженнаго. Но и съ этимъ опредѣленіемъ невозможно согласиться. Прежде всего намъ кажется совершенно неопредѣленнымъ выраженіе „нанесеніе вреда дѣловому кредиту“. Сюда можно отнести много дѣяній, которыя немыслимо признавать за преступленія. X скажетъ, что у такого-то купца хуже товаръ, чѣмъ у такого-то, или что такой-то врачъ болѣе спеціалистъ въ медицинѣ, нежели другой. Въ обоихъ случаяхъ будетъ нанесенъ вредъ дѣловому кредиту лица, но неужели ихъ можно счесть за преступленія? — Затѣмъ вредъ дѣловому кредиту можетъ быть нанесенъ и чрезъ посредство иныхъ преступленій и проступковъ, кромѣ клеветы. Принимая во вниманіе, что наука и законодательство за тѣмъ и дѣлятъ преступленія на виды, чтобы подъ каждый подвести какой-нибудь специфическій рядъ преступленій, и принимая, далѣе, во вниманіе, что клевета состоитъ въ напа-

(*) Безчестными при особыхъ обстоятельствахъ могутъ считаться многія слова и выраженія сами-по-себѣ не таковыя. (Рѣш. Сен. 1870 г., № 410, по дѣлу Жомини).

деніи на то благо въ человѣческой личности, которое называется честью, мы не можемъ не согласиться, что и нарушеніе кредита можетъ быть только тогда признаваемо клеветою, когда это произойдетъ чрезъ разглашеніе дѣянія, противнаго чести, и на столько, на сколько, по опредѣленію Каррары, съ добрымъ именемъ связано похищеніе выгодъ.

§ 99. Для состава понятія клеветы требуется, чтобы было разглашено *объ опредѣленномъ поступкѣ* лица. Это, такимъ образомъ, будетъ 4-е условіе клеветы.

Подъ именемъ поступка мы признаёмъ дѣятельность лица, выразившуюся во внѣшнемъ мірѣ.

Основанія требованія этого условія слѣдующія: клевета состоитъ въ умышленно-ложномъ убѣжденіи другихъ лицъ, что они несправедливо признали за однимъ изъ своихъ сограждань извѣстную долю чести; такимъ образомъ главное содержаніе клеветы состоитъ въ стараніи убѣдить одно или нѣсколько лицъ. Но чѣмъ можетъ быть человѣкъ вообще убѣждаемъ? Какъ хорошо извѣстно каждому, человѣкъ обыкновенно вѣритъ только фактамъ, только фактами можно убѣдить лицо, только фактами же можно разубѣдить его. Тоже самое должно быть и при клеветѣ. Для того, чтобы достигнуть выполненія своего желанія, клеветнику необходимо сообщить про то лицо, которое онъ хочетъ оклеветать, опредѣленные факты. Что же можетъ быть признано въ настоящемъ случаѣ за факты? Конечно, только поступки лица, ибо на основаніи поступковъ личности складывается у насъ обыкновенно убѣжденіе объ ней, на основаніи же ея поступковъ можетъ быть и разрушаемо оно. Итакъ, для совершенія клеветы должно распространить о какомъ-нибудь ложномъ, безнравственномъ поступкѣ лица. И это совершенно естественно: приписываніе лицу извѣстныхъ качествъ есть ничто иное, какъ выраженіе мнѣнія; одному же мнѣнію безъ подтвержденія этого фактами вѣрить, конечно, не будутъ, и честь того лица, о которомъ говорится, не будетъ поколеблена.

Но хотя это условіе клеветы и признается наукою, тѣмъ не менѣе нельзя не видѣть въ немъ возможныхъ исключеній. На практикѣ можетъ встрѣтиться, что вслѣдствіе особаго уваженія слушающихъ къ личности говоря-

щаго или вслѣдствіе особенностей самого случая, повѣрятъ и простому приписыванію лицу извѣстныхъ качествъ или высказыванію объ немъ одного мнѣнія. Бываютъ такіе случаи, что извѣстное лицо A пользуется въ обществѣ особымъ довѣріемъ, ему вѣрятъ, его мнѣніе признается за истину. Если теперь подобная личность, зная о томъ, что высказанному имъ повѣрятъ слушающіе, рѣшится воспользоваться довѣріемъ къ нему съ цѣлью несправедливаго униженія B, сообщитъ для этого о какомъ-нибудь безнравственномъ качествѣ послѣдняго и достигнетъ чрезъ это своей цѣли, то само-собою разумѣется, что нѣтъ ни малѣйшаго основанія не признать здѣсь клеветы. Но подобные случаи суть ничто иное, какъ рѣдкія исключенія изъ общаго правила.

Бываютъ и другіе еще примѣры: иногда случайно, противъ всякаго ожиданія, повѣрятъ одному сообщенію о качествахъ лица. Но здѣсь уже нельзя будетъ винить разскащика: онъ высказывалъ только свое мнѣніе, и могъ ли думать, что чрезъ это онъ унизитъ честь лица въ глазахъ окружающихъ?—Если же допустить и въ данномъ случаѣ клевету, то придется впасть въ крайность: можетъ дойти до того, что окружающіе, замѣтивъ одинъ косой взглядъ, брошенный на другое лицо, сдѣлаютъ изъ этого выводъ о недобросовѣстности этой личности и перемѣнятъ объ ней свое мнѣніе. Для того, чтобы быть послѣдовательнымъ, придется даже и здѣсь признать клевету. Наука не можетъ разбирать всѣ такіе случаи: она должна выбрать только тѣ изъ нихъ, которые нормальны, всѣ же остальные выключить.

§ 100. Распространяемые поступки должны быть: a) *онѣшніе*, выразившіеся внѣ; внутреннія же движенія души человѣка, такъ-называемыя въ нѣмецкой литературѣ innere Thatsache, неосязаемы, трудно-уловимы, и если бы даже кто-нибудь замѣтилъ ихъ, то они, не будучи способны быть предметомъ доказательства, не могутъ быть содержаніемъ клеветы. Поступки должны быть b) *опредѣленные*: указаніемъ на цѣлый рядъ поступковъ, безъ точнаго опредѣленія хотя одного изъ нихъ, нельзя совершить клеветы. Основаніе этому то же, что указано уже выше. Если A скажетъ про B только, что B воровалъ много разъ, то никто не повѣритъ A; способъ совершенія имъ кле-

веты будетъ, поэтому, на столько же неудачный, какъ если бы А сказалъ только, что, по его мнѣнію, В—воръ. с) Для совершенія клеветы необходимо распространить о такихъ поступкахъ лица, выполненіе которыхъ *возможно*. Но впрочемъ на возможность совершенія поступка должно смотрѣть съ точки зрѣнія субъективной. Если А будетъ разсказывать о такомъ дѣяніи В, которое всѣ слушающіе сочтутъ за невыполнимое, то, конечно, разсказанное не можетъ унизить В въ глазахъ общества и клевета не можетъ быть совершена; но если слушающіе будутъ вѣрить возможности совершить разсказанное, хотя бы объективно это и было все-таки невозможно, то преступная цѣль будетъ достигнута. Подобные примѣры случаются у насъ довольно часто; нерѣдко распускаютъ между нашими крестьянами, съ цѣлью оклеветать, что лицо состоитъ въ сношеніяхъ съ нечистыми силами. Суевѣрный народъ вѣритъ подобному разсказу—клевета совершается.

§ 101. Четвертое условіе клеветы признавалось въ исторіи чрезвычайно-различно; такъ, прежде всего, въ слабообработанныхъ законодательствахъ не различались упреки въ опредѣленныхъ поступкахъ и упреки въ качествахъ. Затѣмъ однимъ изъ важнѣйшихъ способовъ униженія лица въ глазахъ другихъ былъ упрекъ въ унизительномъ состояніи: названіе напр. рабомъ, названіе у древнихъ германцевъ бѣглымъ монахомъ, музыкантомъ и въ особенности названіе незаконнорожденнымъ.

Въ настоящее время не признаётся унизительнымъ для лица ни его происхожденіе, ни сословіе, ни даже занятіе; позорныхъ занятій, по взгляду каждаго развитаго человѣка, теперь уже не существуетъ. Параллельно съ этимъ, и всѣ эти упреки перестали быть способами совершенія клеветы.

Наконецъ считалось возможнымъ оклеветать чрезъ упреки въ тѣлесныхъ недостаткахъ. Само-собою разумѣется, что и подобнымъ способомъ клевета совершена быть въ настоящее время не можетъ: тѣлесный недостатокъ самъ-по-себѣ не уменьшаетъ чести лица. Но на практикѣ и здѣсь могутъ встрѣтиться исключенія. Въ исторіи бывало часто, да и теперь можетъ еще встрѣтиться въ нѣкоторыхъ низшихъ слояхъ общества, уменьшеніе уваженія къ женщинѣ, неспособной производить дѣтей. Если бы въ подоб-

помъ кружкѣ про какую-нибудь личность разсказали, что у ней есть извѣстный тѣлесный недостатокъ, лишающій ее возможности быть матерью, то, конечно, можно бы было допустить жалобу на клевету.

Криминалисты, признающіе, что для совершенія клеветы достаточно повредить дѣловому кредиту обиженнаго, считаютъ за клевету и тотъ случай, когда будетъ распространено про какой-нибудь тѣлесный недостатокъ лица съ цѣлью не дать ему возможности получить извѣстное служебное мѣсто: напр. скажутъ про него, что у него падучая болѣзнь, или про желающаго сдѣлаться проповѣдникомъ, что онъ заика.

§ 102. Наше Уложеніе въ статьѣ 1,535-й совершенно ясно требуетъ для понятія клеветы обвиненія въ опредѣленномъ поступкѣ или, какъ еще лучше выражается Уложеніе, въ „дѣяніи" (*). Но за то въ статьѣ 1,039-й представляется уже совершенно иной терминъ: здѣсь говорится объ оглашеніи въ печати „позорящаго обстоятельства". Точный смыслъ этой статьи даетъ право предполагать, что здѣсь идетъ рѣчь уже не о поступкахъ. Но кассаціонный департаментъ разъясняетъ это иначе, а именно онъ не видитъ никакой разницы въ этомъ отношеніи между 1,039 и 1,535-й статьями; въ обоихъ случаяхъ „необходимо, чтобы оскорбленіе добраго имени и чести частнаго лица совершено было чрезъ оглашеніе опредѣлительно-указанныхъ въ сочиненіи поступковъ, могущихъ повредить чести".... (Касс. рѣш. 1871-го года, № 187, по дѣлу Крылова). То же рѣшеніе говоритъ далѣе, что вся разница между преступленіемъ, о которомъ говорится въ 1,039-й ст., и тѣмъ, которое запрещается статьею 1,535-ю, состоитъ только въ вопросѣ exceptio veritatis, во всемъ же остальномъ оба эти случая совершенно сходны. По отношенію къ 1,535-й статьѣ существуютъ еще разъясненія кассаціоннаго департамента, въ которыхъ говорится ясно, что клевета совершается чрезъ указаніе на извѣстное дѣяніе лица, и что приписаніе

(*) Кассац. Деп. не всегда послѣдователенъ по отношенію къ этому условію клеветы; онъ признаетъ въ своихъ рѣшеніяхъ почему-то названіе женщины б....ю и пьяницею не обидою, а клеветою (касс. рѣш. 1868 г., № 488; 1870 г., № 1,288; 1871 г., № 13 и др.). См. объ этомъ прим. г. Таганцева въ сборникѣ г. Думашевскаго, IV, стр. 439.

лицу желанія или намѣренія не можетъ быть клеветою (1870-го года, № 1,491, по дѣлу Неустроевой). Не можетъ быть клеветою, по нашему праву, какъ совершенно справедливо замѣчаетъ г. Неклюдовъ, и заявленіе о способностяхъ, качествахъ, наклонностяхъ, чувствахъ лица, и т. д., такъ какъ всѣ эти случаи не подходятъ подъ требованіе распространенія „дѣянія".

Такимъ образомъ наше Уложеніе смотритъ совершенно вѣрно на четвертое условіе клеветы. Вслѣдствіе этого, конечно, прилагаются и всѣ тѣ разъясненія, которыя мы представили выше.

Относительно степени опредѣленности того поступка, въ которомъ упрекаютъ, кассаціонныя рѣшенія говорятъ: „Понятіе клеветы не требуетъ непремѣнно точнаго опредѣленія мѣста и времени совершенія приписываемаго оклеветанному дѣянія; для него вполнѣ достаточно указанія на безчестный поступокъ или рядъ поступковъ, будто бы совершенныхъ даннымъ лицомъ". (1870 г., № 221, по дѣлу Кункиныхъ).

Затѣмъ у насъ существуетъ довольно-тщательное разъясненіе того вопроса, возможно ли совершить клевету при названіи лица, о которомъ разсказывается извѣстный фактъ, вымышленнымъ именемъ. „Отвѣтственность за оскорбленіе, указанное въ ст. 1039-й, вовсе не требуетъ, чтобы лица оскорбленныя были названы по имени: для примѣненія ея достаточно такихъ указаній, по которымъ бы вполнѣ можно было опредѣлить, о комъ идетъ рѣчь въ данной статьѣ". (Касс. рѣш. сената, 1867 г., по дѣлу Арсеньева). Тоже самое, при однообразіи преступленій, должно быть приложено и къ 1,535-й статьѣ. „Хотя лицо, считающее себя оскорбленнымъ въ печати, должно доказать, что позорящія обстоятельства, указанныя въ данной статьѣ, относятся именно къ нему, но законъ не устанавливаетъ какихъ-либо особенныхъ правилъ о приведеніи и оцѣнкѣ этихъ доказательствъ". (1870 г., № 1159, по дѣлу Рыжова).

§ 103. Наконецъ, послѣднее 5-е условіе клеветы, по нашему законодательству, есть *умыселъ*, съ которымъ совершается разглашеніе о лживыхъ, безчестныхъ дѣяніяхъ.

Умыселъ составляетъ очень важный элементъ въ составѣ каждаго преступленія. По умыслу главнымъ образомъ

классифицируются преступленія на виды. Тоже самое замѣчаемъ мы и въ опредѣленіи понятія клеветы. Если вникнуть глубже въ различіе между клеветою и сроднымъ ей преступленіемъ—обидою, то мы увидимъ, что оно преимущественно заключается въ умыслѣ, съ которымъ совершается преступленіе. При совершеніи обиды имѣется въ виду оскорбить лицо непосредственно, при клеветѣ—унизить его въ глазахъ другихъ. Итакъ, клевета есть разглашеніе ложныхъ безчестныхъ поступковъ лица съ умысломъ унизить его въ глазахъ другихъ.

Умыселъ очень часто предполагается существующимъ, его не доказываютъ, какъ особое условіе; такъ, напр., если А нападаетъ съ топоромъ на В, то само-собою предполагается намѣреніе перваго лишить жизни второго. Но это, впрочемъ, не значитъ, чтобы въ данномъ случаѣ умыселъ не признавался за условіе преступленія: онъ только не доказывается отдѣльно, онъ предполагается существующимъ, и если будетъ доказано противное, то преступленіе перестанетъ существовать. Тоже самое должно сказать и по отношенію къ клеветѣ. Если А разскажетъ въ кругу другихъ лицъ объ унизительныхъ вымышленныхъ поступкахъ В, то предполагается, что А имѣлъ намѣреніе оклеветать послѣдняго; но А можетъ доказывать и противное, можетъ указать, что онъ разсказалъ это съ какою-либо иною цѣлью, напр. въ шутку и т. п., и если это будетъ доказано—клевета не будетъ совершена.

§ 104. Хотя уголовнымъ преступленіемъ можетъ быть, строго говоря, только дѣяніе умышленное, но тѣмъ не менѣе наука и практика допускаютъ наказаніе и такъ-называемыхъ неосторожныхъ поступковъ. Государство, въ видахъ важности общественнаго строя, запрещаетъ совершенно естественно не только умышленное нарушеніе извѣстныхъ благъ, но требуетъ также, чтобы граждане съ общественными благами обращались не на авось, а съ извѣстною долею внимательности, и наказываетъ въ случаяхъ болѣе важныхъ за неосторожные поступки.

Теперь возникаетъ вопросъ—должно ли наказывать за неосторожность и при совершеніи клеветы? Намъ кажется, что въ этомъ случаѣ вполнѣ справедливъ г. Спасовичъ, считающій необходимымъ налагать легкія уголовныя нака-

занія и за неосторожную клевету (*). Клевета есть дѣйствительно нарушеніе столь важнаго блага лица, что нельзя дозволить обращаться въ данномъ случаѣ безъ осмотрительности.

§ 105. Что касается до нашего Уложенія, то оно признаетъ намѣреніе оклеветать за условіе преступленія. Статья 2,096-я (Ул. 1857 г.) гласила: „за распространяемую, хотя только на словахъ, но съ намѣреніемъ клевету“..... Г. Спасовичъ видитъ въ этихъ словахъ указаніе на необходимость для клеветы сознанія лживости распространяемаго; но намъ кажется такое предположеніе неосновательнымъ: напротивъ, послѣдующія статьи Уложенія совершенно ясно опредѣляютъ то, о чемъ именно говорится въ ст. 2,096-й. Статья 2,097-я гласитъ: „съ намѣреніемъ оскорбить честь“, ст. 2,101: „безъ всякаго намѣренія оскорбить его, или же повредит', или сдѣлать непріятность“.... Во обѣихъ этихъ статьяхъ слово „намѣреніе“ понимается какъ умыселъ, съ которымъ совершено преступленіе. Само-собою разумѣется, что въ этомъ же смыслѣ упоминается это слово и въ 2,096-й ст., т. е. ее слѣдуетъ понимать такъ: „кто распространитъ извѣстные факты съ намѣреніемъ оскорбить, унизить лицо въ глазахъ другихъ....“ 2,096-я статья замѣнилась въ Уставѣ Мировыхъ Судей статьею 136-ю; въ этой послѣдней по этому предполагается то же условіе.

Практика кассаціоннаго департамента признаетъ умыселъ, какъ условіе клеветы. „Такъ какъ подъ клеветою должно разумѣть ложное обвиненіе кого-либо въ дѣяніи, противномъ правиламъ чести, то, слѣдовательно, для понятія клеветы необходимо: 1) чтобы оглашаемыя обстоятельства были ложны, и 2) чтобы они были оглашены съ умысломъ оскорбить какое-либо извѣстное лицо“. (1871 г., № 1094, по дѣлу Худякова). „Клеветою можетъ быть признаваемо только умышленное приписаніе кому-либо безчестнаго дѣянія“. (1869 г., № 856, по дѣлу Стишева).

(*) Спасовичъ, ibid., стр. 60.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

I. Введеніе. §§ 1—5. - - - 1.

II. Римское право.

1. Понятіе чести. §§ 6—7. - - 11.
2. Историческій очеркъ преступленій противъ чести. §§ 8—13. - - - - 20.
3. Отличительныя черты преступленій противъ чести. § 14. - - - - - 46.
4. Понятіе клеветы. §§ 15—19. - - 51.

III. Германское право. § 20. - 64.

1. Историческій очеркъ преступленій противъ чести. §§ 21—25. - - - - 67.
2. Понятіе клеветы. §§ 26—34. - - 91.

IV. Англійское право. §§ 35—46 - 112.

V. Французское право. §§ 47—49 - 131.

VI. Итальянское право. §§ 50—54 - 139.

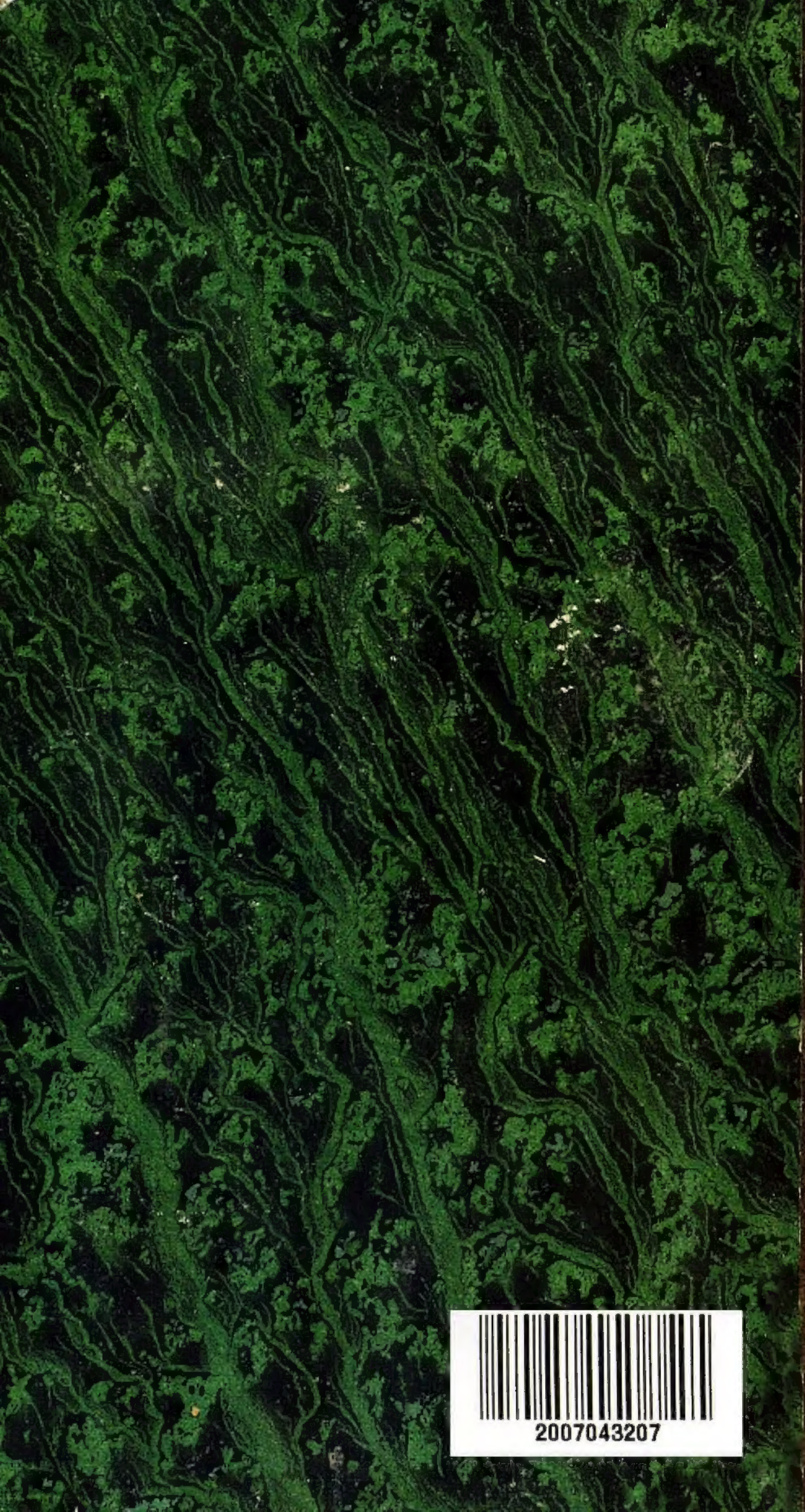
VII. Русское право.

1. Историческій очеркъ преступленій противъ чести. § 55. - - - - - 152.
Первый періодъ. §§ 56—57. - 153.
Второй періодъ. §§ 58—77. - 156.
Третій періодъ. §§ 78—86. - 203.
Четвертый періодъ. § 87. - 224.
2. Понятіе клеветы по дѣйствующему праву. §§ 88—105. - - - - - 225.

ОШИБКИ И ОПЕЧАТКИ.

Стран.	*Стр.*	*Напечатано.*	*Должно быть.*
2	6 снизу	государствомъ	обществомъ
2	5 —	въ государствѣ	въ обществѣ
12	5 сверху	majestas	majestate
12	6 снизу		
14	11 сверху	dignitas	dignitatis
17	4 снизу		
14	16 —	гражданства, наприм.	гражданства и свободы, наприм.
18	2 —	fiat	fit
20	14 сверху	contem nendo	contemnendo
35	3 снизу	полнота же свѣдѣній институцій	полнота же институцій.
38	2 и 3 сверху	injuriam	injuriarum
50	1 —	Hälchner	Hälschner
61	17 —	ложныхъ или безнравственныхъ	ложныхъ, безнравственныхъ
66	4 —	рода	народа
76	21 —	многія слова	многія другія слова
94	13 —	вывести о недозволенности	вывести заключеніе о недозволенности
95	2 снизу	Beweses	Beweises
118	8 сверху	на	но
122	9 снизу	Шеля	Пиля
128	14 и 15 сн.	будетъ изъ всего послѣдующаго изложенія	было изъ всего предъидущаго изложенія.
129	9 —	Робертъ Шеель	Робертъ Пиль
156	4 и 5 —	не совершенно вѣренъ	совершенно не вѣренъ
164	2 сверху	по 9 ст.	по 7 ст.
233	3 —	Затѣмъ	Во 2-хъ

Кромѣ того просятъ обратить вниманіе на то, что съ 1-й—50 стр. въ выноскахъ вмѣсто s. (seite) напечатано §.



2007043207